

МФФ

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

10

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

10

The image features a dark blue background with a repeating pattern of the text 'ФИЛИППА ФАРМЕР' in a light blue font. The text is rotated 45 degrees counter-clockwise, creating a diagonal, tessellated effect across the entire image.

ФИЛИП ФАРМЕР

WORLDS OF PHILIP FARMER

RIVERWORLD

RIVER OF ETERNITY

RIVERWORLD

SHORT STORIES

**«POLARIS» PUBLISHERS
1996**

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

МИР РЕКИ

РЕКА ВЕЧНОСТИ

МИР РЕКИ

РАССКАЗЫ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996**

Серия основана в 1996 году

Миры Филипа Фармера. Т. 10 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1996. — 335 с.

В очередной том собраний вошли произведения, примыкающие к основной пенталогии эпического сериала «Мир Реки», которые дополняют и развивают эту невероятную сагу о далеком будущем человечества.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

River of Eternity
Copyright © 1983 by Philip José Farmer
Riverworld
Copyright © 1979 by Philip José Farmer
Up the Bright River
Copyright © 1992 by Philip José Farmer
Coda
Copyright © 1992 by Philip José Farmer
© Издательство «Полярис»,
перевод, составление, оформление,
название серии, 1996

ISBN 5-88132-175-8

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В очередной, десятый том собрания сочинений Филипа Хосе Фармера вошли произведения, завершающие и дополняющие монументальный цикл о Мире Реки.

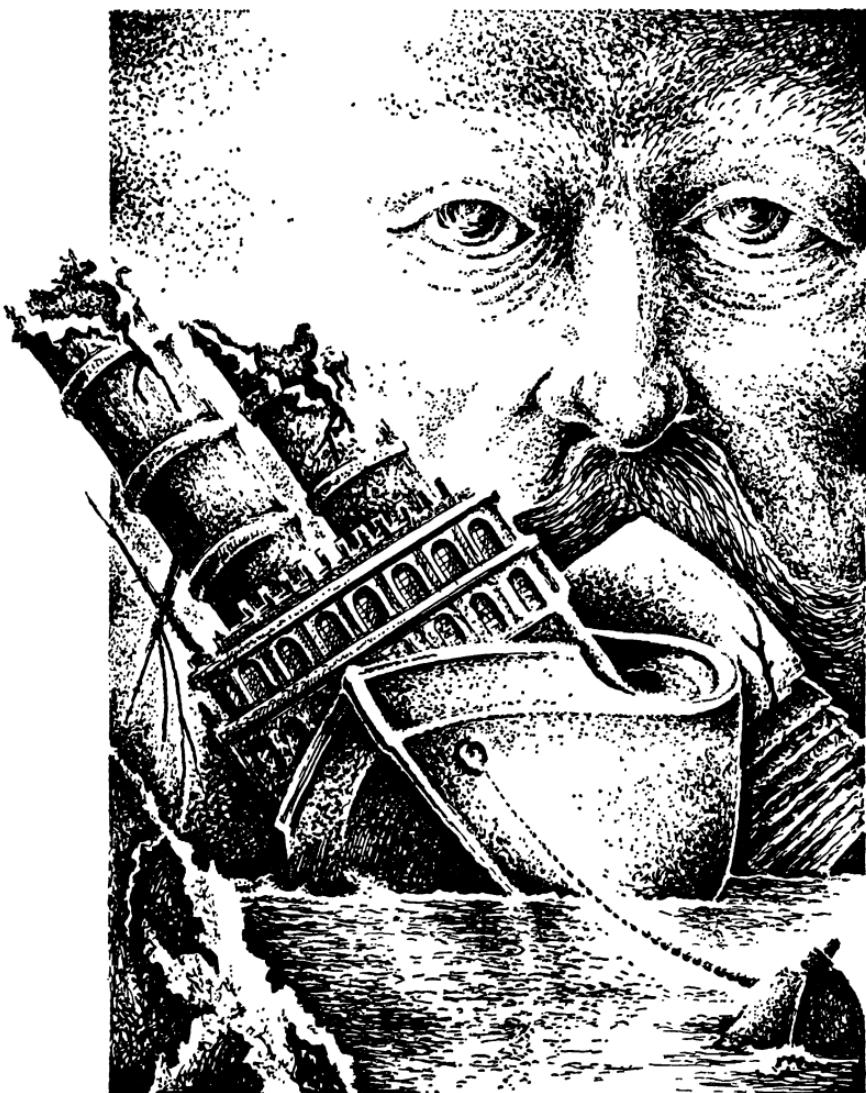
Первое из них — роман «Река вечности» — имеет долгую и сложную историю, подробно изложенную самим автором в предисловии к роману. Написанный тридцать лет назад, в 1963 году, он увидел свет лишь двадцать лет спустя, одновременно с появлением последнего романа основной пенталогии «Боги Мира Реки». Стоит лишь отметить, что, пожалуй, перипетии, поджидавшие роман на пути к читателю, обернулись в конце концов благом: не пролежи он несколько десятилетий на полке, читатели, вероятно, не увидели бы многотомной эпопеи, в которую разросся этот небольшой роман, ставшей одной из жемчужин мировой фантастики.

«Река вечности» значительно отличается от остальных произведений цикла — и не только географией Мира Реки (в первоначальном варианте — мира восьми тысяч рек). В нем как бы содержатся зерна большинства сюжетных линий основной пенталогии, но зерна эти еще не проросли, и оттого сам роман кажется недоработанным, незавершенным, а вернее, лишенным логического начала; действие его начинается ниоткуда, заставляя читателя обращаться к более поздней версии за разгадкой. Кроме того, в этом романе автор скрыл исторические лица среди своих персонажей под псевдонимами, которые в следующей версии оказались отброшены.

Остальные же произведения, вошедшие в этот том — повесть «Мир Реки» и рассказы «Вверх по светлой реке» и «Кода», — скорее примыкают к основной линии повествования. С Томом Миксом читатели уже встречались в романе «Темные замыслы», а о его кратком знакомстве с Иисусом из Назарета упоминается в «Магическом лабиринте». Возможно, менее знакомой покажется фигура Альфреда Жарри — личности вполне исторической, французского

писателя и философа, создавшего свою патафизику — науку мнимых решений — еще в земной жизни.

Возможно, мы еще не навсегда расстаемся с Миром Реки, и Филип Хосе Фармер еще порадует своих поклонников новыми романами и рассказами об этой удивительной планете. А возможно, он передаст эстафету коллегам — ведь о Мире Реки уже писали такие известные фантасты, как Роберт Шекли и Дэвид Бишоф, представители старого и нового поколений. Мир Реки продолжает жить — уже в новом качестве мира, открытого для всех.

РЕКА ВЕЧНОСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В десять часов утра, во вторник 12 августа 1983 года, как раз когда я собрался напечатать первое слово этого предисловия, у меня перед глазами проплыло какое-то крохотное существо. Хотя отчетливо разглядеть его, не нагибаясь вперед, я не сумел, но это явно был паучок. Кто же еще мог спуститься ко мне с потолка так медленно и по прямой линии?

Все верно — малюсенький бледный паучок. Он приземлился на бумагу, заправленную в машинку, освободился от своей паутинки, чуть помешкал, а потом побежал прочь. Скрылся за краем листа и теперь живет где-то у меня на столе.

Избери он другое направление, залезь он во внутренности моей «Селектрик-II», я, наверное, выловил бы его и раздавил. Конец пауку — хотя вообще-то мне нравятся эти похожие на марсиан создания. Я позволяю им расти и поедать мух, которых терпеть не могу, пока мои марсиане не становятся слишком назойливыми или не попадутся на глаза жене.

Мне сразу вспомнилась старая история про Брюса и паука. Мораль, которую я извлек из нее в детстве, была такова: не сдавайся, невзирая на обстоятельства. А сбравший паучок навел меня на мысль о том, что жизнь моя могла сложиться совсем иначе, не реши я принять участие в конкурсе на премию «Шасты» за лучший научно-фантастический роман.

Это решение могло быть не принято мною осенью 1952 года. Тогда я только что ушел с металлургического завода «Кистоун стил энд уайер», где проработал одиннадцать с половиной лет, и стал свободным писателем. Было мне тридцать четыре года, жил я в Пеории, штат Иллинойс, вместе с женой и двумя маленькими детьми, в собственном доме — то есть он был таковым, пока я вносил ежемесячную плату. Я продал

свою повесть «Любовь зла», роман и несколько рассказов в научно-фантастические журналы и пребывал в полной уверенности, рожденной отсутствием опыта, что сумею содержать семью примерно на том уровне, к какому мы привыкли. (Не больно-то высоком: у нас даже не было машины.) Я прочел массу книг самых разных жанров, имел степень бакалавра по английскому языку, но об издательском деле знал не больше, чем кочующий по Сахаре бедуин об акулах. Наивный идеалист, я, сам того не подозревая, был обречен на неприятности.

Идея провести конкурс принадлежала «графу» Мелвину Коршаку, владельцу и президенту «Шасты» — маленького чикагского издательства, специализировавшегося на выпуске научной фантастики и фэнтези в твердых обложках. Среди их изданий нередко попадались действительно хорошие книги, за которыми теперь охотятся коллекционеры. (У меня было довольно большое собрание — увы! — погибшее в 1968 году во время наводнения в Лос-Анджелесе.) Вице-президентом «Шасты» был Тед Дикти, муж Джудиан Мэй. Коршак договорился с издательством «Покит бакс», что оно добавит к его тысяче долларов еще три, так, чтобы победитель получил четыре тысячи. «Шаста» опубликует роман в твердой обложке, «Покит бакс» — в мягкой. А всю организацию конкурса, в том числе решение финансовых, административных и литературных вопросов, Коршак взял на себя.

Четыре тысячи были в то время солидной суммой, да и продажа издания в мягкой обложке сулила немалую прибыль — если, конечно, книга будет раскупаться, — поскольку распространением его собиралась заняться крупная издательская фирма, а не специализированное издательство.

Меня одолевало искушение принять участие в конкурсе. Но окончательное решение я принял лишь тогда, когда до конца отведенного срока остался всего месяц. Это означало, что нужно было придумать основную идею романа, спланировать сюжет, развернуть его, написать черновик, напечатать беловик и отослать рукопись в «Шасту» за тридцать дней.

Времени на разработку детального плана не оставалось. Я погрузился в писание, каждый день без исключения проводя за машинкой по двенадцать—четырнадцать, а то и по шестнадцать часов. Как только очередные десять или двенадцать страниц были готовы, я вносил карандашом правку, а затем их перепечатывал кто-нибудь из троицы моих добровольных помощников. Это были Рэндалл Гарретт, живший в то время у нас, преподобный Джон Блумквист, живший по соседству, и жена моя Бетти. Гарретт, тоже писатель-фантаст, приехал к

нам из Цинциннати, штат Огайо, чтобы отпраздновать вместе Рождество, и задержался годика этак на три. Блумквист, бывший священник местной церкви, принужден был оставить приход, поскольку читал слишком много проповедей о летающих тарелках. Позже он стал приверженцем дианетики, а затем науковедом. Бетти тоже вносила свою лепту в перепечатку, когда не была занята стряпней, уборкой, воспитанием детей и переустройством дома.

Роман, который, насколько мне помнится, я назвал сначала «В долгу за самую плоть», катился вперед, как Река. И порою, точь-в-точь как плававшие по ней герои, я понятия не имел, куда меня вынесет течением. В последний день конкурса я закончил роман объемом в 150 000 слов. Едва последние двадцать страниц были перепечатаны, как я рванул на почту (на автобусе или такси, точно не помню), и мне успели-таки поставить штемпель. Я был совершенно измотан. Измотан так сильно, что лишь через неделю приступил к следующему рассказу. (Который был отвергнут Джоном Кэмбеллом из журнала «Эстаундинг» и Горацием Голдом из «Гэлэкси» — что для меня совсем не ново.) Не помню, сколько времени прошло, прежде чем Коршак позвонил мне и сообщил о том, что я выиграл премию, помню только, что тянулось оно крайне медленно.

Но все-таки я выиграл — я ухватил фортуну за хвост! Фортуна, впрочем, оказалась стеклянной змейкой. Хвост оторвался, а рептилия скрылась в кустах.

Приближался великий день, когда вице-президент «Покит бакс» мистер Льюис (и племянник Синклера Льюиса) должен был приехать в Чикаго, чтобы вручить мне чек в присутствии газетчиков, которые запечатлеют это событие. Есть от чего закружиться голове у деревенщины из Пеории.

Однако денег на проезд до Чикаго и обратно у меня не было. Коршак сказал, что чек от «Покит бакс» не в его власти, но он одолжит мне деньги на билет, а затем вычтет из суммы премии.

Бетти спросила, почему он не может выдать мне свою часть премии, то есть тысячу долларов. Объяснений Коршака я не помню, но звуки они весьма уклончиво.

Перед торжественной церемонией вручения чека мы с Бетти зашли в контору «Шасты», располагавшуюся в подвале. Встретились с Коршаком, Дикти и Джулиан Мэй. Они держались очень дружелюбно, а я был ужасно польщен знакомством с Мэй. Ее первый рассказ в «Эстаундинг» произвел на меня сильное впечатление. Правда, мне не понравилось небрежное

обращение Коршака с Дикти. Издатель вел себя со своим младшим партнером так, словно тот был у него на посылках.

Мы с Льюисом и Коршаком куда-то пошли (уже не упомню куда), и нас сфотографировали в тот момент, когда Коршак вручал мне чек. Который оказался без суммы и подписи. Сказал ли мне Коршак заранее, что чек будет пустым, или я обнаружил это во время церемонии? Убей Бог, не помню. Если бы я писал роман, то сделал бы из этого заключительную сцену. Как бы там ни было, Коршак объяснил мне, что «Покит бакс» требует сократить роман. Сто пятьдесят тысяч слов — слишком большой и дорогостоящий том, чтобы предлагать его публике, которая никогда обо мне не слыхала. К тому же это научная фантастика, то есть область для издательства сравнительно малоизведенная. И так далее.

Я был раздосадован, а Бетти пришла в ярость. На обратном пути в Пеорию она заявила мне в поезде, что вся эта афера — сплошное надувательство. Больше того — она не доверяет Коршаку. Слишком он скользкий тип, и глазки у него змеиные. И вообще, с какой стати «Покит бакс» сперва приняло роман, а потом предложило его сократить? Почему издательство сразу не сообщило, что примет рукопись только в сокращенном виде? Тогда я мог бы отказаться участвовать в конкурсе... и так далее.

Тем временем я подписал с «Шастой» договор об издании в твердой обложке моей повести «Любовь зла», опубликованной в журнале «Стартлинг сториз». Правда, повесть следовало расширить. После некоторой задержки я действительно получил от издательства аванс в размере (если не ошибаюсь) ста долларов. За ними последовала еще парочка таких же авансов, выплаченных Коршаком в счет обещанной премии за конкурс, и на эти деньги мы кое-как перебивались. Но переделка повести тормозила работу над другими произведениями, а потом с Бетти случилось несчастье, и она не смогла больше работать. Больничные счета выросли в целую кучу.

В конце концов мы сделали то, что должны были сделать сразу после получения пустого чека. Мы нашли агента. Я запомнивал, как ее звали, но эта дама была агентом Джона Стейнбека. Научную фантастику она считала жанром многообещающим, поэтому хотела поработать с писателем-фантастом. Услыхав нашу историю, она обратилась в «Покит бакс» и немедленно выяснила, в чем дело. Коршак не мог не понимать, что рано или поздно мина замедленного действия взорвется — и она таки взорвалась.

Как выяснилось, издательство давно уже выслало Коршаку три тысячи долларов. «Покит буск» не требовало никаких переделок и сокращений. И, до сих пор не получив от Коршака рукопись, не могло понять, в чем причина задержки.

Потом я выяснил, что два других автора, Джон Кэмпбелл и Реймонд Джонс, тоже не получили гонорар за свои книги, изданные «Шастой».

Истина бурно выплывала наружу, возмутив спокойные воды бытия, точно пойманная на крючок морская рыба. Коршак присвоил мою премию вместе с деньгами Кэмпбелла и Джонса, вложив их в проект, который, как он считал, будет стопроцентным бестселлером. Судя по тому, что говорили мне люди, бывшие в курсе, Коршак не собирался нас обжулить. Он «позаимствовал» наши денежки для издания большой и богато иллюстрированной книги, написанной (по слухам) знаменитым голливудским художником по гриму. Миллионы несчастных дурнушек должны были расхватать ее на ура, надеясь узнать секреты красоты киношных звезд.

Книга провалилась. Коршак оказался по уши в долгах. Мы с Кэмпбеллом и Джонсом остались с носом. Нам были должны, но мы, три оципанных цыпленка, не стали подавать иска о возврате своих перышек. Из камня слезы не выжмешь.

Коршак объявил о банкротстве и тут же принялся сколачивать какую-то дурацкую корпорацию для очередной издательской авантюры. Она провалилась. Коршак потерял свой бизнес, свою контору, свою собаку и жену и стал конферансье в каком-то третьеразрядном ночном клубе. Нашел наконец свое настоящее место в жизни. Так мы думали некоторое время. А потом у Коршака умер богатый дядюшка, оставив племяннику изрядное наследство. Тот перебрался в Калифорнию, где, как я слышал, провалил экзамен по юриспруденции и не сумел осуществить свое желание заделаться юристом. Впрочем, другие источники уверяли, что он таки стал преуспевающим адвокатом.

Я никогда больше не встречался ни с ним, ни с Дикти, но кое-какие вести о них доходили до меня от агента, который вел мои дела с аргентинским издателем. Коршак продал права на издание «Любовь зла», хотя наш договор давно уже потерял силу из-за невыплаты обещанной суммы. Но, что еще хуже, Коршак даже не дал себе труда выслать покупателям рукопись.

Мало того: Мел Тернер нарисовал для обложки «Любовь зла» изумительную иллюстрацию. (Я видел ее во время

посещения «Шасты».) Коршак ему не заплатил, однако иллюстрацию не вернул.

Для нас с Бетти наступили тяжелые времена. Насколько тяжелые — в это я углубляться не стану. Мне пришлось рас прощаться со званием свободного писателя, и я пошел работать на молочную фабрику. Это поддерживало меня в хорошей физической форме, а кроме того, я мог лопать на работе мороженое до отвала. Издательство «Покит буск» было настолько шокировано первым столкновением с миром научной фантастики, что попросту умыло руки. И поскольку роман о Мире Реки оказался никому не нужен, я сунул рукопись в стол.

Году в 1963-м или в начале 1964-го, через одиннадцать лет после создания первой версии романа, я жил в Скоттсдейле, штат Аризона, и писал технические тексты для отдела военной электроники «Моторолы». Рынок научной фантастики в ту пору значительно расширился. Работая по вечерам и выходным, я кардинально переделал первую версию романа о Мире Реки.

Первая версия была объемом в 150 000 слов. Вторая, насколько я помню, — около 70 000. Третья получилась порядка 137 000 слов.

Мой герой, прототипом для которого послужил сэр Ричард Фрэнсис Бёртон, именовался в первом варианте Ричардом Блэком. Сэм Клеменс — Сэмом Холли. Настоящие имена я не употреблял по той причине, что боялся, как бы их потомки или родственники не вчинили мне судебный иск. Федор Борбич из первой и второй версий — это, конечно же, Федор Достоевский. Почему меня так волновала перспектива судебных преследований со стороны его возможных потомков — я и сам не пойму. Возможно, мне просто казалось, что исторические личности лучше изображать под вымышленными именами. Хотя нет. «Буйный Билл» Хикок фигурировал у меня под своим именем. Но у него, насколько мне известно, не было детей.

Эверетт Блейлер, бывший в ту пору техническим консультантом «Шасты», сказал мне, что не видит никаких оснований, мешающих мне употреблять настоящие имена Бёртона и Клеменса. Во второй версии я изменил фамилию «Холли» на «Клеменс», но Бёртона по каким-то соображениям, которых уже не помню, оставил Блэком.

(Примечание: Блейлер понятия не имел о мошеннических планах Коршака. К тому времени когда истина выплыла наружу, он давно уже порвал все отношения с «Шастой».)

Езекиил Харди появился у меня уже в первой и во второй редакции. Он был когда-то реальной личностью, и его имя можно найти в начальной части «Моби Дика». Вернее, его эпитафию. Но в сериале, опубликованном издательством «Путнам», Харди возникает лишь в книге третьей, «Темные замыслы», и играет куда менее значительную роль, нежели в первых вариантах.

Филлис Макбейн, любовница Бёртона (Блэка), — персонаж вымышенный, хотя и списанный с женщины, которую я когда-то знал. Она фигурирует в первых трех версиях. Алиса Харгривз появилась лишь в третьем варианте как любовница Фрайгейта.

Джо Троглодит, он же Титантроп, стал в третьей версии романа Джо Миллером.

Гольдберг превратился в Льва Руаха.

В третьей редакции я довольно сильно изменил сюжет, выкинул некоторых персонажей и ввел множество новых. Чарбрасс стал Фаербрассом. Пароход, построенный Клеменсом, обзавелся электродвигателем. Почему, в самом деле, не использовать питающие камни — источник энергии куда более мощный, чем дрова, и к тому же легкодоступный?

Пока Рэндалл Гарретт жил вместе с нами, я подбросил ему несколько идеек для рассказов, и он отплатил мне тем же. Именно ему принадлежит идея управляемых паром пулеметов, бывших на борту парохода «Внаем не сдается». Он вообще любил всякие технические штучки. И это опять-таки он в деталях разработал конструкцию заряжаемых с казенной части пороховых пистолетов пятидесятиго калибра, стреляющих пластмассовыми пулями.

В первой версии романа Река вытекала из моря на Северном полюсе Мира Реки, прочерчивала извивами одно полушарие, огибала Южный полюс и текла через другое полушарие обратно в северное море. Во второй редакции география и источник Реки изменились (смотри прилагаемую карту). Не знаю, почему я изменил начальный замысел. Возможно, решил, что так более практично. Тем не менее в третьем варианте я вновь вернул Реке ее извилистый путь по Мидгарду*, как это было вначале.

В общем, в этой книге пытливый читатель найдет много такого, что можно сравнить с окончательной версией, вышедшей в издательстве «Путнам»

* Мидгард — «срединная усадьба», т.е. мир человеческий в исландском эпосе. (Здесь и далее примеч. пер.)

Мне казалось, что третья редакция романа под названием «В долгу за самую плоть» была лучше первых двух. Я послал рукопись Бетти Бэллэнтайну, который вернул ее, заметив, что это произведение скорее приключенческого жанра. Меня его замечание несколько удивило, поскольку «Зеленая Одиссея», опубликованная издательством «Бэллэнтайн бакс», тоже была научной фантастикой приключенческого типа, равно как и некоторые другие книги. Пусть даже роман мой не был столь глубок, как «Критика чистого разума» Иммануила Канта, но в нем определенно было много новых идей и несомненная философская основа.

Разочарованный, однако не павший духом, я послал рукопись Фреду Полу, издателю журналов «Гэлэкси», «Уорлдс оф if» («Вероятные миры») и «Уорлдс оф tomorrow» («Будущие миры»). Пол вернул мне ее, заметив, что она слишком длинна и одновременно слишком сжата. Концепция, мол, чересчур грандиозна для одного романа, а может, даже и для двух. Почему бы мне не переписать ее в виде серии повестей, которая могла бы выйти в одном из его журналов? Это дало бы мне возможность развить громадный потенциал Мира Реки.

О'кей. Блестящая идея. И снова переделка, версия четвертая. Теперь моя история начиналась двадцатью годами раньше, чем в трех первых вариантах, — начиналась со смерти Бёртона и его последующего воскрешения в числе остальных тридцати пяти миллиардов на берегах Реки.

Повесть под названием «День великого вопля» появилась в журнале «Будущие миры» в январском номере за 1965 год. «Мир Реки», повесть о Томе Миксе и Иисусе Христе, не вошедшая в окончательное издание, вышла в том же журнале ровно через год. А в марте 1966 года появилось продолжение «Вопля» — «Самоубийственный экспресс».

Два следующих рассказа, в которых главным героем был Сэмюэль Клеменс, были опубликованы в журнале «Вероятные миры». «Украденная звезда» — в июльском и августовском номерах 1967 года, а «Сказочный пароход» — в 1971 году, в июне и августе.

Две повести о Бёртоне и две о Клеменсе легли в основу романов «В тела свои разбросанные вернитесь» и «Сказочный пароход», опубликованных издательством «Путнам». Я был в отъезде, хотя и не в бегах, и поэтому заключительная книга серии Мира Реки вышла нынче в издании «Фантазия пресс». Дешевое издание «Путнам» должно появиться где-то через месяц. Тридцать один год — с 1952-го по 1983-й — я писал эту серию. Но, конечно, не только ее.

Выходу в свет этой книги, которую вы держите в руках, предшествовала странная история. Несколько лет назад я как-то обмолвился Алексу Берману из «Фантазия пресс», что не прочь увидеть опубликованной самую первую версию романа о Мире Реки. И, возможно, не я один. Однако единственный полный экземпляр первой редакции был продан с аукциона на съезде писателей-фантастов в конце 60-х или начале 70-х годов. К сожалению, фамилия покупателя вылетела у меня из головы. Алекс дал объявление о розыске рукописи, но никто не откликнулся.

Потом мне сказали, что экземпляр находится у Дэна Алдерсона в Калифорнии. Я связался с ним, и он великодушно выслал мне копию. Проглядев ее, я сразу понял, что это копия второй, а не первой редакции. Правда, я был уверен, что вторая версия насчитывала примерно 70 000 слов, в присланной же рукописи их было около 137 000. Вот и верь своей памяти, подумалось мне.

Мы с Алексом уже начали было вести переговоры о том, чтобы опубликовать эту версию в издании «Фантазия пресс», как вдруг я получил посылку с письмом от Эверетта Блейлера. Разгребая какие-то ящики в своем гараже, он наткнулся на первую редакцию романа. Прослышав о том, что я ее ищу, Блейлер тут же выслал мне рукопись. Однако, взглянув на ее название, объем и текст, я незамедлительно опознал в ней тот вариант, что я совершенно напрасно писал по требованию Коршака.

Рукопись, принятая за первую версию Дэном Алдерсоном, была на самом деле третьей редакцией романа, которую я посыпал Фреду Полу. Что до рукописи, присланной Блейлером, то она оказалась тоже не первой, а второй версией.

Так что книга, которую вы держите в руках, представляет собой вторую версию оригинала под названием «В долг у самую плоть». Первая, возможно, утеряна безвозвратно. Хотя не исключено, что кто-нибудь найдет ее в своем ящике или на чердаке и пришлет мне. Посылка Блейлера явилась для меня чудом — и чудо может повториться.

Я подавил в себе желание отшлифовать роман и оставил его таким, каким он вышел из-под пера — вернее, пишущей машинки — в 1953 году. Исправил лишь несколько опечаток, которые в любом случае поправил бы в корректуре, дойди тогда роман до типографии.

И последнее примечание. Хотя Коршак не собирался оказывать мне услугу, когда надул желторотого новичка со своим конкурсом, он все же невольно ее оказал. Задержка с изданием

и написание разных редакций пошли на пользу саге о Мире Реки, сильно изменив ее к лучшему. Я должен быть благодарен Коршаку — и я действительно ему благодарен в каком-то смысле. Я многому научился. Я отточил свое писательское мастерство. Я обрел опыт и время, необходимые для вызревания Мира Реки.

Для писательской мельницы весь мир — зерно, если только сам он не угодит между жерновами.

Филип Хосе Фармер

МОЕЙ ЖЕНЕ, БЕТТИ, ЧЬЕ ПОНИМАНИЕ И СМЕЛОСТЬ ВДОХНОВИЛИ МЕНЯ НА ПИСАТЕЛЬСКИЙ ТРУД.

ВЫРАЖАЮ ТАКЖЕ БЛАГОДАРНОСТЬ ДЖОНУ БЛУМКВИСТУ И РЭНДАЛЛУ ГАРРЕТТУ ЗА ИХ БЕСЦЕННЫЕ СОВЕТЫ И ПОМОЩЬ В ПОДГОТОВКЕ КАРТЫ И РУКОПИСИ.

Этот роман — законченное целое, хотя и является одновременно частью гораздо более крупного проекта, парамида под рабочим названием «Я в долгу за самую плоть», состоящего из четырех книг: «Великий вопль», «Страна честности», «Река вечности» и «Колесная комета».

Любое сходство персонажей с кем бы то ни было не случайно, ибо эту книгу населяет все человечество и даже несколько пришельцев извне.

Мы не живем в естественном мире.

Мишле

*Где человек увидит целиком
То, что частями видит на Земле.*

Касыда

Он из тех, которым не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить.

«Что есть ад?» Рассуждаю так: «Страдание о том, что нельзя уже более любить».

«Карамазов! — крикнул Коля. — Неужели и взараду... мы все встанем из мертвых и оживем и увидим опять друг друга, и всех, и Илюшечку?»

Братья Карамазовы

Вычитывайте в ней любые иносказания, придавайте ей самый глубокий смысл, выдумывайте сколько вашей душе угодно — и вы и все прочие. А я вижу здесь только один смысл, то есть описание игры в мяч, впрочем довольно туманное.*

Гаргантюа и Пантагрюэль

*Я хотел бы быть свободным, как ветер; и вот имя мое значится в долговых книгах всего мира. Я богат... но я в долгу за самую плоть моего языка, каким я сейчас выхваляюсь**.*

Моби Дик

* Перевод Н. Любимова.

** Перевод И. Бернштейн.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОДЫ ВРЕМЕНИ

ГЛАВА 1

— Ты в долгу за самую плоть, — проговорила призрачная фигура в плаще.

Ричард Блэк застонал, попятившись от таинственной фигуры.

— Плати, — добавила та.

— А счет где? — вопросил Ричард Блэк. — Я хочу видеть подробный перечень.

— Подробный перечень? — загремел голос из-под темного капюшона. — Тебе он и вправду нужен? Тогда оглянись вокруг. И взглянись во тьму. Там ты найдешь свой счет. Там — и везде.

Длинная, белая и красивая, почти что женская рука выпросталась из-под плаща и залезла Блэку в грудь. Пальцы свободно прошли сквозь плоть, вцепились во что-то, оторвали и убрались. Кровь закапала с руки и предмета, который изящно держали белые пальцы — пальцы, каким-то странным образом оставшиеся чистыми.

— Твое сердце.

— Отдай мне его! — взмолился Блэк, сознавая при этом, что его мольба — самое странное из того, что приключилось с ним во сне.

Сама мысль о том, что он способен кого-то умолять, была для него ужасна. Этого просто не могло быть — и, однако же, было.

Устыдившись своей слабости, он беспрепетно шагнул вперед и воззрился во тьму под капюшоном. Сначала он различил лишь размытые и беспорядочные беловатые пятна. Но, взглянувшись пристальнее, до боли в глазах, увидел, как пятнышки света и черные кляксы слились воедино и превратились в стеклянно блестящую ткань. Она завибрировала,

покрылась складками, выпуклостями и впадинами — и образовала некое подобие лица.

Лицо было мужское и такое зловещее, какого Блэк отродясь не видал. А подобное признание чего-то да стоило, ибо за семьдесят один год жизни на Земле и двадцать на планете Реки Блэк исходил оба мира вдоль и поперек и навидался всяких лиц, в том числе отмеченных печатью абсолютного зла и деградации.

Но черты, обозначавшиеся перед ним, не поражали скотскою злобой или отсутствием смысла. Зловещий вид им придавала какая-то особая резкость и сила — пробивающаяся сквозь человечье обличье животная мощь, скрытый напор звериной энергии, сдерживаемая исступленность бунтарства.

Черты поражали своею противоречивостью: лоб был высок и гладок — лоб мыслителя, в то время как выступающие скулы, впалые щеки, полные губы, крупный прямой нос, энергичные челюсти, тяжелый и круглый как кулак подбородок, а также мрачные, хотя и пронзительные, глаза принадлежали скорее человеку действия.

Соединенные вместе, они приводили на память падшего Люцифера и страждущего Прометея. Люцифера, жаждавшего весь свет объявить своим царством. Прометея, укравшего огонь не для себя, а для пигмейского рода человеческого.

Лицо дьявола и Бога.

Лицо, забыть которое нельзя.

Его лицо.

— Я вижу, ты узнал меня, — сказала фигура в плаще. — Впрочем, это неважно. Я забираю твое сердце со всем прибылью, что прирастет в нем впредь.

— Отдай мне его! — взмолился Блэк.

— Отдам, но не прежде чем...

— Да?

— Не прежде чем... Прощай.

— Нет, не говори «прощай»! — вскричал Блэк. — Скажи, что ты хочешь за него?

Но узнать, каков будет выкуп, он так и не успел, поскольку проснулся. Филлис тряслася его за плечо, приговаривая:

— Дик, Дик! Проснись. Тебе снится какой-то кошмар.

Лицо ее белело в лунном свете, струившемся через открытую дверь хижины. На мгновение Блэку почудилось, будто черты ее расплылись, превращаясь в какой-то странный, хотя

и не лишенный привлекательности сплав лица Филлис с лицом под капюшоном. Но впечатление это, не более материальное, чем лунный свет, исчезло, и Блэк надолго забыл о нем.

ГЛАВА 2

Обычно переход от глубокого сна к бодрствованию давался Блэку быстро и без труда. Но нынче, на какой-то краткий миг, он запамятовал о том, что больше уже не живет на Земле — двадцать лет как не живет.

Или даже дольше.

Но насколько?

Он не знал. Он не знал даже, где находится.

Он лежал в своей хижине, стоявшей в долине на берегу Реки.

Кое-кто считал долину раем.

Другие говорили: нет, это чистилище.

А находились и такие, кто считал ее сущим адом.

Некоторые же презрительно заявляли: любому дураку, мол, понятно, что все человечество живет сейчас на планете земного типа, которая вращается вокруг подобной Солнцу звезды во вселенной, подчиняющейся абсолютно тем же физическим законам, что и вселенная землян.

Но, возражали те, кто верил, что этот мир — чистилище, либо ад, либо рай, как вы объясните тот факт, что вы однажды умерли и мы тоже, а теперь мы снова живы и молоды здесь, в долине Реки?

Впрочем, и на подобное возражение можно было найти ответ, притом ответ вполне научный. Выбор объяснения, будь то сверхъестественного или материалистического, оставался за вами.

— Дик, проснись, Бога ради! — послышался грудной и чуточку хрипловатый голос Филлис. — Тебе опять приснился великий вопль?

— Нет, на сей раз нет.

Блэк сел, обняв руками колени, и рассказал ей свой сон, не спуская с нее пристального взгляда. Филлис Макбейн была в земной жизни врачом-психологом, и сейчас она непременно попытается проанализировать его кошмар. Когда-то Блэк ни в грош не ставил женский ум, но со временем понял, что недооценивал прекрасную половину человечества, поскольку в его время у женщин просто не было возможности продемонстрировать свои интеллектуальные способности. Он высоко ценил острый ум Филлис, не раз убеждаясь в том, что многие вещи она понимает не хуже его, а кое-какие даже лучше.

Конечно, она была гораздо образованнее Блэка. Наука в двадцатом столетии шагнула далеко вперед по сравнению с поздневикторианским периодом, а Блэк умер за несколько десятилетий до рождения Филлис.

— Значит, фигура сказала: «Ты в долгу за самую плоть»? — промолвила Филлис. И, помолчав немного, спросила: — Ты читал «Моби Дика», Ричард? Книгу американского писателя Германа Мелвилла? Он был твоим современником.

— Даже не слыхал о таком.

— Главный герой этой книги — капитан Ахав из Новой Англии, китобой, человек безумный, страстный и дикий, одержимый навязчивой жаждой убить белого кита. Кит, которого зовут Моби Дик, — фигура одновременно и реальная и символическая, а желание Ахава расправиться с ним имеет как физический, так и метафизический смысл. К тому же капитан горд — горд как дьявол.

Филлис замялась немного, но потом добавила:

— Горд, как ты, Дик. А это, — она рассмеялась нервным смешком, — кое-что да значит. Короче говоря, в одной из наиболее драматичных сцен книги одногий капитан Ахав бранится, поскольку его тяготит зависимость от корабельного плотника, который мастерит ему новую конечность из слоновой кости. И он кричит — он никогда не говорит спокойно, он всегда кричит, или орет, или вопит: «О жизнь! Вот стою я, горд, как греческий бог, но я в долгу у этого болвана за кусок кости, на которой я стою. Будь проклята эта всечеловеческая взаимная задолженность, которая не желает отказаться от гросях и счетов. Я хотел бы быть свободным, как ветер; и вот имя мое значится в долговых книгах всего мира. Я богат... но я в долгу за самую плоть моего языка, каким я сейчас выхваляюсь»*.

— К чему ты клонишь? — спросил Блэк.

— О, да ты сердишься! — воскликнула Филлис. — Полно, не стоит. Я вовсе не намекаю, что ты еще один одержимый манией Ахав или что твое стремление достигнуть истоков Реки сравнимо с его безумной охотой за белым китом.

— Да неужели?

— Давай не будем спорить, Дик, особенно с утра пораньше. Ты же знаешь, я давно прекратила все попытки убедить тебя, что нам следует остаться в Телеме и закончить свою работу здесь. Куда ты, туда и я. Это дело решенное, и незачем о нем говорить.

* Перевод И. Бернштейн.

Я просто хотела сказать, что от любого рожденного на свет человека остаются лишь кости, если не меньше, — остается лишь горсточка праха. И все же некто или нечто восстановило эти кости, и облекло их плотью, и поселило людей в долине. Зачем, и как, и кто это сделал — нам ничего не объяснили.

— Это для меня не новость.

— Двадцать лет назад, — продолжала Филлис, — по здешнему летоисчислению, все человечество, за исключением идиотов и детей младше пяти лет, пробудилось от смертного сна на берегах Реки. Это был день великого вопля, день, когда единый вопль исторгся из глоток миллиардов рассеянных по долине людей, — великий вопль, в котором смешалась масса эмоций, но ужас все-таки преобладал. Ибо никто из воскресших, как бы ни уверяли они в обратном на Земле, по-настоящему не верил, что восстанет из мертвых...

— Филлис! — перебил ее Ричард Блэк. — Я очень тебя люблю. Но иногда и сам не пойму за что. Хуже болтливого мужчины, который никак не может добраться до сути, может быть только болтливая женщина.

— Ладно, ладно. Суть, до которой я никак не могу добраться, состоит в том, что многие из нас, по-моему, страдают комплексом благодарности. Мы знаем, что в долгую за самую плоть, за свою вторую жизнь, но не знаем, кого нам благодарить. Желание узнать не дает нам покоя, терзает нас, и поэтому...

— И поэтому, — снова перебил ее Блэк, — я хочу заплатить, но не могу. И поэтому мне снятся кошмары, которые я не смог бы растолковать, не окажись по счастливой случайности со мною в хижине магистр психологии и...

— Дик! Ты, должно быть, и правда спятил!

— Бряд ли. Просто меня немного раздражает то, что я вечно у тебя в долгу. В конце концов, ты так долго учила меня уму-разуму...

— И теперь ты решил, будто вычерпал меня до донышка?! — внезапно вспылила она. — Будто мне нечему больше тебя научить?

Он не ответил. Филлис встала и начала одеваться: надела белый лифчик и трусики, светло-желтую блузку, ярко-зеленую юбку, ниспадавшую чуть ниже колен, и красное кимоно с золотыми драконами.

Блэк натянул трусы, влез в кимоно и вышел за порог хижины. Филлис подошла к нему, обняла за пояс и прильнула щекой к его груди. Ее темно-каштановая макушка едва доставала Блэку до подбородка. Невысокого росточка, Филлис была так хорошо сложена, что отнюдь не производила впечатление хрупкой куколки.

— Прости, что накричала на тебя, — проворковала она. — Не пойму, что со мной творится в последнее время. Наверное, сказывается постоянное напряжение. Эта вечная тревога из-за Мюреля, из-за парохода — удастся ли его построить вовремя?

— Все в порядке, Фил, — отозвался Блэк, рассеянно погладив ее по плечу.

Он напряженно глядел на восток, туда, где долина начинала изгиб, скрываясь вместе с Рекой из виду. Над горными вершинами сиял золотистый нимб зари, и воздух в низине, посеребренный луной, понемногу приобретал жемчужный оттенок. Вид этот был привычен Блэку, поскольку он почти всегда вставал до рассвета. Но сейчас его поразило то, чего он не замечал годами: тишина, царящая в долине. За исключением людей, здесь некому больше послать свой клич небесам. Немая тишина и безмолвие — только ветер завывает в горах. Ни собаки, ни петуха, ни воробышки, ни мухи, жужжащей в окне. Безъязыкая планета.

Никакого тебе «буйства звуков и красок». Сплошь тишина и скудость форм — только люди, да мелкая рыбешка в водах Реки, да высокие сосны, да длинные стебли травы и бамбук. Вот и все, если не считать невидимых бактерий, разлагающих мертвую плоть. Но и бактерий здесь негусто, потому что долина не знает заразных болезней. Стерильное место — стерильное во всех отношениях.

Невольно помрачнев, Блэк окинул долину одним взглядом черных глаз.

— Хозяин и повелитель обозревает свои владения, — поддразнила его Филлис.

Он усмехнулся в ответ, где-то даже польщенный. В сущности, она была права. Все, что он видел на северном берегу, действительно принадлежало ему: холм, на вершине которого они стояли, два других холма пониже, равнина длиною в милю за ними, так называемый Город, Черный Замок, Базарная площадь, верфи и, наконец, «Речная комета» — почти уже готовое судно, громадная глыба на берегу, его гордость, его уникальный колесный пароход. Ему же принадлежали и многочисленные хижины, усеявшие холмы и равнину, застава за спиной, заграждавшая горный перевал, и рудник Падучей Звезды за перевалом — единственный, насколько Блэку было известно, источник металла на целой планете.

И люди, живущие на отрезке берега длиною в десять миль, до большой речной излучины, — люди, называющие себя гражданами демократического Телема, фактически тоже были подданными Блэка.

Но все-таки демократического? Да, несомненно, насколько это возможно. Однако Блэк сознавал свою власть над людьми, как знал и о том, что его же собственный народ называет его за глаза королем Ричардом Первым.

Что ж, пускай. Не его вина, если обстоятельства заставляют сосредоточить власть в руках одного человека, даром что теоретически это недемократично. Но на весы положена судьба Телема, и Блэк не мог поступить иначе. Как только воцарится мир и покой, он сложит с себя чрезвычайные полномочия. А может, даже и раньше — как только будет готова «Речная комета».

И почему бы, собственно, ему не считать Телем своим владением? Оно принадлежит ему по праву. Он сражался и убивал, чтобы создать эту республику и не дать ей погибнуть. Он строил планы ее развития, он нашел руду в Год Кометы, и прорыл в горе туннель для добычи метеоритного железа, и построил Черный Замок, и написал хартию Телемской обители, и руководил сооружением «Речной кометы», и организовал республиканскую армию, и создал Розыскное Агентство, и...

— Дик! — откуда-то издалека позвал его голос Филлис. — Зарядку делать будешь?

— Пожалуй, — отозвался Блэк.

Скинув кимоно, он начал энергичные наклоны, касаясь руками земли. Триста наклонов, потом триста приседаний.

Филлис вернулась в хижину и занялась уборкой. Застелила кровать, стоявшую в углу однокомнатного строения. Рама кровати была сделана из бамбука, сетка сплетена из травяных стеблей, а на ней лежали тонкий матрас и одеяла, сотканные все из той же вездесущей травы. Филлис подмела грязный пол веником, связанным из гибких веточек, и закончила уборку гораздо раньше, чем Блэк — зарядку.

— Давай маленько ополоснемся! — предложил он, войдя в дверь, запыхавшийся и взмокший, массируя на ходу бицепсы, чтобы снять напряжение с мышц.

— У меня при одной мысли о ледяной родниковой воде мурashki по коже бегут, — поморщилась Филлис. — Может, отложим до полудня?

— Вздор! У нас не будет времени, сама знаешь. Не хочешь мыться в роднике — пойдем на Реку.

Он надел свои алые штаны, канареечно-желтое кимоно, застегнул сплетенный из стеблей пояс и сунул за него обнаженную саблю. Потом заткнул за пояс длинный обоюдоострый нож, перекинул через плечо небесно-голубую рубаху, взял в левую руку грааль, а в правой сжал свою длинную железную

трость, без которой никогда не выходил и которая стала его отличительным знаком..

Бок о бок, размахивая белыми металлическими цилиндрами граалей, они начали спускаться по крутой тропинке к берегу.

ГЛАВА 3

— Дик, а ты испугался? — спросила Филлис.

— Чего? Кошмара?

— Нет, когда проснулся на берегу ровно двадцать лет назад — ты испугался? Вот был ты стариком, умирал — и вдруг мгновение спустя ты снова молод и находишься в каком-то странном, неземном месте. Тебе показалось, что все это сон? Или ты испугался, решив, что взаправду попал в ад и сейчас на тебя набросятся черти?

— Да, я испугался. И даже очень. Но если бы черти набросились на меня, я дал бы им сдачи. Я был настроен вести себя в аду точно так же, как на Земле. Так что им бы пришлось со мной повозиться.

— Охотно верю, — проговорила Филлис. — Ты бы расквасил нос самому Вельзевулу и завязал ему хвост узлом. Но я, Дик, — я ужасно перепугалась. Видишь ли, несмотря на то что меня воспитывали в кальвинистской вере, я, когда выросла, стала атеисткой. А затем агностиком. Я думала, что адский огонь — всего лишь жупел для устрашения людей, принуждающий их быть добродетельными. А добродетель, рожденная страхом, — вовсе никакая не добродетель. И это ясно любому, у кого в мозгах есть хоть одна извилина. Такое учение способно взрастить лишь ненависть, предрассудки и кровопролитие. И, кстати, воинствующий атеизм марксистов — плод все той же средневековой доктрины.

Мой собственный опыт и изучение религиозных вопросов привели меня к убеждению — я не стану углубляться в детали, как и почему я пришла к такому выводу, — что загробной жизни не существует.

Но, пробудившись после крушения самолета, в котором я безусловно должна была погибнуть, я обнаружила, что детские страхи въелись в меня до мозга костей и мне так и не удалось их изгнать. В первый час моей жизни на берегу я думала, что умру от разрыва сердца — так бешено оно колотилось. И я на полном серьезе ожидала, что демоны сейчас уволокут меня в какую-нибудь вечную камеру пыток.

Я глубоко раскаивалась в том, что не верила в женевского Яхве, в предопределение и прочую дребедень, что редко ходила

в церковь, а когда ходила, то частенько смеялась над проповедниками или возмущалась лицемерием столпов церкви, и я раскаялась в своих измених мужу и пожалела о тех словах, что сказала однажды отцу, когда мне было восемь лет.

Потом я наткнулась на человека, пребывавшего в аналогичном состоянии. Только он горевал о том, что забыл обычай предков, и вкушал запрещенную пищу, и пренебрегал определенными церемониями. Неважно, какого вероисповедания он был. История его точь-в-точь походила на мою, хотя религии у нас были разные.

В общем, поговорив с ним и другими людьми, тоже охваченными паникой, я начала понимать, что сказки, которыми нас пугали в детстве, не могут быть правдой. Иначе мы не оказались бы тут все вместе.

А потом, когда я встретила других — охваченных негодованием и яростью, потрясающих кулаками, услышала их гневные вопли и скрежет зубовный, увидела, как они рвут на себе волосы оттого, что их смешали вместе с остальным человечеством — их, чистых и праведных! — я просто покатилась со смеху. Грех было не оценить такую шутку.

И с тех пор я приняла здешнюю жизнь и согласилась жить день за днем, наблюдая за тем, как текут воды времени.

— Но я, как тебе известно, Фил, не смирился и не собираюсь сидеть на берегу, глядя на воду. Я уверен, что эта планета искусственного происхождения, а значит, существа, ее сотворившие, как бы ни были они умны и сильны, где-нибудь да ошиблись. Хороший сыщик сумеет отыскать ключи, которые они непременно где-то обронили, и выследить их. В основе всей нашей здешней жизни заложена какая-то логика. И если мы ее вычислим, нам станет ясно, зачем нас тут поселили. В один прекрасный день мы поймем смысл существования долины, и граалей, и воскрешения. В один прекрасный день...

— Возможно. Но разве нам удалось понять смысл нашего существования на Земле? Нет. Почему же ты так уверен, что разгадаешь загадку здешнего бытия? Мы знаем только одно: что нас бесплатно перевезли с одной планеты на другую. А может, и не бесплатно. Откуда мы знаем — может статься, мы расплачиваемся за проезд каждую секунду? Возможно, платой являются наши страдания и вопросы без ответов? Возможно, некие непостижимые для нас существа питаются нашими муками, или радостями, или теми и другими вместе?

— Все возможно, — согласился Блэк.

И продекламировал:

Пусть мы, как птицы в клетке, взаперти сидим,
Плененные чужой и деспотичной волей,
Мы все ж «когда?» и «как?» и «для чего?» твердим —
«Зачем» и «почему?» А главное — «доколе?»

— Фицджеральд?.. Хайям? — попробовала угадать Филлис.

— Мое четверостишие, написанное за восемь лет до «Рубайята».

— Я читала твою биографию, но до поэзии так и не добралась. Слишком была занята другими делами.

— Когда будет время, — сказал Блэк, — я тебе почитаю. Великим поэтом я не был, но в каком-то смысле предшествовал Фицджеральду — интересно, где он теперь? — и некоторые считали, что моя поэзия не хуже. Однако никакого признания у публики мои стихи не получили. — В голосе его звучала еле уловимая горечь.

— Кстати, о времени, — отозвалась Филлис. — Нам здесь не приходится заботиться о еде и крыше над головой, мы можем наслаждаться досугом, однако суетимся от зари до зари, занимаясь ненужными делами. Я прожила с тобой двенадцать лет и лишь сегодня впервые услышала твои стихи. Почему мы не относимся к жизни чуть проще?

— В долине бездельников и без нас полно. — Блэк пожал плечами. — Что до меня, я работаю, потому что хочу. А может, потому что должен. Я должен выяснить — если не «почему», то хотя бы «как».

— Да, понимаю. Я и сама любопытна. Но, — прибавила она не без грусти, — мне хотелось бы хоть чуточку насладиться здешней жизнью. В конце концов, день тут длится всего восемь часов, а за такой короткий срок мало что успеешь сделать. Ночами при таком примитивном освещении работать невозможно.

— Когда победим Мюреля, немного отдохнем.

— Да, конечно. А потом отправимся в путь по Реке, и снова будет не прдохнуть.

Она нагнула к себе его голову и чмокнула в загорелую щеку.

— Дик, ты хочешь знать, кто дергает за ниточки там, за сценой? Но ты даже *меня* как следует не знаешь.

— Если узнаю, то, возможно, потеряю к тебе интерес.

— Я постараюсь что-нибудь да утаить от тебя, — рассмеялась Филлис.

Блэк пристально посмотрел на нее. Она ответила ей нейтральным взором серо-голубых глаз.

Они молча достигли подножия холма и пересекли небольшую низину между двумя холмами пониже. Вышли на равнину в милю шириной и стали пробираться по лабиринту, образованному беспорядочно разбросанными хижинами, сооруженными из ветвей и глины и крытыми тростником. Из хижин то и дело выходили люди, все не старше двадцати пяти лет на вид, и здоровались с Блэком и его спутницей. Некоторые, несмотря на прохладу, были совсем обнажены, но тут никто не обращал внимания на наготу. У каждого телемита было за поясом оружие, а в руке — грааль.

— Будь здесь деньги, я дала бы тебе пенни за слово, — проговорила Филлис. — За одно-единственное словечко.

Блэк раздраженно покосился на нее: она прекрасно знала, как он не любит, когда ему мешают думать. Но все-таки, пересилив гнев, ответил:

— Ты слыхала барабаны прошлой ночью?

— Нет. Что сообщают?

— Галера Мюреля в полночь отчалила из столицы. Значит, здесь она может быть к завтрашнему полудню. Мой агент из РА спросил капитана, куда он направляется, но тот не ответил. Правда, на галере поднят флаг перемирия — чья-то белая рубаха, — поэтому я думаю, что «король» Мюрель предложит Телему войти в состав его королевства.

— Иначе? — спросила она.

— Иначе война.

ГЛАВА 4

Никто не знал, какая у Реки длина. Называли разные цифры, до сорока миллионов миль, но многим они казались неправдоподобно завышенными, несмотря на то что другие, еще более невероятные чудеса, типа граалей или воскрешения из мертвых, были у них перед глазами каждый день.

Что до направления, то отрезок Реки, возле которого располагался Телем, определенно протекал вдоль экватора, поскольку человек, встав на Базарной площади в жаркий солнечный полдень, не отbrasывал тени в любое время года. Не вызывал сомнения также и тот факт, что Река течет по синусоиде, проходящей по экватору. Она изгибалась назад и вперед так аккуратненько, словно была вычерчена математиком на листе бумаги, и каждая вершина синусоиды отстояла от соседней ровно на двадцать миль.

Местные телемские математики утверждали, что синусоида должна быть вдвое длиннее прямой линии, вдоль которой она расположена. Поэтому, говорили они, если окружность планеты

на экваторе составляет около двадцати пяти тысяч миль — а это они высчитали с достаточной долей вероятности, — то длина Реки должна быть не менее пятидесяти тысяч. Если, конечно, Река начинается и кончается в одной и той же точке. Однако, поскольку в Телеме встречалось немало людей, пришедших с берегов Реки, сильно удаленных от экватора к северу и югу, «чисто экваториальная» теория была отвергнута.

Путешественники, проплыvшие по Реке вверх и вниз немало сотен миль, сообщали, что ширина ее в среднем равна полумиле. Но порой, словно желая нарушить однообразие, Река растекалась в «озера». Телем как раз и находился на берегу одного из таких озер, ибо на отрезке в десять миль русло расширялось как минимум на полторы мили. Официально оно называлось Телемским озером, но в народе его окрестили морем Блэка.

Человек, чьим именем прозвали озеро, миновал вместе со своей спутницей холмы и вышел к подножию высокой и неприступной горной гряды. Горы возвышались по обоим берегам Реки, оставляя людям для жизни пространство в милю шириной, и тянулись вдаль до бесконечности. День выдался такой же, как почти всегда в долине. Солнце быстро карабкалось вверх, согревая ясный воздух, спеша нагреть его к полудню до девяноста градусов по Фаренгейту. Легкий ветерок покрывал ленивые воды рябью, сверкавшей мириадами крохотных зеркалец. На южном берегу виднелись коричневые фигуры людей с прямыми иссиня-черными волосами. Они стояли или сидели на корточках возле дымных сосновых костров. Некоторые плыли по озеру в членоках или каноэ, высматривая местечко, где закинуть лесу.

На телемском берегу простирался длинный песчаный пляж, с которого несколько храбрецов, раздевшись, ныряли в холодную воду.

— Давай наперегонки! — сказала Филлис и помчалась вперед, хотя и знала, что Блэк продолжает идти все тем же быстрым, но спокойным шагом.

Не успел он добраться до пляжа, как она уже положила саблю и грааль, сбросила на белый песок одежду и с визгом и плеском влетела в поток. Присоединившись к ней, Блэк был встречен взрывом смеха и пригоршней холодной воды прямо в лицо.

То ли от неожиданности, то ли из-за напряжения, копившегося в нем вот уже четыре недели, но эта безобидная шутка вызвала у Ричарда приступ бешеной ярости. Было время, когда он наслаждался подобной игрой, но время это прошло. Сейчас он ощущал непреодолимое желание отомстить. И как только Филлис нырнула, он бросился вперед, схватил ее

за плечи и держал под водой до тех пор, пока она не начала задыхаться. Тогда он ее отпустил.

Филлис встала, отплевываясь и тяжко дыша, глядя на Блэка округлившимися от ужаса глазами и цепляясь за его руку.

— Боже мой, Дик, что на тебя нашло? Ты хотел утопить меня?

— Не утопить, а проучить, — усмехнулся Блэк. — Ты же знаешь, как неприятно, когда в лицо тебе плещут холодной водой.

— По-моему, у меня все плечи в синяках, — сказала она, вглядываясь в его лицо и пытаясь понять, какие эмоции прячутся за этой маской. — Не знай я тебя так хорошо, я решила бы, что ты спятил. Что я такого сделала?

— Я уже сказал. Больше ничего.

— Но, Дик, ты раньше никогда на меня за это не сердился. Какая муха тебя укусила?

— Не бери в голову, — бросил он и поплыл, надеясь, что она остынет и не будет больше касаться этой рискованной темы.

А тема и правда была рискованной, поскольку он и сам не понимал, почему вдруг набросился на Филлис. Ее шуточки, прежде веселившие его, теперь вызывали одно раздражение.

Он поплыл обратно, туда, где она стояла по бедра в воде, держа в руках кусок мыла. На лице ее застыло обиженное и растерянное выражение. Блэк молча взял у нее мыло и потер ей спину, потом повернулся, подставив ей свою Филлис намылила ему спину и начала сдирать присохшие кусочки грязи острыми ноготками. Блэк стойчески переносил эту болезненную процедуру, ибо знал, что Филлис только и ждет, когда он вскрикнет. В последнее время она часто мстила ему таким образом за свои обиды, а он, как последний осел, терпел и молчал. Одно только слово — и Филлис немедленно прекратила бы, однако он не мог себя заставить его произнести.

И, как всегда, он победил. Филлис внезапно перестала царапать ему кожу, воскликнув:

— Слушай, это просто смешно! Дик, нам надо поговорить. Мне надоели эти детские обиды, и я устала делать вид, будто между нами все прекрасно. Давай-ка сегодня же ночью все обсудим. Ляжем в постель и поговорим по душам. Что скажешь?

— Сегодня вечером к нам в гости пожалует Деканавидах со своими воинами, — отозвался Блэк. — Мы наверняка засидимся допоздна.

— Допоздна, не допоздна — какая разница?

— Ладно, будь по-твоему

Филлис, зачерпнув в ладони воды, полила его намыленные плечи.

— Мне сразу стало легче, — радостно сообщила она. — И вообще, все будет хорошо. Пока ты меня любишь, я справлюсь с любой напастью, и жизнь снова станет прекрасной.

Блэк усилием воли расслабил напрягшиеся было мускулы.

Вот она и сказала о том, что мучило его, о чем он не решался спросить самого себя.

— Пора идти, — проговорил он вслух. — Советники, не бось, уже завтракают.

Они побрали на берег и вытерлись своими кимоно. Чудесные свойства ткани уже не вызывали у них такого восторга, как раньше, когда были еще непривычны. А ткань и правда была чудесной: не снашивалась, не пропитывалась грязью, потом и запахами тела, к тому же отталкивала воду так, что та стекала круглыми капельками, точно ртуть по наклонной столешнице.

Филлис причесала короткие волосы, воткнув в них пару заколок из рыбьей кости. Потом вдела в уши сережки, сделанные из пустых тюбиков из-под губной помады, и закончила утренний туалет, подкрасив свои полные губы.

— Ну вот! — заявила она, бросив золотой спиральный тюбик с помадой в карман кимоно. — Я красивая?

— Красивая, как всегда. — Блэк со смехом обнял ее. Она выглядела такой хорошенькой и свежей, так явно жаждала его поцелуев, что он забыл все невзгоды, омрачавшие их существование. И она, отвечая на поцелуй со всей нежностью, на такую была способна, тоже забыла обо всем.

Но, даже обнимая ее, Блэк не мог отрешиться от печали. Все было не так, как прежде, хоть убей.

— Ты, должно быть, действительно любишь меня, Дик, — сказала Филлис, оторвавшись от его губ, — иначе ты бы не смог так измениться. Помнишь, когда я впервые встретила тебя, ты боялся показаться смешным, если поцелуешь женщину на публике? И вот теперь ты обнимаешь меня у всех на виду, не волнуясь, что о тебе подумают. Знаменательная перемена, помоему. И она показывает, что ты по-настоящему любишь меня.

— Ну, общественный пляж все-таки не место для сантиментов, — ответил Блэк. — Я поцеловал тебя потому, что мне так захотелось, а в Телеме все делают что хотят. Главное — не терять чувство меры.

— Бога ради, Дик, я же не прошу тебя переспать со мной на пляже! — рассмеялась Филлис.

Подобрав свои граали, они пошли к Замку.

— Я не считаю себя сногшибательной красоткой, — снова заговорила Филлис, — поэтому скажи мне честно, Дик: как мне удалось тебя удержать? Ты человек знаменитый и удиви-

тельный. Ты мог бы найти на берегах Реки Клеопатру, Лукрецию Борджа, Марию Стюарт, Риту Хейуорт, Сафо, Аспазию, Смуглую Леди сонетов или любую другую, не менее прославленную и прекрасную женщину. Это было бы вполне в твоем духе. Ты величайший исследователь своей эпохи; ты никогда не задерживался надолго на одном месте, и жена тебя явно видела редко. Однако со мной ты живешь вот уже двенадцать лет, и так верен мне, словно мы обвенчаны в церкви. Даже более верен, если вспомнить похождения моих земных мужей и мои собственные.

Я ужасно счастлива в этой преисподней. Мне... — она засмеялась, — ...мне здесь просто чертовски хорошо! И я тоже храню тебе верность. Другие мужчины не выдерживают сравнения с тобой. Но все-таки, Дик, объясни, почему ты выбрал меня?

— Наверное, потому, что ты мне очень понравилась, а потом я тебя полюбил. Я уважаю твой ум и образованность, и мне очень скоро стало ясно, что ты многому можешь меня научить. Хотя и помучила ты меня будь здоров — помнишь, как ты пыталась меня переделать? Поборола мои расовые предрассудки, вернее, переубедила меня с помощью неопровергимых фактов, и я изменил свои воззрения. Хотя многие мои суеверия проистекали исключительно из невежества и заблуждений викторианской эпохи.

— Ты до сих пор никому не говоришь «прощай», — заметила Филлис. — Это табу тебе преодолеть не удалось.

— Слишком глубоко оно въелось в кости, — откликнулся Блэк. — Но это безобидное суеверие. И вообще, мы говорили о том, почему я тебя выбрал. Во-первых, все те женщины, которых ты упоминала, безусловно красивы, но вряд ли на много красивее тебя. А во-вторых, боюсь, что жить с ними было бы довольно нелегко.

Первые восемь лет я скитался, как Лазарь, по берегам Реки и пытался понять, что приключилось со мной и со всем человечеством. И — что было для меня не менее важно — занимался поисками Изабель. Этого я от тебя никогда не скрывал. Искал я долго и усердно, пока не понял тщету своих усилий. Даже если моя жена — вернее, бывшая жена, поскольку в этом раю или аду нет ни браков, ни разводов, — даже если моя бывшая жена поселилась в районе долины, облюбованной англичанами викторианского периода, шанс отыскать ее был не больше одного из сотни миллионов. За эти восемь лет я повидал несколько миллионов человек — и, несмотря на свою былую известность на Земле, где у меня была

куча знакомых, встретил всего тринадцать человек, которых знал в прежней жизни. Ты только подумай! Тринадцать!

— Мистер Блэк! — извиняющимся тоном, хотя и довольно бесцеремонно, прервал его тонкий пронзительный голос. — Одну минуточку вашего бесценного времени!

— В чем дело, Борбич? — нахмурился Блэк.

Федору Борбичу, низкорослому и тщедушному человеку с огромной головой, было, как и всем остальным, физически двадцать пять лет, однако выглядел он гораздо старше. Бурные и постоянные всплески эмоций избороздили его лицо, сделав его похожим на изрытую ветрами и песками маску сфинкса.

У него были массивный, выпуклый лоб и оттопыренные уши с тяжелыми и толстыми мочками. Над глубоко посаженными блекло-голубыми глазами нависали надбровные дуги. Нос был как у крестьянина, грубоватый и расплывчатой формы, губы — чувственные и в то же время скорбно поджатые. Резкие скулы, выступающие над провалами щек, наводили на мысль о душевном разладе.

Самое удивительное, что лицо это в состоянии покоя было совершенно невыразительным — типичное лицо сотен миллионов славян, некогда пахавших землю в Восточной Европе. Но когда оно оживлялось, как сейчас, то властно приковывало к себе взор, и вы не в силах были его отвести. Лицо его выглядело так, словно этот человек всю жизнь живет в аду.

Перемещение с Земли в долину было для Борбича все равно что переезд из Минска в Пинск.

Услыхав раздраженный голос Блэка, Борбич дернулся как ужаленный, покаянно всплеснув руками:

— Я знаю, что сейчас слишком рано, мистер Блэк. Вы еще не завтракали и поэтому имеете право — вот именно, полное право — сердиться на меня. Но поверьте, мистер Блэк: я просто обязан это сказать, а вы должны меня выслушать в любое время дня и ночи. Ведь речь идет о вашей безопасности — о безопасности всего нашего сообщества и даже всей долины в целом. Я не имею в виду только лишь физическую, или материальную, безопасность. Нет, я имею в виду нечто гораздо большее — безопасность абсолютную. Причину, из-за которой все мы — и я, и вы, и Филлис — очутились в этой долине.

— Ближе к делу, приятель, — резко бросил Блэк.

— Да, конечно! Терпение, мистер Блэк, терпение. В конце концов, в нашем распоряжении целая вечность — вы же не можете этого отрицать!

— Тогда к чему такая спешка? — возразил Блэк. — Вы скажи все, что желаешь, на собрании Общего совета.

Борбич улыбнулся печальной и в то же время глубоко циничной улыбкой. Его маленькие бледные глазки превратились в узкие щелочки.

— Всем известно: хочешь что-то сделать в Телеме — заручись сначала согласием короля Ричарда. Тогда без труда протолкнешь любую идею как на Общем, так и на Особом совете.

Блэк остановился так внезапно, что Филлис наткнулась на него, и замахнулся кулаком.

Борбич с тревогой возился на кулак и попятился, протес-тующе воздев руки. Но полные губы его по-прежнему кривились в циничной усмешке.

— Нет, нет, мистер Блэк, вы меня не поняли! Я не хотел вас обидеть, я просто не подумал. Вернее, повторил то, что говорят ваши же друзья. У меня не было оскорбительных намерений, поверьте! *Pas du tout!** *Pas du tout!* Однако же вспомните главный принцип, на котором вы сами основали Телемскую обитель, мистер Блэк. «Делай что хочешь». И второй ее закон: «Говори правду, хотя за правду бьют». Впрочем, на практике эти принципы оказались невыполнимы, так ведь, мистер Блэк? Но я не о том, не о том. Нижайше прошу простить меня за эту оговорку, случайно слетевшую с языка.

— Намерения у тебя вполне понятные. — Темное лицо Блэка потемнело еще сильнее. — И не надо вкручивать мне мозги. Знаю я твои «случайные оговорки»!

Он пошел на обидчика, потрясая железной тростью прямо у него перед носом. Черты Ричарда Блэка исказились бешеною яростью, отчасти вызванной намеренно, чтобы запугать противника. Придать им такое выражение было нетрудно, ибо даже в спокойном состоянии лицо Блэка вызывало невольное уважение окружающих.

Сосредоточив все внимание на Борбиче, Блэк тем не менее не заметил препятствия у него под ногами. Это был большой церковный крест двенадцати футов длиной — толстая сосновая доска с двумя перекрестьями, верхнее из которых было длиннее нижнего. Борбич, позаимствовав железные орудия труда, взобрался с двумя своими учениками на вершину холма, срубил там дерево и соорудил из него символ своего вероучения. Затем все трое с трудом приволокли крест на Базарную площадь, где он и лежал со вчерашнего дня. Борбич не получил еще позволения у Общего совета поставить крест и теоретически не имел даже права оставлять его на площади.

* Вовсе нет! (фр.)

Тем не менее он его там оставил. И теперь, пятясь от Блэка, споткнулся о доску и тяжело упал на спину. Задыхаясь, судорожно хватая воздух ртом, Борбич перевернулся и начал было вставать. Но, увидав прямо у себя под носом острый кончик железной трости, снова упал и обхватил крест руками, точно ища у него защиты. Потом, не выпуская дерева из рук, обернулся и посмотрел на англичанина широко распахнутыми бледными глазами, надув полуобиженно и полуагрессивно губы.

Блэк навис над ним, замахнувшись тростью, весело сверкая черными очами.

Сзади раздался спокойный голос Филлис:

— Дик, почему ты не дашь ему высказаться? И, Бога ради, попридержи свой темперамент. Неужели ты не видишь, что он только и ждет, чтобы его ударили?

— Правда ваша, правда ваша, мисс Макбейн, — просипел Борбич, так выпучив глаза, точно внутри у него что-то взорвалось. — Возможно, я и сам бы попросил его меня ударить, потому что тогда между нами установилась бы хоть какая-то связь, протянулась хоть какая-то ниточка, которая могла бы привести к обоюдному пониманию. Ибо пока что мы с мистером Блэком обитаем каждый в своей пустоте, не слыша друг друга. Мои слова — что глас вопиющего в пустыне; его слова...

Блэк опустил трость. Он не собирался пускать ее в ход, но не видел ничего дурного в том, чтобы ею пригрозить.

— Тебе, Борбич, должно быть, кажется, что твои слова не заслуживают такого бурного негодования с моей стороны, — проворчал он. — Но я думаю иначе. Если твое учение наберет силу в нашем сообществе, все мои соратники бросят работу над Проектом, над которым мы трудимся вот уже двенадцать лет. Все, за что я боролся, пойдет прахом. А этого я не допущу!

Борбич встал, с опаской поглядывая на трость:

— Все, о чем я прошу, мистер Блэк, это возможности проповедовать свои принципы — принципы церкви, которую я представляю, поистине гуманной Церкви Второго Шанса.

— Я дам тебе шанс, — сказал Блэк, — но в данный момент положение в Телеме чрезвычайное, и нам некогда выслушивать твои предложения. Вот победим Мюреля, тогда и рассмотрим твой вопрос. А пока не смей баламутить моих работников и исподтишка прибирать к рукам власть.

— Но вы, мистер Блэк, — вы бы сами на моем месте именно так и сделали, разве нет? За что я вами искренне восхищаюсь.

— Возможно, — бросил Блэк и зашагал прочь.

— Дик, Дик! Почему ты так суров с ним? Что он тебе сделал? — спросила Филлис.

— Что сделал?! — взорвался Блэк. — Этот Борбич, униженный и оскорбленный, в сто раз опаснее кровожадного и злобного Мюреля. Мюрель проповедует откровенное насилие, эксплуатацию ближнего своего, призывает дать полную волю своим желаниям и наплевать на окружающих. В общем, полный набор смертных грехов. Борбич же призывает к милосердию, состраданию, всепрощению, любви, безоговорочному пацифизму и так далее. Сплошь добродетели, не придерешься. Но в основе его проповедей лежит сумасшедшая теория: дескать, ведя высоконравственную жизнь, мы вырвемся из вечного заточения в долине, освободимся от бренной плоти и перейдем в какое-то высшее, чисто духовное, лишенное материи бытие.

Пускай он себе думает что хочет, я не против. Но если ему удастся обратить в свою веру большинство телемитов, он разрушит все, что я создал.

Рудник закроется: ведь у нас и так есть все необходимое для поддержания жизни — зачем же тратить время на создание техники? Зачем нам комфорт, который будет отвлекать нас от созерцания собственных пупков?

Розыскному Агентству запретят поощрять выдачей спиртного тех, кто найдет в горах руду. Пару дней назад один следопыт сообщил — с помощью барабанов, естественно, — что обнаружил наверху, примерно в двух тысячах миль от долины, небольшие залежи меди. Я распорядился выдать ему награду в виде шестидесяти унций виски, как только сведения о его находке подтвердятся. И я слыхал, что Борбич приводил этот мой приказ в качестве примера неправедного использования граалей. Мы, мол, не должны поощрять низменные инстинкты людей.

— Что ж, — мягко заметила Филлис, — теоретически он прав.

— Мы никого не снабжаем выпивкой постоянно. Израсходовав свою премию, человек вновь возвращается к рациону, обеспечивающему граалем. Больше того — мы, телемиты, сейчас добровольно отдаем свое спиртное в пользу общества. Четыре унции из пяти идут в общий фонд, который мы сможем пустить на обмен.

— Я знаю, — сказала Филлис. — Но Борбич говорит, что таким образом мы превращаем людей в алкоголиков, которые начнут красть спиртное у соседей.

— Это их проблема. Мы не няньки, а телемиты — не стадо болванов. Однако Борбич выступает не только против

алкогольных премий. Он жаждет стереть в порошок «Речную комету», нашу гордость, которая даст нам возможность контролировать водный путь, потому что она вдохновит нас на дальнейшее развитие технологии.

И, наконец, он заставит нас выбросить в Реку все оружие. Мы смиренно позволим Мюрелю и его бандитам изгнаться над нами, ибо, даже если он поубивает всех до единого, мы умрем с верой, что воскреснем где-нибудь в другом месте долины, дабы сеять там семена Церкви Второго Шанса.

Если же Мюрель не убьет нас, а лишь поработит, забрав половину съестного, и выпивки, и сигарет, — что ж, тем лучше. Пока мы будем загибаться от голода, наши страдания, возможно — только возможно! — пробудят в Мюреле и его головорезах капельку сочувствия и любви. Возможно, они даже устыдятся своего жестокосердия, на них снизойдет внезапное озарение, и они обратятся в истинную веру. А если и не обратятся, то наш пример все же тронет их души.

Блэк помолчал немного и снова взорвался:

— Чушь собачья! Я не позволю распространять здесь эту дребедень, Филлис!

— Я во многом не согласна с ним, Дик, — осторожно заметила Филлис. — Но, по-моему, мы могли бы принять то ценное, что содержится в его учении. В конце концов, многое из того, что он проповедует, не так уж отличается от основных принципов Телемской хартии. Отвергать его столь категорично попросту неразумно. Каждый человек может чему-нибудь нас научить.

— Я не желаю больше обсуждать этот вопрос! — отрезал Блэк.

И между ними повисла тишина.

ГЛАВА 5

Ричард с Филлис задержались дольше, нежели предполагали, и теперь торопливо шагали мимо членков и каноэ, мимо большого пирса, за которым стоял «Зуб дракона» — военная галера девяноста футов в длину, мимо двух молов, между которыми высилась «Речная комета», вся в строительных лесах, кишащих рабочими. А за ней виднелось Дерево совета — высокая сосна, росшая возле южного угла Замка. Под ее ветвями стоял громадный стол Особого совета.

Большинство советников еще завтракали. Опоздавших встретили веселыми приветствиями и вопросами о том, что их так задержало в постели. Блэк, не обращая внимания на подтрунивание, сел во главе стола и открыл крышку граля.

— Сегодня боги не поскупились на завтрак! — сказал он. — Кофе, ветчина, яйца, два тоста с земляничным джемом. И большая сочная груша! Гораздо лучше, чем вчера, когда мне подсунули какое-то мерзкое какао и фрукты, перемешанные с овсяными хлопьями, жутко сладкими.

Блэк вытащил глубокие металлические тарелки и картонные упаковки, закрепленные внутри белого цилиндра, и выставил их на стол. Потом поднял вверх пачку, извлеченную последней.

— Твои любимые, Фил. «Лакиз». А у тебя что сегодня?

Филлис пошарила на дне грааля:

— «Кэмел». Махнемся?

— Давай, — согласился Ричард. — Тот, кто придумал эти автоматические судки-самобранки, мог бы установить в них какое-нибудь устройство, запоминающее мои любимые блюда, напитки и марки сигарет. Три раза в день я волей-неволей вынужден принимать, что дают, а потом долго и упорно искать желающих обменяться. Дурацкая система.

— На тебя не угодишь, Дик! — откликнулся с другого конца стола стройный рыжеволосый молодой человек с орлиным носом, одетый в белую рубашку и широкие брюки. — Ты будешь ворчать, даже если тебя вздернут на новенькой веревке. — Он весело помахал в воздухе тремя большими коричневыми сигарами. — Смотри сюда! Трижды в день я нахожу на дне грааля по три гаванские сигары. Это мистическое и счастливое число, а помноженное само на себя, оно дает девять — еще одно число, любимое фортуной. Только не говори мне, что я получаю свои сигары чисто случайно! Ведь всем остальным марку курева меняют чуть ли не каждый день! Нет — я любимчик богов, и все вы должны со мной считаться, а ты, Дик, обыкновенное ничтожество, безликий человек из толпы.

Все рассмеялись.

— Но это и правда странно, — заметила Филлис. — Насколько я знаю, кроме Сэма, здесь так никого не балуют.

— Ничего странного, — отозвался молодой человек, закуривая сигару. — Я родился под хвостом у кометы — только, пожалуйста, без шуточек насчет звездных экскрементов, — а всем известно, что это хорошее предзнаменование. Я не суеверен, конечно. Я просто осторожен. Не хочу ненароком обидеть Бога, которого, как я знаю, нет, — или, по крайней мере, нет в нашем мире: возможно, он вышел в соседнюю вселенную позавтракать и вернется через десять эонов. Зачем рисковать? Я предпочитаю не заплывать в такие глубины. Мелководье — это по мне.

Вы, конечно, можете сказать, что комета, наоборот, дурное предзнаменование. В конце концов, умер я как раз тогда, когда небесная метелка снова махнула хвостом через семьдесят лет. Но, по-моему, это совпадение чистой воды. Я же говорю — я не суеверен. Просто невежествен. Или это одно и то же?

Он откинулся на спинку кресла, пуская дымные колечки.

— Ясное дело, именно тогда я и должен был загнуться — ради вящего эффекта, понимаете? А кроме того, я говорил всем и каждому, что собираюсь оседлать эту комету и взлететь на ней в небеса. Не мог же я допустить, чтобы люди называли меня лжецом! — Он усмехнулся. — Я никогда не лгу.

— Сигары Сэма, безусловно, доказывают расположение к нему небес, — сказал Блэк, обращаясь к Филлис. — Или же ада. Как по-твоему?

— По-моему, ни того и ни другого. У меня насчет граалей своя теория.

Блэк отхлебнул глоток дымящегося кофе и начал расправляться с ветчиной и яйцами пластмассовыми ножом и вилкой, которые тоже извлек из грааля.

— Ну-ну, — сказал он, прожевав. — Насколько я помню, ты считаешь грааль устройством, преобразовывающим энергию в материю?

Филлис кивнула и глянула через стол на Джейруса Чарбрасса, ожидая от него подтверждения. Конструктор космических кораблей из двадцать первого века, Чарбрасс, вооруженный знаниями передовой науки, мог обосновать ее теорию. Но, сдержаный по природе, не спешил высказывать свою точку зрения, пока его не спрашивали впрямую.

Был он красив, высок, хорошо сложен. Темная от загара кожа контрастировала со светлыми, отливающими бронзой волосами, а в зеленых глазах плавали золотые искорки, точно в немецком ликере под названием «Голдвассер». Он произвел впечатление человека ленивого; его тяжелые, слегка монголоидные веки приподымались с неохотой, движения были замедленны и плавны.

В ответ на немой вопрос Филлис он, по своему обыкновению, молча кивнул. Выуживать из него какую-либо информацию приходилось чуть ли не силком. Однако внешность Чарбрасса была обманчива, ибо работать он мог круглые сутки напролет и, когда все уже падали с ног, оставался свежим как огурчик. Да и во время чисто светских застолий говорил, как правило, без умолку, было бы кому слушать.

Чарбрасс оставался одним из немногих людей, о котором у Блэка так и не сложилось определенного мнения. Правда, у него было подспудное ощущение, что инженер двадцать пер-

вого века смотрит свысока на всех, кто жил в более ранние столетия, хотя тот ни словом, ни жестом этого не выдавал.

Познакомились они двенадцать лет тому назад, сразу после падения большого метеорита. Блэк отправился тогда в горы на разведку и почти сразу же наткнулся там на Чарбрасса. Момент был напряженный, ибо Блэк не задумываясь убил бы инженера, реши тот использовать захороненные глубоко в земле осколки упавшей звезды ради собственной корысти. Но Чарбрасс оказался человеком сговорчивым и готовым к сотрудничеству. А когда Блэк изложил ему свой план по добыче метеоритного никеля и железа, Чарбрасс сказал, что с радостью станет главным инженером Проекта. Знания и навыки его, конечно же, были бесценны. Однако сам он оставался загадкой — общительный, но несколько отчужденный, приветливый и все же скрытный, демократичный внешне, но аристократ до мозга костей.

Уступая безмолвной мольбе Филлис о поддержке, Чарбрасс, ласково улыбнувшись ей, заговорил:

— Твоя идея, Фил, — единственное достойное внимания научное объяснение из всех, что я слышал. По-моему, все сверхъестественные теории вполне можно зарезать бритвой Оккама. Поскольку долина идентична Земле в смысле времени-пространства и энергии-материи и подчиняется таким же физическим законам, мы можем с уверенностью сказать, что живем в той же самой Вселенной.

Фил утверждает, что в 1940-е годы ученые уже умели создавать материю из энергии. В небольших масштабах — из энергии получали всего несколько атомов и присоединяли их к молекуле углерода. Но это было лишь начало. К концу двадцати первого века мы научились преобразовывать энергию целых цепочек углеродных молекул аминокислот. Достижения последующих поколений мне неизвестны, но я полагаю, что они проводили и более сложные трансмутации.

Таким образом, вот вам первый шаг к созданию граалей.

Кроме того, Фил говорила мне, что в ее ве^ке появился первый электронный микроскоп, способный сфотографировать атомы. В мое время техника позволяла нам воспроизвести в наглядном виде самое глубинное строение материи, даже временные частицы, рожденные столкновениями субатомных единиц.

Что получилось бы, если бы людям, родившимся после двадцати первого века, удалось объединить оба открытия? Возьмем наш грааль — вот так.

Он поднял свой грааль за ручку и покрутил его взад-вперед. Все примолкли, ловя глазами солнечные зайчики, вспыхивавшие на безупречно гладкой поверхности цилиндра.

— Этот замечательный судок, — лениво усмехаясь, продолжал инженер, — представляет собой пустую емкость с тоненькими стеночками. Но если приглядеться, то можно заметить, что у него двойное дно — не больше дюйма шириной и фута в диаметре. Можем мы допустить, что там находится миниатюрный и исключительно компактный сложный конвертер энергии-материи, который принимает энергию из какого-то источника или прямо из солнечных лучей и в который заложены «снимки» молекулярного строения еды, напитков и прочих вещей, что нам выдают трижды в день?

— Да, Джейрус, я могу это допустить, — протянул Келли, черноволосый генерал регулярной телемской армии. — Но почему там то бифштекс, то ветчина? Сегодня «Голдс», а завтра «Тейртонс»?

— Филлис считает, что в каждом граале есть нечто вроде электронного меню. Очевидно, там есть и приборчик, определяющий набор блюд по принципу случайного выбора. Он «вращается» и вызывает из «списка» определенный номер. А крохотный конвертер тут же принимается за дело: роется в файлах банка памяти, находит субатомные «снимки» каждого заказанного предмета, превращает энергию в материю, соответствующую «снимку» — и пожалуйте, кушать подано!

— Да, но почему грааль может открыть только его владелец? — спросил кто-то.

— На это можно дать много разных ответов, — сказала Филлис. — К примеру, грааль может быть настроен на биоволны, излучаемые мозгом владельца. Как только пустые тарелки наполняются едой, миниатюрный энцефалограф считывает данные, и крышка открывается. Как мы знаем, никто, включая и владельца, не в силах открыть грааль, пока в нем не появятся новые предметы.

— Чтобы мы не лезли туда руками, пока идет процесс преобразования? — спросил Езекиил Харди, капитан «Зуба дракона».

— Совершенно верно, — ответила Филлис. — Иначе, если материя возникнет в том же месте, где находятся руки, произойдет взрыв, поскольку два предмета не могут занимать одно и то же пространство одновременно.

— Мне лично все-таки легче принять сверхъестественное объяснение, — заметил Харди, бывший китобой из Нью-Бедфорда. — Оно проще.

— Сверхъестественное непознаваемо, — сказал Блэк, — и освобождает нас от необходимости думать. В него можно только верить. Поэтому я предпочитаю естественную теорию.

Она ставит перед нами задачи, которые мы, возможно, сумеем разрешить.

— Дон Кихот и ветряные мельницы, — усмехнулся Харди.

— Ветер может дуть и в головах, — отрезал Блэк, стиснув челюсти так крепко, что зубы скрипнули.

Харди покраснел. Филлис, желая предотвратить скорую, торопливо проговорила:

— Научная теория объясняет также наше воскрешение.

Китаец, сидевший рядом с Филлис, поднял глаза от чашки с бобовым супом. Этого плотного краснощекого молодца звали Це Чан. Возле его локтя лежала сплетенная из травы высокая коническая шляпа с загнутыми почти до верхушки полями. Он никогда не расставался с ней, так что шляпа стала таким же отличительным знаком китайца, каким для Блэка была его железная трость. Несколько лет назад Це Чана убила банда, которой не нравились его либеральные политические идеалы, и он объявился среди индейцев каюга и чероки, живших на берегу озера напротив Телема. Хотя индейцы взяли его в плен, Це Чан вскорости подружился с их вождем Деканавидахом, и китайца приняли в племя. Больше того — он женился на правнучке вождя, став со временем правой рукой Деканавидаха, выучил язык ирокезов и английский, на котором общались люди, живущие на другом берегу озера. Сейчас он гостил у телемитов, смазывая дипломатические колеса для предстоящего совещания между Особым советом белых и вождями краснокожих. Они с Блэком надеялись заключить долговременный договор между двумя народами, хотя это требовало немалых усилий.

— Вы можете объяснить наше воскрешение, мадам? — переспросил он, принужденный слушать разговор о материях, не разбираясь в которых китайскому поэту и государственному деятелю одиннадцатого века было вполне простительно.

— Да. Представьте себе устройство, способное зафиксировать молекулярную структуру человека с момента его рождения до смерти. От такого устройства остается всего один шаг, хотя и довольно-таки длинный, до воссоздания человека с помощью конвертера массы-энергии. Я считаю, что те, кто поселил нас на берегах Реки, так и сделали.

Глаза Це Чана, удлиненные и блестящие, загорелись еще сильнее, а пухлые красные губы удивленно приоткрылись.

— Так просто, мадам?

— Это единственное объяснение.

— А как насчет нашей вечной молодости?

— Заслуга блестяще развитой гериатрии, мистер Це Чан. Или, точнее, науки о долгожительстве и омоложении. К тому

же не забывайте, что те, кто умирает в долине, тут же воскресают где-то в другом месте. Что можно сделать единожды, нетрудно повторить.

— Но как были сделаны эти «снимки»? Как можно «сфотографировать» людей, живших двенадцать тысячелетий назад? Кто их снимал? И зачем?

— Господь Бог, мистер Це Чан, — со смехом сказала Филлис. — Я понятия не имею. Тут моя теория бессильна. Кроме путешествия во времени, мне ничего не приходит на ум. А это объяснение слишком фантастично, и я предпочитаю от него воздержаться.

— Я тоже, — подхватил Чарбрасс. — Никаких оригинальных идей у меня нет, но я считаю, что сдаваться не стоит. Возможно, в один прекрасный день нам удастся понять, каким ветром нас сюда занесло.

— Тем более что для разгадки есть несколько ключей, — сказала Филлис. — Само устройство жизни в долине явно антропоцентрично и указывает на определенный тип монокультуры, пытающейся навязать нам свои стереотипы. Возьмем, к примеру, содержимое граалей. Кроме еды, то есть необходимого, мы получаем сигареты, сигары, губную помаду, мыло и расчески. Мыло — это понятно. Но с какой стати давать нам курево, спиртное и помаду? Разве это не свидетельствует о том, что наши воскресители тоже пользуются в обиходе подобными вещами и считают их необходимыми для мало-мальски сносной и беззаботной жизни?

— Помада поднимает тебе настроение, Филлис, — заметил Блэк.

— Верно, и мне кажется, что никто, кроме людей, этого не поймет. А потому я считаю, что граали созданы не богами. Это творение человеческих рук.

— Простите, но я бы хотел кое-что добавить, — вмешался Це Чан. — Вкус этого бобового супа мне отлично знаком, и неудивительно: ведь я сам придумал его рецепт.

— Ага! — торжествующе воскликнула Филлис. — А потом он наверняка распространился по всему Китаю, и тот, кто создал граали, включил рецепт в меню!

— Не забудь также о нашей одежде, — проговорил Блэк. — Она везде одинакова, по всей долине. Для женщин — лифчики, трусики, блузки и юбки. Для мужчин — трусы, рубашки и брюки. И для всех — кимоно. Никакой попытки одеть людей в соответствии с их национальностью или эпохой. Будь ты фараон Древнего Египта, австралийский бушмен, моряк елизаветинских времен, индийский крестьянин, эскимосский рыболов, троянский гоплит — все едино. Все мы одеты в одно-

типные костюмы. Возможно, наши благодетели сами носят такую одежду?

Больше того, — продолжал Блэк, слегка распаляясь, — наши усы и бороды таинственным образом исчезли! Гладко-лицыми, как дети, мы пришли в этот мир и такими здесь остались. Похоже, люди, воскресившие нас, считают растильность на лице излишней. Но какого черта они навязывают нам свои пристрастия?

— Ох, Дик, ты до сих пор не можешь простить им, что лишился своих свирепых усиков? — рассмеялась Филлис.

— Пускай эти негодяи явятся перед нами во плоти! — вскричал молодой человек с орлиным носом и густой рыжей шевелюрой, вскочив на ноги и размахивая горящей сигарой. — Если у них, сволочей разэтаких, достало смелости вытащить нас из могил и засунуть в эту паршивую долину, почему они не осмеливаются сказать нам, кто они такие? Почему не признаются в содеянном?

Может, они раскаялись в том, что воскресили жалкий род человеческий? Поняли, какую ошибку допустили, но не хотят за нее отвечать? И поэтому просто слинали, надеясь, что никто не найдет нас и не предъявит им обвинения в кровавом, жестоком, садистском, подлом, омерзительном преступлении против человечества? Почему они скрываются, а? Или эти надменные подонки прячутся от нас просто смеха ради? Чувство юмора у них такое, да?

Никто не пытался его успокоить. Сэма порой заносило; утихомирить его в такие моменты нечего было и думать — его просто оставляли в покое, чтобы дать ему возможность выплеснуть накопившуюся желчь. Обыкновенно это был жизнерадостный и остроумный молодой человек с неизменной сигарой во рту, наслаждавшийся всем, что могла ему предложить Река. Но порой что-то вдруг задевало потаенную струну, и он взрывался негодованием, как ракета, пока в нем не иссякало горючее.

Обнаружив, что никто не выказывает желания с ним поспорить, Сэм пнул свой грааль ногой и зашагал прочь, жуя на ходу сигару и заложив руки за спину, хмуро зыркая из-под кустистых бровей в надежде отыскать жертву, на которую он мог бы обрушить свой гнев.

Напряженную тишину внезапно прервала отдаленная барабанная дробь с западной стороны. Все тут же забыли про Сэма и стали вслушиваться в сообщение от агента РА, находившегося на территории Мюреля.

ГЛАВА 6

— Хикок скоро будет здесь, — сказал Блэк. — Возможно, кое-кто из вас заметил, что его не видно последние две недели. Теперь я могу вам сказать: он шпионил в Мюрелии.

Оживленно обсуждая новости, советники встали из-за стола. Вымыли белые металлические тарелки в лохани из обожженной глины и сунули их в зажимы внутри граалей. Сполоснув и вытерев пластмассовые ложки, вилки и ножи, аккуратно связали их вместе. Все пустые сигаретные пачки осторожно развернули и отдали разглаженные обертки Филлис. Секретарь Особого совета, она собирала всю бумагу, на обратной стороне которой можно было делать записи.

Позже пластмассовая посуда, сигаретные обертки и все напитки, за исключением унции на человека, будут в целости и сохранности доставлены в Черный Замок и сложены в общий запас.

Филлис с Ричардом, взяв свои граали, подошли к высоким и узким дворцовым воротам. В последнюю минуту Блэк обернулся и глянул на Базарную площадь, где стоял на зеленой траве в окружении небольшой толпы проповедник Второго Шанса Борбич, исступленно жестикулируя.

Поджав губы с выражением величайшей брезгливости, Блэк вошел в здание. Он чувствовал, что этот святоша доставит ему еще немало хлопот.

Пройдя по коридору высотой в два человеческих роста, достаточно широкому для шеренг из четырех человек, Блэк свернул под опускную решетку с тяжелыми острыми зубьями и вошел в главный офис агентства — просторное помещение с побеленными известняком стенами и множеством столов, огражденных бамбуковыми ширмами.

Управляющий Розыскного Агентства поздоровался с ним и протянул листок бумаги.

— Так, так, — проговорил Блэк. — Стало быть, наш агент разыскал Диккенса? Посмотрим, кто просил его найти?

— Парень по фамилии, кажется, Честертон. Он не сказал, зачем ему нужен Диккенс, но прямо-таки жаждал с ним встретиться.

— Что мы потребуем с него взамен?

— Ответную услугу. Он откроет для нас филиал агентства и будет управлять им, пока ему не надоест или пока мы не решим прислать ему замену. Живет он слишком далеко, чтобы брать с него обычную плату в виде ста пятидесяти унций спиртного. К тому же, по словам агента, этот парень не из тех, кто добровольно расстанется с выпивкой.

— А что Диккенс? Может, он тоже нуждается в услугах нашего агентства?

— Мистер Диккенс заявил, что вполне счастлив. Романы он больше, конечно, не пишет, зато занимается тем, о чем мечтал всю свою жизнь — я, естественно, цитирую нашего агента, мистера Дану, — то есть путешествует с театральной труппой, ставит спектакли и читает главы из своих книг. Мистер Dana не без некоторого удивления узнал о том, что мистер Диккенс находится в близких отношениях — весьма близких! — с одной из актрис труппы. Не помню ее фамилии, но, похоже, она была довольно знаменитой киноактрисой двадцатого века. Американской вроде бы. Как же ее фамилия, дай Бог памяти?

— Это неважно, мистер Джонсон.

Блэк пошел дальше. Филлис хихикнула. Он не улыбнулся ей в ответ, как делал обычно, чтобы показать, что разделяет ее веселье. В последнее время ее привычки вызывали у него раздражение, которое он еле скрывал.

Филлис обиженно надула губы, но Ричард, не обращая на нее внимания, проследовал вперед и остановился у одного из столиков, где клиент с крупным носом и выступающим адамовым яблоком излагал сотруднице агентства свое дело.

— Я родился в сорок втором году.

— Какого столетия?

— Нашего, само собой.

— Девятнадцатого или двадцатого? — терпеливо переспросила сотрудница.

— Ну, мисс, я же и говорю, это был тысяча восемьсот сорок второй год. А помер я двадцать один год спустя. Снаряд южан оттяпал мне ногу, и я загнулся от заражения. Но когда проснулся на берегу Реки, то нога были при мне, целехонькая, и...

— Да, сэр. Я вижу. Как зовут ту женщину, которую вы хотите разыскать?

— Лаура Мэй Иверсон, мисс. Мы с ней были помолвлены и собирались повенчаться, да тут как раз война... Свадьбы мы не дождались, и я ушел на фронт, так и не зная, понесла она или нет... Ну, вы понимаете, о чем я... Здесь это не считается грехом. Все мы, святые и грешники, тут в одной лодке. Так вот, я хотел бы ее отыскать, мисс. Двадцать лет я брошу взад-вперед, взад-вперед... Нет, у меня, само собой, были другие женщины, но я разругался с последней, как и со всеми до нее, бросил все и, прослушав про ваше агентство, пришел сюда. Я просто не в силах выбросить Лауру Мэй из головы, а потом, ужасно хочется узнать, был ли у нас ребенок и...

За соседним столиком сидел другой клиент — смуглый, тощий и низкорослый человечек с большой курчавой головой и огромным крючковатым носом.

— Ваше имя?

— Исаак Гольдберг.

— Время и место рождения?

— 26 января 1918 года. Гамбург, Германия.

— Умерли?

— Осенью 1942 года. В Дахау.

— Впервые воскресли в этой части долины?

— Нет. Ниже по течению, среди своих современников немцев.

— И чего бы вы хотели от РА, мистер Гольдберг?

Человечек разразился страстной речью на немецком, лившейся бурным и неровным потоком, в котором то и дело упоминалось одно и то же имя.

Ни один из слушателей не был ни особенно удивлен, ни растроган. Долгий опыт приучил сотрудников агентства к тому, что ненависть становилась стимулом для поисков не реже, чем любовь. К тому же Филлис единственной из всех имела разыскиваемого что-то говорило.

— Хорошо, мистер Гольдберг, мы приложим все усилия, — спокойно ответствовал клерк. — Но мы не можем ничего гарантировать, естественно. Если я правильно понял, вы уже однажды разыскали этого человека?

— Да, и я пытал его и убил, как он когда-то пытал и убил моих родителей, мою сестру и ее мужа, мою жену и нашего сына. И я найду его снова, и опять подожарю над костром. И опять, и опять, хоть бы это продлилось целую вечность!

— Возможно, и продлится, мистер Гольдберг. Но это к делу не относится. А теперь позвольте задать вам еще несколько вопросов. Не встречалась ли вам когда-либо голубоглазая блондинка, англичанка по имени Изабель Блэк? Возможно, кто-то из ваших знакомых с ней встречался?

Филлис, стоявшая рука об руку с Блэком, непроизвольно скжала кулак. Она так и не смогла привыкнуть к этому вопросу, который Блэк велел задавать всем агентам, куда бы они ни направлялись.

— Нет, впервые слышу, — ответил Гольдберг.

Филлис разжала кулак.

— Благодарю вас. Не случалось ли вам добираться до истоков Реки? Или кому-нибудь из ваших знакомых?

— Мне — нет, но я встречал людей, которые сплавлялись к устью Реки. Они говорят, она впадает в узкое ущелье между высокими и неприступными скалами, а там такие пороги, что

любую лодку в щепы разнесут. Сами они не доплыли до устья Реки, потому что никто из людей оттуда не возвращался, ни живым, ни мертвым.

— Благодарю вас. Это нам известно. Нас интересуют истоки Реки.

— Об этом я ничего не знаю. Меня волнует только один вопрос.

Человечек сжал кулаки и обвел помещение свирепым взором.

Блэк вместе с Филлис вышли из зала. Подойдя к двери, ведущей в больничные палаты, они остановились и закурили. Филлис не проронила ни слова по поводу Изабель, хотя Ричард знал, что думает она исключительно о его бывшей жене. Но заговорила она о другом:

— Гольдберг нуждается в помощи, Дик. Отчаянно нуждается. Он двадцать лет скитается по долине, и до сих пор не привык к здешней жизни. Двадцать лет эта мания пожирает его изнутри! Да, он, конечно, настрадался на Земле, и я прекрасно понимаю, что сразу забыть такое невозможно. Но здесь не Земля, Дик. Это долина. Нам дали шанс начать новую жизнь, обрести новое счастье. Ты обратил внимание, что он даже не спрашивал о своих родственниках? Только о человеке, которого он жаждет предать мучительной казни? Я не говорю, что этот фашист не заслуживает казни, но дело в том, Дик...

— Ты слишком нервничаешь, Фил.

— Да, нервничаю, — согласилась она, пыхнув сигаретой. — Я нервничаю вот уже несколько дней. Так о чем я хотела сказать? Ах да! Мы же практически не в силах найти человека, если он умер уже здесь, в долине. Как правило, умерший воскресает вновь очень далеко от места своей гибели.

И поэтому я все мучаюсь мыслью: что со мной будет, если тебя убьют? Мы никогда не увидимся снова, и пусть даже я буду знать, что ты где-то воскрес, для меня ты все равно будешь потерян. А я не смогу перенести этого, Дик! Ты единственный человек, кого я по-настоящему — действительно по-настоящему! — любила.

— Ты полюбишь другого, миллион других, и не менее сильно, Фил. Поверь мне. У нас с тобой впереди целая вечность. А ты представь себе, что прошла хотя бы сотня лет. Будем ли мы любить друг друга через сто лет так же страстно — или же наскучим друг другу до смерти? Сколько новых людей мы повстречаем за это время? Чьи руки будут обнимать нас тогда, чьи губы будут нам клясться в вечной любви?

— Многие пары на Земле жили до девяноста и даже до ста лет, сохранив свою любовь, — обиженно заметила Филлис.

— Это голословное утверждение. Многие из этих верных супружеских пар не распались лишь в силу привычки или потому, что постарели и сделались никому не нужны. Кто знает, как бы все обернулось, если бы им, как и нам, вернули вечную молодость? Разве стали бы эти пары так же коротать вместе вечера, довольствуясь друг дружкой? Ведь старишкам не приходится подавлять сексуальное влечение к другим людям и заставлять себя хранить верность насилию!

— Дик, когда ты так говоришь, я порой сомневаюсь, любишь ли ты меня?

— А что я такого сказал? — пожал плечами Блэк.

— Что? Побойся Бога, Ричард Блэк! Ты просто упрямый, тупой и самодовольный осел! И как я только могла терпеть тебя целых двенадцать лет?

— Только что ты собиралась прожить со мной вечность, — усмехнулся Блэк.

— Это и правда слишком долгий срок!

— Вот и я о том же.

Филлис повернулась и ушла, охваченная гневом. Блэк, несмотря на усмешку, был не на шутку озадачен ее поведением. Он рассеянно взглянул на иероглифы, бегущие по чисто вымытой стене, и его внезапно осенило. Ну конечно! Сегодня у нее начало месячных. А это значит, что любая мелочь, которую в другое время она даже не заметила бы, действует ей на нервы. Да плюс еще конфликт с Мюрелем, очередное напоминание об Изабель, тревожная неуверенность в его чувствах — и вот результат.

Блэк мельком подумал, и уже не в первый раз, о веществах, обеспечивающих стерильность обитателей долины. Женщины по-прежнему, как и на Земле, реагировали на лунные фазы, мужчины по-прежнему извергали семя — но никакая жизнь не завязывалась в глубинах женского чрева.

Похоже, подумал Блэк, пожимая плечами, им никогда не разгадать загадки своего бесплодия. Здесь не было микроскопов, чтобы увидеть, есть ли в мужском семени сперматозоиды и не повреждены ли женские яичники или гормоны каким-то невидимым веществом.

Блэк вошел в так называемую больницу — большую палату с двадцатью койками. Доктор Уинтерс поздоровался с ним — невысокий пухлый человечек с блестящими бледно-голубыми глазками и вечной насмешливой улыбкой на устах.

— Что у тебя новенького, Джо?

Уинтерс пожал плечами и изящно взмахнул рукой:

— Все прекрасно. Ни одного случая проказы, сыпного тифа, холеры, малярии, полиомиелита, слоновой болезни, фрам-

безии, сифилиса, гонореи, гноетечения, дифтерии, пневмонии, осьмы, кори, менингита, филяриатоза, ленточных глистов, амебной дизентерии, скарлатины, брюшного тифа, паучьих укусов и ногтоеды.

Доктор тихонько хихикнул. Шутка получилась так себе, без соли.

Блэк даже не улыбнулся — он никогда не смеялся из вежливости.

— Здравствуй, Ванда! Как ты себя чувствуешь? — спросил он, подойдя к одной из бамбуковых кроватей.

— Не очень, Дик. Грудь болит — мочи нет, и даже виски, что дает мне доктор, не помогает.

Рак. Никакого болеутоляющего, кроме спиртного, а запасы его ограничены.

На следующей койке лежал человек с изуродованными, точно клешни, руками и изогнутым в виде вопросительного знака позвоночником.

Артрит.

— Почему ты не дашь доку убить меня, Дик? Сам я еще Бог знает сколько промучаюсь. А он бы избавил меня от страданий.

— Как ты хочешь, чтобы он убил тебя? Утопил, пырнул ножом или дал по мозгам как следует?

— Если честно, Дик, я бы хотел, чтобы меня засунули в мешок и бросили в Реку.

— Мы подумаем, как тебе помочь.

Следующей пациенткой оказалась девушка в смирительной рубашке, сплетенной из стеблей травы. Волосы ее разметались по подушке, глаза были закрыты, губы беспокойно шевелились, произнося бессмысленные для всех, кроме нее, слова.

— Удалось тебе связаться с ее любовником? — спросил Уинтерс.

— Один из моих агентов нашел его на берегу Реки, милях в пятистах отсюда.

— Что он сказал?

— Он не вернется к ней. Женщина, с которой он живет сейчас, нравится ему гораздо больше.

— Он единственный, кто в силах спасти эту девушку. Если он к ней вернется, она, возможно, выкарабкается.

— Не надейся. Он говорит, что не хочет быть привязанным к женщине, которую не любит.

Блэк задумчиво уставился на искаженное мукой лицо и подумал о Филлис. Как она отреагирует, если он скажет, что больше не любит ее?

— Ну что ж, — сказал Уинтерс, — я не могу его винить. С какой стати он должен жить с ней против собственной воли? А если она свихнулась, так сама и виновата. Он, в конце концов, не врач. У него своя жизнь. Но я хотел бы, чтобы он появился хоть ненадолго и попробовал поговорить с ней. Тогда я мог бы попытаться вытащить ее из тьмы. Мне не терпится опробовать новые способы, которые продемонстрировал мне Чарбрасс.

— Чарбрасс?

— Вот именно. Великий молчальник. Я был благодарен ему, когда он показал мне поразительно эффективную терапевтическую методику двадцать первого века, по сравнению с которой все, что я когда-либо слышал, выглядит абсолютно примитивным. Но в то же время мне ужасно хотелось наподдать ему по загорелым ягодицам за то, что он так долго молчал.

«Бога ради, приятель! — говорю я ему. — Мы с вами знакомы шесть лет, и вы прекрасно знаете, как мне отчаянно нужны эффективные методы лечения! И тем не менее вы до сих пор держали язык на замке. Почему?»

А он отвечает в этакой своей ленивой манере, полуприкрыв глаза: «Но, док, вы же меня не спрашивали!»

— Вообще-то он инженер. Возможно, он не считал себя большим специалистом по врачебной части?

— Он говорит, что обладает дилетантскими познаниями. Но они значительно превосходят все, чему меня когда-то учили.

Блэк пристально посмотрел на девушку.

— Скажи, а на Земле она не была душевнобольной?

— Была. Она скончалась в психушке. Но здесь проснулась совершенно нормальной.

— Те, кто ее воскресил, заодно и вылечили.

— Да, как вылечили и все прочие болезни, соматического происхождения и психосоматического. Они исчезли, по крайней мере временно.

— Знаешь, — промолвил Блэк, — странная вещь, но идиоты в долине не воскресли.

— И дети до пяти лет тоже. А женщины, умершие на Земле беременными, пробудились с пустыми чревами.

— Куда же подевались идиоты, дети и эмбрионы?

— Ты меня спрашиваешь? — откликнулся Уинтерс. — Это одна из загадок долины. Если начнешь слишком сильно ломать над ними голову, то в конце концов либо сопьешься, что довольно сложно из-за ограниченного количества спиртного, либо свихнешься, как эта бедная девчушка.

— Похоже, облегчить ее страдания можно только с помощью эвтаназии.

— Да. Она проснется где-то в другом месте, здоровенькая и готовая начать все с начала.

Блэк взглянул на человека, скрюченного артритом.

— Думаешь, методика Чарбрасса ему поможет?

— Я хочу попробовать. А что?

— Ну, я собираюсь поставить вопрос об эвтаназии неизлечимо больных перед Общим советом. Глупо заставлять людей мучиться.

Уинтерс потер ладони, просияв насмешливой улыбкой.

— О, тогда для меня настанет райская жизнь! Быстроенько похороню свои ошибки — и буду лечить только сломанные ноги да зубы дергать. Кстати, и времени на рыбалку будет больше. О, счастливая долина, где врач может исцелять своих пациентов умерщвлением! Жаль, что так не было принято на Земле.

Блэк рассмеялся, а затем рассказал врачу о Гольдберге и попросил избавить одержимого от его мании.

— Насколько я понял, в свое время он был довольно известным комическим актером. Если тебе удастся исправить этот сдвиг в его мозгах, он станет ценным приобретением для нашей обители. Певцы, шуты и жонглеры нам нужнее химиков или профессоров английской филологии.

— Да, — кивнул Уинтерс, — лишенные бумаги и пишущих машинок, люди снова повернулись к Слову. Хороший рассказчик ценится на вес золота — вернее, ценился бы, если бы тут водилось золото. Что ни говори, а в этом мире, скучном на развлечения, даже второсортный водевиль — целое событие.

— Короче, постараися как-нибудь помочь ему, ладно?

Блэк повернулся, но Уинтерс схватил его за рукав:

— Погоди минутку, Дик. Хочу тебя кое с кем познакомить. Вновь воскрешенная — появилась на Базарной площади сегодня утром. Я пристроил ее в комнату в Замке, пускай потом сама решает, где ей поселиться. Она выразила желание поработать в больнице уборщицей, пока не подыщет занятие более интересное. Долго ждать ей, впрочем, не придется.

Уинтерс закурил сигарету и со смаком выпустил дым, сияя голубыми глазками.

— Да, долго ждать ей не придется, потому что любой мужчина будет рад поселить ее в своей хижине. Ах, что за штучка, Дик! Сексуальность из нее так и прет. Порода! Настоящая женщина, можешь мне поверить... А вот и она. Анн де Сельно собственной персоной.

Доктор сложил ладони трубочкой, протрубил: «тра-та-та-та!» — и поклонился.

ГЛАВА 7

Анн де Сельно оказалась невысокой и женственно округлой. Изумительной красоты каштановые волосы, круглое лицо, блестящая загорелая кожа, щеки и припухлые губы ярки от природы, на подбородке — небольшая, но притягивающая взоры ямочка. И огромные глазищи с черными, как омут, радужками. В них искрился насмешливый огонь, сжигавший вас дотла.

Не классическая красавица, она была одной из тех женщин, чью прелесть не в состоянии уловить ни пленка, ни кисть. Эти неуклюжие инструменты способны запечатлеть лишь скучную плоть. Напиши кто-то портрет Анн, и вы увидели бы довольно среднее, почти невзрачное лицо. Только проницательный взгляд и острый слух могли подсказать вам, какая редкая птица залетела в ваши края.

Блэк был очарован ею буквально в первый же миг. Не желая расставаться с ней, он продолжал ее слушать и отвечать. Анн засыпала его вопросами о Телеме, он же, в свою очередь, спросил, как она умерла. Это был обычный вопрос; все воскрешенные любили поговорить о своей смерти: кто совершенно спокойно, а кто в трагических тонах, в зависимости от натуры.

— О-ла-ла! — сказала Анн. — Я так рада, что вырвалась оттуда. Там было слишком много мрачных мужчин. У них никогда не хватало времени поболтать и посмеяться — взоры исподлобья, проклятия сквозь зубы и вечная резня направо и налево. Нет, это не для меня.

Анн была кем-то вроде Елены Троянской. Подруга самозваного короля, захватившего власть над группой французов семнадцатого столетия, она сбежала с заезжим принцем, жившим выше по течению Реки. Между двумя странами разразилась война. А в перерывах между боями премьер-министр и генерал занимались любовью с Анн за спиной у принца. Министр вынашивал планы убийства; генерал собирался прикончить принца и министра и сделать Анн своей официальной возлюбленной.

— И что же с ними случилось?

— О, я ужасно устала от этих неуклюжих зануд, которые требовали от меня клятв в вечной любви — как будто на свете бывает такая штука! Ну, я и удрала с оперным певцом, баритоном. Обожаю баритоны, знаете ли. Они на меня действуют куда сильнее, чем теноры и басы. Но нас поймали, и генерал задушил меня собственными руками.

Анн провела рукой по золотистой округлой шее и добавила:

— Слава Богу, что следов насилия при воскрешении не остается.

— Да уж! — рассмеялся Блэк. — Грех портить такое совершенство!

— Благодарю вас, месье Блэк. — Анн пристально взглянула на него: — Вы один из самых безобразных мужчин, каких я видела! О, не вздрагивайте, пожалуйста. Вообще-то это комплимент. Вы безобразны, но очень привлекательны. Точно гибрид дьявола с богом. Вы пугаете меня — то есть пугали бы, будь я способна бояться мужчины, — и в то же время притягиваете почти неотразимо... если можно так сказать. У вас, конечно же, есть подруга?

— Филлис Макбейн. Я вас познакомлю.

— Хорошо. Я должна увидеть женщину, у которой собираюсь отбить мужчину.

— Вы довольно откровенны.

— А почему бы и нет? Я даже на Земле редко лицемерила. А здесь так и вовсе нет причины лгать. Впервые воскреснув в долине, я пережила приступ ужаса — ведь я высмеивала идею загробной жизни, а в мое время богохульников сжигали на кострах, если вы помните...

— ...не в вашей стране, мадам, — сказал Блэк.

— Верно, однако риск все-таки был. Но, как я уже сказала, когда я попривыкла к жизни в долине, которая с первого взгляда показалась мне такой убогой и нищей, то поняла, что в каком-то смысле здешняя жизнь гораздо богаче земной, и решила, воспользовавшись этим преимуществом, делать все, что захочу.

— В таком случае добро пожаловать в Телем, тут вам самое место, — поклонился Блэк.

— Вы правы, месье. Только не забывайте: я говорю что хочу и делаю что хочу. Должна признать, это не раз доводило меня до беды, правда, исключительно оттого, что мужчины принимали все слишком всерьез. Например, я сказала Жан-Жаку: мы будем любить друг друга какое-то время, а потом ты мне надоешь. В ответ он заявил, что убьет меня. После чего я тут же его разлюбила. Однако убил меня не он, а его генерал. Надо сказать, пока он меня душил, я успела дать ему сдачи, месье Блэк. Я пнула его по *les poires**, и он на время отпустил мою шею. Но потом очухался и довел дело до конца. Очевидно, успешно, иначе бы меня здесь не было.

* Яйца (фр.).

— Мы у генерала в долгу, — произнес Блэк. — Его потеря стала нашей находкой.

Анн поблагодарила его и снова начала задавать вопросы.

Блэк рассказал ей о Розыскном Агентстве, распространившем свои филиалы уже на три тысячи миль вверх и вниз по Реке, о том, какую сигнальную систему он установил, чтобы получать известия от агентов, а также о своей надежде с помощью агентства сплотить всю англоговорящую часть населения долины.

— О! — воскликнула француженка. — Значит, вы надеетесь, что однажды ваше РА превратится в РАЙ!

— Pas exactement*, мадемуазель, — рассмеялся Блэк. — Здесь не будет ни богов, ни ангелов. Люди возьмут управление страной в свои руки. И это будет самое демократическое правление на свете.

— Ах, месье, вы же не дурак! Вы и вправду верите, что толпа способна управлять собой?

— Здесь — да. Это вам не Земля. В нашем распоряжении целая вечность, чтобы исправлять свои ошибки.

— Или наделать новых.

— Верно, однако население здесь, в долине, потенциально стабильное. У нас нет стариков, слабосильных, неприспособленных. Наши мозги в принципе должны со временем сделяться столь же гибкими, как вены и артерии. Нам не нужно воспитывать детей, передавать им свой жизненный опыт и пытаться уберечь от наших же промахов.

Здесь каждый человек стареет только в смысле опыта. И, естественно, повторяя одни и те же ошибки вновь и вновь, в конце концов чему-нибудь да научится.

— Месье выглядит прожженным циником, но в душе он идеалист. У него гораздо больше веры в способность людей учиться на собственных ошибках, нежели я предполагала. Что касается меня — mon dieu!** Я думаю, что человеческая глупость безмернее вечности. Человек скорее позволит разорвать на мелкие кусочки самого себя, чем свои идеи или предрасудки. Он будет стоять за них насмерть — и погибать тысячу раз, а потом воскресать тысячу и один раз, но с пути своих предков не свернет.

— Надеюсь, вы ошибаетесь, мадемуазель. Вы видите мир в черном цвете.

— Но это и ваш цвет. Вы же король Ричард!

— Я все-таки не такой Ричард, как у Шекспира.

* Не совсем так (фр.).

** Боже мой! (фр.).

Они помолчали, а потом Блэк заговорил, поддавшись искушению, которого не мог и не хотел побороть:

— Сегодня я собираюсь проверить заставу, охраняющую проход к руднику. Может, составите мне компанию? С гор открывается чудный вид на Телем, и я расскажу вам, чего мы добились и о чем мечтаем.

— С удовольствием, месье.

— Тогда жду вас на северо-западном углу Базарной площади. В полдень.

Выходя из больницы, Блэк не спрашивал себя, с какой стати так внезапно пригласил эту женщину. Он отдавал себе отчет в том, что с ним происходит. Такое же чувство вызывали у него в первые годы совместной жизни Изабель и Филлис.

А теперь — Анн.

И тут Блэк увидел Филлис, которая стояла в дверях и, очевидно, наблюдала за ним какое-то время. Заметив, что он ее увидел, Филлис перестала хмуриться и спросила:

— У тебя здесь еще дела или возвращаемся в агентство?

Блэк обернулся в поисках Анн, чтобы представить ее, но та испарилась. Он почувствовал облегчение.

— Пойдем.

Когда они вошли в кабинет Блэка, Филлис спросила его, кто эта женщина. Он рассказал.

— Интригующая история. Она красива?

— Ты же видела ее.

— Я имею в виду — на твой взгляд.

— Она привлекательна, но в Телеме найдется немало женщин красивее ее.

— По-моему, она слишком толстая.

— Хм-м. Скорее пышная — но если прибавит хоть фунт, то и впрямь станет грузноватой.

— Но она никогда не прибавит?

— Откуда мне знать?

— У тебя острый глаз на такие вещи.

— Я мужчина. И, естественно, неравнодушен к женским прелестям.

— Она остроумна?

— Да.

— И смешлива?

— Да.

— Ярко выраженная личность?

— Да.

— Выделяется в толпе?

— Ни разу не видел ее в толпе, но думаю, что выделяется.

Блэк уселся за стол.

Филлис опустилась на свой стул.

— По-моему, я что-то слышала об этой Анн де Сельно, — протянула она. — Или читала.

— Возможно. — Блэк закурил сигарету. — Она жила в конце семнадцатого — начале восемнадцатого века. Имела репутацию женщины остроумной, страстной и была хозяйкой одного из самых знаменитых французских салонов того времени.

Услыхав его последние слова, Филлис выпрямилась на стуле.

— Ну да, вспомнила! У нее было столько любовников, что биографы сбились с ног, пытаясь их сосчитать. Проститутка, хотя и высокого пошиба.

— Вряд ли. Она никогда не дарила своей благосклонностью тех, кто ей не нравился. А если и принимала подарки, то они не влияли на ее расположение к дарителю.

— И все-таки она проститутка.

— Ты сегодня довольно сурова в своих суждениях, Филлис. Это на тебя не похоже.

— Она мне не нравится.

— Ты с ней даже не знакома.

— Я видела, какое впечатление она произвела на тебя. С меня этого достаточно.

Блэк уставился своими черными глазами прямо в ее голубые.

— Бога ради, Дик, не смотри на меня так! — поежилась Филлис. — Возможно, я к ней несправедлива. Но с тобой что-то произошло. Я это чувствую. Такое странное выражение лица я видела у тебя только однажды — в день, когда мы встретились. Ты помнишь его?

— День? Или выражение?

Филлис попыталась улыбнуться; улыбка, тронув самые края губ, тут же исчезла.

— День, дурачок! Это было после большого сражения с бандой собирателей граалей, которая властвовала на этом берегу. Ты только что убил их главаря — странно, но я даже не помню его имени — камнем. Долбанул ему по черепу, помнишь? А я держала его за ноги, пока ты, оседлав его, не расквасил ему вдребезги всю физиономию. Это должно было меня ужаснуть, но я только радовалась, что подонок отдал концы.

А когда ты встал, весь в крови, и в поту, и в грязи, но с демонической улыбкой, такой смуглый и свирепый, я влюбилась с первого взгляда. Ты посмотрел на меня — с тем самым странным выражением, — и я поняла, что буду спать с тобой сегодня же ночью и множество ночей подряд.

Конечно, это было очень романтическое и безрассудное чувство. Ты мог оказаться таким же тираном и бандитом, как тот, кого ты убил. Но ты был другим. И даже когда будни смыли с тебя героическую позолоту и ореол славы, любовь моя не потускнела. Она стала еще сильнее, потому что я любила тебя как мужчину, а не как легендарного героя.

— Я не слепой, Фил, — сказал Блэк. — Я вижу, к чему ты клонишь. Ты взываешь к моим чувствам, напоминая о прожитых вместе годах. Странно, ведь ты никогда раньше этого не делала. Я встречал других женщин, очаровательных женщин, которые не скрывали своих желаний. Я запросто мог переспать с любой из них, зная, что ты все равно меня не бросишь, что наша жизнь, пусть даже не такая, как прежде, не превратится в ад. Но я отвергал этих женщин, поскольку понимал, что они не могут дать мне ничего лучшего, чем ты, за исключением, пожалуй, новизны. Я думал, наше взаимопонимание слишком ценно и редко, чтобы лишиться его из-за одной бурной ночи. И ты тоже, насколько я знаю, хранила мне верность все эти двенадцать лет. Так с какой же стати мне менять столь прочное чувство на нечто мимолетное?

Я и не менял. Мне казалось, мы прекрасно понимаем друг друга. Как вдруг появляется женщина, с которой я поболтал пару минут, женщина, с которой ты даже не знакома, и ты начинаешь говорить такие вещи, будто мы на грани разрыва, будто я страстно влюблен и выкидываю тебя из своей хижины. Впервые в жизни ты устроила мне сцену ревности.

Серо-голубые глаза Филлис предательски блестели. Она чуть не плакала.

— Мне удалось удержать тебя так долго именно потому, что я не ворчала, не цеплялась к тебе и не ревновала. Ты прав: я приняла бы тебя, даже если бы ты загулял на пару ночей. Те женщины могли быть искусны в постели, но я не боялась потерять тебя совсем. Они не сумели бы тебя удержать.

Но Анн де Сельно — другое дело. Я видела твое лицо. Ты смотрел на нее как завороженный.

— Не думаю, — сухо отозвался Блэк. — Завораживают чудеса или святые, а она не святая. Отнюдь.

— Это я и сама вижу! — крикнула Филлис. — Но я не собираюсь обсуждать ее нравственность. Ты начнешь презирать меня, а кончится все тем, что я сама запрезираю себя за ханжество.

Она поколебалась немного, но не выдержала:

— Дик, я знаю, что веду себя глупо. Ты терпеть не можешь истерик, и я сама их ненавижу. Но сейчас я просто не в силах с собой совладать.

И потом, я все-таки не понимаю, как ты мог влюбиться в такую женщину. Да, конечно, целомудрие тебя никогда особенно не привлекало. Несмотря на свое викторианское воспитание, ты не такой дурак. Но эта женщина... у нее в постели перебывали все знаменитости Франции ее времени. А время ее длилось долго. Она имела любовников даже в семьдесят лет!

— Ей-Богу, Филлис, это, должно быть, месячные на тебя так действуют, — сказал Блэк, пыхнув сигаретой. — К тому же если, по-твоему, она настолько неотразима, то количество любовников не имеет значения — значит, в ней есть что-то такое, перед чем мужчины не могли устоять.

— Значит, это все-таки правда! Ты влюбился в нее!

— Прекрати, Филлис. Она мне понравилась, не отрицаю. Но я не потерял из-за нее голову и не схожу по ней с ума.

Он выпрямился и сделал то, чего никогда себе не позволял: бросил недокуренную сигарету в угол. Филлис машинально встала, не утирая бегущих по щекам слез, подобрала окурок, разорвала бумажку и высыпала остатки табака в деревянную коробочку. Когда коробочка наполнится, они выменяют табак на Базарной площади на что-нибудь нужное.

Блэк с минуту глядел на ее согбенную и дрожащую спину. Потом встал, подошел и обнял за тонкую талию.

— Поверь мне, Филлис, я не собираюсь бросать тебя, — сказал он, прижав ее голову к своей шее. — Меня влечет к Анн, спору нет. Но у меня и в мыслях не было выгонять тебя и звать ее в свою хижину.

— Я надеялась это услышать. — Филлис повернулась и поцеловала его. — Ох, Дик, я люблю тебя, я люблю тебя!

Они обменялись страстным поцелуем. Затем он нежно высвободился из ее объятий и сказал, что пора приступать к работе.

Филлис кивнула и вытерла слезы. Через минуту все стало на свои места.

ГЛАВА 8

Ричард Блэк сидел за узким столом соснового дерева на грубом и неудобном бамбуковом стуле. Филлис пристроилась рядом, скрестив ноги, положила на колени гладкую дощечку, на нее — листочки бумаги, бывшие когда-то сигаретными пачками, и принялась писать пером из рыбьей кости, макая его в бутылочку с чернилами из таниновых орешков, стоящую на полу. Поскольку бумага была дефицитом, Филлис делала короткие заметки, в которых один символ заменял целые предложения.

Записав основные распоряжения на сегодня, Филлис вышла из кабинета. Через минуту она вернулась, подталкивая вперед человечка ростом футов пяти, очень смуглого и черноволосого. Лицо у него было длинное и узкое, большой нос загнут крючком, губы пухлые и красные. Предки человечка, без сомнения, родились где-то в восточном Средиземноморье.

— Я говорила тебе о нем вчера, — сказала Филлис. — Его зовут Мукаи, он пеласг. Насколько я смогла понять его рассказ, он родился примерно в то время, когда ахейцы впервые вторглись в Грецию.

Блэк сказал несколько слов на греческом времен Гомера. Мукаи вылупил глаза. Блэк перебрал несколько древнегреческих диалектов — с тем же результатом. Он переключился на древнееврейский, потом на арабский и арамейский в надежде, что пеласг знает финикийский и поэтому сумеет понять более поздние семитские языки. Мукаи, однако, не отвечал ни слова.

Ричард перешел на английский, на котором пеласг говорил хоть и неправильно, но довольно бойко. Подбадриваемый наставящими вопросами, Мукаи рассказал свою историю.

Он дважды утонул. В первый раз в Эгейском море на Земле, а потом в водах Реки. Блэк спросил, в какой части долины. Мукаи пожал плечами.

Была ли местность там похожа на здешнюю?

Пеласг опять пожал плечами и закатил глаза.

Значит ли это «да» или «нет»?

Мукаи наконец ответил вслух: «Да-а-а».

Там было холоднее?

Немного.

Река течет там по оси запад—восток, как и здесь, или же север—юг?

Запад—восток.

Ага! А как насчет звезд? Блэк описал одно созвездие под названием Лук и Стрелы и объяснил, в каком месте небесной сферы оно расположено. Видел ли Мукаи это созвездие в той части долины?

Нет, не видел.

Значит, рассудил Блэк, пеласг впервые воскрес где-то в неизведанных районах Северного или Южного полушария, в то время как телемская часть долины простиравась вдоль экватора.

Мукаи рассказал, что утонул второй раз во время рыбной ловли, а затем очнулся на берегу милях в шестидесяти от Телема. Боги воскресили его на южном берегу, где свирепые темнокожие люди, называвшие себя «абсароки», взяли его в

рабство. Позже на дикарей напали люди Мюреля, и Мукаи стал у них крепостным. Через два года его выкупил агент Блэка за шестьдесят пять унций шотландского виски, обещав хозяину пеласга подыскать замену.

— Мукаи! — сказал Блэк. — Доводилось тебе когда-нибудь видеть истоки Реки? Или слышать о ком-то, кто их видел?

Пеласг покачал головой.

— А не встречался ли тебе кто-нибудь, не похожий на человека? Кто-то, кого можно было бы принять за бога или демона? Звучит довольно глупо... Сформулируем так: может, ты слышал о ком-нибудь или видел кого-то, кто казался чужаком среди людей, превосходил их в чем-либо?

Мукаи испуганно затряс головой.

— Значит, ты не слыхал сказаний о том, как боги навещали долину?

Нет.

— Ты дважды возвращался к жизни. Оба раза, открыв глаза, видел ты кого-то поблизости или был один?

Один.

Воскрешение происходило днем или ночью?

На заре.

А рядом не было какой-нибудь аппаратуры?

Аппаратуры?

Блэк пояснил.

Мукаи покачал головой, глядя на Блэка большими блестящими черными глазами, точно пес, не понимающий, чего хочет от него хозяин.

Мукаи смог бы узнать ту, прежнюю часть долины, если бы увидел ее снова?

Да-а-а.

Хотел бы Мукаи вернуться туда?

Да-а-а! О да-а-а!

А пока согласен ли Мукаи остаться в Телеме и стать его гражданином? Возможно, даже сразиться с теми людьми, что поработили его?

На первый вопрос: «Да-а-а». На второй: «А разве рабу дозволят сражаться?»

Блэк попытался объяснить, что пеласг больше не является чьей-либо собственностью. Если он захочет, то может уйти из Замка, и никто его не остановит.

Мукаи не очень-то поверил, но энергично закивал. Он очень хочет остаться, очень!

Заинтригованный историческим аспектом дела, Блэк спросил пеласга, как звали его царя.

Тот не знал. Он родился на маленьком островке и прожил там всю жизнь. Каждый год на островок приезжал сборщик подати, но он никогда не называл монарха по имени. А Мукаи слишком был занят ловлей рыбы, чтобы спрашивать о таких ненужных вещах.

Блэк сдался.

— Ладно, — сказал он, — мы посмотрим, на что ты годишься. Филлис, отведи его к Джейн, пускай пока за ним присмотрит.

Филлис вышла вместе с пеласгом. В кабинет быстро и бесшумно шагнул другой посетитель.

ГЛАВА 9

Джеймс Батлер Хикок был человек высокий, привлекательный, хорошо сложенный, с проницательными серо-голубыми глазами, чуть выступающими скулами, почти орлиным носом и русыми кудрями, ниспадавшими до плеч. Казалось бы, при его легком нраве и бесшабашности этот человек не должен осторожничать, открывая дверь, и оглядываться по сторонам, как бы его кто не заметил. Однако у него были веские причины вести себя именно так.

Они с Блэком обменялись рукопожатием; завязалась короткая, но яростная борьба — кто кого. Потом они разжали ладони, точно и не пытались доказать один другому, кто здесь хозяин.

— Ну, Билл, — сказал Блэк, — что ты разузнал?

Билл погладил несуществующие усы, обводя глазами комнату и не выпуская из руки рукоятки кинжала, засунутого за широкий травяной пояс, обхватывавший темно-коричневое кимоно. Голос у него оказался неожиданно высоким и тонким для такого крупного мужчины:

— Я прожил две недели в столице Мюреля — если это скопище лачуг можно назвать столицей.

Он умолк на минутку, поскольку в кабинет вошла Филлис. Они поздоровались друг с другом так, словно виделись только вчера, но глаза Хикока зажглись неподдельной нежностью.

— В общем, я тайком проскользнул на территорию Мюреля и выдал себя за вновь воскресшего. Нанялся на работу и думал уже, что дело в шляпе. Но не тут-то было. Я мельком увидел одного типа, после чего все мои планы полетели кувырком. Том Кастер — он служит у Мюреля лейтенантом. Ты же помнишь — я рассказывал тебе, Дик, какими врагами мы были с Томом в земной жизни? Ну так вот, я сразу понял: попадись я ему на глаза, меня привяжут к столбу, вспорют живот и все мои кишки вывалятся наружу, как спагетти. Поэтому мне

пришлось поступить на службу в другом конце вонючего Мюрелевского королевства. Меня не поймали. С другой стороны, мне так и не удалось стать телохранителем Мюреля, как я планировал. Так что ничего нового о его намерениях я, увы, сообщить не могу.

Прости, Дик, но если бы Том Кастер меня узрел, я бы точно остался без скальпа. Он явно не забыл тот случай в Хейсе. — Билл сделал паузу, сузив глаза, и добавил: — Как, впрочем, и я... Дик, я там такого понавидался и понаслушался, что у тебя бы волосы встали дыбом, не состриги ты их таким ежиком. Жутъ!

— Если ты слышал барабаны сегодня утром, то знаешь, что Мюрель отправил сюда корабль с послами. Они должны прибыть завтра к полудню.

Билл выругался и тут же извинился:

— Прости, Фил, но я этих сволочей просто не перевариваю. Дик, как только люди Мюреля ступят на берег, ты должен парочку повесить, а с остальных снять скальпы и отправить обратно наложенным платежом.

— Посмотрим, — невозмутимо ответил Блэк. — Скажи, а как народ реагирует на правление Мюреля?

— Люди страшно недовольны. Но что они могут? Они бы с радостью удушили Мюреля его же собственными кишками. Но у него армия в тысячу двести солдат, а народ безоружен. Если король хочет кого-то наказать, то хватает всех друзей и женщин провинившегося, и одних морит голодной смертью в темнице, а других привязывает к столбу на площади и заставляет всех прохожих пинать и бить бедняг, пока те не отпадут концы. А еще очень любит вспарывать животы и наматывать кишки убитых на шею их друзей. Женщин же отдает на потеху солдатне. Его территория тянется по северному берегу на тридцать миль. Значит, площадь королевства тридцать квадратных миль. Население в среднем триста человек на квадратную милю. То есть этот подонок изгяляется над девятью тысячами подданных.

— И его двенадцать сотен вооруженных солдат способны держать народ в повиновении?

— Ну, тут все не так просто. Мюрель расколол своих подданных на два класса: одни получают двойные порции еды и спиртного, а другие — фигу. Первые третируют вторых, и все вместе они боятся армии. В общем, как говорится, разделяй и властвуй.

Ничего хорошего про людей Мюреля я сказать не могу, но вояки они отменные. Я участвовал в двух успешных набегах через Реку. Конечно, несколько человек мы потеряли, потому

что индейцы сиу как были, так и остались злобными подонками. Однажды ночью они напали на нас и уволокли целую кучу граалей и женщин — ох, черт, отличная была потасовка! Я узнал одного из индейцев в ту ночь. Горелый Хвост. Он умер на Земле от оспы. А в ночь набега я размозжил ему голову камнем. Интересно, доведется ли увидеться опять?

Блэк терпеливо ждал, пока Хикок закончит свое повествование, собираясь, в свою очередь, спросить, какого типа корабль у Мюреля. Но тут разведчик рассказал нечто столь удивительное, что Блэк позабыл про корабль.

— Что ты говоришь? — вырвалось у него.

— А то, что росту в этом Джо Троглодите — хочешь верь, хочешь нет, Дик, — не меньше десяти футов, и если он не весит тысячу фунтов, то я готов поцеловать раненого скунса в зад! Боже правый, Дик! Он весь покрыт лохматой рыжей шерстью, руки у него до колен, грудь — что твой бочонок с виски, шеи нету вовсе, а рожа как у обезьяны. За исключением одной детали. У обезьян не бывает таких громадных носов, торчащих, как у клоуна в цирке. Ну, здоровенный! А сильный! Голиаф по сравнению с ним просто заморыш. Он постоянно носит с собой деревянный щит размером со стенку дома и топор с громадным валуном, привязанным к топорищу. В бою, Дик, он запросто сшибает шестерых индейцев одним махом. Клянусь — шестерых! Причем никто из них уже не в силах подняться. Да и немудрено: как тут поднимешься, если череп раскроен всмятку, руки-ноги разбиты вдребезги, а вместо туловища — кровавая каша. Это настоящий циклон, целое племя филистимлян в одном человеке, и спаси нас Господь, если мы не сумеем как-то убить его, прежде чем он сюда доберется. Потому что он придет вместе с Мюрелем!

— Одна меткая стрела со стальным наконечником — и ему конец, — сказал Блэк.

— С его-то щитом? Бог ты мой, да от одного его вида у любого лучника дрогнет рука.

— Погоди минутку, Дик, — вмешалась Филлис. — Дай мне задать пару вопросов. Кажется, я догадываюсь, кто такой этот Джо Троглодит.

Филлис принялась расспрашивать Хикока, внимательно выслушивая ответы, а потом повернулась к Блэку. Ее широко распахнутые серо-голубые глаза блестели от удивления и восторга.

— Если я не ошибаюсь, Джо Троглодит — представитель гуманоидной расы доисторических гигантов, которые жили во времена питекантропов или раньше. Но я не могу быть уверена, пока не увижу его воочию, поскольку некоторые вещи,

описанные Биллом, кардинально расходятся с тем, что нам известно о неоантропоидах.

Филлис вновь повернулась к Хикоку:

— Билл, он умеет говорить?

— Да, Филлис, хотя выговор у него довольно странный. Очевидно, рот устроен не совсем как у нас. Он, например, не выговаривает звука «с».

— Дик, — сказала Филлис, — он во многих отношениях подходит под описание гигантропов, или гигантопитеков, как мы их называли в свое время. Они жили тысяч сто или семьдесят пять лет назад — громадные человекообразные вдвое больше гориллы с массивным костяком. Весили, возможно, до тысячи фунтов. Похоже, этот Джо такой же здоровяк. Но описание его длинного носа заставляет предполагать, что он относится к неведомой нам разновидности ископаемых. Нужно будет поговорить с Чарбрассом: не исключено, что палеонтологи двадцать первого века раскопали кости подобных существ. Как бы там ни было, отнести его к китайским или яванским гигантам явно нельзя — он, по-видимому, представитель отдельного вида или даже рода, жившего не до, а после питекантропов. Хотелось бы измерить его череп и оценить величину мозга. Он, наверное, не так уж мал, раз Троллодит способен говорить по-английски. Скажи мне, Билл, он пользовался огнем в своей земной жизни? И какое оружие было у него тогда? Какую пищу он ел? Строил ли он жилища, жил ли в пещере или на деревьях?

Хикок озадаченно глянул на нее серо-голубыми глазами и погладил усы, которых не существовало.

— Я не знаю, Филлис. Мне и в голову не приходило спрашивать его об этом. У меня нет научного подхода. Но все-таки я узнал от него кое-что интересное.

Он улыбнулся, прислонился к стене и медленно вытащил из пачки сигарету. Блэк с досадой смотрел на эти дешевые уловки, призванные потешить аудиторию. Хотя Билл, очевидно, и правда узнал нечто важное, иначе он не стал бы тянуть кота за хвост, дожидаясь, когда его начнут упрашивать.

— Ладно, Билл, ну пожалуйста, расскажи! — не выдергала Филлис, с улыбкой глядя на Хикока и молитвенно сложив ладони.

Разведчик не спеша выпустил дым и лениво взглянул на потолок.

— В общем, так, Фил. Мои новости ценнее золота — которого я, кстати, в этой долине ни разу не видел; — но мне неохота их вам сообщать, потому что вы с Диком сразу бросите работать и начнете отмечать это событие.

— Послушай, Билл, — сказал Блэк. — В любое другое время я бы с радостью поиграл в эту игру. Но сегодня мы заняты по горло. Нам надо переделать тысячу дел, а времени не хватит и на половину. Поэтому прости, но я бы хотел услышать твою новость поскорее.

Хикок улыбнулся, хотя было заметно, что ему не хочется выкладывать все так сразу. И вдруг, решившись, выпалил:

— Дик! Он именно тот человек, кого ты искал все эти годы! Человек, побывавший у истоков Реки!

Блэк, позабыв о своей обычной невозмутимости, вскочил со стула и схватил Хикока за грудки:

— Это правда?

— Да. Хотя я не совсем точно выразился. Вряд ли Джо Троглодита можно назвать человеком.

Блэк отпустил рубашку Билла и воздел руки кверху:

— Боже мой, Билл, расскажи мне его историю! Только не накручивай подробностей — вы, американцы с Дикого Запада, без этого жить не можете, я знаю. Но сделай для меня сегодня исключение: говори по существу.

— Ладно. Этот Джо Троглодит погиб на Земле в схватке с парочкой львов. Одного придушил, другого прикончил ударом кулака — это что касается оружия, Филлис, — но потом сам умер от ран. И не смотри на меня так свирепо, Дик. Во-первых, меня не так-то легко запугать. А во-вторых, я рассказываю о его земной жизни потому, что он меня тоже заставил все это выслушать. В общем, проснулся он после смерти среди своих же сородичей. Одежды на них, в отличие от нас, не было никакой, поскольку они ее и на Земле не носили. Но граали были — и какие граали, Дик! Это надо видеть. В три раза больше наших, здоровенные канистры. Неудивительно, если учесть, сколько он лопает. Ему выдают фрукты, хлеб, молоко и громадные полусырые бифштексы, чуть ли не четверть говяжьей туши. Ну, может, я малость преувеличиваю, но они действительно жутко огромные. Кстати, выпивки в его граале нет ни капли. Мюрель, правда, снабжал его виски от пузта, пока в один прекрасный день Джо не упился до умопомрачения и не убил десятерых — клянусь, Дик, я не лгу! — лучших королевских бойцов. Мюрель еле успокоил его дубинкой по башке и теперь выдает Троглодиту не больше пяти унций бурбона в день.

Блэк уселся на стул и начал громко барабанить пальцами по столешнице. Хикок глянул на эту нетерпеливую руку, легонько улыбнулся и продолжал свое неспешное повествование:

— В общем, короче говоря, Джо прожил на берегу уже довольно долго, и тут как-то раз на Реке появилось судно.

Такую штуку Джо отродясь не видал, и ему стало любопытно. А морякам на галере требовался сильный гребец, потому что двое их товарищ погибли. Они заманили Джо на борт и уговорили отправиться с ними. Джо вовсе не дурак, он довольно быстро все схватывает, так что грести он научился в два счета, а потом немного выучил и их язык. Один парень, с которым я встретился у Мюреля — какой-то ученый, — говорит, что язык у них скорее всего был древнеегипетский. Во-первых, моряки походили на египтян по описанию, а во-вторых, у них такие имена — Непи, Тэти и так далее. А капитана звали Эхнатон. Ученый этот жуть как разволновался. Неужели, говорит, капитан и правда тот самый Эхнатон — кем бы он ни был, — и сам себе отвечает: да, похоже, тот самый. Он, дескать, как раз из того сорта людей, которым неймется добраться до истоков.

Словом, они доплыли до самых порогов, но дальше плыть оказалось невозможно...

— До порогов?

— У тебя что — уши заложило, Дик? Да, порогов. Они выволокли лодку на землю и пошли по берегу, пока не наткнулись на серию водопадов. Пришлось им лезть вверх по скалам, и они карабкались целыми днями, а ночевали на узких уступах. В конце концов — сколько времени прошло, Джо не знает, но говорит, что чертовски много, — они добрались до излучины в тесном ущелье. Джо шел во главе отряда, и поэтому первым увидал Большой Грааль.

— Большой Грааль?

Блэк сидел очень прямо, вцепившись пальцами в крышку стола. Черные глаза его горели веселым огнем.

— Да, Большой Грааль. Джо говорит, он увидел перед собой громадное озеро, а посреди — большой остров. Противоположный берег озера ему разглядеть не удалось, потому что тот скрывался в туманной мгле. Но прямо в центре острова возвышалась одинокая гора, частично обнаженная здоровым оползнем. И там был Большой Грааль — могучая башня из того же белого металла, что и наши граали, — по крайней мере так описывал ее Джо.

В общем, выглядела она как грааль высотой в тысячу футов и вздымалась из груды камней, осыпавшихся вниз. До лавины она вся была скрыта внутри горы, но теперь так ярко блестела в солнечных лучах, что Джо из-за нее свалился.

Ослепленный ярким сиянием, он шагнул вперед, прикрывая ладонью глаза, и споткнулся о чей-то грааль, брошенный на тропинке. Джо говорит, никто из его спутников оставить там грааль не мог, поскольку они шли позади. Значит, кто-то

вскарабкался сюда до них и по неизвестным причинам оставил свой обеденный судок.

Какими бы ни были эти причины, Джо из-за них вывалился в грязи, потому что, споткнувшись, кубарем полетел к Реке, словно большое косматое огненное колесо. Последнее, что он запомнил, прежде чем шмякнулся о валун, выступавший из Реки, был силуэт Большого Белого Грааля, сияющий, точно обещанный рай в конце жизни — да простится мне столь поэтический тон.

— Уже простился, — сказал Блэк. — Впрочем, мне он показался саркастическим.

— А когда он очнулся, побитый, но целехонький, то оказался в Мюрелии. И, конечно же, Мюрель завербовал его в свою армию. И да поможет нам Господь, Дик, когда Джо пойдет на нас в атаку, ибо он — сам ужас во плоти, способный одной левой разметать целое племя залогодержателей.

Блэк, не обратив внимания на последние слова Билла, принял мерить комнату шагами, размахивая руками, зыркая по сторонам и усмехаясь то и дело свирепой усмешкой. Он напоминал черную пантеру, беспокойно мечущуюся по клетке.

Внезапно остановившись, он стукнул правым кулаком по левой ладони и выругался по-арабски.

У Филлис округлились глаза, поскольку она знала, что Ричард переключается на арабский, только когда его осеняет какая-нибудь дерзкая идея.

— Мне нужно потолковать с этим Троглодитом, — сказал он. — Немедленно! Сделать это можно лишь одним способом: пойти и похитить его. Скажи мне, Билл, есть у нас какие-нибудь шансы?

Хикок выронил сигарету. Подобрав ее и сунув обратно в рот, он проговорил:

— Никто, кроме низких лгунов, которым ни один нормальный человек все равно не поверит, не обвинял меня в трусости. Но не пытайся таким способом меня поднажечь, Дик. Конечно, ты сможешь пробраться в Мюрелию и вырубить обезьяночеловека ударом по башке, как это сделал однажды сам Мюрель. Но что потом? Тебе придется связать его и заткнуть ему глотку кляпом — и как, скажи на милость, ты собираешься доставить сюда тысячу фунтов живого косматого мяса? На своем горбу? Я на своем его точно не попру.

— Мы возьмем с собой людей, дотащим его до лодки и переправим по Реке.

— Ты только не забудь, Дик, что столица Мюреля находится в центре его королевства. Тебе придется проплыть по Мюрелии пятнадцать миль, а система сообщения там налажена четко.

Король отдаст барабанный приказ, и через минуту тебя возьмет в кольцо тысяча воинов. Нет, это безнадежно.

— Должен быть какой-то способ, — пробормотал Блэк, опять начав расхаживать по кабинету.

— Дик! — робко обратилась к нему Филлис. — У нас слишком много неотложных дел, чтобы пускаться в такое безумное предприятие. Корабль Мюреля скоро прибывает, и...

Блэк развернулся так стремительно, что Хикок инстинктивно отпрыгнул к стене, схватившись за кинжал.

— Все тот же нервный Буйный Билл, да? — рассмеялся Ричард. — Слушай, Фил, ты только что подала мне идею. Как же я раньше-то не сообразил? Корабль! Ну конечно, корабль!

— Что ты имеешь в виду? — спросила Фил.

— Мы захватим судно Мюреля, посадим матросов в кутузку, а сами в их одежде поплывем по Реке, высадимся в сумерках и похитим Троллодита.

Хикок покачал своими русыми кудрями:

— «Мщение» идет сюда под белым флагом. По крайней мере, я так считаю, поскольку на мачте развевается чья-то белая рубаха. Неужто ты нарушишь перемирие?

— Возможно. А почему бы и нет, если оно поможет нам выиграть у негодяев? До тебя никак не дойдет, что земным условиям здесь попросту не место. Хоть нас и воскресили, это еще не повод, чтобы воскрешать наших идолов. Старые институты разбиты мощным молотом второй жизни. Мы сами должны создать новые, в соответствии с требованиями реальности. Институты, отличные от тех, что наши предки — которые попали в этот переплет вместе с нами, — завещали нам увековечить.

Честь — довольно гибкое понятие. Определения, приемлемого для всех, попросту не существует. И здесь, в долине, по-моему, у нас появился шанс отбросить замшелые идеи. Мы создаем своих собственных идолов, речных богов. И честь не является одним из них, по крайней мере в моем пантеоне. Только не пойми меня превратно — я не проповедую предательство. Я просто предлагаю разумное поведение, основанное на нашей уверенности в том, что людям Мюреля нельзя доверять.

Сейчас мы уважим белый флаг, но будем держать ножи наготове, поскольку совершенно ясно, что Мюрель нарушит перемирие, как только сочтет это выгодным для себя. И вообще, мы отклонились от главной темы, то бишь Джо Троллодита.

— У меня есть предложение, — сказала Филлис. — Почему бы нам не выбрать самый легкий путь? Позволить горе прийти к Магомету?

— Что?

— Ну да. Мы знаем, что Мюрель рано или поздно на нас нападет и что этот — Титантроп, назовем его так, — будет в рядах нападающих. Почему бы нам не подождать и не попытаться взять его в плен именно тогда? Это самый разумный путь.

И не смотри на меня так грозно! Ты прекрасно знаешь, что твой дурацкий налет — чистой воды бравада.

— Благодарю.

— Не за что! Послушай, Дик, разве ты не просил меня напоминать тебе время от времени о серьезных ошибках, совершенных тобою в земной жизни из-за фатального неумения выбрать нужный момент? Когда дело начинало идти на лад, ты увлекался какой-то новой идеей и бросал его на полпути. И ты хотел, чтобы я, женщина, которая тебя любит, не давала тебе забыть об этом. Так что не пытайся теперь убить меня взглядом!

— Быть может, Фил, — заметил Хикок, — он злится от того, что ты делаешь ему выговор в моем присутствии. Тебе следовало подождать, пока я уйду.

Наступило молчание. Филлис, увидев, как багровеет лицо Блэка, развернулась и вышла из кабинета. Хикок проводил ее взглядом, потом обратился к Ричарду:

— Что за кошка между вами пробежала? Две недели назад, когда я уходил, вы уже начинали цапаться, но я решил, что это все нервы, что ты слишком поглощен спешной постройкой парохода, а ей просто передается твоя раздражительность или же она обижается на недостаток внимания с твоей стороны. Женщины — ты ведь знаешь, какие они.

— Нет.

— Что «нет»? Ты *не знаешь* женщин? Я думал, ты у нас эксперт по женскому вопросу.

— Нет, я не думаю, что она раздражается из-за недостатка внимания. Нет, я думаю, что это не твое собачье дело.

— Может, и не мое, — протянул Хикок, покрутив кончик невидимого уса, — а может, как раз мое. Вы с Филлис — мои друзья, а все, что тревожит моего друга, тревожит и меня. И если я вижу какой-то выход, то пытаюсь подсказать его своим друзьям. — Он помолчал, проницательно сощурив глаза, и добавил: — Ставлю сотню долларов против паршивого старого скальпа, что тут замешана другая женщина.

— Ты был прав только в самом начале, — холодно ответил Блэк. — Это действительно мое личное дело — мое и Филлис.

Несколько минут спустя Хикок вышел из кабинета с красивым лицом. Блэк последовал за ним. Не найдя Филлис, он

велел клерку передать ей, что пойдет в горы и вернется поздно вечером. Вскоре он уже вышел из Замка с граалем в одной руке и железной тростью — в другой. Пересек по диагонали Базарную площадь, отрывисто отвечая на приветствия прохожих. Раздумья о Филлис так поглотили его, что он почти столкнулся с Анн де Сельно, стоявшей прямо у него на пути.

ГЛАВА 10

Анн встряхнула длинными каштановыми волосами, в черных глазах ее плясали смешишки.

— Ах, месье Блэк, вы всегда так в упор не замечаете женщин?

— Временами, Анн. На свете есть поводы для раздумий и помимо прекрасных лиц.

— Не стану выспрашивать, чем вы так поглощены. Наверняка чем-то серьезным и поэтому смертельно скучным.

— Смертельно — да, только не скучным, а опасным.

— Но опасность не может быть постоянной, Дик. Поэтому не стоит воспринимать ее всерьез. Здесь можно развлекаться с кем хочешь и любить кого хочешь, если он хочет тебя!

— Вы не правы, Анн. Телем когда-то был именно таким местом, но теперь все переменилось. Если Мюрель захватит обитель, вы будете развлекаться только с его позволения. И даже питаться.

— Тогда я уйду в другое место, — сказала она, пожав плечами.

— Он вас не пустит — скорее убьет.

— Я опять воскresну где-то еще, возможно, среди своих единомышленников. — Анн опять пожала плечами.

— А если нет?

— Ну, значит, повезет в другой раз. В один прекрасный день я найду счастливую страну и поселюсь в ней.

— Восхитительная философия, Анн, но вы можете устать от поисков. Больше того, на всей этой длинной-предлдинной долине, возможно, не окажется ни единого места, отвечающего вашим желаниям.

— А вы пессимист, Дик.

— Нет. Я просто не хочу позволять всякой сволочи гонять меня по долине взад-вперед. Я буду стоять насмерть и сражаться за то, что кажется мне справедливым.

— Браво! Примите мои поздравления, месье бойцовский петух!

Ричард не покраснел, но смерил ее мрачным взглядом. Анн не отвела своих глаз; в них, точно в ночи, полыхали искорки огня — мягкие, но яркие и живые.

Она не промолвила ни слова, но всем своим существом: вздернутой головой, разлетающимися волосами, пожатием плеч, торчащими грудями, самой своей позой — излучала призыв. Завуалированный, ибо никто, кроме мужчины, которому он предназначался, не смог бы его заметить. Но Ричард заметил — и удивился самому себе, поскольку всегда считал, что такая достойная Иезавели откровенность способна вызвать у него лишь равнодушие, если не отвращение. Ах нет. И, в общем, за причиной далеко ходить не надо. Эту женщину окутывала атмосфера чистоты; казалось, что обычная женская похоть ей чужда, что в ней есть нечто сверхчеловеческое, будто она заряжена сексуальностью, как мощный аккумулятор, к которому применимы понятия энергии и силы, но не грязи. Она была недосягаема для пошлости.

Все это чушь собачья, подумал Блэк. Она такая же женщина из плоти и крови, как и все прочие, и глупо думать о сексе как о грязи или распутстве. При чем тут Иезавель? Здесь, если ты вымыт и честен в своих отношениях с женщиной, ты чист. Здесь нет гонореи, сифилиса и мандавошек, нет зачатия, которое налагает на тебя ответственность за новую жизнь, нет общепринятых брачных обязательств и супружеских норм. Здесь все отношения между людьми основываются на чувствах. Этика и ценности в применении к сексу могут быть предметом для вечерней беседы, но не имеют к тебе отношения. Святость брачных уз — это словосочетание стало в долине лишь пережитком прежних времен.

Впрочем, если быть реалистом, то приходилось признать, что пережитки владеют умами многих людей, и при общении с ними нельзя было этого не учитывать.

Но Блэк и Анн относились к другой категории, и именно поэтому им так легко было сейчас сойтись. У нее в данный момент не было никого, кто считал бы ее своей собственностью, которая может быть испорчена прикосновением чужих рук; никого, кому ее поведение могло причинить страдания и муки.

Что до Ричарда, то у него была Филлис. Но между ними существовала договоренность — не черным по белому, поскольку бумага была слишком драгоценной, чтобы тратить ее на договоры о совместной жизни, — устная договоренность, сводившаяся к тому, что они не станут упрекать друг друга за «измены» и будут продолжать жить в одной хижине. По крайней мере до тех пор, пока «измена» не захватит кого-то из них целиком, так что он или она попросят партнера уйти. И никаких тебе судебных тяжб или борьбы за собственность.

Оба они возьмут свой грааль и уйдут в той одежде, что будет на них, оставив хижину любому желающему.

Таково было соглашение. Поэтому ничто не мешало Блэку отозваться на призыв этой женщины — призыв безмолвный, но сильный и внятный. Любое ее движение вызывало в нем ответные волны, бежавшие по телу. От каждого жеста и изгиба, словно от камня, брошенного в пруд, расходились круги желания.

— Даю одно су за ваши мысли, Дик, — сказала Анн..

— Я все решил, — отозвался он, подняв с земли свой грааль. — В последнее время я работал как проклятый, надо отдохнуть часок-другой. Давайте устроим пикник?

— Ах, Дик, вот что мне нравится в здешнем мире! Когда хочешь устроить пикник, тебе не нужно собирать еду в корзинку. Крепко хватаешь свой грааль за ручку — вот как вы сейчас — и идешь куда вздумается. Кстати, а куда мы идем?

— В горы, — ответил он, сунув грааль под мышку. — В полу-часе ходьбы отсюда есть маленький родник. Туда никто не ходит. Мы сможем побывать там одни, не боясь, что нам помешают.

Свободной рукой он схватил ее повыше локтя. Плоть под его пальцами была полной, но на удивление упругой. Он ожидал от нее большей мягкости.

— Вы уверены, что я не отрываю вас от государственных дел, Дик?

— Это и есть государственное дело, — ответил он. — Как говорил Людовик XIV, государство — это я. Кстати, Анн, а вы знаете, что я потомок Короля-Солнца? У графини Монморанси родился от него ребенок, которого переправили в Англию...

Миновав площадь, они пошли вверх по склону, усеянному множеством крытых тростником хижин. Их обитатели здоровались с Блэком, но все попытки остановить его и поговорить он пресекал с ходу. Они могли прийти к нему сегодня вечером и сказать обо всем, что считали важным.

Люди отвечали, что просто хотели поболтать о грядущей стычке с Мюрелем. Ричард одаривал их белозубой улыбкой или хлопком по плечу — ничем не напоминая сдержанного и чопорного англичанина, — и продолжал идти своей дорогой.

Впрочем, дороги как таковой здесь не было. Люди строили хижины и срубы где придется, так что дома были разбросаны по округе подобно горсти игральных костей. Большинство из них стояло под высокими деревьями, похожими на сосну, — единственными представителями хвойной растительности в долине. Никаких тебе улиц и проспектов. Если вам нужно было кого-то найти, приходилось выспрашивать у окрестных жителей, или идти на Базарную площадь и ждать, пока он

тоже туда придет, или же платить РА за барабанное послание. Но полной уверенности в том, что вы найдете своего человека, у вас все равно не было, ибо он мог не откликнуться на призыв. В мире, где люди не зависели друг от друга в смысле еды и кровя, никто не обязан был мчаться к вам сломя голову. С другой стороны, люди, любопытные по натуре, любили пообщаться. Развлечений у них было мало, и, когда они кончали работу, время тяжким бременем давило на плечи. Так что пять против одного, что ваш человек отозвался бы на барабанный клич, если б услышал его.

Блэк повел Анн де Сельно вверх по тропке, извивавшейся среди деревьев. Тропку то и дело пересекали другие дорожки. Через некоторое время Анн призналась, что не смогла бы найти обратной дороги.

— Вы не должны бросать меня, — заявила она Блэку.

— Даже если бы вы потерялись, я бы не стал волноваться. Любой мужчина вас охотно проводит.

— Вы совершенно правы, Дик! — рассмеялась она. — Сейчас мне совершенно все равно, вернусь я назад или нет.

— Пока с вами мужчина?

— Пока со мной *интересный* мужчина.

— Знаете, Анн, мне всегда казалось, что лучшие из людей предпочитали общество своего собственного пола.

— Креститься нужно, когда кажется. Противоположно заряженные частицы притягивают друг друга, как объяснял мне один человек из двадцатого века. А одинаково заряженные — отталкивают. Хотя люди неординарные, будь то мужчины или женщины, должны уметь наслаждаться обществом себе подобных. Я доказала это на Земле: когда я постарела, ко мне одинаково хорошо относились и женщины, и мужчины, а следовательно, я привлекала людей не только в сексуальном смысле.

— Вы меня утешили.

— Ах, Дик, какой вы смешной! Не смотрите на меня такими глазами, пожалуйста, особенно до обеда. Я голодна, и вообще спешка тут ни к чему.

Они вышли на полянку, окружавшую небольшой родник. Холодная вода стекала ручьем вниз по склону, а потом падала серией каскадов, образуя внизу целое озеро.

— Хотите, искупнемся перед едой? — спросил Блэк. — Вода студеная, но на солнце мы быстро согреемся.

— Я не боюсь студеной воды.

Они спустились вниз, к озеру, открыли граали и вынули по куску мыла.

Блэк глянул на съестное, желая удостовериться, что там ничего не растает. Как-то раз ему выдали порцию шоколадного мороженого, но, когда он открыл крышку грааля, кто-то его отвлек. В результате мороженое растаяло, и Блэку, который очень любил это лакомство, пришлось долго ждать, пока невидимый капризный повар не удостоил его таким же угощением снова.

В граале не оказалось ничего такого, что не могло бы постоять немного на солнце. Блэк, оставив крышку открытой, снял с себя одежду, прыгнул в озеро, не дожидаясь Анн, и начал намыливаться. Вода была ледяная; он с облегчением выбрался на берег. Пока он обтирался кимоно, Анн спокойно стояла по пояс в воде и плескала на себя горстями. Блэк наблюдал за ней, завороженный не столько даже ее красотой, сколько явным удовольствием, которое доставляла ей ледяная вода. Полное тело Анн подрагивало от наслаждения, словно его ласкали горячие руки.

— Не волнуйтесь, Дик, — крикнула она, просияв той улыбкой, что преображала ее черты, делая их ослепительно прекрасными. — Я привыкла мыться в холодной воде. Она помогала мне оставаться молодой.

— Скорее охлаждала ваш пыл, не давая вам вспыхнуть ярким пламенем, — отозвался Блэк.

Анн улыбнулась еще раз и вышла из воды. Ричард протянул ей кимоно; она энергично вытерла свою сияющую кожу. Потом подошла туда, где он стоял в солнечных лучах, еле заметно дрожа, хотя и не от холодного купания. Он взял у нее кимоно, повесил рядом с собой на ветку.

Анн повернулась легонько — и очутилась в его объятиях. Это казалось так естественно, будто иначе и быть не могло.

— Может, подождешь, пока мы пообедаем? — спросил ее Блэк.

— Нет.

— А если я скажу, что так надо?

— Ты не можешь этого сказать.

— Ты права — не могу.

ГЛАВА 11

Потом они еще раз искупались и поели. Вымыли тарелки в ручье, бежавшем из маленького родника, сунули их в грааль каждую в свой зажим, закурили. Никто из них не произнес ни слова. Казалось, слова им не нужны.

В конце концов Ричард встал и протянул Анн руку. Она взяла ее и, поднявшись, прильнула к нему. Блэк, поцеловав ее долгим и страстным поцелуем, проговорил:

— Времени в обрез, и я не имел права на этот час с тобой. Но я ни о чем не жалею. Это было чудесно. Спасибо тебе.

— А теперь тебе пора приниматься за дела? Готовиться к войне?

— Да. Отныне спать я буду только урывками.

— Если ты все же решишь поспать, Дик, приходи в больницу. — Она вздернула брови и поджала губы. — А может, ты собирался пригласить меня разделить с тобой хижину?

— Только если ты согласна делить ее с Филлис. Хотя мне кажется, что тогда в моем доме не будет покоя.

— Как знать? А вдруг мы с Филлис понравимся друг другу?

— При других обстоятельствах, думаю, так бы оно и было. Но не теперь, когда вы начнете отбивать меня друг у дружки.

— Ты прав, — согласилась француженка. — Интуиция меня не подвела: я выбрала подходящего мужчину. Такого, который не станет мне клясться в вечной любви или требовать, чтобы я не смотрела на других представителей мужского пола. Ты не придаешь значения ничему, кроме самого акта любви, и не будешь стоять передо мной с дурацким видом, вопя, что убьешь первого же ублюдка, который посмотрит на меня с блеском в глазах...

— Как будто хоть один нормальный мужчина может смотреть на тебя без этого блеска! — сказал Дик. — Но я хочу быть честен с тобой и должен признаться, что ты для меня отнюдь не первая встречная. Ты особенная. Ты можешь мне не верить...

Анн коснулась его руки, потрогала стальные бицепсы и заявила:

— Я поверю всему, что ты мне скажешь, — почти всему.

— Спасибо... Ты можешь мне не верить, но я не изменял Филлис с тех пор, как мы зажили вместе. Я имею в виду — в Телеме. Было несколько случайных и ничего не значащих встреч, когда мне приходилось путешествовать без нее. Но узнать о них Филлис не могла. А если бы узнала, я бы не стал отрицать, хотя рассказывать ей о них не собирался. Ей было бы очень больно, пусть даже она заявляет, что поняла бы меня и не возражала бы. И...

— ...и ты считаешь, что она хранила тебе такую же верность?

— Судя по ее поведению, — невесело усмехнулся Блэк, — я склонен верить, что она говорит мне чистую правду. Хотя...

— ...хотя ты не такой дурак, чтобы верить женщине на слово, да?

— Пожалуй. Она хороша собой; полна жизненных сил; ей не грозит наказание со стороны общества или разгневанного божества — хотя страх перед богами редко удерживал даже верующих женщин, — и определенно не испытывает недостатка в предложениях со стороны мужчин. О них она рассказывает мне с огромным удовольствием; мои друзья пришли бы в ужас, узнай они, что их попытки приударить за Филлис за моей спиной для меня не секрет. Но, с другой стороны...

— ...она могла и умолчать о каких-нибудь предложениях?

— Верно! Или же...

— ...не рассказывать тебе всей правды о том, какие она давала им ответы?

— И снова верно. Я, конечно, имею все это в виду, но тем не менее...

— ...делаешь вид, что она принадлежит одному тебе. Почему бы и нет? Возможно, Филлис действительно тебе верна, а если и нет, то пока ты в неведении — ты не страдаешь.

— Я вовсе не собирался это обсуждать, — сказал Блэк. — Куда-то меня занесло не в ту степь. Я начал говорить о том, что ты единственная, перед кем я не смог устоять. Мне уже казалось, будто у меня иммунитет, как вдруг...

— ...как вдруг ты встретил меня и пал в тот же день.

— Да, хотя я не люблю этого глагола. В нем слишком много морального осуждения. Я не мог пасть, поскольку не возносился на недосягаемые высоты, и поэтому...

— ...и поэтому ты был готов возлечь лишь с одной женщиной из миллиона. И этой женщиной — отбросим ложную скромность — оказалась я, Анн де Сельно.

Блэк схватил ее за плечо. В другое время ее гладкая плоть вызвала бы у него прилив чувственного восторга — такая она была живая. Но не теперь. Ему было и смешно и досадно.

— Скажи мне, та *chère**¹, ты уверена, что твой любовник задушил тебя из ревности? Или же потому, что ему никак не удавалось...

— ...закончить фразу?

Анн откинула голову назад и расхохоталась. Блестящие каштановые волосы облаком окутали ей плечи; ее рот, такой красный, такой... женственный — другого слова не подберешь — широко раскрылся, давая волю смеху; плечи и тяжелые, красивой формы груди тряслись — она была так со-

* Моя дорогая (фр.).

блазнительна в этот миг, что Блэк взял бы ее снова, будь у него время.

— Ах, Дик, мой грозный черный орел, у тебя есть все основания сердиться. Есть такой грех, признаю. И если я снова начну перебивать тебя — только ты не думай, будто мне все время хочется говорить, я умею и слушать тоже, — ты отчитай меня построже!

— Отчитаю, не сомневайся.

Они подобрали граали, вышли из-за кустов — и увидели Федора Борбича.

Он стоял на коленях на тропке, извивавшейся над спуском, с которой была видна часть Базарной площади и Река. Но Борбич туда не смотрел — он склонил голову и молитвенно сложил перед собою руки. Услышав, как из-за кустов выходят двое, он подпрыгнул и развернулся к ним лицом. Когда он узнал Блэка, маленькие глазки его округлились.

Блэк был вне себя от ярости, хотя и понимал, что более разумно было бы притвориться безразличным.

— Шпионишь, Борбич? — с издевкой спросил он.

Проповедник с негодованием затряс головой, пытаясь что-то сказать, но Блэк, чей гнев частично улегся из-за обиженного вида противника, прошел вместе с Анн мимо него, не сказав больше ни слова.

Однако, когда они отошли подальше, он заметил:

— Я думаю, нам не стоит больше видеться, пока я не скажу Филлис. Ты согласна?

— Да. Значит, увидимся завтра?

— Да, когда я покончу с делами. Хотя, если галера Мюреля начнет доставлять нам хлопоты, дела могут затянуться.

ГЛАВА 12

В этот вечер, за час до темноты, с другого берега на каноэ приплыл Деканавидах с группой из пятидесяти вождей. Их визит носил неофициальный характер, поскольку политическое совещание решено было провести после прибытия галеры Мюреля. Спиртное, реквизированное из общего фонда, лилось рекой; пел хор, которого сменила затем знаменитая итальянская певица двенадцатого века с колоратурным сопрано.

После чего между членами Телемского Особого совета и вождями племени каюга началось состязание, кто кого перепьет. Блэк принимал в нем участие с большой неохотой, ибо знал, что завтра и в последующие дни ему потребуются все его силы. Но отступить значило потерять лицо.

Ночь уже перевалила за половину, когда Деканавидах неожиданно встал и побрел к большому боевому каноэ, маячившему на берегу. Те из его воинов, кто был в состоянии, тоже поднялись и, спотыкаясь, поплелись за ним.

— Прощай, белый брат Блэк, — хихикнув, сказал вождь.

— До завтра, красный брат, — ответил Ричард, как всегда избегая ненавистного слова прощания.

Затем, отдав несколько распоряжений генералу Келли, он зашагал вместе с Филлис к своей хижине на холме. Оба они молчали; Филлис за весь вечер едва вымолвила пару слов и почти не притронулась к напиткам. Придя домой, Блэк разделялся и медленно, с наслаждением растянулся на кровати. Филлис не нырнула в его объятия, как обычно, а села на единственный стул и закурила сигарету.

— Расскажи мне об Анн де Сельно, — попросила она.

— Обворожительная женщина, — ответил он.

— Кто бы спорил!

— И не спорь, все равно проиграешь.

— Да, конечно. Ведь спорить пришлось бы с тысячей мужчин.

— Анн щедра, — сказал он сухо, — но довольно разборчива.

— Конечно. Она спит только со своими друзьями, а врагов у нее в долине нет. Как подумаешь, что к ее услугам все когда-либо жившие на Земле мужчины... Дик, ведь для нее это отличный шанс стать величайшей шлюхой в мире! Знай себе путешествуй по Реке вверх и вниз и трахайся со всеми подряд...

Блэк тяжело раскинулся на кровати, стараясь выдохнуть пары бурбона, грозившие в любой момент взорваться у него в голове. Он любил хорошее виски, но не любил напиваться. Крепко поддав, он становился агрессивен и мог сказать или сделать что-нибудь такое, чего делать не хотел. Вот и сейчас, к примеру, он начал злиться на Филлис. Гнев был ленивый и темный, но если она не перестанет его донимать, а он знал, что не перестанет, то на него нахлынет красная волна бешенства. Не постепенно, как во время прилива, а стремительно и мгновенно, точно волна, вздыбленная подводным землетрясением. И тогда он набросится на Филлис с обидными и колкими упреками и даже, возможно, выставит ее из хижины. А этого он не хотел; но она не имела права так заводить его; они заключили соглашение — вот пусть и придерживается его!

Филлис встала над ним, уперев руки в боки, сверля его пристальным взглядом. Единственный факел на стене, горевший за спиной у Филлис, оставлял ее лицо в тени, но Блэк

смутно видел искаженные болью черты, опущенные уголки рта, провалы глазниц.

— Дик, ты всегда хвалился своей честностью. Почему ты не расскажешь мне, что случилось сегодня днем?

Он знал, что придется ей рассказать. Но рассказывать все равно не хотелось — не хотелось причинять ей боль после двенадцати лет совместной жизни.

Но если так, зачем же он занимался с Анн любовью? Он ведь знал, чем это кончится.

— Ну! — сказала Филлис.

— Я тебя просто не узнаю.

— А я тебя!

— Гераклит был прав. Все течет, все изменяется.

— Только не надо мне цитировать греческих философов. И арабских тоже. Мне нужен прямой ответ.

— На какой вопрос? Я что-то не помню вопроса.

— Почему ты уклоняешься? Боишься, что ли?

— Боюсь?!

Он сел, схватив ее за руку:

— Мне не нравится, когда меня упрекают в том, что я боюсь!

— Это уже признание.

Филлис не пыталась выдернуть руку: во-первых, ей бы это все равно не удалось, а во-вторых, она хотела показать Блэку, что тоже ничего не боится.

Ее глаза бесстрашно выдержали его взгляд.

Внезапно, устыдившись себя самого и той роли большой мускулистой скотины, которую его вынудили играть, а также не желая, чтобы Филлис упивалась своей ролью жертвы, Блэк разжал ладонь. Филлис была слишком горда, чтобы растирать запястье, взывая таким образом к его сочувствию.

— Ты права, — сказал Блэк. — Мне должно быть безразлично, считаешь ты меня трусом или нет.

— Не должно, — тихо проговорила она. — Я не хочу, чтобы тебе было безразлично. Но...

— Да, я знаю, — сказал Ричард, снова улегшись на кровать. — Да, я спал с ней. Мы пошли в горы на пикник. Я так решил. Меня никто туда не заманивал и не ловил врасплох. И все же я не раскаиваюсь, потому что не чувствую себя виноватым. Да и с какой стати? Мы с тобой давно договорились, что можем заниматься любовью, с кем захотим.

Он был удивлен ее реакцией. Ни слез, ни криков, ни обвинений, ни даже безмолвного столбняка.

Филлис села на краешек кровати. Блэк, приподнявшись на локте, закурил сигарету и, прежде чем выбросить спичку,

поднес огонек к ее лицу. Пламя на мгновение, точно огненная стрела, высветило ее черты. Прекрасные, застывшие не в малодушном смирении, но в достойном приятии неизбежного.

Пронзенный той же огненной стрелой, поразившей самые темные глубины его сердца, Ричард прошептал:

— Боже, Фил, я люблю тебя!

Филлис вздрогнула и чуть отпрянула, сомневаясь, не послышалось ли ей. Пламя погасло, лицо ее окуталось тенью. И в тот же миг теплый самозабвенный свет в сердце Блэка погас, загнанный холодом и тьмой в глубины, откуда его нечаянно выманили.

Но было уже поздно. Филлис, потушив окурок на полу — самый тяжкий грех в долине, — нырнула Блэку под руку и прижалась щекой к его груди.

— Ох, Дик, я тоже тебя люблю.

— Несмотря на...

— Да, несмотря на. Я по-прежнему боюсь ее, я чувствую, что между вами что-то есть. Сейчас это не имеет особого значения — ведь ты сказал, что любишь меня. Но завтра мне снова будет больно.

Блэк погладил ее по плечу и провел руками по спине. Ответить на это было нечего, и он, сам удивляясь собственной мудрости, ничего не ответил. Филлис лежала, не двигаясь, потом поцеловала его в ямку между ключицами.

— Как она в постели? Хороша? — услышал он тихий шепот.

— Не стану врать. Хороша.

— Лучше меня?

— Нет.

— Но не хуже?

Молчание.

— Ну, отвечай!

— По-своему не хуже.

— Что значит «по-своему»?

— Женщины — и мужчины тоже — все неповторимы. Хороши они для тебя или нет — это зависит от их... личности, что ли? Нет, не то слово. Короче, это неважно. Устроены вы все одинаково. Разница для мужчины заключается в его реакции.

— Кого из нас ты выбрал бы, если бы пришлось остаться на необитаемом острове вдвоем?

— Тебя, конечно.

— А если бы Анн задала тебе этот вопрос?

— Тогда бы я ответил, что, конечно же, ее.

— Ты дьявол!

— Так поступил бы любой джентльмен.

— Ты не джентльмен.

— Верно, зато я политик.

— Милый, я не стану повторять свой вопрос. Как бы ты меня ни убеждал, откуда мне знать, что это правда? Я лучше притворюсь, будто верю, что ты не колеблясь выбрал бы именно меня.

— И будешь права.

Долгая тишина. И потом:

— Дик!

— Да?

— Ты знаешь, на самом деле я вовсе не ее боюсь. Больше всего меня пугаешь... ты.

— Я?

— Да. Я все время чувствую, что внутри у тебя таится что-то темное и глубокое, и эту часть себя ты отчаянно зажал в кулаке и никому не открываешь.

О, я не хочу сказать, что ты не отдаешься мне, когда мы занимаемся любовью. В отсутствии пыла тебя не упрекнешь. Дело не в этом. Дело в том, что ты не отдаешься целиком и полностью. В тебе все время остается что-то холодное и неприступное. А это важно. По крайней мере для меня. Потому что я отдаюсь тебе вся, душой и телом, вся без изъятия, до полного самозабвения.

Но ты... ты другой. Ты оставляешь какую-то частицу, глубокую, темную и заледеневшую так, что она никогда не растает. Во всяком случае, ради женщины. Возможно, эта сторона твоей натуры раскроется в поисках чего-то вроде истоков Реки или Большого Грааля. Но дать растопить эту глубинную льдину женщине — никогда!

И все-таки я люблю тебя, Дик. Пусть мне не дано владеть тобою полностью, в моем распоряжении большая часть одного из самых мужественных мужчин на свете. К тому же мне не приходилось делить тебя с другими женщинами. Твоя Изабель пропала, шанс разыскать ее — один из тридцати миллиардов, и хотя мне жаль ее, потому что она потеряла тебя, но я в то же время рада, потому что ты достался *мне*. Больше того, если отбросить эгоистические мотивы, я всегда считала, что подхожу тебе больше, чем Изабель. Она была женщина замечательная, талантливая и храбрая, и любила тебя несомненно, но она всегда смотрела на тебя как на божество, которому поклонялась. Или как на человека, не способного на ошибки. И если бы тебе пришлось жить с ней изо дня в день здесь, в долине, я уверена, что вам было бы нелегко.

А теперь появилась Анн, и ты влюбился в нее так же мгновенно, как в свое время в меня. Ты испытал неудержимый

прилив восторга и душевный подъем, как бывает, когда увидишь нечто новое и восхитительное. Но я готова спорить: ей не удалось поколебать твою убежденность в том, что в личности Ричарда Блэка остались нетронутые глубины, в которые не дано проникнуть ни женщине, ни Богу.

Интересно, знает ли об этом Анн? А если знает, то волнует ли это ее? Меня — да, меня волнует. Настолько сильно, что я почти — подчеркиваю: почти — готова делить тебя с ней.

Однако у меня есть гордость, да и потом я знаю, что, если соглашусь на жизнь втроем, ты начнешь презирать меня, и тогда я уж точно тебя потеряю.

Ох, Дик, Дик, если бы ты только не был так дьявольски горд и если бы ты любил меня так, как я люблю тебя! Но ты никогда меня так не полюбишь, потому что не можешь. Я вот жалею себя, а между тем мне бы надо оплакивать тебя, ибо ты живешь в аду. Ты хоть понимаешь это? Борбич говорит, ад — не что иное, как страдание о том, что нельзя уже больше любить. А ты не можешь любить — ты действительно не в состоянии любить по-настоящему.

И все же, помоги мне, Господи, я люблю тебя больше всего на свете, хотя и знаю тебя лучше, чем все остальные, включая и твою утерянную возлюбленную Изабель.

Филлис тихо разрыдалась. Блэк встал с кровати и вышел за дверь. Над долиной беззвучно взрывались звезды — красные, зеленые, белые, фиолетовые. Большая луна, незапятнанная темными «морями», гладкая и серебристая, прошла уже четверть пути по небосклону, и Река сверкала в ее лучах.

Стикс, подумал он.

Какие бы научные теории ни выдвигали Филлис с Чарбрасом, здесь все-таки ад.

Точно так же, как и на Земле.

ГЛАВА 13

На следующее утро Блэк, сидя один в кабинете, сосредоточенно просматривал сообщения, переданные ему управляющим РА. Неожиданно в комнату тигриной поступью проклынулся Хикок. Привыкший к его быстрым и бесшумным появлению, Блэк не вздрогнул, хотя не без удивления взрился на пылающее лицо и сжатые кулаки Хикока.

— В чем дело, Билл?

— В чем дело? — возмущенно выпалил Хикок. — Я тебе скажу, в чем дело! Не успел я сегодня выйти из дома, как первый же встречный начинает мне взахлеб рассказывать о тебе и Анн де Сельно. Я спрашиваю: какие у тебя доказатель-

ства? А он говорит: сам я, дескать, эту парочку не видал, но слышал от разных людей. А когда я велел ему заткнуть его грязную пасть, он заявил мне, что в Телеме каждый человек делает что хочет. Я ему говорю: да, пока это не задевает остальных. А он мне: я-то, мол, никого не задеваю, а вот Блэк наверняка задевает чувства Филлис Макбейн. Бога ради, Дик, куда подевалась твоя хваленая честность? Что-то ее не видно в твоем обращении с Филлис!

В общем, я велел, чтобы он заткнулся и не сплетничал, как баба. А потом, проходя по Базарной площади, встретил этого русского, Борбича — он, как всегда, толкал свою обычную речь. Ну, знаешь, о том, что человек должен возлюбить Господа и ближнего своего и что лишь тогда он сможет проникнуть в разгадку тайны долины и уберечь себя от вечных скитаний по берегам Реки.

Мы должны быть честны, проповедует он, и смотреть на самих себя незамутненным взором. А потом вдруг говорит, что ты — он назвал тебя «король Ричард» — наглядный пример человека, который похваляется своей честностью, хотя на самом деле бесчестен. Если бы ты, продолжает он, был тем, кем хочешь казаться, то не стал бы за спиной у Филлис заводить шашни с этой развратной француженкой. Он-де читал в исторических книгах, что она была распущена до предела, имела на Земле больше сотни любовников и, что хуже всего, никогда в этом не раскаивалась. А теперь она объявила в Телеме и принялась насаждать здесь — как бишь он выразился? — ах да, свое пренебрежение к морали.

Тут он разрыдался — ну, ты знаешь, как этот русский умеет рыдать крокодиловыми слезами! Слезища катятся по впалым щекам, а он талдычит, что ничего не имеет против Анн де Сельно, что не питает к ней ненависти, но любит ее, как всякое человеческое существо. И все, чего он хочет, — это помочь ей, однако она отказалась от его помощи и насмехалась над ним и над его теорией, по которой всех нас поселили на берегах Реки для того, чтобы мы познали самих себя и Господа Бога. А потом заявил, что любит тебя тоже, хоть ты и заблудший язычник, но, если, мол, народ Телема хочет достичь... э-э... духовного совершенства, ему необходимо свергнуть твою власть. Больше того, по его словам, «Речная комета» должна быть сожжена, рудник закрыт и...

— Что?!

— Убери свою лапишу с моей руки, Дик. Ты мне все кости сдавил. Они у меня, знаешь, не резиновые.

Ну вот, так-то лучше. Ну, я ему и говорю: друг мой, мы трудились над этим пароходом двенадцать лет, а потому нам

такие разговоры не по душе. И почему ты вообще хочешь его сжечь? А он в ответ: я, мол, не имею ничего против парохода перрсе.

— Перрсе? А, ты имеешь в виду *per se**!

— Ну, а я что говорю? Короче, пароход и рудник не угодили ему тем, что отнимают у нас массу времени и не дают нам вглядеться поглубже в самих себя и друг в друга. Впервые в жизни нам не надо беспокоиться о пропитании и крыше над головой, о счетах, болезнях или смерти. В нашем распоряжении все время мира — целая вечность, — и мы должны познать самих себя: понять, отчего мы несчастны, и неуживчивы, и любим напиваться, и сходим с ума, почему мы так раздражительны, холодны, себялюбивы и горды, и все такое прочее. Ты же знаешь, как он умеет трепать языком.

После чего он заявляет, что падение метеорита было подобно падению Люцифера, потому что снабдило нас железом и сделало властителями нашей части долины. Таким образом эта падучая звезда отвлекла нас от главной цели, и мы поддались соблазну, начав строить пароход — ту же Вавилонскую башню — в надежде достигнуть истоков Реки. И мы убиваем на постройку все свое время, ни на шаг не продвинувшись в *перевоссоздании* самих себя.

А виноваты в нашем грехопадении, по его словам, люди типа тебя, Чарбрасса и Клеменса. Нам, дескать, выпал чудесный шанс отказаться от развития технологии, которой человек отгораживался на Земле от себе подобных и от Бога. И эта звезда — подарок дьявола, а вовсе не небес, как мы считаем. Поэтому нам нужно сжечь пароход, закрыть все проходы к руднику, сложить оружие и встретить Мюреля с его головорезами молитвой и непротивлением.

А если они убьют нас — что ж, мы воскреснем в другом месте долины, зато, возможно, наш пример заставит Мюреля и его солдат призадуматься, отвратит их мысли от убийства, и в конце концов они тоже полюбят людей. О, он надеется не совершить в них духовный переворот, а хотя бы подтолкнуть в нужном направлении!

Я думал, его речи не найдут никакого отклика, хотя меня они просто взбесили. Но, хочешь верь, хочешь не верь, люди в толпе начали поговаривать о том, что в его словах есть доля правды. Кое-кто стал подумывать, а почему бы нам и в самом деле не заключить перемирия с Мюрелем. А другие говорят: они-де устали вкалывать на руднике и без передыха строить

* Как таковой (лат.).

«Комету», в то время как почти все прочие жители долины наслаждаются бездельем.

Ну, я от таких разговоров вообще вошел в раж, как бык от красной тряпки, и начал орать, что их никто силком в Телеме не держит.

Однако Борбич, не обращая на меня внимания, зная твердит толпе, что пора переходить от слов к делу. Спалить пароход, сбить спесь с тебя и других важных шишек — а дальше, мол, само пойдет.

Но как дошло до дела, оказалось, что добровольцев раз два и обчелся. Шумели-то и поддерживали Борбича в основном его ученики. Но я все-таки решил положить конец этому шабашу, да и вообще, если честно, мне просто кровь ударила в голову.

Короче, я снянул Борбича со стола, на котором он стоял, врезал по хлебальнику и выбил два зуба.

— Ах черт, зря ты это сделал, Билл! Ты здорово влип. Если Борбич обвинит тебя перед Особым советом, тебя будут судить. И он, возможно, добьется твоего изгнания.

— Не волнуйся. Какой там суд! Борбич встал, разревелся и как полезет ко мне обниматься! Все норовил облобызать своим слюнявым окровавленным ртом. Я еле удержался, чтобы не двинуть ему еще раз.

— Может, посадить его под замок, пока мы не разберемся с Мюрелем? — задумался Блэк. — Хотя нет, не стоит. Меня и так не раз критиковали за диктаторские замашки. Но я велю кому-нибудь не спускать с него глаз.

— А что, если приставить к нему Анн де Сельно? — предложил Хикок.

Блэк бросил на него грозный взгляд, встреченный невинным младенческим взором.

— Анн сейчас работает в больнице. А кроме того, она плохо знает Телем, чтобы быть хорошим соглядатаем. Почему ты предлагаешь именно ее?

— Не могу себе представить другой кандидатуры, способной целиком занять все помыслы мужчины. Чтобы найти Борбича, тебе достаточно будет найти Анн де Сельно.

— И Анн, опять-таки, будет так занята, что Филлис не придется беспокоиться о ней? Я правильно понял?

— Правильно, не стану врать, — твердо ответил Хикок, хотя и понимал, видя, как наливается кровью лицо Блэка, что ситуация становится опасной. — Просто я много думал о Фил, и мне кажется, что она тебе подходит больше, чем эта француженка.

— Еще немного — и ты начнешь проповедовать, как Борбич!

— Не заводись, — вздохнул Хикок. — Толку от этого все равно ни на грош. Какие будут распоряжения?

— Ты устал?

— Я не спал двое суток, но пусть это тебя не волнует.

— Будь наготове у себя в хижине или в Замке. Поспи, если сможешь. Сегодня вечером тебе понадобится много сил.

— Сегодня? Сомневаюсь я. Когда я уходил из столицы Мюреля, большинство его воинов были на месте, а если бы они двинулись в поход, наши барабанщики как пить дать заметили бы это и предупредили нас.

— Береженого Бог бережет. К тому же не забывай про «Мщение». На такой большой галере может уместиться прорва народу. Не исключено, что ее прибытие сюда — военная хитрость.

— Все возможно, дружище. — Хикок зевнул. — Ладно, поплзу в свою нору, сосну маленько. Кликни, если понадоблюсь. Да, кстати, а где моя Лили Белль? Я искал ее, но она как сквозь землю провалилась. Может, она бросила меня и ушла жить к Чарбрассу? Мы с ней не очень-то ладили, а с этим марсианином она была сама любезность. Но он говорит, что не видел ее.

— Откуда мне знать, где твоя Лили Белль? Спроси у управляющего Розыскным Агентством.

— Нетушки! Стану я жертвовать спиртным, чтобы найти ее, как же! Даже если она спит с Чарбрассом, мне плевать. Я и сам собирался выставить ее из хижины и обзавестись новой подружкой — Анн де Сельно, например. Поскольку тебе она вроде безразлична, ты не будешь возражать?

— Анн вольна распоряжаться собой, как захочет. Но в том, что Лили Белль ушла к Чарбрассу, я лично сомневаюсь. Если ты заметил, он всегда спит один.

Билл склонил голову набок:

— Кстати, разве это не странно? А может, он голубой?

— Не думаю. Таких пристрастий я за ним не замечал. Ведь будь он голубым, зачем ему это скрывать? У нас нет законов против гомосексуализма, если его не навязывают насилино.

— Я бы счел его импотентом, — сказал Хикок, — не выгляди он таким здоровяком.

— Может, он просто равнодушен к женщинам.

— Хотя держится с ними по-дружески. Что до дружелюбия, то его у Чарбрасса хоть отбавляй. И вместе с тем в нем есть какая-то высокомерная отчужденность. Ну разве это не странно?

И, покачивая длинными русыми кудрями, Хикок мягкой поступью вышел из кабинета.

А через минуту заговорили барабаны. Блэк выглянул в окно. В двух милях от Замка, где озеро сужалось в обычный поток в полмили шириной, находилась застава, охранявшая западные границы Телема. На высокой дозорной башне маленькая фигурка часового склонилась над большими барабанами.

— Эй, Черный Замок, не спи! Отвечай!

— Что тебе нужно, дружок? — понеслась ответная дробь с крыши Замка. — Ну, не стесняйся! Говори!

— Из-за поворота показалась галера Мюреля, несется как бешеная. Гребцы лопатят воду будь здоров! Раз-два, раз-два! Через час докатятся сюда, как песочная лавина.

— А от меня тебе чего нужно, милок?

— Чтобы ты сказал большому боссу, нашей главной шишке, лорду-протектору Телема, секретарю Особого совета, известному также как король Ричард Первый, или, если тебе так больше по душе, мистер Блэк, Товарищ Первый, Большой Брат! Скажи ему, пускай пошевелится!

Блэк, усмехаясь, отошел от окна и направился к винтовой лестнице, ведущей на крышу. Многие из его сигнальщиков были янки двадцатого века, веселые и готовые принять все свободы, какие Блэк только мог им предоставить. Джимми Баркер, дежурный сигнальщик на крыше, был как раз одним из них. На Земле он подвизался в качестве пианиста, потом работал радиостом на «летающей крепости», пока не столкнулся с такой же крепостью в английских туманах. Подняв голову от громадных цилиндров, обтянутых человеческой кожей, он улыбнулся Блэку во весь рот:

— Ну, что мне ему отвечать?

Блэк продиктовал ответ. Янки отбарабанил его берцовыми костями — излюбленными палочками сигнальщиков, приводившими посторонних в трепет. Дозорный на башне передал ответ приближавшемуся судну. С борта галеры ответил барабанщик — он, хоть и не был агентом РА, знал обычную систему сигналов. У Блэка их было целых две, для общего пользования и для секретных сообщений.

Мюрельский сигнальщик сообщил, что галера подчинится приказу Блэка и встанет на якорь посреди озера. А также пошлет на берег людей для переговоров с Особым советом. После чего, если Блэк сомневается в чистоте их намерений, он может подняться на борт с проверкой — если, конечно, не боится.

— Баркер! — сказал Блэк. — Передай ему, что в тот день, когда я испугаюсь мюрельца, я сразу утоплюсь в Реке. А что до военных хитростей, так я давно к ним готов.

Сигнальщик с заставы передал ответ мюрельцев:

— Капитан Майкл О'Финн без страха отдает себя в твои руки. Он прибудет на берег в сопровождении всего пяти офицеров. Больше того: он вызывает тебя на дуэль, оставляя за тобой право выбора оружия. Что бы ни случилось, зрители вмешиваться не должны, а победитель заберет себе голову побежденного. Кроме того, если проиграет капитан О'Финн, ты можешь взять не только его голову, но и «Мщение», со всей оснасткой и командой. Что скажешь, приятель? Подпись: капитан Майкл О'Финн.

Блэк фыркнул. Какая, к черту, дуэль? Этот О'Финн, должно быть, впал в детство и вспомнил игры в рыцарей Круглого стола!

Он собрался было дать холодный и достойный ответ, но тут заметил, что Баркер смотрит на него в упор любопытными карими глазами. Выражение лица сигнальщика без слов говорило о том, что он надеется на своего шефа — надеется, что тот не подведет и поднимет брошенную перчатку.

Блэк задумался. Вызов капитана слыхали все окрестные жители, и каждое ответное слово будет взвешено ими и так, и этак. Больше того, не пройдет и получаса, как обитатели долины в округе ближайших трех тысяч миль будут завороженно слушать барабаны, передающие эту историю вверх и вниз по течению Реки. Дуэль не на жизнь, а на смерть между Блэком, главой Телемской обители, и О'Финном, заместителем Мюреля! Или же барабаны с презрением поведают о его отказе? И он потеряет лицо?

Единственный разумный ответ мюрельцу — это твердое и решительное «нет». Блэк просто не имел права принять этот безумный вызов. Он обязан был доложить о нем Особому совету. А советники, естественно, проголосуют против такого средневекового варварства.

Им и в голову не придет подумать о чести. И хотя большинство телемитов одобрят его благородное, тень сомнения все-таки останется: а не испугался ли их предводитель? С другой стороны, немало найдется и таких, кто вообще не поймет разумности отказа, и они во всеуслышание объявили Блэка трусом.

Конечно, ему бы следовало наплевать на мнение злопыхателей. Все приличные государственные деятели так и поступали.

И все-таки... Честь — не пустой звук. И не только его личная, но честь всего Телема. Может, для престижа его небольшой страны будет лучше, если он примет вызов?

Вдобавок ко всему, хоть Блэку и немного стыдно было это признавать, но он действительно хотел сразиться с О'Финном. Детство взыграло, что ли? Какой бы глупой ни казалась дуэль, а было в ней что-то рыцарское: схватка крестоносца с сарацином, рыцарь, сражающийся с великанином...

— Дик! Дик!

Голос Филлис опередил ее, долетев из лестничного колодца. Мгновением позже на крыше появились ее короткие каштановые кудряшки, а за ними — округленные от волнения серо-голубые глаза.

— Я слыхала барабаны. И прибежала поскорее, пока ты не ляпнул какую-нибудь... какую-нибудь...

Она запнулась, заметив сердитый блеск его черных глаз.

— ...глупость? — закончил за нее Блэк.

— Да! — взорвалась Филлис. — Да, глупость! Я знаю тебя как облупленного и уверена, что ты готов принять вызов О'Финна.

— Хорошо, наверное, с такой легкостью читать в умах близких.

— Дик, ты любишь напустить туману, и многие попадаются на эту удочку, но меня тебе не провести. Другое дело, что обычно я прикидываюсь, будто верю тебе, чтобы потешить твое самолюбие. Но сейчас не время. Дело слишком серьезно. Дик, тебя могут убить!

— Не исключено. Хотя какая разница? Ты же знаешь, я снова...

— Для меня — большая разница! — выкрикнула Филлис. — Я наверняка больше не встречусь с тобой! А я не могу без тебя жить!

— Ты просто впадаешь в истерику, — холодно заметил Блэк. — И сама не веришь своим словам. Ты прекрасно знаешь, что, оплакав меня, месяцев через пять или шесть, но никак не позже, приведешь в хижину другого избранника.

— Ох, Дик, Дик, как ты можешь быть таким жестоким!

Блэк взял ее за руку и увлек в уголок обнесенной парапетом с бойницами крыши, где Баркер не мог их подслушать.

— Сколько раз я просил тебя не выносить наши семейные дрязги за стены хижины! — сказал он тихим, но резким тоном.

— К черту! — воскликнула она. — Это вопрос жизни и смерти. Я не позволю тебе пожертвовать всем, что мы создали за двенадцать лет, в том числе и нашими отношениями, ради того, чтобы ты мог покрасоваться перед людьми и прослыть героем!

— Ах, не позволишь? — спокойно проговорил он. — Филлис, ты помнишь, что ты говорила о моей жене Изабель? Ты

сказала: она, мол, слишком поклонялась мне и чересчур многое мне позволяла. Возможно, ты права, однако она по крайней мере не вмешивалась в мои дела. Будь она сейчас здесь, она бы страшно переживала, что я подвергаю свою жизнь опасности, но не возразила бы ни единым словом. Она с улыбкой протянула бы мне саблю и пожелала быстрее расправиться с О'Финном, ни на мгновение не усомнившись в моей победе. В то время как ты, к сожалению, считаешь, будто этот неуклюжий невежественный речник с Миссисипи настолько разбирается в военном искусстве, что может меня победить! Такое отсутствие веры в мои способности крайне огорчительно для меня.

Напуганная его резким тоном, подкрепленным юирепым взором и немилосердной хваткой стальной ладони, сжавшей ее руку, Филлис умолкла. Но когда он повернулся и пошел прочь, она крикнула ему вдогонку:

— И все равно я дам твоей женушке сто очков вперед! Потому что я люблю тебя как женщину, а не как бессловесная собака!

Блэк проигнорировал ее, но по смущенному виду Баркера понял, что тот тоже слышал. Это еще больше разозлило Блэка.

— Передай О'Финну, что я сражусь с ним на саблях, что победитель получит голову побежденного, а зрители не будут вмешиваться! — крикнул он сигнальщику. — Дуэль состоится после того, как мы с ним обсудим насущные вопросы. И это мое последнее слово!

Загремели барабаны. Их дробь подхватил дозорный, а когда все утихло, донесся еле слышный, словно эхо, звук барабанов с галеры.

— Извини за то, что я наговорила про Изабель, — тихо сказала Филлис, подойдя к Блэку. — Но мне хотелось бы, чтобы ты любил меня хотя бы настолько, насколько способен.

— Я сделал то, что должен был. И не потерплю, чтобы мне кто-то мешал — в особенности женщины.

Филлис, очевидно, поняла, что ее последний призыв к его сердцу и рассудку не нашел отклика, и, поникнув, скрылась в лестничном колодце.

Он проводил ее мрачным взглядом.

ГЛАВА 14

Блэк постоял немного, захваченный в плен мечтаниями. Взор его скользнул по большой стальной катапульте на колесах, стоявшей посреди крыши рядом с кучей камней. Потом он подошел к западному парапету и облокотился на кирпичи из обожженной глины.

Перед ним простирался квадрат Базарной площади, зеленеющий потоптанной, но упорной травой, пробивавшейся везде, где только можно. По площади сновали люди, разглядывая вещи, предлагаемые на обмен. Там и сям сидели коробейники, разложив перед собой товар — пустые тюбики из-под помады, переделанные в сережки, ручки и диадемы из рыбьей кости, сумки, сплетенные из стеблей или же сделанные из окрашенной мочой человечьей кожи, барабаны, тоже из кожи, глянцовые свистульки, комнатные деревянные сабо, соломенные шляпки, юбки, сотканные из травяных нитей — последний пик моды среди женщин, — статуэтки из кости и разных мягких камней, костяные иглы, ножи и рыболовные крючки. На этом список, пожалуй, исчерпывался, если не считать товаров нематериальных. Их предлагали певцы, акробаты, шуты, бродячие артисты — в общем, все, кто умел хоть как-то развлечь публику. На людей, способных спеть или рассказать занятную историю, был большой спрос в долине, лишенной книг, фильмов и телевизионных шоу.

Людей на площади было не так уж много, поскольку основной обмен совершился по вечерам. И тем не менее телемиты, свободные от дневных обязанностей, стекались сюда потрепаться, и среди них толкалось даже несколько рабочих, занятых на строительстве «Речной кометы».

Сама же «Комета», вздымавшаяся между двумя доками, была частично скрыта строительными лесами. За ней виднелся высокий кран, который подавал оборудование в разные части судна. Кран приводился в движение паровым двигателем, чем телемиты очень гордились, ибо, насколько они могли судить, это был первый двигатель, созданный в долине. И единственный, проверенный в работе, поскольку двигатель самого парохода еще не был опробован. Топки его жаждали огня, однако на большом колесе не хватало еще шести лопастей. Их изготавливали на лесопилке, расположенной в горах у ручья, недалеко от заставы, охранявшей подступы к руднику.

Блэк с любовью рассматривал «Комету», и то почти чувственное наслаждение, что дарила она его взгляду, смыло остатки раздражения, вызванного ссорой с Филлис.

Судно было построено по образцу заднеколесных пароходов, ходивших по Миссисипи в девятнадцатом веке, отличаясь от них лишь несколькими деталями. Блэк заметил сияющую белую рубашку и широкие брюки Сэма Клеменса — во рту, как всегда, большая гаванская сигара, густая шевелюра блестит на солнце. Он стоял возле рулевой рубки и руководил установкой пулемета, который осторожно опускали краном в люльке на крышу рубки. Чарбрасс, стоявший на крыше с

ключом в руке, ждал, когда большой ствол с барабаном окажутся в распоряжении его подручных. Блэка очень интересовал этот пулемет, способный, по его мнению, сделать «Комету» неуязвимой. Он воплощал в себе оружейные принципы, неведомые во времена Блэка. Барабан пулемета приводился в действие паром и, используя центробежную силу, выбрасывал поток железных пуль из ствола двенадцатимиллиметрового калибра. Не будь Блэк так занят, он сам бы помог в установке пулемета. Увы — ему приходилось довольствоваться лишь наблюдениями с крыши Замка. Ах, как он жалел, что пароход и пулемет не удалось закончить до прибытия «Мощения»! Тогда бы он не стал терять времени на переговоры, а сразу атаковал бы вражеское судно и потопил бы его или взял в плен.

Но пароход мог сойти со стапелей не раньше чем через неделю. А Мюрель, возможно, не станет ждать так долго. Если он нападет, думал Блэк, нужно будет во что бы то ни стало продолжать работу над пароходом. Попади судно в руки Мюреля — и двенадцатилетние труды Блэка пойдут прахом. Восхождение к истокам Реки и решение загадки здешнего мира отложится на долгое время — возможно, на годы.

Ричард перевел взгляд с облепленной рабочими «Кометы» на южную оконечность Базарной площади, окинув критическим взором строевые учения нескольких взводов телемского легиона. Пехотинцы были в стальных шлемах и легких кольчугах, надетых поверх стеганых рубах из травяной ткани. В левой руке каждый из них сжимал круглый вогнутый щит, в правой — длинную саблю. Это были регулярные войска, которые день и ночь охраняли внешние границы Телема на заставах, несли службу в Черном Замке и стояли на страже возле каждого поста РА и сигнальной системы.

У всех граждан Телема хранились в хижине доспехи, копья и сабли, но штатских муштровали только дважды в неделю. То, что они единственные в этой части долины владели оружием из закаленной стали, превращало их в грозную силу. И даже когда противник превосходил их числом, телемиты спокойно ходили куда хотели. Индейцы с противоположного берега, а также соседи с запада и востока завидовали им, однако нападать покуда не осмеливались. Каюга, правда, как-то попытались совершить парочку набегов, но, увидав, как их оружие из кремня, кремнистого сланца и халцедона отскакивает, не принося вреда, от металлических кольчуг и шлемов, и испытав на своей шкуре удары острых, точно бритвы, сабель, изготовленных из метеоритного железа, нещадно кромсавших живую плоть, запросили мира. А теперь, когда Блэк через Це Чана

предложил индейцам ограниченную партию стальных ножей и наконечников для копий, он мог рассчитывать на них как на союзников. Единственной загвоздкой было то, что мудрый вождь требовал больше оружия. Он знал, что Ричарду союзники нужны позарез, и хотел извлечь из этого выгоду. Блэк, однако, надеялся, что Це Чану удастся уговорить Деканавидаха покончить с переговорами побыстрее, поскольку Мюрель, завладев источником железа, стал бы для ирокезов очень опасной угрозой.

Увы, и у Мюреля есть сторонники, подумал Блэк, повернувшись лицом к востоку. Там, где озеро снова сужалось до обычной полумили, жили белые люди, которые ненавидели Ричарда Блэка. В большинстве своем они были викторианцами, которых приводили в ужас либеральные нравы Телема, казавшегося им новыми Содомом и Гоморрой. Пережив, как и все остальные, шок воскрешения и последующий период адаптации к местным условиям, они по-прежнему цеплялись за старые догмы, которым поклонялись на Земле. Могучие молоты новой жизни разнесли в прах тысячу теорий, однако были вещи, слишком глубоко засевшие в сознании, чтобы их оттуда выковырнуть. В их число входили и определенные моральные нормы; так, например, викторианцы не могли смириться с мыслью, что гражданам Телема позволялось жить как хочется. Естественно, что, повинуясь столь гибкому нравственному закону, телемиты вели себя порой очень странно и даже оскорбительно на чужой взгляд. Оскорблению усугублялось еще и тем, что жители Телемской обители очистили берега Реки на несколько сотен миль от всяческих мелких тиранов. Правда, сделано это было по просьбе живших там сообществ, так что они не могли заявить впоследствии, будто освобождение было им навязано рукой еще более сильного тирана. Ибо, хотя телемиты могли оставить там небольшие вооруженные гарнизоны для «поддержания порядка», они почти сразу убрались на свою территорию. Освобожденные же сообщества, после недолгого периода ликования и благодарности, начали косо поглядывать на Королевство Блэка, как они его называли. Им было невмоготу выносить таких безнравственных соседей, однако поделать они ничего не могли из-за недостатка организованности и полезных ископаемых.

И когда Мюрель года четыре назад появился милях в тридцати ниже по течению Реки, обстановка оказалась вполне благоприятной для создания такого же гангстерского государства, какое Блэк разгромил двенадцать лет назад.

Мюрель, согласно докладам, родился в Америке в конце первой мировой войны. Вырос в Чикаго, стал священником и

вел, как он сам утверждал, образцовую жизнь. К тридцати трем годам, когда он погиб в автомобильной аварии, у него была жена, пятеро детей, сельский приход и практически никакого счета в банке. Воскреснув на берегу Реки, он пережил, как и все, приступ великого страха, сменившийся великим восторгом. Но в его случае восторг уступил место неудержимой ярости, вызванной тем, что, несмотря на воскрешение из мертвых, он не получил заслуженного возрождения.

Не в силах поверить собственным глазам, Мюрель взял свой грааль и целый год скитался по долине. После чего нехотя пришел к выводу, что если даже это и рай, то живут в нем отнюдь не избранные и что его земная жизнь, безупречная и безгрешная, не оказала никакого влияния на посмертное бытие.

А если это ад, то он совсем не похож на место, которое Мюрель с такими содроганиями — и не без внутреннего удовольствия — живописал своим прихожанам. Долина не походила ни на райские кущи, ни на геенну огненную. Короче говоря, боги либо забыли о нем, либо посмеивались над ним в ладошку — если здесь вообще были боги, — поскольку жизнь на берегах Реки не так уж сильно отличалась от земной. Хотя была в ней одна черта, которой не было на Земле, по крайней мере в доказанном виде: несомненное воскрешение после каждой смерти.

Именно это обстоятельство сдерживало поначалу бушевавший в Мюреле гнев. Он не мог понять, что сие означает и какой урок он обязан для себя извлечь. Но в конце концов ему пришлось принять воскрешения как одну из многих загадок долины, из чего он сделал вывод, что здешняя жизнь имеет лишь материальные ценности, а следовательно, нужно брать все, что она может предложить — женщин, спиртное и власть.

И, несмотря на то что Мюреля в очередной раз воскресили среди чуждого ему народа — низкорослых, длинноволосых и белокожих айнов, живших до вторжения в Японию на Азиатском материке, — он умудрился стать их вождем. В рекордно короткий срок он обзавелся гаремом и бандой головорезов, которая держала своих соплеменников в полурабском и полуго лодном состоянии. Зато сами они, забирая у народа все спиртное и часть съестного, жили в относительной роскоши, насколько это было возможно в месте со столь ограниченными ресурсами.

Захватить власть над айнами Мюрелю помогло и то, что народ этот никак не мог прийти в себя, парализованный изумлением. В загробной жизни он лишился своего заступника бога Медведя, а также своего изобильного волосяного

покрова, бывшего предметом гордости айнов. Их, как и всех прочих обитателей долины, обработали таким образом, что волосы на лице перестали расти. Великолепные бороды исчезли напрочь. Это настолько выбило айнов из колеи, что они стали легкой добычей для любого хищника.

После нескольких лет такой жизни Мюрелю надоели уродливые коротконогие женщины и положение большой лягушки в маленьком пруду. В поисках себе подобных он отправился вниз по течению. Спустя еще несколько лет, пережив бесконечное количество приключений, он пристал к южному берегу, населенному группой полинезийцев. Они восприняли переход от смерти к жизни, а также с островов Тихого океана в долину совершенно естественно, как должное. И поскольку Мюрель поначалу не выказывал своих амбиций, его приняли с распростертыми объятиями. Но вскоре он столкнулся с итальянцем по имени Содзини, одним из проповедников новообразованной Церкви Второго Шанса. Малейший намек на теологию и метафизику вызывал у Мюреля приступы бешеной неприязни. Поэтому первым делом он заманил Содзини в горы — под предлогом теософского спора — и убил его. Это сошло ему с рук, но, когда он попытался избавиться также от вождя местного племени, полинезийцы поймали его и забили дубинками насмерть.

Воскреснув в очередной раз и убедившись, что проломленный череп целехонек, Мюрель обнаружил, что снова находится на северном берегу, в тридцати милях к западу от Телема.

На сей раз он действовал умнее и, сколотив вооруженную банду, через пару лет уже правил своим растущим королевством. А теперь покушался на территорию Блэка.

И, подумал Блэк, у Мюреля неплохие шансы на победу. За такой лакомый кусочек, как Телем, этот подонок без сожаления пожертвует половиной своих людей.

ГЛАВА 15

В этот момент на крыше Замка появился посетитель. Блэк удивленно поднял брови. Он ждал советников, и визит Борбича оказался для него полной неожиданностью.

Мужчина вымученно улыбнулся. Его разбитые губы раздулись. Во рту не хватало двух верхних зубов.

— У вашего помощника очень сильный удар, — сказал он, касаясь пальцами опухших губ. — Но поймите меня правильно, мистер Блэк. Я пришел к вам не с жалобой, а, наоборот, с нижайшей просьбой простить меня за подстрекательство к

бунту. Вы, наверное, знаете, что я призывал телемитов поджечь ваш корабль и открыть границу людям Мюреля.

— Да, мне это известно, — ответил Блэк. — И я мог бы казнить тебя как предателя и провокатора.

Борбич развел руками и улыбнулся. На его обезображенном и бледном лице промелькнуло выражение блаженного идиота.

— Конечно, вам ничего не стоит убить меня. Но, совершив преступление, вы накажете себя, а не меня. Завтра я вновь восстану из мертвых и понесу слово Церкви страждущим людям, в то время как на ваших руках останется моя кровь.

— Все это пустые слова! — рявкнул Блэк. — Не забывай, что помимо смерти есть и другие виды возмездия. Я могу посадить тебя за решетку — причем на довольно долгий срок.

— Только не вы, мистер Блэк. В вашем сердце нет такой жестокости. Я мог бы ожидать чего-то подобного от Мюреля, но от вас — никогда.

— Если ты так относишься к Мюрелю, то почему же призываешь людей отказаться от борьбы? Зачем полагаться на милость бандита, зная, что он не имеет никакого понятия о пощаде?

— Поймите, только непротивление злу может наполнить состраданием черствое сердце заблудшего грешника. Он должен почувствовать себя человеком, а не животным, против которого поднялись остальные люди. Ведь каждый из нас — даже самый падший и отверженный — несет в себе искру божественного света...

— У меня нет времени выслушивать твои проповеди, — сказал Блэк. — Зачем ты пришел?

Ричард осмотрел Базарную площадь, ожидая увидеть там группу разгневанных советников. Весть о его дуэли с О'Финном распространилась по всей обители, но никто из членов Совета так до сих пор и не появился.

— Зачем я пришел? — ответил Борбич. — За состраданием, мистер Блэк. За состраданием, которое является основным законом человеческого существования — основным и, пожалуй, единственным законом!

— А к чему оно приводит? — с усмешкой спросил Ричард, отказываясь признавать какой-либо смысл в словах русского.

— Мистер Блэк, вы не посещаете мои проповеди и, наверное, не знаете о том, какое огромное открытие сделала Церковь Второго Шанса. Недавно я беседовал с Филлис, и, судя по ее словам, она неоднократно пыталась передать вам мою историю, но вы каждый раз уклонялись от этой темы. Почему? Неужели боитесь того, что можете услышать?

— Ты когда-нибудь доберешься до сути дела? — взревел Блэк, и его глаза свирепо сузились. — Может быть, мне надо уподобиться отцу Уильяму и пинками спустить тебя с лестницы?

— О нет, мистер Блэк. Со мной вы можете не притворяться. Я знаю, что за вашим нарочито варварским видом скрывается отзывчивый и честный человек. Мне доводилось видеть, как вы оказывали помощь униженным и оскорбленным, и я знаю, какое доброе сердце бьется в вашей груди. К чему этот образ супермена? Он опасен и однажды может навсегда заменить собой вашу истинную сущность.

— И что же тогда произойдет?

— Ничего хорошего, поверьте. Но я опять уклонился от темы. Мы говорили о том, что сострадание является главным и обязательным законом человеческой жизни. Вы, вероятно, знакомы с биографиями величайших людей Земли. Я имею в виду не Цезаря и Наполеона, а людей, похожих на святого Франциска, Будду и Иисуса Христа — воистину великих по скромности своей и безграничному состраданию!

Ах, сударь, я прошу еще минуту! Не будьте столь нетерпеливы! Обещаю, что мой рассказ заинтересует вас, поскольку эта история не только имеет глубочайший смысл, но и соприкасается с одной из самых сокровенных тайн долины.

Я услышал ее из уст основателя нашей Церкви, и именно она заставила меня отказаться от суеверий и ложных идолов земных религий. Я стал другим человеком, и, на мой взгляд, это был важный шаг на пути, уготованном для каждого из нас.

Свои первые годы новой жизни основатель провел среди индусов, большая часть которых родилась в Раджпутане в середине пятого века до нашей эры. Он научился их языку и освоил индусскую философию, отвергнутую к тому времени почти всеми ее прежними почитателями. Как видите, им тоже пришлось отделить земную шелуху от речных зерен истины. Позже основатель встретил индуза, который оказался знакомым самого Гаутамы Будды. И что интересно, он восстал из мертвых рядом с телом этого великого мудреца.

Заметьте, я сказал «с телом»! Будду тоже воссоздали во плоти, но искра жизни не вернулась в его холодное тело, и это воскрешение — возможно, одно на многие миллиарды — закончилось неудачей.

История произвела на моего друга глубокое впечатление. Он уловил в ней намек на разгадку некоторых тайн долины. Основатель отправился на место погребения Будды и спросил людей, которые знали мудреца по земной жизни. Они клялись ему, что труп действительно принадлежал Гаутаме.

Какое-то время мой друг жил среди этих мирных и добрых людей, наслаждаясь покоем и гармонией их социального уклада. Но потом ему надоело сидеть и болтать языком, и он решил разгадать тайну нашего возрождения. Собрав свои небогатые пожитки, основатель отправился в долгий путь.

Через пару лет он встретил человека, который искал ответ на тот же вопрос. Этот итальянец из тринадцатого века воскрес среди своих современников и без большого труда восстановил былое положение, которое он занимал на Земле. Будучи там принцем небольшого королевства, итальянец и здесь вел не-скончаемую борьбу за власть и новые территории. Все это продолжалось до тех пор, пока он не взял в плен высокородного провансальца, который считался его главным соперником. На одной из веселых пирушек тот рассказал ему странную историю о том, что во время своего первого воскрешения на берегу Реки он очнулся рядом с трупом. Несмотря на молодое тело покойника, провансальец узнал в нем старца, который за свою смиренную и набожную жизнь был канонизирован и стал святым угодником. Этот человек, как никто другой, заслужил жизнь после смерти. Но его идеально воссозданное тело оставалось холодным, как камень. Святого с почестями похоронили, и провансальец, знаяший его лично, долгое время недоумевал по поводу такой превратности судьбы.

Услышав эту историю, принц будто взвалил на свои плечи тяжелую ношу. Он не мог отбросить ее, и через несколько недель неясный зов души позвал его в дорогу. Принц ушел, ничего не сказав своим подчиненным, поскольку те по наивному невежеству могли прибегнуть к насилию, чтобы удержать его от этого поступка. Он прошагал многие мили, спрашивая о неудавшихся воскрешениях и рассказывая людям о странном случае с провансальским святым. А потом, совершенно случайно или по воле провидения, странствующий принц повстречал моего друга и услышал его историю о великом Будде.

Вполне понятно, что общий интерес связал их дружбой, и они решили объединить свои усилия. Им часто приходилось пересекать территории с враждебно настроенными поселенцами, поэтому, во избежание ненужных столкновений, они строили лодку и спускались вниз по течению на несколько миль.

Целью их поисков был сбор сведений о тех людях, чьи тела так и не ожили в День Великого Крика. Опросив не меньше миллиона человек, они уже начали терять надежду на успех, как вдруг однажды вечером, сидя у костра гостеприимных самаритян из первого века, двое друзей услышали рассказ о

несчастной женщине, чья дочь оказалась еще одним мертвым лазарем.

Отыскав на следующий день жилище этой женщины, они расспросили ее о дочери, и она подтвердила факт неудачного воскрешения. Ожив на берегу Реки, самаритянка начала поиски своих детей и вскоре встретила старого знакомого, который сообщил ей печальную весть. Ее любимую дочь нашли мертвой и погребли в земле по старому обычаю. Причем ее никто не убивал. Она просто почему-то не ожила, и искра души не согрела холодного тела.

Скорбящая мать тут же отправилась к могиле и попросила людей выкопать тело дочери, чтобы увериться в ее трагической смерти. Труп пролежал в земле несколько дней, но она опознала дочь. С тех пор ее сердце превратилось в незаживающую рану.

Так чем же этот случай напоминал два первых инцидента? Только тем, что обе женщины заслужили на Земле славу добрых и праведных людей, посвятивших себя бескорыстной помощи бедным, больным и угнетенным. В отличие от Будды и святого угодника они имели семьи и детей. По словам матери, ее дочь отличалась очень пылким и вдохновенным характером. В земной жизни ей не раз доводилось страдать из-за несправедливости людей, и, наверное, поэтому небеса уберегли ее от новых невзгод в долине.

Блэк, сам того не желая, увлекся рассказом Борбича.

— Подожди, подожди! Зачем вмешивать сюда замужество, детей и характер, если ты не упоминал о них в двух первых случаях?

— Основатель нашей Церкви пытался обобщить эти три инцидента и выделить основные качества невоскрешенных лазарей. Их сходство могло стать ключом к объяснению самой загадочной тайны долины.

Все три случая имели несколько общих черт: человеческую любовь, веру в Бога, самодисциплину, здоровое отношение к пище и одежде, убежденность в высоком предназначении бытия и наличии жизни после смерти, глубокую неприязнь к угнетению и презрение к условностям, если те вредили развитию милосердия и сострадания.

Тем не менее эти факторы еще ни о чем не говорили. Два друга продолжили поиск и за три года узнали о трех новых случаях неудачного воскрешения. В отличие от первых они произошли в разное время через несколько лет после Дня Великого Крика. Причем в каждом эпизоде тело перенесенного незнакомца не имело следов насилия или каких-либо знаков, которые указывали бы на причину смерти. Судя по всему, эти

двоє мужчин і жінка були убити в інших областях долини, але по неясній причині процес їх відновлення оказался незавершеним. Вони так і не повернулися до життя.

К сожалінню, засновник не знайшов людей, які знали бого-нібудь із цієї троїці. Його довгі пошуки і розпитки не привели до чогось. Але він не зміг відмінити, так як вірив, що ці аномальні події практично не відрізнялися від тих перших випадків. А потім його друг отримав нові докази і розкрив загадку незакончених відновлень!

— І в чому тут був секрет? — звернувся Блэк.

Розповідь Борбіча заінтригувала його, але, поглянувши на Базарну площадь, він побачив групу радянських військових, які спрямовані до замку. Це означало не тільки швидке завершення цікавої бесіди, але і неприємне пояснення по поводу дуэлю з О'Фінном. Блэк тяжко вздохнув і почав обдумувати майбутню речі перед членами Сенату.

— За моєю думкою засновник цієї Церкви, питаючи камні, граали, да і сама долина, являються штучними спорудами, створеними спеціально для відновлення людей, — заспівав Борбіч. — Благодя римлянам ми повинні відібрати від оков собівартості і научитися жити відокремлено!

Он замовчав, спостерігаючи за ефектом, який викликали його слова. Руки Борбіча дібралися від відчуття. На круглому обличчі з'явився рум'янець. Так і не дождавшися ніякої реакції від Блєка, він торопливо заспівав:

— Я розумію, що це утверждение здається необґрунтованим і зовсім напівшим. Але засновник рішуче, що нам даровано ще один шанс — другий і, можливо, останній, оскільки першу битву за личне спасення ми безнадійно проиграли.

— І в чому тут був секрет? — звернувся Блэк.

— В здатності приблизитися до великих істин, які знаходяться за гранню нашого відчуття, — відповів Борбіч. — Или, іншими словами, в окончательному слиянні з Богом.

Блэк презирчально фіркнув:

— Сказати по правде, мені сподобалася твоя історія. Але тепер ти несешь якісь мистичні відомості, і я думаю, що нам потрібно прервати цю зустріч. У мене є важливі речі, і мені не варто слухати твою історію про великих за межами істин і слиянні з Всесвітним.

— Ви не зрозуміли мене! — всхлипав Борбіч. — Я пользується цими термінами тільки тому, що наша мова не має

точных определений для тех переживаний и возможностей, о которых идет речь! Я просто вынужден использовать мистические понятия, какими бы наивными они вам ни казались. Если вы позволите мне объяснить суть...

— Я и так уделил тебе много времени, — прервал его Блэк. — Возможно, мы поговорим еще как-нибудь в другой раз, но сейчас, не затрагивая принципов твоей Церкви, я хочу попросить тебя об одном одолжении. Не надо больше смущать людей, подстрекая их к разрушению «Кометы» и отказу от борьбы с наемниками Мюреля.

— Но я не могу давать таких обещаний, — ответил Борбич. — Если хотите, я объясню вам, почему мы не должны противиться злу и прибегать к насилию...

— Это последнее предупреждение! Еще одно неверное слово, и ты покинешь Телем! Если тебе так нравится Мюрель, можешь к нему и убираться!

Побледневший Борбич отчаянно всплеснул руками и, опустив голову, направился к лестнице. Через пару минут на крышу поднялись советники, и, успокаивая их, Блэк забыл о блаженном русском.

ГЛАВА 16

Спор с советниками затянулся на полчаса. Выслушав их гневные упреки, Блэк решительно заявил, что дуэль все равно состоится. Если бы он не принял вызов, враги посчитали бы его трусом, а обитатели долины потеряли бы уважение не только к нему, но и ко всей Телемской обители.

Члены Совета погрузились в угрюмое молчание, задумчиво затягиваясь дымом сигарет и сердито поглядывая на Блэка. Внезапно из-за Реки донесся бой барабанов.

«Деканавидах приветствует своего белого брата Блэка», — гласило шифрованное сообщение.

Выслушав традиционное вступление индейского вождя, Ричард который раз удивился этой непроизвольной игре слов*. Он довольно часто встречался с вождем каюга, но тот никогда не снисходил до шуток и дружеских острот. Однако Блэк не обманывался его внешним видом. Своей манерой поведения многие индейцы напоминали ему начинающих писателей, а те, как известно, могли быть кем угодно, но только не серьезными людьми. Каким бы важным и степенным ни казался вождь, под его непроницаемым лицом мог скрываться неподражаемый шутник.

* black — черный (англ.).

Блэк продиктовал сигнальщику ответное приветствие, а затем, изнывая от нетерпения, попросил пустить его к барабанам. Даже ему, изобретателю этой системы, приходилось подчиняться правилам. Никто не мог прикасаться к барабанам без предварительного согласия одного из членов Розыскного Агентства.

Угостив сигнальщика сигаретой, Блэк сел перед двумя барабанами и прислушался к звукам, доносившимся с другого берега. Чуть позже он передал ответ:

«Известно ли Деканавидаху о том, что он, Блэк, принял вызов О'Финна?»

Ответ вождя был утвердительным.

«Не согласится ли Деканавидах приплыть в Телем и приследить за ходом дуэли? И, возможно, он возьмет с собой нескольких славных воинов, чтобы после смерти О'Финна они могли устроить совет?»

«Да, Деканавидах с удовольствием посмотрит на то, как его белый брат снимет скальп с рыжеволосого болтуна по имени О'Финн».

«Блэк также предлагает великому вождю объединить их силы и сразиться с людьми Мюреля».

«Да, зять вождя Це Чан говорил ему об этом, и Деканавидах знает об обещании Блэка предоставить племени каюга партию железных ножей. Однако время для совета вождей еще не пришло. Западные дакота тоже готовы выступить против Мюреля, но за свою помощь они хотели бы получить от Блэка оружие и стальные наконечники для стрел. В случае отказа они посчитают союз Телема и каюга угрозой для себя и перейдут на сторону Мюреля».

Блэк застонал и покачал головой. Он нуждался сейчас в помощи племени каюга. Однако, дав им ножи, он восстановил бы против себя ирокезов, поскольку Деканавидах мог в любой момент обернуть оружие против племени Воюющего Пса. Для общего соглашения вождям потребовалось бы не меньше недели. Но к тому времени их поддержка будет уже не нужна.

Внезапно на его лице промелькнула хитрая усмешка. Он придумал, как заставить вождя каюга выйти на тропу войны. Если О'Финн или его подчиненные нанесут оскорбление Деканавидаху, месть индейца последует без промедления...

Блэк назначил встречу на начало вечера и закончил сообщение словами о том, что ему не будет покоя, пока он не увидит лица великого Деканавидаха.

Индеец ответил, что счастье вернется в его сердце лишь после того, как он пожмет руку своего белого брата.

Блэк отложил в сторону две берцовые кости, но тут зазвучали барабаны западной заставы. Гарнizon у Красной Скалы сообщал о том, что из-за поворота Реки появилось «Мщение». Блэк посмотрел себе под ноги. Отсутствие тени говорило о наступлении полудня, то есть 4.00. Чтобы добраться до гавани, «Мщению» требовалось не менее двух часов. Значит, О'Финн мог сойти на берег примерно в 6.00. Деканавидах должен был приплыть к началу дуэли, и Блэку очень хотелось, чтобы поединок закончился не позднее 6.30. Он планировал расправиться с О'Финном за десять минут. И тогда до сумерек осталось бы полтора часа.

От точного расчета времени зависел успех последующей атаки «Мщения». О'Финн поклялся, что в случае его смерти корабль без боя сдастся Блэку. Но слово пирата не стоило и гроша. Потеряв капитана, команда «Мщения» могла поднять якорь и на всей скорости отправиться к родным берегам. Для захвата вражеского корабля Блэк собирался использовать свой собственный флот с флагманским судном «Зуб дракона». Эта низкая одномачтовая галера напоминала по форме норвежский струг, на котором плавали викинги. Нос корабля венчала деревянная голова чудовища; между круглыми щитами, вывешенными по бортам, торчали длинные весла. Несмотря на небольшие размеры, «Зуб дракона» без труда мог задержать любое крупное судно — особенно если две дюжины лучших лучников не дадут матросам высовываться из-за борта.

Блэк велел сигнальщику спросить у наблюдателей заставы о каких-либо признаках необычной концентрации противника. С Красной Скалы сообщили, что подозрительных перемещений не обнаружено, а на заставе врагов не замечено никакой активности. Двести ярдов между двумя постами по-прежнему оставались «территорией без людей».

Блэк приказал удвоить численность заставы и, отдав дополнительные распоряжения, спустился на площадь под жаркое полуденное солнце.

В центре рынка около двенадцати шансеров поднимали пиками огромный крест и вставляли его нижний конец в глубокую дыру. Засыпав землю в отверстие, они приготовили раствор из измельченного известняка, песка и гальки, а затем залили им основание креста. Борбич стоял в стороне и гордо наблюдал за ходом работ. Он немного нервничал. Его маленькие глаза метали взгляды на любопытных зрителей, и уши все больше краснели от их непристойных замечаний и колких советов.

Не обращая внимания на шансеров, Блэк подошел к большому столу Совета, который стоял в тени гигантской сосны.

Он сел, извлек из граала картонки с едой и с усмешкой осмотрел угрюмые лица советников. Кое-кто из них кивнул ему в ответ. Остальные отворачивались в стороны. Единственным исключением оказался Чарбрасс, который, как всегда, сохранял веселое настроение и оставался безучастным к решению своих коллег. Как видно, ему было плевать на то, что Блэк затеял бессмысленную дуэль, рискуя жизнью и постом телемского лидера.

• Блэк с интересом взглянул на инженера и вдруг осознал, что этот человек всегда был для него загадкой. Если в двадцать первом веке большая часть людей походила на него, то им, наверное, там неплохо жилось. Чарбрасс обладал прекрасным чувством юмора, какой-то утонченной интеллигентностью и потрясающими знаниями во многих областях науки и техники. Он великолепно приспосабливался к любому окружению и мог долго выдерживать экстремальные физические нагрузки. Его спокойствию и чувству своевременности можно было только удивляться. Он всегда знал, что и когда сказать, молчал, когда этого требовали обстоятельства, и никогда не выдвигал скороподобных идей. Чарбрасс охотно помогал другим, когда его об этом просили. Однако, чтобы получить от него какую-нибудь информацию, приходилось не только задавать вопрос, но и соответственно знать, о чем спрашивать.

Например, когда Клеменс и Блэк искали инженера для строительства корабля, они не раз говорили ему об этой вакансии. Он слушал их, сочувственно покачивая головой, однако упорно не предлагал своих услуг. Однажды Блэк неожиданно подслушал его беседу с Филлис и узнал, что Чарбрасс работал главным инженером на пассажирской линии Земля—Марс. Расспросив его о подробностях, он понял, какой человек живет рядом с ним, и Чарбрасс признался, что, будь у них необходимые минералы, ему не составило бы труда сконструировать двигатель для гребных колес «Кометы». Благодаря его знаниям они построили мощный мотор, чей коэффициент полезного действия составлял не менее восьмидесяти пяти процентов. В качестве топлива они могли использовать сосновые поленья, а вместо смазочных материалов употреблять обычный рыбий жир.

— Почему ты не сказал нам об этом раньше? — кричал на него Сэм Клеменс. — Ты же знал, черт возьми, что мы давно искали такого человека!

Чарбрасс улыбнулся и, пожав плечами, спокойно ответил, что его об этом никто не спрашивал.

Несмотря на возмущенные вопли Клеменса и радостные восклицания Блэка, он продолжал улыбаться, словно наслаждаясь

дался их эмоциями и порывами души. Возможно, Чарбрасс действительно видел окружавших его людей насквозь. Во всяком случае, ему удавалось пробуждать в них любопытные чувства. Хотя для такого человека, как Блэк, подобные откровения были вдвойне неприятными, поскольку без панциря грубости и язвительного скептицизма он казался себе беспомощной устрицей на тарелке француза.

И вот теперь, наблюдая за Чарбрассом, Блэк гадал о тех нераскрытых способностях, которыми мог обладать этот странный человек.

— Джейрус, — обратился он к нему, — а как к такой дуэли отнеслись бы люди двадцать первого века?

Чарбрасс, сидевший на скамье, как бронзовая статуя неведомого божества, не торопился с ответом. Он не спеша повертел вопрос в своем уме, будто осматривая внутренним взором каждую из его многочисленных граней.

— Лично я считаю нелепым и печальным тот факт, что любой человек вашей эпохи мог прибегать к насилию для решения простых и незатейливых вопросов.

— Ты говоришь, как Борбич, — с усмешкой сказал Блэк.

Он быстро осмотрел лица остальных советников, выискивая тех, кто отважился бы с ним спорить.

— Возможно, мы с ним действительно в чем-то схожи, — спокойно ответил Чарбрасс, — но только до некоторой степени. В отличие от него, меня не интересуют сверхъестественные и теологические объяснения нашего появления в долине. Тем не менее я считаю, что его Церковь во многих отношениях находится на верном пути.

— Значит, ты тоже не одобряешь дуэли?

— Конечно, она имеет несколько положительных моментов. Если устраниТЬ О'Финна и его помощников, Телем получит больше свободы на Реке и быстрее придет к своей цели. Но вместо О'Финна появится кто-нибудь другой и подхватит эту роль в старой драме убийств и жажды власти. Почему бы тебе не поговорить с О'Финном и не помочь ему измениться в лучшую сторону?

— Да, почему бы ему не превратиться из свиньи в голубка? — иронично заметил Блэк. — И что мне сказать этому бандиту?

— Что хочешь, то и говори, — ответил Чарбрасс. — Ты все равно поступишь по-своему.

— Я всегда подчиняюсь воле большинства, если только решения Совета не идут вразрез с моей совестью. Многие из советников считают, что я не должен драться на дуэли.

— Ты волен поступать так, как тебе хочется.

Сбитый с толку Блэк свирепо взглянул на Чарбрасса, но тот невозмутимо улыбнулся в ответ. Его не пугали сердитые взгляды.

— Я беседовал сегодня с Борбичем, и он утверждал, что сострадание является главным и единственным верным законом человеческого существования. Что ты думаешь по этому поводу?

— Думать можно все что угодно. К сожалению, Борбич слишком усердствует, пытаясь уверить себя и других, что провозглашаемые им истины не требуют доказательств. К тому же он еще не научился направлять свое сострадание к цели. А цель, как я понимаю, заключается в привитии сознательности черствым и жестоким людям. Это огромная и длительная работа, даже если знать, как ее делать. Борбич пока идет на ощупь, однако здесь нет причин для пессимизма. В своей земной жизни он был более безалаберным и за последние годы в долине значительно продвинулся в своем духовном развитии. Борбич избавился от эпилепсии азарта. Но он по-прежнему имеет несколько нежелательных черт, одной из которых является излишнее самоунижение, то есть другая сторона чрезмерной гордости. Тем не менее он совершенствуется, и это можно только приветствовать.

— По мнению Филлис, ты тоже от него не отстаешь. Вы с Борбичем следуете разным принципам и, похоже, стремитесь к совершенно противоположным целям. Но иногда мне кажется, что в конце концов ваши пути сойдутся.

Обычно эти полуденные беседы имели два полюса: Сэм Клеменс на одном конце стола и Ричард Блэк — на другом. Однако теперь все слушали Чарбрасса, который вдруг раскрылся в новом свете. Изумление присутствующих вызывал уже тот факт, что разговор вел он, а не глава Совета.

— Своей дуэлью ты ставишь на карту все, чего с таким трудом и упорством добивался последние двенадцать лет, — продолжал инженер. — Ты создал Телем, с его принципами свободной демократии, и теперь, когда это маленькое государство встало на ноги, тебе уже нельзя метаться из стороны в сторону и гоняться за журавлями в небе. Твое Розыскное Агентство может разрастись в организацию, которая объединит всю долину. С его помощью мы распространим принципы демократии и сделаем английский язык универсальным средством общения. Со временем Телем объединит свои усилия с Церковью Второго Шанса и другими прогрессивными сообществами — например, с Рыцарями Грааля, которые, практикуя психодинамику двадцать первого века, избавляют людей от их неврозов и психозов.

— Рыцари Грааля? — удивленно воскликнул Блэк. — Я впервые о них слышу! Почему ты не говорил об этом сообществе прежде? И откуда тебе о нем известно?

— Я один из членов этого духовного братства — хотя и стал им совсем недавно. Если вы помните, полгода назад через Телем проходила группа странников из двадцать первого века. Среди них была женщина, которую звали Анджела Дэй. Она рассказала мне о Рыцарях Грааля и по моей просьбе произвела меня в рыцарский сан. С тех пор я жду о ней вестей, но их нет и нет, и мое сердце трепещет от нетерпения. Я знаю, она занята поисками людей из моего времени. И когда мы объединимся, эта долина превратится в райский сад. О, какие великие перемены ожидают нас в будущем!

— Ты снова говоришь, как Борбич, — с улыбкой произнес Блэк.

Чарбрасс невозмутимо доел мороженое и очистил ложкой чашечку с десертом.

— Несколько минут назад ты говорил то же самое, но другим тоном, — ответил он. — Да, несмотря на разные цели и воспитание, мы с ним используем почти одинаковые выражения. Но ведь и солдаты вражеских армий применяют одну и ту же терминологию для разработки своих стратегических задач. Все миссионеры в чем-то похожи друг на друга, как перья на куриных задницах. Однако я должен признать, что мне до них еще далеко.

— Ну надо же, черт возьми! — вскричал Блэк. — Среди телемских варваров-язычников появился новый Ливингстон!

Некоторые из советников засмеялись. Остальные в замешательстве смотрели на Чарбрасса. Филлис, молчавшая во время этой беседы, перегнулась через стол и похлопала инженера по руке. Тот с улыбкой кивнул ей в ответ, и при виде их дружеского взаимопонимания Блэк почувствовал себя еще более сердитым.

Конечно, он и виду не подал, что его задели отношения Филлис и Чарбрасса. За несколько последних лет Блэк научился сдерживать порывы слепой и импульсивной ярости. Подавив раздражение, он закурил сигарету, встал и спокойно зашагал к Замку. Только Филлис могла понять, что творилось теперь в его душе. Но он даже не взглянул в ее сторону. О, как ему хотелось, чтобы сейчас перед ним появился О'Финн с обнаженной саблей в руке! Он за минуту накрошил бы из него пару дюжин маленьких о'финчиков.

Но прошло немного времени, и Блэк успокоился. Он уже не рвался в бой, понимая, что необузданная ярость хороша лишь в малых дозах. Для дуэли на саблях требовалась ясность

мысли, а не красный туман, который застилал глаза. Чтобы победить противника, боец должен сохранять хладнокровие и душевное равновесие, иначе он кончит со сталью в кишках.

Подозвав Келли, Блэк обсудил с ним расстановку людей во время дуэли. После этого он назначил пятьдесят человек в почетный эскор特 для встречи индейского вождя. Теперь ему приходилось совмещать обязанности секретаря административного комитета и главнокомандующего вооруженными силами Телема.

— Как насчет Красной Скалы? — спросил Келли, имея в виду заставу на границе с Мюрелией. — Может быть, дать им подкрепление? Пока мы будем глазеть на тебя и О'Финна, противник может напасть.

— Подбрось им еще полсотни человек, — ответил Блэк. — Но я не думаю, что Мюрель пойдет в атаку. Для этого ему понадобилась бы вся его армия. А мы знаем, что никаких перемещений войск за последнее время не наблюдалось. Во всяком случае, наши дозорные тут же сообщили бы об этом. Неужели он надеется, что О'Финн меня убьет? Придется его разочаровать.

Келли отдал честь и удалился. Блэк хотел заняться решением повседневных дел, но никак не мог найти Филлис. Это удивило его, поскольку она никогда не пренебрегала своей работой. Скорее всего Филлис отсиживалась в их хижине, ожидая, когда он придет за ней и попросит прощения. В таком случае ее ожидание могло затянуться надолго.

ГЛАВА 17

В 6.10 по песочным часам, которые стояли на столе Совета, в Телем прибыла делегация каюга: Деканавидах, Це Чан и группа из пятидесяти воинов. Они приплыли на двух больших каноэ, сосновые шпангоуты которых были обтянуты несколькими слоями человеческой кожи. Вождь сидел позади гребцов на маленьком табурете. Его левую щеку пересекал широкий рваный шрам, приобретенный в семейной ссоре, а не в бою от руки храбреца-сиу, как того хотелось бы Деканавидаху. Оранжевые брюки подходили под цвет шрама. На обнаженном торсе виднелся нагрудник, сделанный из человеческих костей. В правой руке он держал копье со стальным наконечником, которое ему подарил Блэк. Из-под головной повязки торчало несколько искусственных перьев, для изготовления которых индейцы использовали костяные стружки и полоски дубленой кожи.

Каноэ причалили к берегу, и индейцы в сопровождении почетного эскорта подошли к большому столу Совета. Выкурив трубку мира и обменявшись сигаретами, Блэк и Деканавидах завели разговор о временном союзе с сиу. Довольно скоро Ричард понял, что вождя не интересует этот вопрос. Переводя беседу на другую тему, Блэк спросил о примерном количестве воинов, которых вождь мог выделить для сражения с Мюрелем.

— Я еще не прикидывал их числа, но многие воины будут охранять наши хижины от людей Воющего Пса на западе и восточных лени-ленапов. Кроме того, мне понадобятся храбрецы для присмотра за рабами. Если за ними не проследить, они тут же разбегутся. Каждый раз, когда один из моих воинов погибает, вместо него у нас появляется индус. А эти парни настолько ненадежны и трусливы, что мы не можем принять их в племя. Я бы с радостью позволил им уйти, но нам понравилось виски, которое появляется в их граалях.

Услышав последние слова вождя, многие советники нахмурились. Они уже давно убеждали Деканавидаха отпустить на свободу индусское меньшинство. Их дипломатия имела несколько весомых аргументов — например, статистику, которая свидетельствовала о том, что индусы составляли уже десятую часть от численности каюга. Если смертность среди индейцев и дальше будет оставаться на том же уровне, через десять лет их племя станет на четверть темнокожим.

Впрочем, такая ситуация была типичной для долины. Жернова воскрешений перетирали расы и народы, смешивая людей из разных мест и времен. Однако у индейцев этот процесс ускорялся бесконечными войнами — их любимым и, пожалуй, единственным занятием.

Блэк еще раз спросил Деканавидаха о численности отрядов, на которые мог рассчитывать Телем. Вождь задумался, почмокал губами, а затем сказал, что для мудрого решения ему надо прочистить мозги спиртным.

В этот момент на крыше Замка загрохотали боевые барабаны. Все повернулись в сторону озера, чтобы рассмотреть корабль О'Финна, выплывавший из-за лесистого полуострова. «Мщение» походило на длинного водяного жука с тридцатью ногами-веслами по бокам. Судно быстро приближалось к берегу. Когда оно оказалось на середине озера, Блэк оценил его размеры. Корабль имел не меньше сотни футов в длину и, по крайней мере, пять футов от ватерлинии до палубы. За каждым веслом сидело два гребца, а на трех палубах виднелись отряды лучников и кольеносцев. Вместо флага на кончике мачты с косым парусом развевалась белая рубашка. Носовое украшение, грубо

вырубленное из ствола сосны, представляло собой торс обнаженной женщины с неестественно большой грудью. На ее шее виднелось ожерелье из человеческих черепов.

Барабаны стучали; весла пенили воду. Огромный камень, привязанный к толстой травяной веревке, полетел за борт, и следом за ним матросы спустили гичку. Четверо воинов сели за весла и по команде рулевого начали грести к берегу. На носу стоял рослый мужчина, чьи рыжие волосы казались пылавшим факелом, а алое от загара лицо напоминало ягодицы бабуина. Он поднес ко рту рупор из большой раковины и прокричал, чтобы Блэк вышел вперед и смиленно приветствовал Майка О'Финна — адмирала мюрельского флота. В его ушах поблескивали серьги, сделанные из пустых тюбиков для губной помады. Обнаженная волосатая грудь отливалась оранжево-красным цветом. Сойдя на берег, он решительно зашагал к толпе и закричал, чтобы ему притащили сюда трусливого выскочку Блэка.

Люди спокойно смотрели на него и обменивались друг с другом язвительными замечаниями. Нахмурив желтые брови, О'Финн подошел к одной из женщин и схватил ее за плечо. Она вскрикнула и попыталась вырваться, но рыжий громила подтащил ее к себе.

— Какая миленькая крошка, — громко произнес он, похлопав женщину по щеке. — Покажи мне засранца, который управляет вами, и я подарю тебе свою любовь.

Побледнев, она с вызовом посмотрела ему в лицо. Он облизал свои толстые губы и с усмешкой сжал ее грудь. Женщина закричала от боли. Человек, стоявший рядом с ней, оттолкнул О'Финна и угрожающе произнес:

— Полегче, ублюдок! Или ты сейчас будешь кашлять кровью!

— Это кто тут назвал меня ублюдком? — взревел О'Финн и ударил мужчину в пах.

Тот упал и закрутился юлой по траве. Увидев это, Блэк выступил вперед.

— Ты зашел слишком далеко, О'Финн, — сказал он, подходя к бандиту. — Я хотел предложить тебе перемирие, но теперь мне придется подрезать твои уши.

— А вот и наш зайчик Блэк! Только, паренек, ты гребешь без весел, если надеешься запугать дядю Майка. Тебе не надо меня так бояться, дружок. Я ведь здесь для того, чтобы выслушать твою просьбу о капитуляции. Правда, если ты застращаешься, дядя Майк повесит тебя на твоих же кишках. Поэтому поторопись, малыш! Мюрель сказал, что ты и дальше можешь править Телемом как его наместник. В противном случае... — Он чиркнул по горлу пальцем.

— Если у Мюреля все такие, как ты, нам действительно нечего бояться, — ответил Блэк. — Ты похож на воздушный шар, раздувшийся от собственной болтовни. Но чтобы превратить тебя в кучку дерьяма, достаточно одного булавочного укола.

Толпа засмеялась. Лицо О'Финна стало еще краснее. Он выдернул саблю из кожаных ножен, и глаза Блэка сузились от возмущения. Вне всяких сомнений, эту саблю выкрали из Телема или взяли у убитого каюга во время битвы.

— Хорошая речь, Блэкки, — взревел рыжий бандит, — но она для меня как писк комара! Посмотрим, что ты скажешь, когда Мюрель и его храбрецы придут сюда с пятью тысячами стальных клинков.

— Ты лжешь, О'Финн, и мы оба это знаем. Во всей Мюрелии не больше пяти таких сабель, да и те вы у нас украли. Довольно разговоров! Если хочешь оставаться в живых, положи оружие на землю, и тогда я позволю тебе вернуться к Мюрелю. Ты передашь ему, что мы готовы к битве!

— Что! Ты хочешь забрать у меня эту саблю? Мое драгоценное оружие, которое я ценю выше всех фамильных сокровищ? Ты просто рехнулся, Блэкки! Тебе сначала придется убить меня в поединке!

— Хорошо, я так и сделаю, — спокойно ответил Блэк.

Он осмотрелся вокруг. Пять матросов с гички стояли за спиной капитана. Они бросали на толпу волчьи взгляды и сжимали рукоятки ножей и каменных топоров. Жители Телема образовали небольшой полукруг, с нетерпением ожидая дуэли. Каюга собирались у причала и, сложив руки на груди, с важным видом наблюдали за происходящим.

На самом краю толпы он увидел Филлис. Ее лицо побледнело. Она попыталась улыбнуться ему, но у нее ничего не получилось. Чуть сбоку стояла Анн де Сельно. Она тоже смотрела на Блэка, и ее большие коричневые глаза лучились холодной усмешкой. Скорее всего она считала эту ситуацию нелепой забавой и его самого — мальчишкой, готовым на любую глупость.

Он даже рассердился. Возможно, Анн в чем-то была права, но ее отношение не понравилось Блэку. Его взгляд вернулся к Филлис.

«Вот женщина, которая действительно меня любит», — с тяжелым вздохом подумал он.

Блэк повернулся к индейцам и обратился к вождю:

— Мой брат Деканавидах, я прошу тебя стать судьей этой дуэли. Если О'Финн убьет меня, посмотри, чтобы никто не помешал ему делать с моим телом все, что ему вздумается. И пусть он вернется на свой корабль целым и невредимым.

— Я прослежу, — ответил вождь.

— А как насчет людей, которые приплыли со мной? — взревел О'Финн. — Разве им не полагается никаких гарантий?

— Вам всем разрешат вернуться на корабль. Однако покидать озеро тебе придется с боем.

— Откуда мне знать, что твои краснокожие уроды не снимут с меня скальп? Я доверяю им не больше, чем тебе!

Лицо Деканавидаха потемнело, и он что-то прошептал Це Чану. Блэк удовлетворенно усмехнулся, поскольку он намеренно провоцировал О'Финна на подобное оскорбление индейского вождя. Это был самый верный способ завербовать каюга на сторону Телема.

— Минуту назад ты выставлял себя разудальным храбрецом. Как же ты осмелился приплыть сюда, если так боишься подвоя?

— Хватить болтать! Давай драться, Блэкки! Вытаскивай свою сталь и умри, как мужчина!

Блэк снял рубашку и несколько раз со свистом рассек саблей воздух. Еще утром он попросил кузнеца заострить задний край клинка на конце своей сабли, намереваясь использовать эту хитрость во время поединка. Такие трюки не раз приносили ему победу.

— Защищайся, О'Финн! — сказал он, приближаясь к противнику. — И смотри, не потеряй свои уши!

О'Финн поджидал его, слегка пригнувшись и широко расставив ноги. Он был выше Блэка, и его мощный торс производил впечатление. Однако большой живот, раздувшийся от многолетнего обжорства и пьянства, предвещал одышку и медлительность движений.

Блэк двигался по кругу, надеясь развернуть О'Финна лицом к заходящему солнцу. Начало дуэли затянулось. До семи оставалось лишь несколько минут, и он знал, что через час наступят сумерки. Для успешной атаки «Мщения» требовался дневной свет. А значит, следовало расправиться с противником как можно быстрее.

О'Финн хохотнул, разгадав уловку Блэка. Он метнулся вперед и, свирепо закричав, нанес боковой удар. Его клинок лязгнул о саблю соперника, и Блэк поморщился от леденящей волны, которая прошла от кисти до плеча. Парировав выпад, он отступил на шаг и взглянул на врага. О'Финн торопливо затряс рукой, восстанавливая кровообращение. Как видно, этот рыжий верзила не знал, что его противник каждый день тренировался с лучшими бойцами на саблях и считал пустяком такие парализующие удары.

О'Финн вновь бросился в атаку. Его яростные, но хаотичные движения подсказали Блэку, что перед ним неопытный боец. По словам очевидцев, ирландец прекрасно сражался на ножах и дубинах, однако, как оказалось, почти ничего не смыслил в сабельном бою. Кроме того, он, видимо, вообще не утруждал себя тренировками и самодисциплиной.

Блэк решил не тратить попусту время. Чем быстрее закончится дуэль, тем больше появится шансов захватить «Мщение». Езекиил Харди и его команда уже находились на «Зубе дракона». В момент гибели О'Финна им полагалось вывести галеру из дока и атаковать корабль мюрельцев. Однако, если дуэль затягивается, сумерки станут союзником врагов, и «Мщение» без особых проблем покинет озеро.

На какое-то время Блэк отдал ирландцу инициативу. Отступая и уклоняясь от выпадов противника, он изучал его стиль и выискивал слабые стороны. Внезапно, шагнув вперед, Блэк нанес сильный удар и, когда онемевшая рука О'Финна опустилась, сделал пируэт и отсек ирландцу пол-уха.

Взревев от боли и ярости, О'Финн отпрыгнул назад и, собрав все силы для решающей атаки, осыпал Блэка шквалом ударов с обеих сторон. Тот без труда отразил бешеный натиск и, сделав обманное движение, пронзил грудь противника колющим ударом. Клинок вонзился в тело выше правого соска, и красная кровь оросила курчавые рыжие волосы.

По слепой случайности О'Финн отмахнулся саблей, и хотя Блэк успел парировать удар, лезвие скользнуло по его шее чуть выше ключицы.

И вот тогда разъяренный Блэк решил воспользоваться своим любимым приемом. Он сделал несколько движений, начиная с «манжеты» и последующего выпада в «каре». Когда противник парировал его удар в предплечье, Блэк сделал пируэт и задним краем клинка перерезал сухожилие на запястье ирландца. Сабля выпала из покалеченной руки О'Финна.

Толпа ликующее взревела. Ирландец упал на колени и пригнулся к земле, прижимая к животу раненую руку. Кровь сочилась из его полуотсеченного уха и из раны на груди. Блэк подошел к О'Финну сзади и колынул его саблей в левую ягодицу. Тот, завопив от боли, вскочил и опрометью бросился к гавани.

Каюга, стоявшие у причала, расступились и образовали проход, по которому пробежали оба дуэлянта. Блэк занес было саблю, но ирландец прыгнул с пристани в воду, и Ричард, зажав в зубах кинжал, последовал за ним. Он надеялся догнать О'Финна, прежде чем тот доплынет до «Мщения». Это послужило бы хорошим поводом для захвата корабля. Однако О'Финн

мог опередить его и уйти от возмездия. Бросив пятерых своих товарищев на произвол судьбы, его команда могла поднять якорь и отправиться в обратный путь.

Несмотря на серьезные ранения, О'Финн показал себя отличным пловцом. Блэк не спеша следовал за ним, стараясь экономить силы. Он знал, что потеря крови вскоре даст себя знать, и ирландца надолго не хватит. Но Ричард забыл, что если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. На полпути к кораблю О'Финн остановился и начал звать своих людей на помощь.

Его команда пришла в движение. Матросы ухватились за концы канатов и с помощью блоков, закрепленных на мачте, подняли из трюма клеть, в которой находилось с полсотни воинов. Как только лучники оказались на палубе, клеть снова спустили вниз — очевидно, за новой партией солдат. Одновременно гребцы уселись за весла, и двое матросов перерубили топорами якорную веревку. «Мщение» медленно двинулось вперед — на помощь своему капитану, который беспомощно барабатался в воде.

ГЛАВА 18

Блэк понял, что попал в западню. Если бы не ярость и разочарование, он бы тут же развернулся и поплыл к берегу. Однако мысль о ловушке побудила его уничтожить наживку.

«Нет, — прошептал Блэк, — О'Финн не будет хвастать о том, что одурачил меня, как мальчишку. Я достану его даже в аду!»

Сделав несколько мощных гребков, он поравнялся с ирландцем. Тот из последних сил старался держаться на плаву. Вода вокруг него покраснела от крови. Лицо потеряло свой алый оттенок и превратилось в молочно-белую маску смерти.

— Прошу тебя, Блэк! Не губи! — прохрипел он, едва дыша.

Бросив взгляд через плечо, он убедился, что «Мщение» вот-вот окажется рядом.

Блэк мрачно усмехнулся:

— А на какую милость могу рассчитывать я, если твои люди поднимут нас на борт?

— На любую, Блэк! На любую!

О'Финн отплыл подальше и внезапно выхватил нож, который он прятал в штанах для подобных случаев.

Отбив рукой удар, Ричард нырнул, и в тот же миг что-то острое скользнуло по его плечу. Он решил, что ирландец дотянулся до него ножом, но рана, судя по всему, оказалась пустяковой. Блэк осмотрелся в зеленом полумраке и увидел

над собой ноги О'Финна. Не обращая внимания на удары, он потянул его под воду.

Неожиданно ирландец перестал сопротивляться. Заподозрив хитрость, Блэк дважды ударил его ножом в живот. О'Финн продолжал опускаться на дно. Рука Ричарда наткнулась на стрелу, которая торчала из шеи трупа.

Очевидно, солдаты, пытаясь спасти О'Финна, выпустили несколько стрел по Блэку и случайно попали в своего капитана. Увернувшись от ножа, Ричард, сам того не зная, избежал неминуемой смерти. Тем не менее одна из стрел все же оцарапала его плечо.

Блэк вынырнул на поверхность, глотнул воздух и снова ушел на глубину. То, что он успел увидеть, наполнило его сердце тревогой. Вражеская галера находилась почти над ним — так близко, что край весла опустился в воду лишь в футе от его лица.

Но не это обеспокоило Блэка. Его смущило то, что на берегу кипела яростная битва. Он не мог понять, откуда появилось столько врагов, если после бегства О'Финна на пристани оставалось только пять мюрельских матросов.

Нырнув поглубже, он проплыл под плоским днищем «Мщения» и вынырнул на поверхность в двадцати ярдах от длинных весел. Галера частично закрывала вид на берег. Однако, осмотревшись, Блэк понял, откуда взялись враги. Сотни людей сбегали вниз по холмам и собирались в маленькой долине, через которую протекал небольшой ручей. Скорее всего отряды Мюреля перешли границу этой ночью. Скрываясь в рощах и в глубоких расщелинах, они выжидали начала дуэли. Когда же бегство О'Финна отвлекло внимание дозорных, они набросились на жителей Телема сзади и начали кровавую резню.

Огромный отряд приближался с западной границы. Людей было не меньше трех тысяч, и Блэк догадался, почему посты на холмах не заметили такого количества воинов. Его дозорных попросту перебили вражеские лазутчики.

В следующий момент он забыл о своих догадках и изумленно уставился на титантропа, о котором ему рассказывал Хикок. Это человекообразное существо внушало страх уже своими размерами. Самец был почти вдвое выше самых высоких людей и без труда нес огромный щит, который мог придавить под собой даже Геркулеса. Он беззаботно размахивал топором, к рукоятке которого крепился большой кусок скалы.

Блэк застонал от отчаяния и, сунув нож за пояс, поплыл к берегу. Стрелы с «Мщения» падали в воду рядом с ним, но они

были уже на излете. Сосновые луки Мюрелии представляли собой угрозу только на короткой дистанции.

Внезапно Блэк услышал ритмичное пение и удары тамтама. Из-за носа галеры появилось каноэ каюга. Деканавидах сидел на корме и указывал гребцам на Блэка. Через минуту Ричарда втащили в лодку, и каноэ погналось за «Мщением».

— Мы должны прорваться к Замку, — едва отдохнувши, произнес Блэк. — У Мюреля слишком много воинов, и нам не выстоять против них в открытом бою. В Замке мы можем отражать их атаки бесконечно. И это даст нам время, чтобы объединить горожан, разбежавшихся по холмам вдоль озера.

— Я не могу идти с тобой в Замок, — ответил вождь. — Иначе мои люди посчитают меня трусом. Мы поможем тебе бежать, а когда ты будешь в стенах крепости, я продолжу битву.

— Будет лучше, если ты вернешься утром. Возможно, тебе стоит сейчас отправиться на свой берег и собрать там воинов для большого сражения. Если мы зажмем Мюреля между берегом и Замком, я нанесу удар с востока и...

Мощный грохот заглушил его голос. Блэк вскинул голову и увидел, как нос «Мщения» врезался в середину «Зуба дракона». В воздух взлетели щепки. Послышался визгливый треск, и мачта большой галеры, сломавшись у основания, упала на палубы обоих кораблей.

С вражеского судна доносились крики и стоны. Сбитые с ног солдаты и матросы с трудом выбирались из-под обломков. В трюме скрывалось около четырехсот человек, часть которых к началу атаки поднялись на палубу. Многие из них теперь оказались в воде или пошли ко дну, получив серьезные ранения.

— Харви намеренно подставил бок «Дракона» под удар! — ликуя, прокричал Ричард. — Я восхищаюсь его отвагой. Он вывел «Мщение» из строя. Посмотри туда, Деканавидах! Оба судна начинают тонуть.

Вождь велел гребцам приблизиться к вражескому кораблю. Второе индейское каноэ уже скользило среди плававших в воде солдат, и каюга топили беспомощных людей, дробя им головы дубинами и топорами. Лодка Деканавидаха присоединилась к побоищу. Воздух над водой наполнился криками убийц и воплями избиваемых.

Блэку не терпелось оказаться на берегу среди своих людей. Увидев, что каюга забыли о данном ему обещании, он прыгнул в воду и поплыл к гавани. Через несколько минут его ноги коснулись дна. Он прошел немного вброд, а затем вклинился в группу людей, которые, стоя по пояс в воде, сражались друг с другом.

Вонзив нож в спину врага, Блэк схватил его каменный топор и громко закричал:

— За мной, телемиты! За мной!

На него набросилось сразу двое противников. Он злобно ударили топором по челюсти первого из них, и кровавые брызги полетели во все стороны.

— Все за Блэком! Прорывайтесь к Замку! За мной, телемиты! За мной!

Словно по волшебству, за его спиной собрался небольшой отряд. Один из воинов отдал ему саблю. Блэк метнул топор в крупного черноволосого верзилу, схватил клинок и, крикнув «Спасибо!», подбежал к оглушенному врагу. Тот двинулся на него, сжимая в руках копье. Блэк разрубил древко пополам и вонзил кончик сабли в горло мужчины. Выбежав из воды, он снова закричал:

— За мной! За Блэком!

Отовсюду раздавались крики:

— Собирайтесь к Блэку! За ним! Прорывайтесь к Замку!

Люди появлялись буквально ниоткуда — из вытоптанной земли и окровавленной травы Базарной площади. Позади Ричарда образовался большой отряд, который увеличивался с каждой минутой. Он двигался клином, и Блэк был его острием. Сабля в его руках мелькала и парировала удары. Пятьдесят лет практики и сила возвращенной молодости превратили его мастерство в настоящую магию боя. Те, кто бросался на него, валились на землю с отрубленными руками или вспоротыми шеями. Но и Блэк не остался невредимым. Из дюжины ран сочилась кровь. К счастью, ни одна из них не оказалась глубокой.

Когда они прошли середину площади, ситуация накалилась до предела. Люди Мюреля наступали со всех сторон. Внезапно их ряды на флангах дрогнули. Они падали под градом стрел, выпущенных из стальных арбалетов. Лучники Телема расположились на передней палубе «Речной кометы» и заняли позицию на крыше Замка. Поймав нападавших под перекрестный огонь, они нанесли врагу огромный ущерб.

Крыша недостроенного корабля была слабой и невыгодной позицией. Попав в окружение, лучники попрыгали в воду, и многие из них погибли. Но в тот критический момент их помощь сыграла решающую роль. Они почти не промахивались. Стрелы со стальными наконечниками пронзали людей насквозь и впивались в тех, кто стоял позади.

Во время боя, несмотря на непрерывные атаки врагов, Блэк продолжал разыскивать Анн и Филлис. В двадцати ярдах от ворот Замка он увидел француженку. Лежа на спине, она

отбивалась от низкорослого мужчины, который намеревался перерезать ей горло. Сжав руками волосатое запястье убийцы, Анн отталкивала от себя нож, но у нее не хватало сил, и острый кремневый наконечник медленно приближался к нежной молочной коже. Мужчина разъяренно рычал, все больше теряя силы, которые вытекали из него вместе с кровью. На его плече зияла рваная глубокая рана. Анн оставалась верной себе — в столкновении с мужчинами она всегда наносила им невосполнимый ущерб.

Блэк подбежал к боровшейся паре и одним ударом срубил коротышке голову. Тело мужчины рухнуло на Анн, заливая ее теплой кровью. Блэк отбросил труп в сторону и поднял обезумевшую женщину на ноги.

— Где Фил? — спросил он.

Анн покачала головой и застонала. Она продолжала вытягивать руки перед собой, словно все еще отталкивала от себя острье ножа.

Блэк отвел ее к открытым воротам и снова ринулся в бой. К тому времени уцелевшие солдаты с потопленного «Мщения» выбрались на берег и присоединились к своим товарищам. В сражение влился авангард огромного отряда, который приближался со стороны Мюрелии. Впереди шагал Джо Троглодит — первобытный монстр из предрассветной эпохи человечества. Он весил не меньше тысячи фунтов. Массивное тело с коричневой кожей и густыми рыжими волосамиказалось пародией на человеческую фигуру. Его лицо с непомерно длинным носом напоминало морду хоботковой обезьяны. Голубые зрачки тонули в выпуклых белках, покрасневших от беспробудного пьянства и жажды крови. В бою он стоил двадцати человек, и ему здесь просто не было равных. Он прикрывал левый бок огромным щитом, и его гигантский топор крушил копья и сабли, дробил черепа и ключицы, кося ряды людей, словно серп траву.

Увидев это, Блэк замахал рукой и закричал, обращаясь к лучникам, стоявшим на крыше Замка:

— Стреляйте в обезьяну! Не обращайте внимания на других! Стреляйте только в этого монстра!

Вокруг стоял такой гомон, что Ричарда никто не услышал. Но лучникам и не требовался его приказ. Человек-башня стал для них призовой мишенью. Не прошло и минуты, как три стрелы вонзились в деревянный щит, одна оцарапала череп, еще одна впилась в плечо, а другая срезала мизинец на ноге гиганта.

Джо Троглодит взревел от боли и вперевалку отбежал на край площади, куда не долетали стрелы телемитов. К нему тут

же подошел высокий мужчина в синих брюках и с черной повязкой на левом глазу. Его белокурые волосы ниспадали до плеч. На поясе висели длинные ножны. Он подозвал к себе нескольких воинов и велел им перевязать раны человека-обезьяны. Блэк понял, что это был Мюрель. Ричарду захотелось прорваться к нему, но он не стал искушать судьбу. Ему и так повезло, что он провел за стены Замка большую часть своих людей.

Прикрывая отход основных сил, он во главе с группой отчаянных храбрецов удерживал противника в течение десяти минут. Когда же они отступили за ворота Замка, Блэк отдал приказ, и большая опускная решетка упала вниз, пронзив трех захватчиков стальными прутьями. Его помощники закрыли обитые железом ворота и заперли их на прочные засовы.

Блэк взбежал по ступеням в широкое помещение, расположенное над длинным проходом, который вел к западным воротам. На полу имелось несколько люков, закрытых железными решетками. Взглянув вниз, Ричард увидел около полусотни захватчиков, которые стояли в проходе и ожидали приказа Мюреля. Блэк торопливо подозвал четырех помощников и велел им опрокинуть огромный котел с кипятком. Как только они вытащили стопорный штифт, котел наклонился и со стуком ударился об пол. Кипящая вода хлынула в люки, и крики снизу засвидетельствовали, что ловушка сработала лучше всяких ожиданий. Воины Мюреля, вопя от боли, бросились к выходу и устроили в проходе настоящую давку. Десять человек оказались затоптанными насмерть, остальные отделались ожогами.

После этого Блэк приступил к подсчету своих сил. Доктор Уинтерс и профессор Стейнберг оказывали помощь раненым. Однако Ричард решил обратиться к их услугам позже. Ему не терпелось выяснить реальное положение дел.

Наступили сумерки. На стенах Замка и в залах запылали факелы. Блэк обходил помещение за помещением, выставляя людей рядом с окнами и бойницами. Поднявшись на крышу, он увидел там Буйного Билла, который рассматривал Базарную площадь.

— Да, положение у нас, надо сказать, дерзкое, — задумчиво произнес колонист. — Люди Мюреля захватили «Комету». Если завтра они возьмут заставу на перевале, рудник тоже окажется в их руках.

Из ущелья донесся бой сигнальных барабанов. С заставы сообщили, что атака противника отбита, но силы защитников были уже на исходе. Мюреля не заботили потери. Он бросал на штурм все новых и новых людей.

На холмах засветились точки костров. По всей долине запылали хижины телемитов. Время от времени из горевших домов выбегали прятавшиеся там люди и гибли под веселый хохот пьяных захватчиков. Крики мужчин обрывались почти тут же. Женщины кричали намного дольше.

Хикок печально покачал головой:

— Там внизу у женщин не осталось выбора. Либо самоубийство, либо изнасилование. — Он быстро взглянул на Блэка. — Где Фил?

— Не знаю, — ответил Блэк. — Во всяком случае, в здании ее нет.

Он почувствовал в груди тяжелый комок, который мешал дышать и заставлял подергиваться рот и брови.

Взглянув на Хикока, Ричард заметил, как по щеке американца скатилась слеза. Блеснув в трепещущем свете факела, она сорвалась вниз и исчезла в темноте.

— Черт возьми! — воскликнул Хикок. — Как я ненавижу этого Мюреля!

Он торопливо отошел в темный угол. Блэк повернулся к Келли и спросил у него о Филлис.

— Я видел, как ее сбили с ног, когда мы прорывались через площадь. Возможно, она попала в руки врагов или осталась где-нибудь там.

Он указал на темные пятна тел, которые устилали землю от берега озера до высоких стен Замка. Люди Мюреля выискивали среди трупов своих раненых, и их факелы метались внизу как странные блуждающие звезды.

— Где бы она ни была, мы пока не можем ей помочь, — тихо произнес Блэк. — Каковы наши потери, и с чем мы остались?

— Нападение оказалось очень неожиданным. Мы потеряли в бою около двухсот воинов, а в Замок успело войти примерно пятьсот человек. Из них около шестидесяти серьезно ранены, и в ближайшем будущем их можно не принимать в расчет. Многие остались без своих граалей, поэтому нам придется ограничить рацион. Впрочем, еды хватит на всех и от голода мы не умрем. Снаружи уцелели только те, кто спрятался на холмах или убежал к восточной границе. Ах да! На заставе в горах остались пятьдесят бойцов и сотня горняков с рудника.

— Деканавидах обещал привести завтра утром две тысячи воинов, — сказал Блэк. — Но сдержит ли он слово? Его беспокоят сиу. И вождь может оставить половину своих людей для охраны границ.

— Деканавидах завтра будет далеко отсюда, — ответил Келли. — Его убили копьем, брошенным с «Мщения». Я видел это своими глазами.

Блэк шевельнул густыми бровями и задумчиво сказал:

— Значит, мы будем иметь дело с Це Чаном. В принципе это даже неплохо. Он давно хотел присоединиться к Телему и заключить договор между двумя народами.

— Если только его тоже не убили, — мрачно произнес Келли. — Я не видел, что случилось с их каноэ. Мы пробивались к Замку, и мне было не до каюга.

— На рассвете все станет ясно, — ответил Блэк и подошел к краю стены.

К Замку приблизилась дюжина воинов, каждый из которых держал по два факела. В пятно яркого света вступил высокий мужчина с белокурыми волосами и черной повязкой на левом глазу. Он опирался на длинное копье со стальным наконечником, взятое им у мертвого телемита.

Как только Блэк перегнулся через парапет, одноглазый воин поднял голову. Их взгляды встретились, словно оба человека были связаны взаимным притяжением. В мерцающем свете факелов неясный силуэт Ричарда едва различался на фоне темного неба. Но Мюрель, казалось, тут же узнал своего заклятого врага. Отдав копье оруженосцу, он сложил руки рупором и прокричал, что хочет поговорить с главой Телемской обители. Мюрель попросил разрешение приблизиться к стенам Замка и пожелал заручиться словом Блэка, что в него не будут стрелять.

Ричард крикнул, что согласен на переговоры, и пообещал не стрелять, пока Мюрель не вернется туда, где он находился в данное время.

В окружении шести факельщиков, оруженосца и нескольких помощников Мюрель подошел почти под самые стены Замка. Хикок указал Блэку на высокого мужчину, чьи светлые волосы доходили до плеч. Тот нес в руках деревянный ящик, похожий на шляпную коробку.

— Это Том Кастер, — прошептал американец.

— Эй, Блэк! — закричал Мюрель. — Я хочу тебе что-то показать!

Кастер откинул крышку ящика и вытащил за волосы отрубленную голову.

— Как тебе нравится эта черепушка, Блэк?

Мюрель засмеялся, и его люди угодливо захахотали.

Хикок выругался и сказал:

— Это Барк — управляющий Розыскным Агентством.

Услышав его слова, Мюрель подтвердил:

— Он прав. Это действительно Барк. К сожалению, он не может доложить тебе о проделанной работе. Мы отсекли его от служебных обязанностей. — Он снова засмеялся под завывающий хохот своих помощников. — Возможно, ты хочешь узнать, как мне удалось подготовить эту неожиданную атаку и почему тебя не предупредили твои сигнальщики? Все очень просто, Блэк. Кастер узнал Хикока, и мы поняли, что он телемский шпион. Но, вместо того чтобы повесить его на дыбе, я позволил ему вернуться к тебе. Он здорово поработал на нас, внушив вам ложное чувство безопасности. Эй, Хикок? Большое тебе спасибо!

Американец застонал и горько зашептал:

— Это моя вина, Дик. Из-за меня мы потеряли людей и страну. Мне надо было убить Кастера, как только я его увидел.

— И это еще не все, — продолжал Мюрель. — Один из моих людей передал твоему шпиону ложные сведения. Когда Хикок отправился в Телем, я поднял свою армию. Угнаться за ним мы, конечно, не могли и поэтому спокойно шагали следом. Отряды разведчиков без шума убирали твои посты на холмах, и яставил за барабаны своих сигнальщиков. Телемские дозорные, выдав нам под пытками условный код, познали медленную смерть на раскаленных углях. Ты получал сообщения от моих барабанщиков, а в это время мы подтягивали силы и засылали в твой тыл небольшие группы.

По моему приказу в трюме «Мщения» установили специальные нары, и корабль был битком набит матросами, копьеносцами и лучниками. Им полагалось атаковать тебя сзади после первого удара тех, кого мы разместили на холмах. Подготовка к вторжению заняла неделю, но зато атака получилась на славу. Твоя дуэль с О'Финном отвлекла внимание телемитов, поэтому мы без проблем подошли к вам с трех сторон. Одним словом, я выиграл эту битву, и если ты надеешься на помочь каюга, то знай — она не придет. Накануне сражения мы договорились с сиу о временном союзе, согласно которому они атакуют каюга завтра на рассвете. Их содействие обошлось мне почти задаром. Я пообещал Воющему Псу одну сотню сабель, топоры и шлемы, двадцать пять луков и триста стрел со стальными наконечниками. Конечно, он от меня ничего не получит, но к тому времени, когда сиу узнают об этом, будет уже поздно что-либо менять.

Блэк решил немедленно предупредить Це Чана о намеченной на утро атаке. Однако, подумав немного, отказался от этой мысли. Мюрель не так прост, чтобы делать несвоевременные заявления. Возможно, он просто подталкивал Блэка к тому, чтобы тот сам предупредил каюга. Угроза нападения удержала

бы индейцев на их стороне озера, и Мюрель получил бы огромное преимущество.

Быстро повернувшись к Келли, Ричард продиктовал ему сообщение для Це Чана. Сразу же после встречи китаец должен был узнать о хитрости Мюреля и на всякий случай подготовить своих людей у западной границы. Тем не менее Блэк просил его о незамедлительной помощи.

Через минуту Мюрель понял, что ответной речи не будет. Он язвительно засмеялся и сказал:

— Да, Блэк, ты попал в мою ловушку. Однако я считаю тебя умным и предусмотрительным человеком. Мне не хочется затягивать осаду и терять понапрасну своих людей. Ты и сам знаешь, что произойдет, если я начну штурм Замка и возьму тебя живым. Поэтому сдавайся, пока есть такая возможность. Если мы с тобой поладим, я обещаю, что твои люди останутся целыми и невредимыми. Клеменс станет капитаном «Речной кометы», а ты займешь место О'Финна. Мне нужны такие парни, как вы — сильные и безжалостные. С твоей помощью я прижму к ногтям остальных правителей долины, и мы станем владыками всей Реки. Ты только подумай, Блэк! Под нашим началом окажется такая территория, о которой не смел мечтать ни один из земных завоевателей! Чингисхан, Наполеон и Гитлер позеленеют от зависти, потому что мы будем править всем человечеством!

Его амбиции произвели на Блэка должное впечатление, хотя он знал о Гитлере только со слов Филлис. В то же время ему стало жалко Мюреля. Этот человек не понимал, что, достигнув своей невозможной цели, он по-прежнему остался бы ни с чем. Здесь, в долине, любой тиран, каким бы ужасающим он себя ни считал, всегда будет зависеть от других людей. И кто-то обязательно захочет занять его место — тем более что неудачная попытка означала только смерть, то есть ничего серьезного. Подобное государство бандитов могло существовать лишь на маленькой территории, в пределах нескольких десятков квадратных миль. Мюрель полагал, что он будет действовать среди трусливых людей, у которых не хватит духуказать ему сопротивление. Он и дальше надеялся перекладывать всю грязную работу на своих помощников, забывая о том, насколько они продажны и завистливы. Нужели, витая в облаках своей мечты, Мюрель не учитывал всех этих фактов? Тогда он просто наивный глупец.

Однако одноглазый бандит заговорил о «Комете», демонстрируя продуманность своего плана.

— Я знаю, что у тебя есть инженер из двадцать первого века. Этот парень построил двигатель для твоего корабля. Мы заставим его сделать много других машин. С твоим железом и

знаниями Чарбрасса мы создадим целый флот из кораблей, подобных «Комете». Я преобразую Розыскное Агентство в шпионскую сеть, и наше победное шествие по этому миру будет неудержимым! Какое войско с каменными топорами устоит против десятка пневматических пулеметов?

Он склонил голову набок, и в свете факелов его единственный глаз засиял, как открытая дверь в глубины ада.

— Что скажешь, Блэк? Я человек, которому нравятся быстрые решения, а ты именно тот, кто может их принимать. Сдавайся, и я дам тебе славное будущее! Зачем обрекать себя и других на медленную смерть?

Блэк по-прежнему хранил молчание. Он стоял на стене Замка, и призрачное сияние от факелов в бойницах создавало впечатление, что за его спиной выросли огромные огненные крылья. В тот момент он походил на падшего Люцифера, который никак не мог решить, быть ему или не быть королем преисподней.

Анн де Сельно зашептала из темноты:

— Дик, ты же не думаешь сдаваться, верно?

— Вы просто не знаете его, мадам, — также тихо ответил Хикок. — Он никогда не сдается! Блэка властью не купишь! Даже если Совет проголосует за капитуляцию, он все равно не отдаст неприятелю Замок!

Мюрель нетерпеливо топнул ногой и вновь заговорил:

— Эй, Блэк! Я знаю, что поможет тебе принять правильное решение.

Он махнул рукой, и в пятидесяти ярдах от них вспыхнул второй круг факелов. В пятне света стояли два пленника — Борбич и Филлис.

ГЛАВА 19

— Если ты согласишься на мои условия, я отдаю тебе этих людей! — прокричал Мюрель. — Но если дело дойдет до осады, мои ребята прибьют этого святошу к его собственному кресту. О женщине я даже не говорю. Ты сам можешь догадаться, что ее ожидает!

Он подал знак, и пленников увели в темноту.

— Я жду твоего ответа на рассвете, Блэк. Сладких тебе сновидений.

Ричарда охватила ярость. Он хотел приказать лучникам расстрелять Мюреля. Его люди не промахнулись бы с такого расстояния, и смерть главаря могла бы настолько деморализовать захватчиков, что они передумали бы начинать штурм или осаду.

Но тогда Борбича и Филлис подвергли бы пыткам. Пока Мюрель жив, у них останется какая-то надежда, а у Блэка появится время для укрепления обороны.

Он взглянул на капитана лучников, покачал головой и направился к лестнице. На втором пролете его догнала Анн.

Она положила руки на его плечи, и Блэк ощутил волну желания. Факел освещал прекрасные изгибы ее тела. Карие глаза лучились нежностью и страстью. Внезапно Блэк почувствовал стыд и негодование. Он не мог позволить себе это влечение, пока Филлис находилась в опасности.

— Ах, Дик! Мне так ее жаль, — прошептала Анн. — Бедняжка Филлис. Страшно подумать, что ее ожидает. Я догадываюсь, что они с ней сделают.

— Я тоже догадываюсь, — проворчал он. — Но если я сейчас начну ее жалеть, то просто сойду с ума. Какие бы мучения ни ожидали Филлис, они не продлятся долго. Смерть унесет ее в другую часть долины, и она больше никогда не увидит Мюреля.

— Но тогда Филлис навеки потеряет тебя. Это будет для нее величайшей пыткой. Она даже может сойти с ума от горя.

— Да, разлука сделает ее несчастной, — ответил он и почувствовал, как задергались уголки его губ. — Но она быстро придет в себя. Старая любовь забудется. Филлис найдет другого мужчину — возможно, более достойного, чем я. У вас же всегда так: с глаз долой — из сердца вон. А чем она отличается от других женщин?

— В общем-то ты в точности повторяешь мои собственные слова. Но когда я слышу их из твоих уст, они звучат просто омерзительно.

— Значит, ты не веришь в свою философию, — сказал Блэк. — Ладно, оставим этот разговор. Сейчас не время для пустой болтовни. Я хочу вырвать Филлис из рук Мюреля или, если это мне не удастся, позаботиться о том, чтобы его люди не надругались над ней.

— Ты хочешь сказать, что сам убьешь ее?

— Да, я это и хотел сказать.

Холодно кивнув ей, он направился к Чарбрассу, который заканчивал установку пневматической катапульты. Тот затягивал болты, лежа под лафетом массивного орудия. Инженер даже не поднял головы, когда у его ног остановилась тень Блэка. Однако он знал, кто стоял перед ним, и, наверное, догадывался, о чем хотел спросить его Ричард.

— Джейрус, меня не было на последнем испытании машины. На какое расстояние она может выстрелить?

Чарбрасс выбрался из-под лафета и отложил в сторону гаечный ключ.

— Она может добротить двухсотфунтовый камень до края Базарной площади.

— Мне кажется, Мюрель не знает, что у нас есть катапульта, — сказал Блэк. — Иначе его люди не бродили бы так беспечно по площади. Хотя, возможно, он намеренно провоцирует нас, желая выяснить дальность и скорострельность орудия. И все-таки я склоняюсь к мысли, что ему не известно о нашей катапульте.

Блэк осмотрел боевую установку, которая покоялась на приземистой платформе. Ее короткий толстый рычаг с массивным ложем мог обеспечивать угол броска от тридцати до сорока пяти градусов. Механизм взвода, обильно смазанный маслом, приводился в действие паровыми поршнями. Под небольшим котлом горел огонь, но Чарбрасс пока не поднимал давление. Предчувствуя длительную осаду, они экономили запасы воды, насколько это было возможно.

— Я рад, что мы установили эту штуку в Замке, а не на «Комете», — сказал Блэк. — В противном случае Мюрель использовал бы ее для осады нашей крепости.

На лице Чарбрасса засияла веселая улыбка. Из всех защитников замка только он, казалось, ни о чем не волновался. Заметив негодование Блэка, инженер виновато развел руками и сказал:

— Ты, наверное, думаешь, что мне безразличны твои страдания и судьба Филлис. Но это не так. Мне жаль и тебя и ее. Я слышал твой разговор с Мюрелем и беседу с Анн. И ты, конечно, прав, говоря, что муки Филлис не продлятся долго. Однако я представляю, что творится сейчас в твоей душе. Ты стараешься скрывать от нас свои эмоции, но это опасная ошибка. Подавив простые человеческие чувства, ты ведешь себя как невозмутимый герой. Такая двойственность может стать постоянной. Твой надуманный образ выйдет из-под контроля, и когда он овладеет тобой, ты потеряешь целостность и превратишься в жалкий обломок.

Тебе не следует поступать так, Дик. Это не поможет ни Филлис, ни другим. Ты изменился к лучшему за годы, проведенные в долине, и то, что дремало в твоем сердце, наконец-то вырвалось наружу. Тебя преобразила любовь к Филлис, хотя, возможно, ты думаешь, что любишь Анн де Сельно. Твое стремление добраться до истоков Реки...

— Послушай, Чарбрасс, — взревел Блэк, — какое тебе до этого дело? Ты выбрал плохой момент, чтобы выворачивать наизнанку тайники моей души. Сказать по правде, я не ожидал

от тебя подобных нравоучений. Мы знаем друг друга двенадцать лет, и вдруг ты начинаешь говорить со мной так, будто мудрость веков забила из тебя фонтаном.

Инженер улыбнулся и поднял ладони вверх в жесте шутливого смирения.

— Эта долина является адом, и я проклятый человек, — ответил он. — Люди похожи на маленькие дамбы, и им время от времени требуется сбрасывать воду. Иначе их попросту прорвёт.

— Ты странный малый, — сказал Блэк. — Я всегда это чувствовал, но теперь твоя странность стала слишком очевидной. Неужели на тебя так повлияли события последних дней?

— Тебе осталось назвать меня истериком, и диагноз будет поставлен, — с усмешкой произнес Чарбрасс.

Он снова склонился к раме катапульты и принялся за работу.

— Интересно, насколько ты типичен для своего времени? — не унимался Блэк. — Я встречал одну женщину из двадцать первого века, но она совершенно не походила на тебя.

Чарбрасс не ответил, и Ричард, раздраженно фыркнув, отправился проверять посты. Он, пожалуй, впервые удивился тому, что так мало знал о человеке, рядом с которым прожил столько лет. И это вопреки его врожденной любознательности, вопреки тому, что от Чарбрасса он получал огромное количество информации по истории, философии, антропологии и психологии. Инженер охотно делился своими знаниями, но почти ничего не рассказывал о себе. О его личной жизни Блэк имел лишь несколько отрывочных сведений.

В свое время Филлис тоже отмечала это, но, по ее словам, Чарбрасс являлся продуктом своей эпохи. Его скрытность объяснялась особой средой обитания и специфическим воспитанием.

«Ты должен понять, что он не привык к большим и открытым пространствам, — говорила она. — В его время Земля еще оставалась радиоактивным кладбищем. И он провел свое детство на Марсе, под куполами тесных и перенаселенных городов».

Блэк вспомнил, как потом их беседа перешла на исторические события двадцать первого века. Филлис рассказала ему о бомбовых ударах, которые уничтожили всю жизнь на Земле; о миллионах людей, улетевших на Марс с надеждой вернуться на родную планету. Уровень радиации был смертельно высоким. Им предстояли долгие годы ожидания и тяжелейшей борьбы за выживание вида.

«И эти блудные дети вернулись?» — спросил он ее.

«Не знаю. По какой-то причине регистрация телесных матриц прекратилась, и люди из второй половины двадцать первого века не возродились в этом мире. По крайней мере, я о них не слышала. Чарбрасс воскрес почти у самого устья Реки. Но он тоже не встречал людей из той эпохи».

Пока Блэк спускался по лестнице, его мысли перескочили на другую тему. Он вспомнил рассказы очевидцев, которые побывали у устья Реки. По их словам, это место напоминало им вход в чистилище. Могучие и крутые скалы сужались в узкий и темный проход. Бушующие воды мчались по порогам и срывались вниз цепочкой водопадов, которые скрывала за собой пелена густого тумана. Многие смельчаки упливали туда на лодках. Однако все они нашли покой на дне неистового потока. Устье Реки окутывала тайна, не менее загадочная, чем дальнейшая история Земли.

«Но есть еще истоки! — подумал он с внезапным ликованием. — И, несмотря на трудности, к ним можно пройти по суще!»

Какой-то человек отыскал туда путь и вернулся с чудесным рассказом. На далеком острове он увидел огромную башню из белого металла, которую приоткрыл гигантский оползень. Башня походила по форме на грааль, а остров располагался на середине озера, в которое вливалась самая длинная из всех существовавших рек.

«Озеро и Большой Грааль. Туман и истоки. Экспедиция, которая удивит человечество!»

Блэк знал все о поисках древних и потерянных озер, которые давали жизнь могучим рекам Земли. Однажды он сам искал такое озеро, однако по прихоти судьбы пришел лишь к началу небольшого притока. Он так и не увидел колыбель великого Нила. И вот теперь, на берегу другой реки, Ричард мечтал отыграться за прежние неудачи. Он решил пройти по всем изгибам русла и, вопреки бесчисленным препятствиям, увидеть Большой Грааль и темное ущелье, из которого с ревом вытекала праматерь всех рек. А потом Блэк хотел найти дорогу к Большому Граалю и к тайнам этого мира, с его высокими горными хребтами, быстрой сменой дней и ночей, горячим желтым солнцем и звездами, чье сияние напоминало праздничный салют. Он хотел разобраться со всеми этими гралями и воскрешениями, с повседневным появлением напитков и еды, с вездесущими «как», «почему», «откуда» и «куда»...

— Ты идешь? — раздался голос.

Блэк вздрогнул от неожиданности. Взглянув на Анн, он подавил проклятие, чуть не сорвавшееся с языка, и нарочито спокойно ответил:

— Совершаю последний обход перед сном. Через два часа наступит рассвет, и вряд ли я потом найду время для отдыха.

— Если бы здесь никого не было, я поцеловала бы тебя жарко-жарко, — прошептала Анн. — Но, к сожалению, мы тут не одни, и поэтому я перейду к своей маленькой проблеме.

— Какой?

— Доктор Уинтерс назначил меня старшой по надзору за санитарией. Однако мне не понятно, как мы будем избавляться от мусора. Во время осады нам уже не удастся выносить помои на холмы, как это делалось прежде. Но если мы будем выливать их в окна, то вскоре сами задохнемся от вони.

— Пусть все это дермо соберут в один большой мешок, — ответил Блэк. — Утром мы катапультируем его в реку. Или, может быть, пальнем им по врагам. Это, конечно, не принесет Мюрелю большого вреда, но доставит нам минуту удовольствия!

Представив результат подобного обстрела, они весело зачмелись.

— Почему бы тебе не лечь в моей комнате? — предложила она. — Там тебя никто не побеспокоит, и ты хорошенько отдохнешь. Спи, мой храбрый герой, а я буду делать свою грязную работу.

— Спасибо, Анн, но я хочу лечь у катапульты. Мне надо быть поближе к сигнальщикам и дозорным.

Француженка нахмурилась:

— Вот именно это мне и не нравится в ваших мужских забавах. Если бы не эти игры в солдатиков, ты спал бы сейчас со мной.

— Ты называешь войну игрой? Ты считаешь смерть людей забавой? Изнасилование женщин, пытки взятых в плен мужчин?

— Да, считаю! И ты знаешь, по какой причине! Ваши войны ничего не решают. Они наносят лишь временный ущерб! Убитые люди переносятся в другие места, и это, пожалуй, единственное неудобство. А что касается пыток, то они делятся недолго, и жертвы, умирая, возрождаются вновь.

— Интересно, ты повторила бы эти слова, если бы тебя подвесили над огнем?

— Я понимаю твой сарказм. И, конечно, я орала бы от боли, моля Создателя о смерти. Но это не меняет сути дела. Война была и остается игрой мужчин — даже если одна из сторон не хочет в нее играть. Она настолько азартна, что, вступив в нее по принуждению, ты становишься таким же увлеченным, как и тот, кто проявил инициативу. Тем более если ты можешь стать в ней победителем.

— А что ты скажешь о битве полов?

Ее черные глаза вдруг вспыхнули, и алый рот изогнулся в улыбке.

— Ах, Дик, это тоже игра, в которой есть победители и побежденные. Ты можешь сильно пострадать, но радость участия утоляет любую боль.

— Неужели ты так к ней и относишься?

— Почти всегда. И надо сказать, что в этой битве я — Ахиллес или, вернее, Пентесилия.

— Прекрасная амазонка, которая убивала мужчин на своем ложе?

В этот момент на лестнице никого не было, и Блэк, поддавшись искушению, нежно провел ладонями по плечам Анн. Его руки скользнули ниже к великолепной груди, но он отдернул их, как от раскаленного железа.

— Ладно, мы еще посмотрим, кто выиграет на этой маленькой войне, когда закончится большая драка.

Затрепетав от его прикосновений, она тихо добавила:

— То, что ты называешь маленькой войной, на самом деле большое и важное сражение. Будь ты более проницательным, мы не тратили бы сейчас время на пустые разговоры.

Вспомнив о Филлис, Блэк почувствовал стыд, словно только что совершил измену.

— Возможно, ты права, — ответил он и, пожелав ей спокойной ночи, стал спускаться на первый этаж.

Через полчаса Блэк снова поднялся на крышу. Он лег под платформой катапульты, завернулся в кимоно и почти мгновенно заснул.

ГЛАВА 20

Ричард проснулся на рассвете. Дернув его за рукав, Хикок выругался и тихо сказал:

— Вставай, Дик. Там что-то происходит.

Блэк выкатился из-под платформы, протер слезящиеся глаза и выпил кружку воды, которую подал ему один из лучников. Подойдя к западному парапету, он осмотрел Базарную площадь.

В косых лучах восходящего солнца гигантские деревья отбрасывали длинные тени. Между ними сновали темные фигуры людей, которые пришли посмотреть свой излюбленный спектакль из прошлого далекой Земли.

Секунду Блэк не понимал, что происходит. Затем, когда солнечный свет рассеял солнную слепоту, неясные пятна сформировались в четкие образы, и хаос теней превратился в порядок.

Центром действия стал огромный крест, высота которого равнялась двенадцати футам. У его подножия несколько человек вели какие-то работы. Когда в окружавшей крест толпе образовался просвет, Блэк понял, что они затевали.

К основанию креста передвинули стол Совета, на который потом поставили четыре небольших стола. Уложив на них доски, рабочие соорудили широкую платформу, а затем подняли на нее человека со связанными руками и ногами. Когда тот повернул голову, Блэк узнал в нем Борбича. Побледневшее лицо русского казалось маской мима с черными дырами глаз и рта. Тем не менее он держался вызывающе гордо.

Стоя у помоста, Мюрель отдавал приказы и время от времени посматривал на Замок. Его люди развернули Борбича спиной к кресту, грубо содрали с него одежду и прижали руки русского к поперечной перекладине. Какой-то человек перегнулся через край платформы. Ему передали снизу молоток и длинные гвозди. Блэк подумал, что их скорее всего взяли на верфи — в мастерской корабельного плотника.

За его спиной кто-то испуганно воскликнул:

— О Боже! Они решили его распять!

Ричард оглянулся и увидел Анн. Она только что поднялась на крышу. Позади нее стояли четверо мужчин, которые привнесли огромный мешок с экскрементами. Мешок, сшитый из трех слоев кожи, едва не лопался по швам и был до предела наполнен полужидкой массой. Блэк прикинул, что этот «деморализующий снаряд» весил не меньше ста пятидесяти фунтов.

— Пусть Чарбрасс распорядится им, как хочет, — сказал он и снова повернулся к площади.

Человек, стоявший перед Борбичем, взмахнул молотком. Его длинные светлые волосы рассыпались по плечам.

— Это Том Кастер, — хрипло произнес Хикок, задыхаясь от ненависти.

Толпа на площади затихла. В наступившей тишине застучали удары молотка. Услышав за спиной шаги и тяжелые вздохи, Блэк оглянулся и сердито осмотрел людей, которые собирались на крыше.

— Келли, верни всех на свои места! — приказал он громким голосом. — Через несколько минут мы начнем стрельбу из катапульты, и я не хочу, чтобы у нас под ногами путались любопытные ротозеи.

Люди неохотно побрали к лестнице.

Гвоздь все глубже впивался в правую кисть Борбича. Русский молчал, но его тело вздрагивало при каждом ударе молотка. Лицо исказилось от боли и превратилось в застывшую маску скорби. С руки на перекладину стекала кровь.

Кастер вогнал гвоздь в другую ладонь и начал прибивать к кресту голые ступни. Двое мужчин отпустили Борбича. Тот задергался и закричал от адской боли. Его тело выгнулось вперед; под кожей проступили ребра. Казалось, что сама душа пыталась покинуть эту плоть, обретенную на боль и унижение. Внезапно крики оборвались, и их сменили горькие рыдания. Люди у креста по-прежнему молчали. Они смотрели вверх, упиваясь страданиями распятого человека. И было что-то ужасное в их алкающим безмолвии; в этой застывшей на миг картине, нарисованной палящим солнцем.

Кастер бросил молоток на землю и спрыгнул с платформы. Площадь вновь наполнилась движением и шумом. Столы и доски спустили вниз. Толпа раздвинулась, освобождая пространство вокруг креста.

На площади появилась огромная и волосатая фигура Джо Троглодита. Он сильно хромал и припадал на левую ногу. На плече виднелась кожаная повязка, из-под которой проступали бинты. Остановившись в центре круга, титантроп с интересом осмотрел распятого Борбича. Он был лишь на два фута ниже креста, и ему даже не требовалось поднимать голову. Джо медленно приблизился к жертве. Его огромный длинный нос принюхивался к запаху крови и страха.

Люди на площади замерли в предвкушении нового зрелища, но наступившую тишину рассек хрипловатый смех Мюреля. Взяv гиганта за руку, он увел его в сторону, чтобы тот не заслонял собою крест и не мешал защитникам Замка смотреть на распятие. Том Кастер поднял с земли копье и ткнул им Борбича в левый бок.

Русский дернулся от боли, но не закричал. Наверное, он подумал, что его решили избавить от мучений. Однако рана оказалась неглубокой. Когда Кастер выдернул из тела наконечник, по ребрам Борбича потекла только узкая струйка крови. Отбросив копье, помощник Мюреля поднес открытый грааль к боку распятой жертвы. Но из его затеи ничего не получилось. В кубок упало лишь несколько капель. Кровь стекала на столб креста и впитывалась в пористое дерево. Раздосадованный Кастер швырнул грааль своему оруженосцу.

Титантроп провел рукой по боку Борбича и лизнул окровавленные пальцы. Он недоуменно повернулся к Кастеру и сердито нахмурил брови.

Анн заплакала.

Блэк взглянул на нее и засмеялся. Она с изумлением посмотрела на него сквозь слезы.

— Только не думай, что я похож на тех скотов, которые радуются чужой боли, — сказал он. — Но проливать слезы

при виде этого убогого представления просто нелепо. Неужели ты не видишь, что Борбич разыгрывает из себя Христа? Взгляни на его мимику и жесты. Он наслаждается своими страданиями, не понимая, что в его исполнении любая трагедия превращается в жалкий фарс.

На самом деле здесь нет никакой трагедии, поскольку этот жанр предполагает конец, то есть уничтожение великого человека или великой вещи. Ты сама говорила, что Борбичу грозит лишь временная боль. Завтра он проснется на далеком берегу, без всяких физическихувечий.

Я даже могу поспорить, что его не брали в плен! Скорее всего он сам напросился. Я не удивлюсь, если Борбич рассказал им о возведении большого креста, а затем намекнул на публичную казнь, о которой он мечтал едва ли не с детства. Филлис говорила, что это чувствовалось по его книгам, и я думаю, она не ошиблась в своих суждениях.

— О, Дик! Как ты циничен! — воскликнула Анн. — Человек страдает сейчас от реальной боли! Неужели одно это не оправдывает моих слез?

— Слезы вряд ли ему теперь помогут. Да и кому они вообще нужны? — Помолчав немного, он добавил: — Мюрель так же жалок, как и тот, кого он прибил к кресту. Ты только посмотри на этого ублюдка! Неужели он надеялся ужаснуть нас своим богохульством?

Привязав пучок травы к наконечнику копья, Мюрель смочил эту импровизированную губку в грязной луже. Он поднес траву к лицу Борбича, словно хотел освежить его пересохшие губы. Тот гордо отдернул голову, но Мюрель все равно протер ему лицо. Острый наконечник рассек Борбичу губы. Алая кровь потекла по подбородку.

Чарбрасс торопливо подошел к Блэку.

— Ты что-нибудь придумал, Дик? — тихо спросил он. — Давай избавим Борбича от мучений. Если стрелы до него не долетят, мы можем воспользоваться катапультой. Мелкие камни заменят нам шрапнель. Один выстрел, и мы отобьем у этих психопатов охоту глумиться над его телом.

Блэк с интересом посмотрел на Чарбрасса. Ему показалось странным, что инженер назвал бандитов «психопатами». Любой другой человек сравнил бы их с дикарями и зверями, но не стал бы пользоваться бесстрастными научными терминами. Ричард хотел что-то сказать, однако слова застряли в его горле. Он увидел Филлис, которую вывели из хижины у подножия холма.

Двое мужчин поволокли ее к площади. На полпути она оступилась и упала на колени. Один из провожатых грубо

поднял ее на ноги, а затем дал ей несколько пощечин. Она пнула его в пах, но тут же согнулась в дугу от ответного удара под ребра. Ее вновь потащили к кресту. Филлис пригибалась и прижимала ладонь к ушибленному боку.

Волосы разметались по ее лицу. Одной рукой она пыталась прикрыть обнаженную грудь. Кто-то толкнул ее, и Филлис упала у подножия распятия. Приподняв голову, она храбро посмотрела на Мюреля, который стоял неподалеку, широко расставив ноги. Он наклонился к ней и что-то сказал. Женщина плонула ему в лицо. Мюрель с усмешкой утер плевок, а потом ударил ее ногой в живот. Тихо вскрикнув, Филлис опрокинулась на спину.

Извиваясь от боли, она лежала в кругу мужчин, которые осыпали ее бранью и непристойными насмешками. Взгляд Филлис застыл на распятом Борбиче. И тот, в свою очередь, смотрел только на нее. С площади доносился лишь рев и хохот толпы, но, глядя на Борбича, Блэк чувствовал, что тот подбадривал Филлис добрыми словами.

Анн сжала его руку и жалобно спросила:

— Что они с ней сделают, Дик?

Блэк застонал, но ничего не сказал. Хотя ответа уже и не требовалось. Двое мужчин прижали руки Филлис к земле, а третий стащил с нее широкие брюки. За Мюрелем выстроилась очередь из пятнадцати человек, и одноглазый бандит первым опустился на распростертное тело.

Анн взвизгнула и впилась ногтями в запястье Блэка. Она безумным взором следила за муками своей соперницы. Ричард отшатнулся, увидев ее приоткрытый рот и кончик языка, с которого капнула слюна. Он с отвращением отвернулся и зашагал к катапульте. То, что творилось на площади, было просто омерзительным, но вид де Сельно вызывал у него тошноту.

— Приготовься стрелять! — крикнул он Чарбрассу.

Люди у орудия подняли тяжелый мешок и разместили его на ложе катапульты. Заметив неестественную бледность инженера, Блэк кивнул ему и сказал:

— Все нормально, Джейрус. Стреляй как можно ближе к кресту. Даже если ты попадешь в Филлис, мешок ее не убьет. И помни, любая смерть не хуже того, что она сейчас испытывает.

Он взглянул в бойницу и скрипнул зубами от злости. Мюрель уже застегивал пояс. Под крики и смех толпы его место занял Том Кастер.

— Келли! — закричал Блэк. — Через пять минут мы открываем западные ворота. Собери людей в атаку — всех, кто

может держать оружие, кроме раненых и орудийной команды! Выпусти небольшой отряд через восточные ворота. Пусть они сделают вылазку и отвлекут на себя основные силы противника. Торопись, дружище! У нас мало времени! Что касается твоих людей, Чарбрасс, то после выстрела они должны прийти нам на помощь. В рукопашном бою катапульта бесполезна — ты перебьешь столько же наших, сколько и врагов. Твоя команда должна оставаться около Замка. Если мы спасем Филлис или нас оттеснят назад, ты должен снова обстрелять их ряды, и на этот раз не деръемом, а камнями.

Чарбрасс кивнул и начал наводить прицел. Хлопнув ладонью по серому поршню, он тихо зашептал себе под нос:

— Вот и пришло твое время, моя маленькая машинка. Но как же ты похожа на людей! Сколько сил, ума и стараний потребовалось для того, чтобы породить тебя. А каково твое предназначение? Какой дар ты понесешь к небесам и вернешь земле в ознаменование своей щедрости и силы? Мешок дерьма! Обычный мешок дерьма!

Блэк с удивлением взглянул на него, но Чарбрасс отвернулся, давая понять, что дальнейших комментариев не будет. Блэк похлопал его по плечу и перешел к решению других проблем.

— Баркер, — позвал он сигнальщика, — передай сообщение Це Чану. Отстучи, что нам требуется помочь каюга, и попроси его немедленно отправиться в поход. Мы начнем атаку прямо сейчас, а через двадцать минут он может нанести удар по флангу. Пусть индейцы не беспокоятся о «Мщении» — корабль Мюреля по-прежнему сидит на потопленном «Зубе дракона». Если по каким-то причинам нас вынудят вернуться в Замок, мы вновь пойдем в атаку, когда он высадится на берег. — Отойдя на пару шагов, Ричард тихо добавил: — Лишь бы кто-нибудь из нас остался в живых.

Его свирепое лицо выражало непреклонную решимость и могло отпугнуть даже самого смелого и сильного врага. Но в душе Блэк знал, что пятьсот человек не устоят против двух тысяч, и стратегия требовала дождаться прибытия каюга. Однако там, под крестом, полупульяные ублюдки глумились над Филлис. Он не мог бросить ее в беде. И это решало все!

Блэк надел кольчугу и конический шлем с носовой пластиной. Келли передал ему саблю и железную трость, которую Ричард носил вместо скипетра. Теперь эта вещь могла послужить неплохой дубиной.

Как только Баркер передал сообщение, с другой стороны озера пришел ответ. Це Чан уже вел своих воинов к каноэ и обещал присоединиться к Блэку через несколько минут.

Подбежав к бойнице, Ричард оттащил Анн в сторону и гневно закричал:

— Надень доспехи и живее! Нам нужны воины, а не любители садистских зрелиц!

У нее был такой вид, как будто она находилась в наркотическом трансе. Француженка бездумно смотрела на Блэка, словно все еще наблюдала за сценой у креста. Когда он встряхнул ее за плечи, Анн пришла в себя и, увидев выражение его лица, испуганно запричитала:

— Я ничего не могла с собой поделать, Дик! Я никогда не видела ничего подобного.

— Ладно, порадовалась чужой беде, и хватит! — прорычал он.

Блэк повернулся к ней спиной. Взглянув на площадь, он осмотрел огромную толпу. Топоры и копья поблескивали под лучами жаркого солнца. Борбич корчился на кресте, и его окровавленные губы двигались, словно он шептал молитву. Филлис тоже распинали, но только в горизонтальном положении, хотя и с той же жестокостью. Кастер поднялся и жестами подозвал титантропа. Троглодит зашагал к нему, прихрамывая на больную ногу. Он удивленно покачал головой, словно не поверил тому, что Кастер предлагал ему сделать.

Хрипло закричав, Блэк бросился бегом по лестнице. На нижнем этаже его уже ожидали вооруженные телемиты.

— Поднять решетку! — проревел он.

Лебедки заскрипели, массивные прутья поднялись вверх, и ворота с визгом открылись. Защитники Замка побежали к площади. Их вел вперед обезумевший маньяк, который сжимал в одной руке саблю, а в другой — железную трость.

В тот же миг что-то пронеслось над их головами и, напугав толпу врагов, упало к подножию креста. Гейзер грязно-коричневой жижи окатил стоявших поблизости людей. Блэк мельком увидел перепачканного Кастера, а потом захватчики закрыли проход к распятию. Осознав, что их атакует противник, они бросились навстречу телемитам. Ричард начал пробиваться к Филлис, сея смерть и изрыгая проклятия.

Защитники крепости образовали мощный клин, который вспорол неорганизованные толпы неприятеля. Люди Блэка имели несколько весомых преимуществ: ярость, стальное оружие и внезапность нападения. Они воспользовались тем, что добрая половина захватчиков рассеялась по холмам, вылавливая беглецов, уцелевших предыдущим вечером. Около пяти сот врагов штурмовали заставу, которая охраняла проход к руднику. А триста других солдат пытались сдвинуть «Мщение», застрявшее на «Зубе дракона».

Вопреки приказу Блэка, Чарбрасс произвел новый выстрел. Ошеломив врага мешком с нечистотами, его команда за две минуты зарядила катапульту сотней колотых камней размером с человеческую голову. Эти ядра попали в первые ряды той группы, которая находилась перед Блэком. Урон был ужасающим. По крайней мере, пятьдесят человек получили кошмарные увечья. Воодушевленный успехом, Чарбрасс выстрелил по правому флангу врага и нанес почти такой же ущерб. Паника среди людей Мюреля позволила телемитам приблизиться к площади. Блэк воспользовался моментом и бросился вперед, сметая любого, кто вставал на его пути. Он стал клинком, а не человеком, и его уже ничто не могло остановить. Он походил на сатану, позади которого неслось воинство разъяренных демонов. Женщины рвались в бой с такой же храбростью, как и мужчины. Они видели, что произошло с Филлис, и не желали попадать живыми в руки врагов. Лютая ненависть и отчаяние превращали их в смертельно опасных воинов.

Блэк не помнил, как долго он пробивался к кольцу копьеносцев, окружавших Мюреля. Ему казалось, что сеча длилась несколько часов. Внезапно перед ним возникло открытое пространство, огороженное по сторонам колючим частоколом копий. Он прыгнул вперед, отбил брошенный в него топор и, не обращая внимания на тупой удар в спину, оказался рядом с Мюрелем.

Тот был с головы до ног покрыт экскрементами, но Блэк узнал его по повязке на глазу. Филлис, лежавшая на траве, и распятый Борбич выглядели не лучше Мюреля. А Кастер и титантроп на удивление остались почти чистыми.

Увидев Блэка, Мюрель встал над телом женщины и занес клинок, чтобы рассечь ей горло. В тот же миг Филлис приподнялась на локте и, схватив копье убитого воина, одним быстрым движением вонзила стальной наконечник в пах одноглазого бандита. После этого силы покинули ее истерзанную плоть, и она вновь упала на спину.

Выронив саблю, Мюрель схватился руками за окровавленное древко. Блэк шагнул вперед и мощным ударом почти отсек ему голову. Его заклятый враг упал на землю, подергиваясь в судорогах, как баран на живодерне.

Блэк повернулся к Кастеру. Тот метнул в него копье, и кремневый наконечник, оцарапав бедро Ричарда, вонзился в шею Филлис. Помощник Мюреля вытащил из ножен саблю, но до поединка дело не дошло. Хикок, прорвавшийся вслед за Блэком к центру площади, подбежал к своему заклятому врагу и ударил Кастера ножом. В следующий миг и Блэку и Хикоку

пришлось защищаться от титантропа, который набросился на них, размахивая огромным топором.

Джо Троглодит нанес телемитам такой урон, что почти остановил их атаку. Его тело было покрыто кровью, которая вытекала из множества мелких и глубоких ран. В левой руке он держал свой щит, но раненое плечо давало себя знать, и гигант уже не выказывал былой прыти. Травма не позволяла ему выполнять его любимые махи щитом, которыми он обычно дробил подбородки и лица противников.

Блэк увидел, как колосс двинулся к нему — вперевалку, покачиваясь из стороны в сторону, как поднявшийся на задние лапы медведь. Глубоко под надбровными дугами сверкали маленькие злые глаза. Кончик некогда длинного носа болтался на полоске кожи. Из раскрытой пасти торчали два тигриных клыка и зубы, которые без труда могли откусить человеку голову. От шагов титантропа сотрясалась земля. Тысяча фунтов плоти нависли над Блэком. Топор гиганта поднялся и начал опускаться все ниже... ниже и ниже...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БОЛЬШОЙ ГРААЛЬ

ГЛАВА 1

Локомотив образца 1850 года остановился у железно-дорожной станции и выпустил густое облако атомной энергии.

— *Все по местам!* — закричал Джейрус Чарбрасс, одетый в форму кондуктора.

Ричард забежал в вагон и, как все остальные пассажиры, начал искать свое место. Оказалось, что его уже занял другой человек. Блэк схватил наглеца за шиворот, намереваясь выбросить в окно.

— *Дик! Куда ты тащишь меня, негодник? Неужели ты не узнаешь своего старого друга?*

— *Не болтай мне о дружбе!* — ответил Блэк и отшвырнул от себя Спика, заметив, что грудь у того по-прежнему искромсана огнестрельной раной.

Когда Ричард занял свое место, Спик вернулся и встал рядом с ним в проходе. Он посторонился, уступая дорогу солнцепекому королю Гелеле, который нес под мышками два своих черепа — младенческий и старицкий.

— *Куда направляешься?* — спросил король.

— *К истокам,* — ответил Блэк. — *А ты куда собрался?*

— *На Мальту,* — произнес Гелеле и, подмигнув, ткнул пальцем Ричарда в ребра. — *Надеюсь, ты понял мою шутку? Это моя девка так зовут! Мальта! А-ха-ха-ха!*

В вагон вошла золотоволосая и голубоглазая Изабель.

— *О, мой дорогой и единственный Дик! Мой бог! Мой герой! Темный Аполлон и свет моих глаз! Мой демон любви, несравненный любовник, отважный и отчаянный похититель дамских сердец...*

— *А может быть, ты лучше заткнешься?* — свирепо спросила ее Филлис.

Она сладко улыбнулась Блэку и наступила ему на ногу.

— Ах, прости меня, дорогой!

— Проверка билетов! — закричал Чарбрасс.

Но никто не обращал на него внимание.

— А куда следует этот поезд? — спросил Спик.

— К маленькому речному городку между двумя нулями, — ответила запыхавшаяся Филлис. — Я имею в виду полюса. Мы там все будем счастливы.

— Все, кроме меня, — возразил Блэк.

Он высунул голову из окна и осмотрел соседние вагоны.

— На вид вполне нормальный поезд. Надеюсь, мы едем не за большим роялем?

— Мы едем за Большим Граалем, — эхом отозвался Чарбрасс.

— О нет, — запротестовала Филлис. — Дик, ты должен сойти со мной. Хотя бы в благодарность за то, что я для тебя сделала. Если помнишь, я дала тебе образование двадцатого века. Мне удалось избавить тебя от невежественных суеверий и предрассудков. Благодаря моей помощи ты научился контролировать свой ужасный характер. И вообще стал лучше, добнее и умнее.

Изабель села ему на колени.

— Не слушай ее, Дикки, птичка моя. Мое солнце! Великий орел Гор! Только я понимаю, какое ты божественное существо. Дай ей пинка под зад и возьми меня обратно. Не забывай — я твой первородный грех!

— Она намекает на то, что ты взял ее в жены, — сказала Филлис и презрительно засмеялась.

— Всем, кому два нуля, на выход! — закричал кондуктор. — Остановка «Два нуля»!

— Я сойду на другом конце магистрали, — гордо произнес Блэк. — Но до него еще много дней пути.

— Это и есть другой конец магистрали, — начал спорить с ним Чарбрасс.

— Пойдем лучше с нами, — взмолились обе женщины.

— Нет, я был с вами слишком долго.

Филлис открыла дверь с правой стороны вагона:

— Вот и мой город. Пора расставаться.

Блэк взглянул в окно и увидел богатый красивый поселок, утопавший в вишневых садах и банановых рощах.

Изабель открыла дверь с левой стороны.

— Если ты пойдешь со мной, я подарю тебе любовь из самой страшной арабской ночи.

Снаружи виднелась Сахара.

Блэк встал и пошел в передний вагон.

— Куда направляешься, милый? — спросил его мягкий голос с французским акцентом.

— Я свяжу машиниста и сам поведу этот поезд, — ответил он.

— Вот как? — прошептала Анн. — Значит, ты решил оставить меня? Но и я без тебя не пропаду! Эй, монсеньор Чарбрасс! Как вы насчет небольшого перерыва на любовь?

— Мадам, я только прокомпостирую билеты и тут же вернусь.

— Прощай, — сказали три женщины.

— Нет, — ответил Блэк. — Я никогда ни с кем не прощаюсь. Мы встретимся у истоков, когда вас привезет туда мой корабль.

Он вошел в кабину локомотива. Кочегаром был парень по фамилии Клеменс. Состав вел смуглый мужчина по имени Ричард Блэк.

— Пришел выбросить меня вон? — весело спросил машинист.

— Знакомьтесь, — сказал Сэм. — Блэк, это Блэк, хотя я никогда не видел прежде, чтобы двойники встречались друг с другом.

— Что ты делаешь на экспрессе самоубийц? — спросил машинист.

— Экспрессе самоубийц?

— Да! А разве ты не знал? Чтобы добраться до дальних мест этого мира, тебе не обязательно строить лодку или долго шагать. Перережь себе вены, и ты окажешься за тысячи миль отсюда. Дешево, быстро и удобно. Но в названии вечного поезда есть своя мораль. Ты же знаешь, что любое окончание не может обойтись без морали. Вот и наша кончина тоже. Поэтому запомни — где конец, там и начало!

— Ты подразумеваешь два нуля? — с улыбкой спросил Сэм.

— Возможно. В любом случае мы назвали этот поезд экспрессом самоубийц, потому что ты должен потерять свою жизнь, если хочешь получить ее обратно.

— Жаль, но мне пора выходить, — со вздохом сказал кочегар и спрыгнул с подножки поезда.

— Я уже слышал эти слова, — воскликнул Блэк. — Но что они означают?

Машинист сунул руку в карман своего комбинезона, словно хотел вытащить часы. Но вместо них вынул кровоточащее сердце Блэка.

— Я узнал тебя! — закричал Блэк. — Мы встречались с тобой в том другом сне! Скажи мне правду — когда ты вернешь мое сердце?

— Ты его никогда не получишь, — ответил машинист, выбрасывая мокрую плоть в окно.

— И что же мне теперь делать? — в отчаянии спросил Блэк.

— Ты должен вырастить себе новое сердце! — прогремел громоподобный голос машиниста. — Лучше и добнее прежнего! А теперь проваливай! Твоя остановка!

ГЛАВА 2

Блэк проснулся, сел и протер глаза. На секунду ему показалось, что из-под его ног выдернули ткань мироздания.

«Словно льняную скатерть из-под бокала с водой», — подумал он и вдруг понял причину, по которой изменился пейзаж.

Он умер! Умер и ожил в каком-то новом месте!

Блэк сидел на берегу Реки в клочковатой пелене предрасветного тумана. Прохладный ветерок овевал его обнаженное тело. Слева лежала кучка одежды, справа — грааль.

Он поднес руку к голове и ощупал череп. Тот был гладким — без ссадин и шрамов. Однако где-то в сознании хранилось жуткое воспоминание о том, как огромный каменный топор вонзился в его макушку, дробя свет и тьму. Блэк содрогнулся и еще раз провел пальцами по лбу и волосам.

Да, он возродился в новом теле. Все шрамы, приобретенные им в этом мире за последние двадцать лет, исчезли, будто их и не было.

Уверившись, что с ним все в порядке, Блэк осмотрелся по сторонам. Ландшафт почти ничем не отличался от той части долины, где он жил прежде — не хватало только озера, построек и приветливых телемитов.

Чуть позже он заметил других людей. В десяти ярдах от него сидела Филлис. Она дико озиралась по сторонам и выглядела ужасно напуганной. Прямо за ней виднелось слоноподобное тело Джо Троглодита, а рядом мелькала белокурая голова Мюреля. Ближе к Реке из пятна тумана поднялся

обнаженный Чарбрасс. Он внимательно осмотрел холмы и замахал рукой Ричарду.

Блэк проследил за его взглядом. В пятидесяти ярдах от них на вершине холма появился отряд из тридцати низкорослых мужчин и женщин. Они походили на африканских пигмеев, за исключением того, что их кожа была грязно-белого цвета, а головы — непропорционально большими. Раскосые глаза придавали им сходство с монголами. Длинные каштановые волосы доходили до середины бедер и заменяли собой одежду.

Они размахивали бамбуковыми шестами. У некоторых имелись топоры и копья с кремневыми наконечниками. Их вожак, самый высокий воин, что-то закричал, указывая на пятерых пришельцев. Его речь казалась невразумительной тарабарщиной, но, судя по жестам, он призывал своих соплеменников к атаке.

Блэк вскочил на ноги. Чарбрасс подбежал к нему и встал рядом, сжимая в руке грааль.

— Я могу ошибаться, — сказал он, — но мне кажется, что это пигмеи из десятого века до нашей эры. Они населяли Центральную Европу и, по словам археологов, не гнушались каннибализма. Я сомневаюсь, что Мир Реки изменил их вредные привычки. Поэтому нам надо приготовиться к худшему.

Через несколько секунд у них уже не осталось никаких надежд на мирный исход встречи. Вожак пигмеев издал боевой клич, и его люди побежали к подножию холма. В тот же миг титантроп поднял голову и, недоуменно моргая, уставился на приближавшихся дикарей. Каменный топор пролетел мимо его лица, едва не оцарапав щеку.

Он взревел и вскочил на ноги. Пигмеи тут же остановились. Их глаза расширились от страха при виде исполина из предрассветных времен истории. Джо втрое превосходил по росту любого из них.

Следом за титантропом с травы поднялся Мюрель. Блэк с тревогой посмотрел на Филлис, которая по-прежнему сидела на берегу, закрыв ладонями побледневшее лицо. Очевидно, она находилась в шоке.

— Это последствия изнасилования, — шепнул ему Чарбрасс. — Жаль, что мы оказались среди этих пигмеев. Филлис нуждается в срочной терапии.

Он подошел к Джо и встал рядом. Подняв с земли свой грааль, Блэк присоединился к ним. Взглянув на Мюреля, который занял позицию справа от него, он заметил, что левый глаз американца восстановился — точно так же, как отсеченный нос Джо и его собственный разбитый череп.

«Спасибо вам, неизвестные благодетели, — подумал Блэк. — Мы в долгую перед вами за свои тела. Но как нам заплатить этот долг? И кому? Вам следует учсть, что долгое ожидание может превратить нашу благодарность в яростный гнев».

Мюрель придвигнулся к нему и, не спуская глаз с пигмеев, прошептал:

— Слушай, Блэк. Давай объявим перемирие, пока не прогоним этих злобных ребят. Ты как, не против?

— Согласен, — угрюмо ответил Ричард. — Приготовьтесь! Они подходят!

К тому времени к пигмеям присоединилось еще около тридцати воинов. Узкоглазые человечки оправились от испуга и, подбадривая друг друга визгливыми криками, набросились на четверых чужаков.

Яростный и кровавый бой закончился через две минуты. Уцелевшие людоеды разбежались во все стороны, оставив на земле почти четверть своего отряда. Больше всего трупов лежало у ног титантропа. Его огромный грааль крушил черепа и кости не хуже дубины.

Из дюжины ран на теле Джо лилась кровь, но они были неглубокими. Блэк, Мюрель и Чарбрасс отделились легкими ссадинами и ушибами. Показав себя прекрасными бойцами, они захватили в качестве трофеев несколько копий и топоров.

Блэк и Чарбрасс торопливо оделись, помогли одеться Филлис и подняли ее на ноги. Подхватив женщину под руки, они зашагали по берегу к излучине Реки. Мюрель и титантропшли сзади, прикрывая отход отряда.

— Куда мы идем? — пробормотала Филлис.

— Вверх по Реке, — ответил Блэк.

Он выбрал это направление, не задумываясь, поскольку всегда считал путь к истокам единственным верным.

Филлис украдкой посмотрела через плечо и жалобно сказала:

— Дик, там идет этот человек. Дик, он меня...

— Я знаю, Фил, — мягко ответил Блэк. — Не думай больше об этом.

— Почему он здесь?

— Смерть перенесла его сюда, как и всех нас, — сказал Чарбрасс. — И знаешь, он только что помог нам отбиться от пигмеев.

— А вы не боитесь, что этот человек нанесет вам удар в спину?

— Вряд ли он сейчас решится на такой поступок.

Филлис неистово сжала руку Блэка:

— Дик, ты видел это? О Боже! Я ничего не могла сделать. Я умоляла его, просила... Но он остался глух к моим словам.

Чарбрасс посмотрел на Блэка и сказал:

— Я хочу вывести ее из этого состояния. Не перебивай нас без крайней необходимости.

Они шли, угрожающие выставив бамбуковые копья. Филлис несла только свой грааль. Джо и Мюрель шагали позади, поминутно оглядываясь и отпугивая подступавших пигмеев. Большеголовые коротышки сбегались со всех сторон. Они пропускали чужаков, а затем смыкали за ними свои ряды. Но хотя их собралось не меньше тысячи, они больше не предпринимали атак. Джо Троглодит казался им неприступной башней, которую дикари не решались штурмовать.

В это время Чарбрасс продолжал беседовать с Филлис. Он, казалось, вообще не обращал внимания на пигмеев. Блэк молча слушал, стараясь понять суть того, что пытался сделать человек из двадцать первого века. В былые дни на Земле Ричард проявлял огромный интерес к психотерапии и месмеризму, которые в ту пору находились на зачаточном уровне. В Телемской обители он многому научился от Филлис и доктора Уинтерса. Однако метод Чарбрасса отличался от всего, что он когда-либо видел. Тем не менее, прислушиваясь к вопросам и ответам, Блэк уловил основные моменты этого метода терапии.

Сначала ему казалось, что Чарбрасс проводит ассоциативный тест. Тот предлагал Филлис определенный набор существительных, глаголов и прилагательных, каждое из которых являлось звеном в длинной и сложной цепочке слов. Филлис повторяла то, что он говорил, но становилась все более бледной и усталой. Внезапно Чарбрасс произнес эту фразу целиком, акцентируя внимание на особом слове, которое оказалось связующей нитью для его вербальных четок.

Он попросил ее несколько раз повторить это слово в уме, создать из него новые сочетания букв и выразить ассоциации, которые они вызывают. Затем ей следовало изменять произношение гласных, придавая словам различные эмоциональные тона.

— Лиенаси, — сказала она. — Это ничего не значит.

— Продолжай, — подбодрил ее Чарбрасс.

— Целина.

— Что это для тебя означает?

— Чистое поле. И девственность..

— Продолжай.

— Селена. Или Луна.

— А дальше?

— Лесина. Что-то странное. Я слышала в детстве, что так в старину иногда называли бревна. Да, мне рассказывал об этом отец. Но при чем здесь отец?

— Попробуй другую комбинацию. Раздели слово на части.

— «Нас» и потом «или». Или нас?

Она истерически захихикала.

— Дальше.

— Мужчина и женщина остаются преданными друг другу, пока не приходит смерть и не разлучает их навсегда. Или нас?

— Продолжай.

— Верность раскалывается на куски от насилия, потому что сила всегда побеждает.

— Остановись на комбинации «н-а-с-и-л-и-е».

— Что посеешь, то и пожнешь. Вот они и сеют в нас семя... и жмут.

— И что посеяла ты?

— Наверное, то, что получила.

— А что ты получила?

— Да! — вдруг закричала она, и вместо смертельной бледности на ее лице появился румянец. — Так оно и есть! Я хотела быть наказанной! Меня распяли под распятием, потому что глубоко в подсознании я всегда оставалась мазохисткой! Я никогда не желала инцеста, и меня не насиливал отец, как можно было бы интерпретировать мои слова. Но ведь есть другой Отец — тот, кого я отвергла! Борбич перед смертью показал мне мою ошибку, и он...

Чарбрасс не обратил на ее слова никакого внимания. Это была лишь эмоциональная разрядка. Тем не менее Блэк уловил на ее лице мимолетную улыбку, когда Филлис попыталась объяснить свои ответы в духе психологии двадцатого века.

— Филлис, — тихо сказал он, — тебе надо вернуться к извлечению всевозможных комбинаций и смысловых значений, которые находят отклик в твоем теле — я имею в виду и мозг в том числе. Обдумай концепцию инцидента под крестом в тех терминах, которые у тебя получатся. Запомни! Не переживание, а только его концепцию. Попытайся вложить ее суть в какой-нибудь один образ или символ.

Затем тебе надо представить щупальца внутри себя — щупальца, которые сплетают воображаемую сеть. Эта сеть будет вибрировать в резонансе с символом твоего переживания, то есть, когда щупальца объединят концы этого символа с резонансной паутиной, она начнет гудеть. И сеть и символ будут вибрировать с одинаковой частотой. Ты уловила идею?

Филлис кивнула, и в ее серых глазах засветились искорки интереса. Она выходила из шокового состояния, и это было видно даже со стороны.

— Значит, я должна создать символ, который соответствовал бы резонансной частоте нейронного гештальта? — спросила она. — А затем, разрушив его, тем самым удалить из нервной системы нежелательный нервозный шаблон?

— Да, — ответил Чарбрасс. — Но как ты догадалась?

— Я часто беседовала на такие темы с доктором Уинтерсом, — ответила Филлис. — Он рассказал мне о тех намеках, которые ты подбрасывал ему в ваших разговорах о психотерапии. Однако он считал тебя дилетантом в этой области.

— Да, у меня действительно нет докторской степени по курсу психодинамики. Тем не менее каждый человек моего времени знал основные законы психосоматических систем. Впрочем, не будем отвлекаться. Начинай создавать резонирующую сеть.

Так они и шли. Чарбрасс задавал вопросы, а Филлис отвечала или старательно выполняла его инструкции. Ее состояние улучшалось на глазах. За пару часов им удалось проработать и устраниить психическую травму, которую Филлис получила на Базарной площади.

Как позже объяснил Чарбрасс, ее нервная система отличалась повышенной устойчивостью и не имела значительных психозов и неврозов. Изнасилование нанесло ей сильное оскорбление, но не вызвало глубокого психосоматического отклика, который закрепил бы полученное потрясение. Благодаря сравнительно небольшой помощи Филлис собралась с духом и восстановила свои прежние мироощущения. Что же касается физической травмы, то она была устранена в процессе воскрешения.

— Обычно физические и психические раны связаны друг с другом, — объяснял Чарбрасс. — Терапия должна вестись и в том и в другом направлении одновременно. Ученые двадцать первого века пришли к заключению, что психические заболевания в основном связаны с развитием нежелательных невральных путей. Или, наоборот, с разрушением желательных.

Если бы мы могли «регистрировать» невральные пути какими-то механическими средствами, наши машины не только бы определяли «злокачественные» связи нейронов, но и изменяли их в соответствии с эталоном.

Однако никакая машина не может удалить основополагающей причины психосоматических болезней. Дело в том, что

основная их часть порождается волей больного. По тем или иным обстоятельствам его подсознание считает необходимым создать в организме предрасположенность к недугу или помрачению. И, конечно же, машина не в силах изменить его волевого импульса.

Однако нам известно, что посмертное перемещение человека из одного места долины в другое часто заканчивается полным устранием старых психозов. То есть перемены в окружении иногда тоже могут оказывать исцеляющее воздействие.

Впрочем, я отклонился от темы моей маленькой лекции, — с усмешкой добавил Чарбрасс. — Мне хотелось напомнить вам, что человек является уникальным существом, которое способно манипулировать символами. Он может использовать их для создания понятий; может перемещать их как ему только вздумается и, независимо от того, плохие они или хорошие, выстраивать или ликвидировать с их помощью невральные пути. В принципе невральные пути — это тоже символы, поскольку сеть взаимосвязанных нейронов проецирует их как образ, через который наша психика воспринимает и интерпретирует окружающий мир.

Филлис получила физическую и психическую травмы — хотя мне не хотелось бы использовать эти термины отдельно. В любом случае интересно то, что ее реакции были скорее физическими, чем психическими. То есть я хочу сказать, что она не «убежала» в светлое будущее и не «вернулась» в добрые старые времена. Инцидент на площади не вызвал у нее апатию или сексуальную псевдоанестезию, которая впоследствии могла бы перейти во фригидность или более сильный психоз. Филлис восстановилась, но ей предстоит решить еще одну серьезную проблему.

Несколько последних лет она терзается от груза вины, который давно могла бы сбросить со своих плеч. Однако Филлис боится даже думать об этом, потому что ее вина и страх связаны с тобою, Блэк.

— Неужели тебе это известно? — вскричала Филлис и закрыла лицо руками.

Чарбрасс устало покачал головой:

— Да. Телем был невелик, и за двенадцать лет я многое узнал о своих соседях. К тому же о причине твоей вины знал гораздо больше людей, чем ты предполагала. Хотя так бывает почти всегда.

— Что за черт, Чарбрасс? — заворчал Блэк. — Говори и не тяни резину.

— Об этом может рассказать тебе только Филлис, — спокойно ответил тот. — Наверное, я зря подталкиваю ее к исповеди. Она — отважная и решительная женщина, но иногда человеку требуется время, чтобы сделать, казалось бы, простой и очевидный шаг. Давай не будем принуждать ее к этому. Она и так ненавидит меня сейчас. Только знаешь, Фил, я ведь это делаю для твоей же пользы.

Она закусила губу, сдерживая слезы. Однако эмоции хлынули через край, и Филлис, рыдая, закричала:

— Да, я ненавижу тебя! И все же я рада, что ты заставил меня это сделать!

— Что сделать? — хрипло спросил Блэк.

Он поднял голову и увидел впереди отряд хорошо вооруженных пигмеев. Их число достигало тысячи, но следовало учитьвать и те толпы маленьких мужчин и женщин, которые, расступаясь перед ними, угрожающе помахивали топорами и копьями. Солнце лениво карабкалось к зениту, и начиналась полуденная жара. Ширина Реки в этом месте не превышала полукилометра. Блэк заметил на другом берегу высоких рыжеволосых людей, которые наблюдали за ними и подавали им какие-то знаки. Время от времени он даже слышал их предупреждающие крики.

— Я думаю, мы должны переправиться на тот берег, — сказал он. — Там тоже могут оказаться враги, но здесь нам уже не пройти.

ГЛАВА 3

Чарбрасс заметил у берега лодку. После того как воскрешенные сложили в нее свои граали и оружие, места там хватило только для Филлис. Пигмеи пришли в ярость. Их толпы бросились к берегу, но беглецы уже успели отплыть на двадцать ярдов. Дикари не отважились зайти в воду. Они бросали в чужаков топоры и копья, однако дистанция увеличивалась все больше и больше, и ни одно копье не попало в цель.

Обитатели другого берега говорили на незнакомом диалекте — и это несмотря на то, что Блэк мог свободно общаться на пятидесяти языках и довольно прилично знал сотню других. Но разочарованным оказался только он. Остальные радовались гостеприимству этих рослых рыжеволосых людей. Местные жители устроили в честь пришельцев торжественную церемонию, на которой многие ораторы произносили длинные и непонятные речи.

Праздник продолжался до вечера. Сидя у большого костра с несколькими местными сановниками, бывшие жители Телема

делились впечатлениями и вели веселую беседу. Внезапно к ним обратился Мюрель:

— Я прошу вас выслушать меня, хотя и знаю, насколько мы с Джо должны быть вам ненавистны. Наверное, вы думаете, что мы замышляем против вас что-то. Так вот хочу вам сказать: вы можете не тревожиться. Мы не держим на вас никакого зла. И если вы можете забыть о том, что произошло между нами, я прошу вас, сделайте это. Прошлое осталось в прошлом. Давайте жить настоящим днем. Наша смерть в Телеме смешала карты, и мы можем начать новую игру, в которой будем союзниками, а не врагами.

Блэк и Филлис переглянулись. Слова Мюреля показались Ричарду очередной хитростью. Весь этот день он размышлял над тем, как уничтожить своих врагов.

— Что же вызвало столь внезапную перемену отношений? — с сарказмом спросил Блэк. — Ты увидел свет истины? Или на тебя так повлияла смерть Борбича?

Мюрель вздрогнул и тихо ответил:

— Да, я заслуживаю насмешек и упреков. И мне лишь остается сожалеть о том, что я сделал в прошлой жизни. Но позволь мне ответить на твой первый вопрос. Во-первых, это не перемена отношений, а отказ от неверных убеждений и возвращение на единственно правильный путь. Только не думай, что я стану лживым проповедником из адского пламени богоизбранных и сладкоречивых лицемеров. Со мной действительно что-то произошло, но я не превратился из грешника в набожного святого. Моя рука не дрогнет, пронзая сердца врагов. Поэтому запомни, Блэк, — если ты бросишь мне вызов, я приму его без колебаний и страха. Пусть Филлис и кастрировала меня, я не какой-то там евнух. Воскрешение устранило все физические дефекты, так что в принципе я тот же человек, каким был и раньше.

— А что же случилось?

— Перед тем как я пробудился на этих берегах, мне приснился странный сон.

— «Переносящий» сон? — воскликнул Чарбрасс.

— Да, — ответил Мюрель. — Хотя он мало чем отличался от снов, которые видели после смерти другие люди. Возможно, такие сновидения вообще универсальны и разнятся от человека к человеку только в некоторых незначительных деталях. Во всяком случае, я видел этот сон во время первого воскрешения... потом еще один раз, когда меня убили жители Самоа, и вот теперь — после гибели от руки Филлис.

— Я тебя не убивала, — возразила она. — Это Дик срубил тебе саблей голову. Я видела, как он расправился с тобой, а потом Кастер отправил меня сюда.

Мюрель равнодушно пожал плечами:

— Это неважно. В тот момент я просто не видел своего убийцу. Что же касается «переносящего» сна, то я видел его три раза — после самых эмоциональных эпизодов моей жизни. Мне снилась фигура в капюшоне, которая требовала, чтобы я перестал обманывать себя и оставил путь, ведущий меня в бездну. Иначе, говорила она...

Так и не сказав о наказании, эта призрачная фигура потянулась ко мне и вырвала мои гениталии. Я молил отдать их обратно, но загадочное существо отвечало, что сначала с меня взыщут долг за вновь обретенную плоть. В каждом сне я спрашивал его, как мне отдать этот долг. И каждый раз получал ответ, что должен узнать об этом сам. В конце второго сна мне удалось рассмотреть лицо под капюшоном. Я узнал в нем самого себя. Но в последнем сне мои черты смешались с лицом Борбича... и Филлис.

Чарбрасс доел ужин и, ткнув вилкой в сторону Мюреля, невозмутимо произнес:

— Будь честным до конца. Ты никогда не испытывал сексуального удовлетворения, верно?

Мюрель сидел, обхватив руками колени и слегка пригнувшись вперед. Услышав вопрос Чарбрасса, он выпрямился и сжал кулаки.

— Откуда ты узнал об этом?

— Нетрудно догадаться, — вмешалась Филлис. — Символизм твоих снов указывает на проблемы, которые беспокоят тебя.

— Между прочим, у меня было пять детей, — возмущенным тоном произнес Мюрель.

— Ладно, хватит оправдываться, — оборвал его Чарбрасс. — Лучше подумай, как тебе избавиться от этой фригидности.

— Хорошо, а что ты предлагаешь? — спросил Мюрель, и его лицо покраснело.

Блэк не верил в чудесные превращения. Он по-прежнему считал, что Мюрель лишь притворяется овечкой.

— Я думаю, что фригидность может быть связана с твоей негативной реакцией на Мир Реки, — ответил Чарбрасс. — Или, вернее, твое отношение к долине содействует этой проблеме. Ты пытаешься разрушить то, что погубило твою веру. Но истинную веру не может разрушить ни смерть, ни воскрешение.

Какое-то время Мюрель ничего не говорил. Свет костра озарял его аскетическое лицо и вьющиеся длинные локоны.

— Возможно, ты прав, — произнес он в конце концов. — Моя мать начинала истерику при малейшем упоминании о сексе, а отец предрекал мне мучения в аду за любую фривольность или намек на плотское наслаждение. Они с ранних лет убедили меня, что секс — это грязь, греховная похоть и мерзость.

Отец нашел для меня невесту, но я не захотел жениться. Они целый год твердили мне, что я должен плодить детей, выполняя тем самым завет нашего Бога. Мне досталась в жены робкая плоскогрудая женщина, зачавшая от меня пятерых детей. Мы почти не спали вместе, а когда это случалось, старались побыстрее покончить со своими супружескими обязанностями.

Я чувствовал себя обделенным. Мне казалось, что я могу обрести любовь и счастье с некоторыми из своих полногрудых прихожанок, но при каждой интимной встрече меня охватывал страх, и все кончалось новым разочарованием. Я становился все более холодным и самокритичным.

— А потом ты воскрес в долине и понял, что нет никакого адского огня, — вмешался Чарбрасс. — Все старые суеверия разрушились, и тебя больше ничто не могло удержать. По-прежнему считая секс грязью, ты решил вываливаться по уши в этой грязи.

Мюрель поднялся на ноги.

— Да, это так. Однако ничто не помогало. Боров рад своему ложу из навоза, но я ненавидел свое. Тем не менее надежда не покидала меня. Я осознавал ту бездну, в которую падал, и из последних сил пытался пробиться сквозь стену льда к своим истинным чувствам. Насилуя Филлис под крестом, я понял, что это предел. Мое самое отчаянное богохульство не принесло мне никакого удовольствия. Даже Джо Троглодит отказался делать то, в чем я надеялся обрести иллюзорное счастье.

А потом рядом со мной упал этот мешок с дерьямом, посланный мне с неба вместо карающей молнии. И тогда, отлеваясь от нечистот, я понял, до чего докатился. Когда же Филлис ударила меня копьем в пах, она просто выполнила мое заветное желание. Мне всегда хотелось удалить причину своих проблем... и всегда не хватало мужества, чтобы сделать это.

— Твои половые органы тут ни при чем, — сказал Чарбрасс.

— Знаю. Причина в другом. Но самому мне в ней не разобраться.

— Я могу помочь тебе. Наверное, ты видел, как мы занимались с Филлис сегодня утром. У меня есть метод, который может привести человека к выздоровлению, однако большую часть работы должен выполнить сам больной. От тебя потребуется искреннее желание стать здоровым.

— Ладно, посмотрим, — сказал Мюрель. — Вставай, Джо. Пора идти спать.

Титантроп угрюмо посмотрел на него и ответил громоподобным басом:

— Джо останется здесь. Джо нравится злушать то, что говорит Чарбразз И еще Джо нравится Блэк.

На лице Мюреля появилась горькая усмешка.

— После того как я хотел заставить его изнасиловать Филлис, он считает меня хуже обезьяны. Возможно, в чем-то он прав.

Сжав кулаки, Мюрель повернулся к ним спиной и исчез в темноте.

— Мне кажется, ему нельзя доверять, — сказал Блэк.

— Да, нам лучше вести себя с ним настороже, — согласился Чарбрасс. — Но мы должны помочь ему измениться. А этого не сделать без любви и доверия.

— Я не собираюсь нянчиться с ним и источать фальшивую любовь, — произнес Блэк. — Делайте что хотите, а я завтра отправляюсь вверх по Реке.

— Ты все-таки решил отправиться к Большому Граалю?

— Да. Даже если мне придется пройти сорок миллионов миль и путешествие займет шесть тысяч лет.

Филлис положила руку на его плечо и печально вздохнула:

— Ах, Дик, я настолько погрузилась в свои проблемы, что совсем забыла о тебе. Представляю, как ты огорчен, потеряв почти построенный корабль. Это действительно ужасно! Мы работали, как рабы, целых двенадцать лет и в конце концов остались ни с чем.

Он кивнул:

— Именно поэтому я и не могу простить Мюреля, хотя вы с Чарбрасом сделали это без труда.

— Прошлого уже не вернешь, — задумчиво произнес инженер. — Так что незачем терзаться понапрасну.

— Хотела бы я знать, чем кончится вторжение в Телем, — сказала Филлис. — Я думаю, Клеменс построит «Речную комету» и наши друзья отправятся на ней вверх по Реке.

— Да, их ждет интересное плавание, — проворчал Блэк. — И мы о нем не услышим, если не пойдем к истокам.

— А вдруг мы окажемся там первыми?

— Это вполне вероятно, — согласился Чарбрасс. — Смерть могла перенести нас в верховья Реки. Если нам повезет, мы еще увидим и «Речную комету», и лица наших друзей.

— Мечты, мечты, где ваша сладость...

Блэк встал и посмотрел на Филлис.

— Ты пошел спать? — спросила она.

— Да.

— Тогда я с тобой, — сказала она. — Если только ты не против...

— Я не против, — ответил он без всяких эмоций.

— Я просто подумала, что возможно... Ты же видел, как Мюрель... Что он...

— Она боится, что ты теперь посчитаешь ее недостойной себя, — пояснил Чарбрасс.

— О Боже! — воскликнул Блэк. — Откуда у тебя такие нелепые мысли, Филлис?

По ее щекам побежали слезы.

— Не говори со мной так, Дик!

— Хорошо. Я прошу прощения. Только давай пойдем спать — мы должны отправиться в путь на рассвете. Если только ты составишь мне компанию.

— Конечно, Дик! Я пойду с тобой! Как ты мог подумать иначе?

Позади них раздался бас титантропа:

— Джо тоже пойдет. Джо хочет стать другом Блэка. Блэк храбрый. Блэк убил Джо!

Ричард с удивлением посмотрел на Троглодита:

— Разве тебя убил я?

— Да! Джо разбил Блэку череп, а Блэк проткнул заблей живот Джо. Джо потом ползал по траве и кашлял кровью. А потом умер и зновастал живым.

— Мне кажется, он неплохой парень, — прошептала Филлис. — Просто ему не повезло, и он попал в дурную компанию.

— Добро пожаловать в нашу команду, Джо, — сказал Блэк. — Я рад, что ты захотел присоединиться к нам.

— Зпасибо, Блэк. Я буду охранять ваш зон, поэтому можешь спать спокойно. Мимо меня никто не пройдет.

Торжество закончилось. Гости пожелали спокойной ночи своим хозяевам и разошлись по хижинам, которые им отвели для ночлега. Титантроп лег у двери на кучу травы. Взглянув на него, Филлис придвигнулась к Блэку и тихо прошептала:

— А он действительно милый, хотя и легко поддается чужому влиянию. Его уважение к чувствам других людей указывает на определенное воспитание. Джо тактично молчит,

но я знаю, почему он отказался насиловать меня. Потому что я для него сексуально неприемлема. Тонкая, плоскоголовая безносая самка с плохими генами — безобразное и жалкое существо. Но он этого не говорит, потому что боится обидеть меня. Впрочем, я рада, что оказалась непривлекательной для него, — добавила она с легкой усмешкой.

— Приятно видеть, что ты так спокойно рассуждаешь об этом происшествии. Я боялся, что оно вызовет у тебя сильный и продолжительный шок.

— Терапия Чарбрасса помогла мне преодолеть негативные воспоминания и сделала их менее серьезными, чем они казались бы в обычном случае. Кроме того, я анестезировала себя самовнушением. Мое тело почти ничего не чувствовало. К счастью, Мюрель был единственным, кому что-то удалось на виду у этой огромной толпы.

— Что-о?

— Да. Бедняга Кастер не хотел подчиняться приказу Мюреля, но тот сказал, что подвесит его на другой стороне креста. Кастер попробовал, однако у него ничего не получилось. Наверное, из-за страха.

Она легла рядом с ним на травяной матрас.

— И, конечно же, мне помог Борбич. Он ободрял и поддерживал меня словами, хотя сам в это время испытывал страшную агонию.

— Даже казнь не могла удержать его от болтовни, — съязвил Блэк.

— Я знаю, что Борбич тебе не нравился. Но для меня он был и останется замечательным человеком. Его помощь помогла мне выдержать это насилие. Если бы не его сочувствие, я сошла бы с ума.

— Я рад, что он помог тебе. Хотя не представляю, о чем можно было говорить в той ситуации.

— И все же Борбич нашел такие слова. Я восхищаюсь его волей и тактом. Он был великим писателем на Земле и в этом мире еще раз доказал свою преданность духовным идеалам.

Там, на кресте, он говорил о том, что легко любить все человечество в целом, потому что от такого воображаемого понятия нам ни холодно, ни жарко. Другое дело любить людей такими, какие они есть. Вот настоящая проверка духа! Если ты можешь любить человека, который дает тебе все основания для презрения и ненависти, твой дух превращается в монолит. Только тогда в соприкосновении с божественным началом твой дух озаряется светом истины и становится свидетелем созидательной воли Творца.

Блэк застонал и повернулся на другой бок.

— Все эти высокие слова почти на сто процентов лишены смысла. Обычный вздор проповедников. Чепуха на постном масле.

— Но это не так, Дик! Он доказал свои слова поступком. Он говорил с креста, повиснув на гвоздях. На такой «трибуне» лицемеры обычно не выступают.

— Это ты верно заметила. А что он сказал, когда вас залило дерьмом?

Несмотря на серьезность темы, Филлис засмеялась:

— О-о, те слова произвели на меня еще большее впечатление. Когда мешок взорвался и нас окатило тошнотворной грязью, Борбич сказал: «Вот что случается с каждым, кто говорит людям о любви и сострадании. Его тут же обливают нечистотами, потому что только так можно укрыться от голой правды. Она страшна для властолюбивых ничтожеств, но именно они и остаются в дерьме!» Он кивнул, указывая на тех, кто пытал нас. А они в тот момент были с ног до головы покрыты экскрементами.

— Да, Борбич любил поболтать о морали, — произнес Блэк. — Но говорить о ней с креста — это, знаешь ли, слишком.

— Ты невозможен! Тебе следовало быть благодарным ему за ту поддержку, которую он мне оказал. В те минуты только он и пришел мне на помощь.

— Ты, наверное, забыла, что на выручку тебе бросились все защитники Замка. Мы атаковали врага раньше времени, рисковали своими жизнями и будущим Телемской обители и делали это только потому, что не могли позволить им глумиться над тобой.

— Ты прав. И я не нахожу слов для благодарности. Но пусть эти слова заменят моя любовь. — Она прижалась к руке Блэка и тихо сказала: — Помнишь, Чарбрасс говорил об угрызениях совести, которые терзают меня многие годы?

— Да.

— Хочешь узнать об их причине?

— Наверное, это те три случая, когда ты спала с другими мужчинами.

Филлис села и посмотрела на него:

— Так, значит, ты знал о них все эти годы?

— Да, — спокойно ответил он. — Некоторые из твоих так называемых друзей трепались об этом на каждом углу. Мне даже пришлось пригрозить им дуэлью.

Она задрожала:

— Почему же ты мне ничего не сказал?

— Поначалу я надеялся, что ты сама расскажешь мне об измене. Но когда ты этого не сделала, мне стало ясно, что ты просто испугалась разрыва наших отношений. Я решил оставить все как есть. Тем более что три ошибки за пять лет не свидетельствуют о неразборчивости человека в связях.

— Но это сводило меня с ума! Неужели тебя это нисколько не беспокоило?

— Помнишь, в самом начале все телемиты поклялись говорить друг другу правду. Через некоторое время мы отказались от этого и вернулись к цивилизованному методу социальных взаимоотношений. Мы поняли, что небольшая доля лицемерия ослабляет трение между людьми и щадит их чувства. Нельзя в глаза говорить человеку, что он безобразен, неуклюж и надоедлив. Это вызовет лишь гневное возмущение с его стороны.

Однако твои изменения ослабили мою привязанность к тебе. Я начал уезжать в деловые и неделевые поездки, которые порою затягивались на недели и месяцы. Все это время я редко спал один.

— Так вот где причина твоих отношений с Анн! Вот почему ты так ко мне переменился... Я даже думала, что ты собираешься прогнать меня и взять ее в спутницы жизни.

— Все кончилось, Филлис, — сказал он устало. — Забудь о ней. Давай лучше спать.

Она положила голову на его плечо:

— Сколько тревог и обид из-за пары ошибок. Если бы ты знал, черт возьми, как меня мучила совесть...

— Так тебе и надо, — ответил Блэк и тихо засмеялся.

— Ах ты, сукин сын! Но я рада, что призналась тебе во всем. И счастлива, что ты меня по-прежнему любишь.

Она прижалась губами к его щеке, и он ответил на ее поцелуй, хотя и без особого тепла. Блэк был доволен, что она оправилась от потрясения и вернулась к прежней жизни, но он не почувствовал бы большой печали, если бы ее перенесло куда-нибудь в другую часть Реки.

Ричард считал любовь «селективным эгоцентризмом сердца», но это чувство покинуло его уже несколько лет назад. В душе угасло все — все, кроме одного-единственного желания. Закрыв глаза, он увидел перед собой истоки Реки и сияющую башню Большого Грааля.

ГЛАВА 4

Утром они отправились в путь. Мюрель попросил разрешения присоединиться к ним. Подумав немного, Блэк отозвал его в сторону и сказал:

— Хорошо. Но ты должен понять, что вожаком буду я. И мне не хотелось бы слышать от тебя возражений.

Мюрель кивнул, и они зашагали вдоль берега. Поначалу он действительно не создавал никаких проблем. Его усилия снискать расположение Филлис постепенно увенчались успехом. По вполне понятным причинам она чувствовала себя неловко в его обществе. Но проходили дни, и ее благородство все больше одерживало верх над памятью о прошлом. В конце концов Филлис его простила.

— Почему бы тебе не подружиться с ним? — спросила она однажды Блэка.

— Я веду себя с Мюрелем нормально, — ответил он. — Возможно, я немного сдержан с ним, но это вполне объяснимо. Поверь, меня не тревожит то, что он делал раньше. Я знал и больших злодеев, чем наш белокурый попутчик. Однако я присматривал за ними. Они знали о моей настороженности и соответственно не помышляли о предательстве.

— Да-да, я понимаю. Но он чувствует твое недоверие. Как говорил Борбич...

Блэк закрыл ей рот рукой и пообещал при встрече с Борбичем навеки посадить того в мешок с нечистотами.

— Дик, ты скучаешь об Анн? — спросила Филлис как-то раз.

— Нет. Могу честно признаться, что не скучаю.

— Значит, она была временным увлечением?

— Наверно. Стоило мне узнать ее поближе, как я тут же дал задний ход.

— Не шути. Так ты любил ее или нет?

— Нет. Но меня тянуло к ней, как любого мужчину тянет к доступной женщине. И она тоже испытывала ко мне сексуальное влечение. Хотя наша связь не могла продлиться долго. Она придерживалась девиза: «Бросай своих поклонников первою, иначе они бросят тебя».

— Вот и хорошо. Подумать страшно, что она могла бы перенестись с тобой сюда, а я попала бы в другое место.

— Почему?

Ему не удалось скрыть безразличия в голосе, и Блэк понял, что она заметила это. Ричарду надоело притворяться. Если бы Филлис сейчас спросила его, что он думает о ней, то получила бы честный ответ. Однако Блэк знал, что Филлис не согласится на разлуку. Она была готова на любое притворство, лишь бы оставаться рядом с ним.

Дни и ночи проносились быстрой чередой. По пути им встречалось множество людей из разных эпох и разных стран.

Однажды ночью они украли лодку, которая могла выдержать вес Джо. Яростно работая веслами, пятеро странников оторвались от возможной погони. Следующие три тысячи миль они не раз возносили благодарность прежним владельцам лодки. Оба берега населяли существа, которые своим видом напоминали неандертальцев — низкорослые мужчины и женщины с почти человеческими телами и обезьячьими головами.

Титантропа охватило возбуждение.

— Джо подплывает к звоим. Эти человечки жили недалеко от его народа.

— На каком расстоянии? — спросил Блэк.

Джо пожал могучими плечами:

— Блэк знает, я плохо разбираюсь в чизлах. Но мы часто видели этих людей. Они жили в двадцати или зорока днях пути. Точнее не могу сказать.

Прошло еще несколько суток. Их руки загрубели от весел, а спины стали сильными и крепкими. Неандертальцы по-прежнему толпились на обоих берегах и мрачно смотрели на пришельцев из-под выпуклых надбровных дуг.

Потом среди них начали появляться существа другого вида — волосатые карлики с грубыми и ужасными лицами.

— Их черепа находили на раскопках в Пекине, — заметила Филлис. — Хотя я не антрополог и могу ошибаться.

Титантроп нахмурился:

— Что они тут делают? Джо их не помнит.

Блэк тоже ничего не понимал. Ему казалось, что смерть забросила их почти на середину Реки. В полдень солнце не отбрасывало теней, а это означало, что они находились где-то около экватора. Тогда почему же на берегах стояли неандертальцы, которым полагалось жить недалеко от истоков?

На этот счет у Чарбрасса имелась довольно странная теория.

— В свое время я интересовался географией планеты. Мои коллеги опрашивали путешественников, которые странствовали вверх и вниз по Реке, а затем по их рассказам составляли карты. Мы выяснили, что ширина русла обычно не превышала полмили. С двух сторон Реки тянулись равнины, за которыми начинались холмы и неприступные горные хребты. Даже самым заядлым альпинистам не удавалось забраться на их вершины.

По нашим оценкам, эта планета несколько больше Земли, и ее поверхность занимает примерно двести миллионов квадратных миль. Отведем половину площади на горы. Тогда на участки, пригодные для обитания, останется сто миллионов квадратных миль. В среднем на одной квадратной милю

проживает по триста человек. Следовательно, в этом мире могло бы обитать тридцать миллиардов разумных существ. Как видите, вполне достаточно, чтобы вместить всех когда-либо живших на Земле людей.

Согласно статистике, до двадцатого века на Земле родилось не больше четырех миллиардов человек. В двадцатом веке население увеличилось еще на восемь миллиардов. Первая половина следующего столетия дала такое же число рождений, но потом разразилась война, которая едва не уничтожила все человечество. Нам следует учесть и ранних дочеловеков, то есть неандертальцев, титантропов, обезьяноподобных людей Явы, Пекина и дюжины других подвидов, существовавших на Земле. Их численность оценивается примерно в десять миллионов.

Итак, до середины двадцати первого века на Земле родилось около двадцати миллиардов человек. А эта планета могла бы принять тридцать. Значит, десять миллиардов остаются неучтеными.

— Ты забыл, что в Мире Реки не воскрешались дети, умершие до пяти лет, и так называемые врожденные идиоты, — напомнил Блэк.

— Я помню об этом. Но вряд ли их было десять миллиардов. У меня есть другая теория, объясняющая данную плотность населения. Между прочим, она объясняет и факт исчезновения того народа, к которому принадлежит Джо. Я полагаю, вы не верите, что истоки Реки, протянувшейся на сорок миллионов миль, могут находиться на экваторе?

— К чему этот вопрос? — поинтересовался Мюрель.

— Мы знаем, что человечество размещено в долине в строгой хронологической последовательности. То есть представители викторианской эпохи должны располагаться где-то в последней четверти пути, если считать от истоков русла и полагать, что на планете существует только одна Река.

— Что ты этим хочешь сказать?

— А вот что! По словам Джо, его народ обитал у истоков Реки. Но мы так и не увидели его соплеменников. Значит, где-то есть еще одна Река. И на мой взгляд, их тут не меньше восьми тысяч.

— Не меньше восьми тысяч?

— Да. Некоторые факты подтверждают эту точку зрения. Я знал одного парня из двадцать первого века, который жил у устья Реки. Когда его убили, он воскрес среди людей своего времени. Но он умер в Северном полушарии, а пришел в себя на экваторе. Как видите, этот случай опровергает существующее

мнение о том, что мы расселены в хронологическом порядке. Тем не менее нам известно, что это так.

— Мое Розыскное Агентство провело перепись англоязычных викторианцев, которые жили в долине, — прервал его Блэк. — Мы нашли только четверть людей из того числа, которое предполагали отыскать. Нам казалось, что остальная часть расселилась вверх и вниз по Реке среди различных народов. Но если твоя догадка верна, где-то могут существовать три других поселения британцев и американцев девятнадцатого века — причем каждое на своем русле.

— Ты очень побледнел, Дик, — заметила Филлис. — Скажи, что-нибудь не так?

— Я просто кое о чем подумал.

— Тогда вид этой планеты можно представить таким образом, — продолжал Чарбрасс. — Вообразите море, длина которого равняется четырем тысячам миль, а ширина — двадцати милям. Оно располагается под прямым углом к экватору. На одной его стороне находятся истоки всех восьми тысяч рек, а на другой стороне — их устья.

Чарбрасс развернул клочок папиросной бумаги и куском графита нарисовал небольшую карту.

— Конечно, я не буду указывать все реки. Но мне хочется дать вам общую идею об огромном количестве русел, напоминающих по форме синусоиды. Каждая река длиной в пятьдесят тысяч миль обходит вокруг планеты и вливается в то же море, из которого она вытекает. Все это вполне соответствует тому, что видел Джо. Море Граала окружено кольцом гор, в котором имеется восемь тысяч узких проходов. Эти проходы отделены друг от друга монолитными скалами в полмили шириной.

Обитатели каждой долины размещены вдоль берегов в хронологическом порядке. Однако небольшие племена и народы можно найти только на некоторых из рек. Это, как вы понимаете, связано с их малой численностью. Именно поэтому мы и не увидели здесь титантропов. По моим расчетам наш отряд находится где-то здесь...

Он передал Филлис грубый набросок.

СЕВЕРНЫЙ полюс

8000 РЕК

экватор

Большой
Грааль

Южный
полюс

Море Грааля

— А как ты объясняешь турбулентность течения через каждые тридцать миль по Реке? — спросила Филлис.

— Возможно, здесь действуют какие-то силовые поля, которые то ускоряют, то замедляют поток. Они позволяют направлять реку по той синусоиде, о которой я вам говорил.

Блэк взглянул на карту и передал ее Джо Троглодиту.

— Почему ты перезвал грезти, Блэк? — спросил Джо.

Филлис оглянулась:

— Что случилось, Дик? У тебя такой вид, словно ты хочешь сломать весло.

— Что случилось, черт возьми? А ты не понимаешь, Филлис? Меня преследует злой рок, и все повторяется снова и снова. Стоит мне добраться до истоков, как я узнаю...

Блэк замолчал, но она поняла, что он имел в виду.

Сколько раз победа ускользала от него, когда Ричард считал, что она в его руках. Едва он получал возможность завоевать славу, как что-то возникало на его пути и все летело к чертям. Из-за этого невезения Блэк разочаровался в военной службе. Как только он приезжал на фронт, война кончалась. Стоило ему придумать блестящую операцию, как тупые начальники из зависти или эксцентричности ставили его в такое положение, когда он не мог и пальцем шевельнуть без их ведома.

Рассказывая Филлис об этой иронии судьбы, Блэк говорил, что неудачи лишь подталкивали его к очередным решительным действиям. Но об одной из них он потом сожалел всю жизнь.

Это случилось в экспедиции по неизведанным местам африканского континента. В то время Ричард пытался найти истоки Нила. Он почти добрался до цели, но слег от приступа лихорадки, и исследования возглавил его помощник. Поисковая группа открыла озеро Виктория Ньянза, и вся слава досталась другому человеку. Между ними возникла ссора по поводу открытия, и позже этот человек покончил жизнь самоубийством из-за того, что его обвинили в злобной лжи против Блэка. В конце концов справедливость восторжествовала, но эпизод с открытием озера на многие годы лишил Ричарда покоя и счастья.

Здесь, в Мире Реки, все земные разочарования не имели никакого значения. Однако память о них осталась. Когда Блэка лишили «Речной кометы», до завершения которой оставалось несколько недель, сходство события с земными неудачами произвело на него сильное впечатление. Он скрывал это от своих друзей, не желая огорчать их своими жалобами. Но любому терпению когда-нибудь приходит конец.

— Тебе лучше расслабиться, — посоветовал ему Чарбрас. — Иначе ты взорвешься.

Блэк начал яростно грести. Его челюсти сжались; мрачный взгляд застыл на одной точке.

— Не надо так, — прошептала Филлис. — На судьбу обижаться бессмысленно.

Блэк ничего не ответил. Он чувствовал, как в его груди тикала часовая бомба, которая должна была взорваться у узкой расщелины истока. Если он узнает, что эта долина действительно одна из многих, бомба разнесет его на куски. А что, если им не удастся пробраться через расщелину? Что, если Река вытекала прямо из скалы? Тогда его жизнь потеряет всякий смысл.

Никто вокруг не узнает о его внутреннем взрыве. Но он уже никогда не будет целостным человеком. Его дух разлетится и размажется невидимыми пятнами на неприступных скалах у начала Реки.

ГЛАВА 5

Через двадцать дней путешественники услышали отдаленный шум. Течение стало настолько стремительным, что гребцы устали бороться с ним. Вытащив лодку на берег, они продолжили путь пешком.

— Надеюсь, идти придется недалеко, — сказал Джо. — Когда я много хожу, мои ноги начинают болеть. Но здесь не будет изюка, Блэк. Мы еще не встречали моего народа.

Он никак не мог усвоить идею восьми тысяч рек. Ему хватало и одной.

Река оставалась такой же широкой, как и раньше, однако долина сужалась все больше и больше. Равнины превратились в тонкие полоски между потоком и высокими скалами. Сами того не заметив, путники оказались на дне темного и мрачного каньона. А потом пути вперед не стало вообще.

— Ну вот! — взревел Джо. — Гладкие стены и бешеная вода! Что мы будем делать дальше, Блэк?

Ричард и сам этого не знал. Он осмотрел огромные скалы, которые, как два неподкупных стражи, охраняли Большой Грааль.

— Пора брать билеты на экспресс самоубийц, — ответил Блэк.

— Экзпресс замоубийц?

— Да. Если мы время от времени будем резать себе вены, то когда-нибудь вернемся в свою первую долину. Хотя процессом переноса может управлять какой-то случайный фактор. Даже если мы будем убивать себя каждый день в течение тысячи лет, у нас очень мало шансов оказаться там, где

остались наши друзья. Чтобы выяснить, та ли это долина, нам придется пройти каждую из них от начала до конца. А я не намерен заниматься таким бессмысленным делом.

— И что ты предлагаешь? — спросила Филлис, с тревогой взглянув на удрученного Блэка.

— Оставьте меня одного, — тихо ответил он.

— У тебя такой вид, словно ты собираешься прыгнуть в Реку.

— Успокойся. Я только что преодолел это искушение. Дай мне побить немногого одному.

Чуть позже они вернулись на то место, где равнина расширялась до своих обычных размеров. Филлис предложила устроить привал. Во время ужина все угрюмо молчали и только Чарбрасс отчаянно пытался рассеять их мрачное настроение. Перекусив, Блэк встал и ушел к большой скале, которая нависала козырьком над рекой. Его согбенная фигура почти физически излучала печаль и безысходную тоску.

— Как сатана, осознавший свое падение, — заметил Чарбрасс.

— Он похож на заблезубого тигра, которого однажды обидел Джо, — сказал титантроп. — Тигр пытался подкрасться к Джо, но мой ноз почувствовал его, и я зпрыгнул к нему зо зкалы. Мы долго рычали друг на друга. Потом Джо разъярилзя, поднял зверя за хвост и отбросил в сторону. Гордый тигр был так потрясен, что убежал вверх по зкалам и больше никогда не возвращался. Он навсегда покинул родные мезта. И з тех пор его дух, наверное, не знал покоя. Да, душевная рана — это вам не какой-нибудь там геморрой.

Несмотря на серьезность момента, Филлис усмехнулась. На лице Мюреля появилась кривая улыбка.

— Мне нравится Блэк, — сказал он. — И я могу представить себе его чувства. Появясь сейчас перед ним создатель этого лабиринта рек, он придушил бы его без всяких сожалений. Я и сам с огромной радостью поквитался бы с теми, кто придумал эту огромную мышеловку.

— Прежде чем крушить все подряд в припадке ярости, тебе следовало бы спросить себя, есть ли в этом какой-то смысл, — сказал Чарбрасс.

— А разве тебя не рассердила наша неудача?

— Нет. Почему я должен сердиться? Разве ты гневался на Бога за то, что он поселил людей на Земле? Между прочим, он тоже не объяснял им сути своих поступков.

— У нас была книга, которая утверждала, что в ней есть ответы на любые вопросы. Я искал их долгие годы, но так и не

нашел. О, как это меня тогда выводило из себя. Хотя теперь я отношусь к этому вопросу вполне спокойно.

— Вот и хорошо. Сейчас нам тоже не мешало бы успокоиться. Когда-нибудь мы поймем предназначение долины... или узнаем, что можем обойтись без объяснений нашего чудесного воскрешения.

— Ты прямо как Борбич! — фыркнул Мюрель.

— А что? Он прекрасный человек, — ответил Чарбрасс.

На этом беседа закончилась. Спутники начали готовиться ко сну. Блэк спустился со скалы, когда взошла луна. Он лег рядом с Филлис, и она молча прижалась к нему, понимая, что лучше не тревожить его расспросами. Дыхание Блэка успокоилось, стало ровным, и Филлис, закрыв глаза, уснула.

Ей показалось, что сон длился лишь несколько минут. Она проснулась и, приподнявшись на локте, прислушалась к беседе Ричарда и Джо. Луна находилась почти в зените.

— ...З той стороны исходит странное жужжение, — говорил титантроп, указывая на склон горы.

— И Чарбрасс ушел туда?

Джо закивал огромной головой.

К нему подошел Мюрель:

— Что-нибудь случилось?

— Джо говорит, что от той горы доносится постоянное жужжение. Но я ничего не слышу. А вы?

Мюрель и Филлис тоже ничего не слышали. Все четверо взяли оружие и торопливо направились к источнику шума. Обогнув несколько холмов, они приблизились к подножию горы. Джо указал пальцем на широкий выступ, который находился в двухстах футах над ними. Крутой склон казался неприступным, но в нем имелось множество камней, выступавших наружу в виде ступеней. Кроме того, эту часть склона примерно на четыреста футов вверх покрывала длинная и крепкая трава.

Они осторожно поднялись на выступ, сделав все возможное, чтобы шум и лунный свет не выдали их присутствия тому, кто стоял у высокой, похожей на колонну скалы. Спрятавшись за валуном на краю небольшой площадки, они с удивлением смотрели на Чарбрасса. Тот произнес какую-то фразу, но Блэк не разобрал ни одного слова.

— Джо, ты слышал, что он сказал?

— Да.

— Наверное, слух Чарбрасса улавливает ультразвуковые волны, — прошептала Филлис. — Нам повезло, что Джо тоже способен на это.

— Черт возьми! — хрюкло воскликнул Мюрель. — Что он там делает?

— Тише! — велел ему Блэк. — Или он нас услышит.

Очевидно, Чарбрасс их не заметил. Он стоял возле скалы, будто ожидая чего-то. Внезапно жужжание прекратилось. Через секунду Чарбрасс упал.

Зрители молча следили за происходящим. В конце концов Блэк понял, что они ничего не узнают, если будут прятаться за валуном. Он кивнул остальным, и они вышли на площадку. Сделав несколько шагов, все четверо застыли на месте. Их глаза расширились от ужаса и изумления.

Кожа Чарбрасса исчезла. Тело в покрове мышц напоминало учебное пособие в анатомическом классе. Блэк подошел поближе, но остановился в десяти ярдах от каменной колонны. Он не хотел подвергаться воздействию поля, которое расщепляло труп.

Чарбрасс таял на глазах. Вслед за кожей исчезли мышцы, затем вены и артерии, внутренние органы и, наконец, кости.

— Излучение колонны настроено на различные части тела, — тихо сказал Блэк. — Иначе они не исчезали бы в такой четкой последовательности.

— Жужжание снова появилось, — сообщил титантроп. — Оно такое зильное, что у Джо болят уши.

— Какие слова произнес Чарбрасс перед смертью? — спросил Блэк.

— Я не понял их змызл. Но Чарбрасс сказал: «Зезам, откроизя!»

— Джо! Ты шутишь! — вскричала Филлис.

— Нет, я говорю правду. Но я не знаю, что означает эта фраза.

— Она из «Тысячи и одной ночи», — прошептал Блэк. — Это же мой хлеб!

— Хлеб? Где хлеб? — удивленно забубнил титантроп.

— Когда Блэк жил на Земле, он сделал перевод одной интересной книги, — начала объяснять Филлис. — Впрочем, забудь об этом, Джо. Ты все равно ничего не знаешь о книгах.

— Кем же он был? — спросил Мюрель, кивнув на мокрое пятно перед колонной.

— Очевидно, Чарбрасс являлся агентом тех существ, которые создали эту планету, — ответил Блэк. — Судя по всему, их много среди людей, и они собирают о нас информацию. Эти лазутчики прекрасно подготовлены и законспирированы. Мне бы и в голову не пришло подозревать Чарбрасса в шпионаже. Однако теперь, когда нам все известно, я могу признаться, что он всегда казался мне странным.

Взять, к примеру, его безразличие к нашим заботам и тревогам. Или нежелание делить ложе с женщинами. Хотя, конечно, для улик этого маловато... А вспомните о его удивительной эрудиции. Он мог объяснить любой феномен и любую загадку Мира Реки. Я уже не говорю о навыках в психотерапии и его пацифизме. Теперь мне понятно, почему он защищал Церковь Второго Шанса, но сам в ней не состоял.

Где-то в подсознании я чувствовал истину. В моем «переносящем» сне Чарбрасс появился в образе кондуктора. Я готов поспорить, что он им и был, если считать долину поездом, который везет людей к неведомой цели.

— Почему же он покинул нас здесь, а не в каком-нибудь другом месте? — спросил Мюрель.

— Пока мне в голову приходит только одно объяснение. Очевидно, Чарбрасс намерен разрушить тот путь, по которому Джо однажды попал к истокам. Он ищет его, но не может найти. Скорее всего ему захотелось убедиться, что проход к морю в этой долине надежно перекрыт скалами. Уверившись в этом, Чарбрасс поспешил уйти. Если бы не бесподобный слух Джо, его исчезновение навсегда осталось бы для нас неразрешимой загадкой.

— Между прочим, Чарбрасс тоже улавливал это жужжание, — произнес Мюрель. — А ведь он такой же человек, как и мы.

— Я сказал бы, сверхчеловек.

— Что же нам теперь делать? — спросила Филлис. — Может быть, устроим здесь засаду в надежде, что он когда-нибудь вернется?

— А зачем ему возвращаться? — ответил Блэк. — Насколько мы знаем, Чарбрасс выполнил свою миссию в этой долине. Но где бы он сейчас ни находился, я хочу отправиться за ним следом.

— Каким образом? — раздался хор голосов.

Блэк подошел к колонне.

— Я повторю то, что сделал Чарбрасс.

— Дик! Ты же умрешь! — закричала Филлис. — Что, если они не воскресят тебя снова?

— Я почти ничем не рисковую. Разве стал бы Чарбрасс обрекать себя на такую бессмысленную гибель?

Встав рядом с колонной, Блэк громко сказал:

— Сезам, откройся!

— Подожди! — вскрикнула Филлис. — Мне не хочется смотреть, как будет исчезать твое тело! Я умру с тобой!

Подбежав к Ричарду, она прижалась к его руке. Прошло пять минут, но ничего не случилось.

— Джо, скала все еще жужжит? — спросил Блэк.

— Да.

— Значит, нам не удалось запустить в действие ее механизм. Я полагаю, внутри колонны находится какое-то устройство. Джо, ты можешь повторить слова Чарбрасса в той же последовательности и с той же интонацией?

— Джо не понимает Блэка.

— Ты можешь показать, как Чарбрасс говорил эти слова?

Титантроп усмехнулся. В искусстве подражания он не уступал обезьянам, и ему нравилось имитировать других людей. Повысив голос, он повторил фразу так, как произнес ее Чарбрасс.

Колонна на это никак не отреагировала.

Блэк задумчиво нахмурил брови. Внезапно его лицо прояснилось.

— Ну конечно же! Джо гундосит, и вместо «с» у него получается «з». Мюрель, я сейчас повторю эту фразу. Когда мы с Филлис исчезнем, отправляйтесь за нами следом — если только вас не испугает наша смерть.

Он глубоко вздохнул и, повернувшись к скале, произнес:

— О, сезам! Открой дверь!

Отсчитав шестьдесят секунд, Блэк недоуменно посмотрел на Филлис.

— Мы что-то упустили, — сказала она, вздохнув с облегчением. — Давай оставим эту затею.

— Нет, я так просто не сдамся, — ответил он. — Возможно, мы...

ГЛАВА 6

Перемещение прошло плавно и почти незаметно — без боли и промежуточного сна. Блэк открыл глаза и, приподнявшись, осмотрел белый стол, на котором лежал. У его ног находился какой-то странный агрегат. Такой же аппарат стоял и в изголовье. Скорее всего они каким-то образом были связаны с воссозданием тел.

На соседних столах лежали трое его компаньонов. Они только что открыли глаза. Блэк встал и окинул взглядом большую комнату со светло-зелеными стенами, которые, выгибаясь, переходили в купол потолка. Заглянув под стол, он нашел там стопку одежды и грааль. Все, кроме Джо, торопливо оделись.

Посмотрев на Блэка, Филлис кивнула ему, словно спрашивая, что делать дальше.

— Здесь только одна дверь, — сказал он. — Поэтому выбирать не приходится.

Все прошли за Блэком в огромный зал.

— Прямо как ангар для самолетов, — прошептала Филлис.

В центре комнаты находился массивный пульт с огромным металлическим экраном. Перед ним стояло несколько кресел. Блэк и Мюрель осмотрели устройство со всех сторон, но ничего в нем не поняли. На пульте не было ни тумблеров, ни ламп, ни наборных устройств, хотя на уровне груди из серебристой панели торчали двенадцать полупрозрачных трубок.

— Где это мы? — спросил Джо.

Его шепот напоминал отдаленное рычание льва.

— Я думаю, мы находимся внутри Большого Грааля, — ответил Блэк. — К сожалению, эти механизмы настолько сложны, что нам в них не разобраться без посторонней помощи. Поэтому я предлагаю найти кого-нибудь из хозяев башни.

Джо замер на месте, и его голова повернулась направо.

— Зюда кто-то идет! Джо злышил шаги!

— Тихо! — приказал Блэк. — Прячьтесь за той дверью. Мы должны схватить этого человека, как только он здесь появится.

Они прижались к стене и стали ждать. Блэк стоял у самого проема, но не слышал ничего, кроме ударов своего сердца.

А затем в зал вошел босоногий человек.

Увидев Чарбрасса, Блэк закричал, намереваясь напугать инженера и помешать ему скрыться. В тот же миг Джо прыгнул вперед, преграждая путь с другой стороны.

Чарбрасс даже не пытался сопротивляться. Вместо этого он спокойно повернулся к Блэку и с улыбкой сказал:

— Я знал, что кто-то пробрался сюда, но не предполагал, что это будете вы. Дело в том, что я ожидаю прилета Строителей.

Невозмутимости Чарбрасса можно было только позавидовать. Глядя на него, Блэк тоже решил немного расслабиться. Он достиг своей цели, и часовая бомба в груди больше не угрожала разорвать его на части. Впереди их ожидали великие дела и бездна тайн, в которых им предстояло разобраться. Волна восторга заставила его закрыть глаза. С трудом подавив радость триумфа, он вкрадчиво спросил:

— А как насчет объяснений?

Чарбрасс усмехнулся и пожал плечами:

— Почему бы и нет? Вам не удастся покинуть башню без моего разрешения. Но я отпущу вас в долину только после того, как сотру все ваши воспоминания об этом визите.

— Да кто ты такой? — взревел Мюрель, оскалив зубы. — Я не позволю тебе помыкать мной. Ты, парень, можешь считать себя кем угодно, но только не Богом, понял?

— Конечно, я не Бог, — спокойно ответил Чарбрасс и повернулся к Блэку: — Допустим, вы уйдете отсюда с нетронутыми воспоминаниями. Но вам же все равно никто не поверит! Вы соберете вокруг себя несколько легковерных ротозеев, и возникнет еще один куль — какая-нибудь Новая Церковь. Люди откажутся верить тебе, Дик, и ты будешь, как Борбич, заманивать их на свои проповеди. Вот только выдержишь ли ты такое разочарование?

Блэк вытащил из-за пояса грааль и демонстративно взвесил его в руке.

— А ты не ломай над этим голову. Приступай к объяснениям и делай то, что тебе говорят. Если же ты попытаешься бежать, Чарбрасс, я проломлю этой штукой твой череп!

— В насилии нет нужды. Я с радостью покажу вам свои владения. Иногда мне даже кажется, что мы напрасно держим жителей долины в полном неведении.

Он зашагал к огромному экрану, и остальные последовали за ним, настороженно следя за каждым его движением. Не обращая внимание на их враждебность, Чарбрасс сел в одно из кресел и быстро постучал по четырем трубкам, которые выступали из панели.

— Тепло моих рук активирует эти датчики и приводит машину в действие. В дальнейшем я буду подавать ей команды голосом. Прежде чем приступить к работе, мне следует произнести несколько фраз, чтобы компьютер определил язык, на котором будет вестись наше общение.

Блэк забеспокоился. Ему показалось странным, что Чарбрасс с таким спокойствием и охотой делился с ними важной информацией. Неужели он был настолько уверен, что они не передадут его рассказ другим жителям долины?

— Пока машина проверяет свои узлы и схемы, мне хотелось бы узнать, как вы нашли мое устройство телепортации.

— Джо узышал жужжание, — с гордостью ответил титантроп.

Прошептав проклятие, Блэк раздраженно покачал головой. Он начал подозревать, что у титантропа слишком длинный язык. Словно прочитав его мысли, Чарбрасс засмеялся и сказал:

— Рано или поздно мы все равно узнали бы об этом. Тем не менее спасибо за помощь. Сказать по правде, я не думал, что титантропы могут воспринимать ультразвук. Нам придется поменять систему коммуникаций.

— Я злышал это жужжание и прежде, — произнес гигант. — Но оно взегда изходило от больших зкал, поэтому Джо не обращал на него внимание.

— Вот и хорошо, — сказал Чарбрасс. — Забавно! Меня выследил доисторический человек! Джо Троглодит и Джейрус Чарбрасс — неплохая пара, верно? И теперь, когда вы знаете, что все реки возвращаются в озеро, из которого они вытекают, это совпадение выглядит очень символично. Да-да, Блэк, со-впадение! Уверяю тебя, я ничего не планировал заранее.

Он откинулся на спинку кресла и взглянул на пустой экран.

— Только вам пока удалось проникнуть в Большой Грааль. Хотя, мне кажется, вы не будете последними. Что поделаешь. Решительный человек всегда находит дорогу к цели. Между прочим, остров на море Грааля уже увидели несколько человек. Один сплел из травы капсулу и, наполнив ее кислородом, проплыл в ней, как в подводной лодке, через узкий проход. К несчастью, он потерял свой грааль и умер от голода. Другой не менее изобретательный человек сшил из кожи оболочку воздушного шара, а затем наполнил ее водородом. Он пролетел через ущелье, но упал в море и утонул. Тем не менее путь для смелых людей открыт. Было бы желание!

— А что злучилозь з тем человеком, который карабкалзя по зкале? С тем, кого зопровождал Джо, пока не зпоткнулзя о грааль и не упал в Реку?

— Не знаю. Но ту лазейку я уже разрушил. Мне пришлось облететь почти все восемь тысяч проходов, прежде чем я ее отыскал. Чтобы вновь скрыть Большой Грааль в горе, я отправил на Землю просьбу прислать бригаду Строителей. Они прибудут сюда примерно через месяц.

— Расскажи нам о башне, — хрипло потребовал Мюрель. — Все, что только знаешь, понял?

— Ты хочешь сказать — все, чего не знаете вы. Хорошо. Я с удовольствием рассею мглу неосведомленности, в которую погружены обитатели долины. Но прежде мне хочется вернуться к далеким временам, когда история Земли лишь начиналась.

Он произнес команду, и экран засиял трехмерной жизнью. В пространстве вращалась покрытая облаками планета.

— Перед вами милая голубая Земля. Время съемки: около семидесяти пяти тысяч лет до нашей эры. Разумная жизнь представлена различными типами доисторических людей в эпоху их расцвета. Вот-вот должен появиться настоящий человек — мутуирующий вид неандертальцев. Кстати, антропологам удалось установить точную дату рождения первого гомо сапиенс. Они в шутку назвали его Адамом.

— Как же им это удалось? — спросила Филлис.

— Ты скоро сама все поймешь. Ага! Они уже подлетают!

На экране появился космический корабль, по форме напоминавший иглу. Он завис над Землей, и факелы плазмы, бывшие из его дюз, постепенно угасли.

— Этот звездолет прилетел с планеты, которая находится в другой галактике, — рассказывал Чарбрасс. — Она населена кристаллическими существами, чья жизнь показалась бы нам вечной. Эти существа обрели разум, когда Земля еще была раскаленным сгустком материи. А в то время когда в наших теплых морях роились скопища трилобитов, их корабли уже исследовали межзвездное пространство. Но Вселенная велика; ее мирам и загадкам нет конца. Вот почему они открыли Землю только в 75 000 году до нашей эры.

От космического корабля отделилось шесть огромных круглых объектов. Они подлетели к планете и заняли различные орбиты.

— Это сканирующие аппараты, — объяснял Чарбрасс. — По особым частотам мозга они выделили все типы разумных существ, а затем приступили к созданию телесных матриц — электронных копий каждого человека, который рождался на Земле. Такая копия фиксировала все воспоминания человека с момента рождения и до самой смерти.

— Трудно представить, какая умопомрачительная техника потребовалась для этого проекта, — сказала Филлис.

— Понятное дело, — ответил Чарбрасс. — Но учи, что шесть искусственных спутников представляли собой, возможно, самые «простые» регистрирующие аппараты. Они лишь сканировали и записывали полученную информацию.

— Значит, в них хранилось тридцать миллиардов записей? — спросил Блэк. — Как же они там умещались?

— Один из спутников использовался как склад. Когда он заполнялся, его отзывали на планету Ригель, а взамен посыпали новый аппарат.

— И это продолжалось до тех пор, пока земляне их не обнаружили? — спросила Филлис.

— Ты торопишь события. Но твоя догадка верна.

— Я могу спорить, что ты вообще не из двадцать первого века.

— Да. Хотя та война, о которой я вам рассказывал, едва не поставила точку в истории человечества. Многие годы Земля оставалась необитаемой планетой, превращенной в радиоактивное кладбище. Прошло почти сто лет, прежде чем ее заселили колонисты с Марса. Эти бывшие земляне вернулись на Землю и создали там новое разумное сообщество.

Однако спутники с Ригеля были обнаружены только через триста лет после последней войны. К тому времени сеть космических линий стала настолько густой, что пилоты начали замечать наличие шести странных зон, в которых корабли по неизвестным причинам меняли курс. Как потом оказалось, сканирующие аппараты имели особую оболочку, отражавшую радарные лучи. Фактически их не мог засечь ни один электронный телескоп. Но земляне решили эту проблему. Уровень их этического развития позволил им правильно распорядиться столь серьезным открытием.

— А когда ты родился? — совершенно не к месту спросила Филлис.

— Сто восемьдесят лет назад. Или, точнее, в 3580 году.

Его ответ произвел на аудиторию огромное впечатление. Наступила гнетущая тишина.

— Боже! Как же давно мы умерли, — прошептал Блэк.

— А что тогда говорить Джо? — весело ответил Чарбрасс. — Не огорчайся, Дик. Главное, что ты снова жив и здоров. Но позвольте мне закончить. Когда земляне обнаружили спутники с Ригеля, они нашли на одном из них завещание, оставленное расой, которая построила эти корабли. К посланию прилагался ключ, поэтому наши ученые без труда расшифровали язык и узнали историю разумных кристаллов.

Больше всего людей удивил возраст кристаллической цивилизации. Но те тоже получили завещание от другой, еще более древней расы. Используя телесные матрицы, разумные кристаллы возродили своих предков и продолжили работу над Проектом. Они отправили космические зонды на поиски молодых галактик, чтобы собрать информацию о возможно большем количестве мыслящих существ и тем самым сохранить их жизни для последующего созидания разумной вселенной.

— О мой Бог! — воскликнул Мюрель. — Какая история!

— Да, и теперь мы тоже продолжаем Проект, — закончил свой рассказ Чарбрасс.

— Значит, целью эволюции стало воскрешение мертвых? — спросил Блэк. — И теперь вы хотите довести нас до своих этических высот?

— В какой-то мере да. Но мы ставим перед собой другую, более важную цель.

— Какую? — поинтересовался Мюрель.

— О-о! Она парадоксальна! Для этого мы и построили мир рек и долин. Фактически вы можете назвать свою новую планету парадоксальным, или переходным, миром.

— А что за парадокс?

— Его можно описать древней пословицей о том, что настоящая жизнь начинается только после смерти.

— Подожди, подожди! — вскричал Мюрель. — Давай пропустим эти старые религиозные бредни. Честно говоря, я сыт ими по горло.

Чарбрасс нахмурился и покачал головой:

— Воля ваша. Я просто даю вам необходимую информацию, а вы можете делать на ее основании свои собственные выводы. Между прочим, ты называешь бреднями то, что мы и наши кристаллические благодетели считаем абсолютной истиной. Я говорю о том факте, что человек, достигший определенной стадии этического развития, уже не может быть воскрешенным. При дубликации его тело остается холодным и безжизненным, поскольку в нем отсутствует искра души.

— Иными словами, человек становится слишком хорошим, чтобы жить? — с сарказмом спросил Блэк.

— Вот именно.

— Что-то я ничего не понимаю, — сказал Мюрель. — Прямо бред какой-то! Зачем же тогда стремиться к такому состоянию? Если святость означает конец существования, то надо наплевать на нее с высокой колокольни и наслаждаться радостями жизни.

— Тем не менее мы знаем, что только лучшие люди уходят за грань привычного нам бытия — самые щедрые на любовь и сострадание, свободные от эгоизма и корысти.

— Я не верю в эти сказки! — ответил Мюрель. — Небеса и душа! Нирвана и великая запредельность! Меня тошнит от таких протухших идей!

— Но тебе их никто не навязывает. Разве ты слышал от меня слова убеждений и просьб? Я говорю лишь о том, что только действительно совершенные люди разрывают оковы плоти, в то время как остальные продолжают влакаться по кругу воскресений и смерти.

— А как насчет тебя? — спросил Мюрель. — Ты стоишь перед нами, а не витаешь в облаках, как ангел. И на вид ты довольно живой.

— Все верно, — с улыбкой ответил Чарбрасс. — Я еще не нахожусь на этой стадии. Но надеюсь достичь ее.

Мюрель презрительно усмехнулся:

— Значит, ты не супермен?

— Да, я не супермен, хотя мой физический, умственный и духовный потенциал гораздо выше, чем у многих жителей долины. Тем не менее мне еще далеко до полного совершенства.

— То есть ты ничем не лучше нас!

— Это с твоей точки зрения.

— Скажи, почему ты отказывался спать с телескими женщинами? — спросила Филлис. — Неужели этическое развитие предполагает безбрачие?

— А ты бы легла в постель с больным и безумным дикарем? — ответил Чарбрасс вопросом на вопрос.

Она отпрянула от него и судорожно сглотнула:

— Неужели мы так отвратительны?

— Только не думай, что я ставлю тебя в один ряд с обезьяной. Это совершенно не так. Ты прекрасная женщина, Филлис. Но мы действительно считаем своих предков безумными людьми. Вот почему в долине не воскрешались дети, умершие до пяти лет. Мы выяснили, что до этого возраста нервная система ребенка дает ему возможность адаптироваться в здоровом обществе. Однако у детей постарше психика уже перегружена извращенными идеями и моделями поведения. Поэтому воспитываться они могли только среди вас.

Мы поместили детей и идиотов на другую планету, в Мир Садов, где их воспитывали приемные родители из числа моих современников. Идиоты получили реконструированные мозги. И теперь их интеллектуальное развитие ничем не отличается от вашего.

— Я согласен, что многие люди несовершены, — сказал Блэк. — Но почему вы прячетесь от нас? Почему не общаетесь с нами непосредственно, как доктора с пациентами?

— Потому что у нас нет для этого ни времени, ни места. Если бы вы жили среди нас, наше общество погибло бы, как погибает здоровое тело, в котором появились метастазы рака. Надеюсь, я не задел ваши чувства. У меня нет к вам никакого презрения. Однако факты — упрямая вещь.

Прежде чем мы перейдем к разговору о возможностях управляющей башни, мне хотелось бы задать вам один вопрос. Вы поняли то, о чем я говорил?

Они молча закивали.

ГЛАВА 7

Чарбрасс указал на пульт и экран:

— Вот отсюда мы и следим за жизнью в долинах. Тот, кто сидит в моем кресле, может управлять всей планетой и каждым человеком, который находится на ней. Он обладает властью, которая не снилась ни одному диктатору Земли, поскольку в его подчинении находятся десятки миллиардов людей, рожденных за семьсот семьдесят одно столетие. Это великое и ужасное искушение, с которым столкнулись Строители. Вот почему в

башню допускаются только психически нормальные и уравновешенные люди.

Вы не представляете, как трудно жить среди обитателей долины и не попадать под их влияние. Для этого нужны стальные нервы и твердые убеждения. Но такая работа ускоряет этическое развитие, и мы считаем ее уникальной помощью на своем пути. Вы, наверное, хотите спросить, почему мы живем среди вас? Чтобы наблюдать за эволюцией вашего духа и подсказывать вам верные шаги. Это мы положили начало Церкви Второго Шанса и рыцарскому ордену Грааля...

— Так, значит, Борбич прав? — разочарованно воскликнул Блэк.

— В принципе да. Его сверхъестественные объяснения нелепы и смешны, но это не имеет большого значения. Важны этические стандарты, а не технология их реализации. Но давайте перейдем от слов к делу и посмотрим, на что способна наша башня. Допустим, вы решили отыскать какого-нибудь человека. Дик? Кого бы ты хотел найти?

Прежде чем Блэк успел ответить, его опередила Филлис:

— А как насчет Борбича? Мне интересно узнать, где он воскрес. Может быть, после смерти он стал одним из тех, кто уже не возрождается?

— Сомневаюсь, что это так, — ответил Чарбрасс. — Он на правильном пути, но все еще гордится своей любовью к людям. Хотя давайте посмотрим.

По его команде на экране появился желтый диск.

— Поиск личности, — произнес Чарбрасс.

— Режим поиска задействован, — ответил металлический голос.

— Федор Михайлович Борбич. Родился в 1821 году в Литве. Умер в 1881 году в Москве. Профессия: писатель. Физические характеристики: пять футов...

Чарбрасс перечислил основные данные, и машина приступила к поиску информации, которая хранилась в банках памяти, скрытых под островом в море Грааля. Строитель повернулся к Блэку и с улыбкой спросил:

— А ты кого хочешь найти?

Блэк украдкой взглянул на побледневшую Филлис. Он знал, что так встревожило ее. Она боялась, что Ричарду захочется найти Изабель. Она боялась, что он вернется к своей жене.

Его размышления прервал металлический голос:

— Субъект поиска находится в зоне 45000-С долины номер 1490-Н.

На экране появилась схема планеты с наложенной на нее сеткой координат. На Северном полушарии замигала зеленая клетка.

— Вот ответ на твой вопрос. Как видишь, его перенесло туда.

— Тогда еще один маленький вопросик, — торопливо воскликнула Филлис. — Почему Сэм получал по три сигары в день, а другие лишь иногда находили в своих граалях табак и сигареты? Я думала, что сигары входили в число счастливых редкостей, но Сэм всегда курил только то, что хотел.

Чарбрасс улыбнулся:

— Клеменс действительно стал баловнем богов. Одному из Строителей очень нравились его произведения. В благодарность за полученное удовольствие он настроил грааль Сэма таким образом, чтобы там всегда появлялись его любимые сигары. А ты что скажешь, Мюрель? Может быть, хочешь узнать о жене и детях?

Блондин покачал головой, и его тонкие губы сжались. Он помахивал граалем взад и вперед, размыщляя над какой-то внутренней дилеммой. Чарбрасс встал и озабоченно положил руку на его плечо.

— Если ты вновь решил обратиться к насилию, Мюрель, я должен предупредить тебя, что аппаратура воскрешения не действует внутри башни. Любой убитый человек останется мертвым, пока машина не получит особый приказ.

Мюрель отступил назад и с вызовом посмотрел на Строителя.

— Мне плевать на то, что станет с твоим трупом.

— Не надо жестокости, Мюрель. Я быстрее тебя и в целях самообороны могу решиться на убийство!

— Неужели ты убьешь меня? Ты! Такой этически развитый и интеллигентный!

— Это против моих убеждений, но я не позволю, чтобы контроль над башней перешел к такому человеку, как ты.

Мюрель усмехнулся и отошел в сторону.

— Эта машина может отключать энергию от любого грааля или приостанавливать воскрешение тех или иных людей, — продолжал рассказывать Чарбрасс. — Наша аппаратура имеет множество других возможностей, рассчитанных на самые экстремальные случаи. Так, например, компьютер по приказу оператора может разрушить любую телесную матрицу или даже уничтожить эту башню. Такие меры предосторожности нужны...

— Это все, что я хотел узнать! — закричал Мюрель.

Он прыгнул вперед и замахнулся, намереваясь ударить Строителя граалем. Блэк схватил Мюреля за руку, и в тот же

миг Чарбрасс, пригнувшись, побежал к двери. Джо попытался преградить ему путь, но оказался недостаточно быстрым. Оттолкнув Ричарда, Мюрель бросился вдогонку за беглецом, а вслед за ним в дверном проеме исчез и титантроп.

— Дик! — окликнула Блэка Филлис. — Я прошу тебя, не торопись! Кто бы из них ни одержал победу, мы все равно останемся в проигрыше. Если Мюрель убьет Чарбрасса, наша очередь будет следующей. Ты же видел выражение его лица. Он решил, что может стать владыкой планеты. И я представляю, что он тут натворит, пока его не поймают Строители. Если же победит Чарбрасс, все наши воспоминания о башне будут стерты, а нас самих отправят в долину. Надо что-то делать, Дик. Вот только что?

— Честно говоря, не знаю, — мрачно ответил он. — Я мог бы сам захватить контроль над Большим Граалем, но он мне ни к чему. Я не собираюсь разыгрывать из себя Бога. И все же мне хочется чего-то большего, чем жизнь в долине! Я хочу улететь отсюда, увидеть другие миры и других людей! Мне хочется жить, а не числиться ожившим трупом!

— Тем не менее ты для них объект эксперимента!

— Я человек! И мне нужна свобода! А что хотела бы ты?

— Быть с тобою рядом! Я пойду за тобой на край света и буду счастлива даже в том случае, если нас отправят в долину. Эти люди делают большое дело. И мы могли бы им помочь.

— Мне тоже хотелось бы поверить Чарбрассу. Но я не уверен, что он говорил нам правду? Его история о невоскрешаемых святых может оказаться ложью. Что, если Строители придумали ее для каких-то своих корыстных целей? Возможно, им выгодно держать нас в этих резервациях, и они морочат нам голову заманчивой мечтой...

— Дик, а ты хоть во что-нибудь веришь?

— Конечно. В самого себя! — Блэк приложил палец к губам и прислушался. — Они где-то далеко. Я слышу только рев Джо. Давай пойдем туда.

— Подожди минуту, — сказала Филлис. — Я хочу у тебя кое-что спросить.

Он остановился и взглянул ей в лицо:

— Да?

— Если перед возвращением Чарбрасс предложит тебе выбрать какую-нибудь долину, ты... ты вернешься к Изабель?

— Что за вопрос? И в такое время! Я даже не буду на него отвечать. Идем за ними.

— Нет. Пока ты не ответишь мне, я никуда не пойду.

— Ты же знаешь, что шантажировать меня бесполезно.

— Я не шантажирую тебя! — истерично закричала Филлис. — Но мне нужен твой ответ! Именно сейчас! Понимаешь? Я уже давно подозреваю, что ты не любишь меня. И это подтверждают твои слова, твои взгляды и насмешки. Возможно, у тебя еще остались какие-то чувства ко мне, но ты начал вести себя так, словно считаешь меня обузой. Мне надоело бояться правды. Выбирай — или я, или Изабель! Ситуация изменилась, Дик. Я должна знать, что ты намерен делать.

— Я намерен пойти за остальными, — холодно ответил он.

Ричард ушел, оставив Филлис одну в огромном зале.

Перед ним тянулся коридор с высокими стенами и сводчатым потолком. Блэк медленно проходил мимо открытых и закрытых дверей, заглядывая в жилые комнаты и большие залы с громоздкой и сложной аппаратурой. В конце коридора он остановился, не зная, в какую сторону идти. Справа донесся приглушенный крик. Ричард осторожно двинулся в этом направлении, но его остановили звуки выстрелов за металлической стеной. Их эхо разнеслось по далеким коридорам.

Из-за угла выбежал Мюрель. На его побледневшем лице застыла кровожадная ухмылка. В руке он держал зловещий на вид предмет.

— Стой на месте, Блэк! — прокричал блондин. — Это оружие стреляет лазерным лучом! Тебе не удастся убежать от меня!

— Что тут у вас произошло? — спросил Ричард, когда Мюрель подошел поближе.

— Чарбрасс вбежал в комнату и попытался схватить это оружие. Я ударил его граалем по голове, и он повалился на пол. Корчил тут из себя крутого парня, а оказался беспомощным хлюпиком.

Мюрель провел окровавленными пальцами по белой стене.

— Когда этот тип пришел в себя, я сказал ему, что буду использовать его как информатора. Мне хотелось узнать о вооружении башни и системах защиты. Он начал брыкаться, и я пригрозил убить его на месте. Видел бы ты лицо этого ублюдка, когда я пообещал разрушить его телесную матрицу.

Потом в комнату ввалился Джо и начал расспрашивать о моих планах. Я сказал, что хочу стать богом восьми тысяч долин. Он заныл, что тебе такая затея не понравится, и мне пришлось припугнуть его этой пушкой. Джо помчался на меня, как бешеный слон, и я на миг подумал, что пора прощаться с жизнью. Однако случилось невероятное! Я нажал на курок, и эту обезьяну разорвало на куски! Чарбрасс попытался убежать, но я срезал лучом его голову.

— А какую казнь ты придумал для меня и Филлис? — спокойно спросил его Блэк.

— Да, кстати, где она?

— Не знаю.

— Кончай трепаться, Блэк. Говори, или я размажу тебя по этой стене!

— Меня твои угрозы не пугают! Стреляй, маньяк! Я не скажу тебе, где прячется Филлис!

На вытянутом лице Мюреля появилась злобная усмешка.

— Отлично, Блэк. У тебя есть кишki. Пожалуй, ты мне можешь пригодиться. Почему бы тебе не стать моим компаньоном? Вице-консулом этой поганой планеты? У наших ног целый мир, старина! И он достаточно большой, чтобы мы могли поделить его без обид и зависти.

— А что мы потом с ним будем делать? — спросил Ричард.

— Все что угодно! Подумай сам! На наших столах будут лучшие вина и яства! В наших постелях побывают самые красивые и именитые женщины Земли, начиная от Евы и кончая...

— Но тебе же эти женщины как собаке пятая нога! Вспомни, что ты нам говорил. И не забывай — через месяц прилетает корабль со Строителями. Ты не устоишь против их пушек и техники. Они прихлопнут тебя как муху.

— Ай-я-я! Какая жалость! Ты, оказывается, не такой храбрый, как я думал! Что касается меня, то я хочу пожить, как Бог, хотя бы месяц. А когда появятся Строители, они найдут здесь мертвую планету. Я уничтожу все матрицы, отключу питание от всех граалей и взорву эту чертову башню!

— Так вот, значит, что ты задумал! — в порыве гнева закричал Блэк. — Опомнись, парень! Ты сходишь с ума!

— То же самое мне говорил Чарбрасс — незадолго до своей смерти. Но ты подумай, Блэк! Я сотру восемьсот веков человеческой истории! Погибнут тридцать миллиардов людей! Ты только вслушайся в эти цифры! Тридцать миллиардов! Я уничтожу их раз и навсегда! И больше не будет никаких Проектов и воскрешений! — Он дико захохотал и добавил: — Но если ты присоединишься ко мне, мы придумаем что-нибудь лучше. Например, шантаж Строителей, где на чашу весов ляжет судьба миллиардов людей.

— Дай мне время подумать, — осторожно сказал Блэк. — Я должен взвесить все «за» и «против».

— Хорошо. Времени у нас пока хватает, — ответил Мюрель. — А теперь повернись и иди по коридору. Мы найдем Филлис и предложим ей вступить в союз. Знаешь, Блэк? Она

мне нравится. Я уже поимел ее однажды, и надо будет попробовать еще разок.

Ричард промолчал. Шагая под дулом лучемета, он пытался придумать какой-нибудь план, но в голову ничего не приходило. Он понимал, что каждый пройденный ими ярд приближал их к гибели мира. И в сравнении с этой непоправимой катастрофой собственная смерть казалась Блэку тривиальной и незначительной.

Они прошли мимо нескольких открытых дверей. Внезапно Ричард услышал звук удара и сдавленный крик, вслед за которым на пол упал какой-то металлический предмет. Блэк развернулся и увидел перед собой Мюреля. Тот рухнул на колени, а затем со стоном повалился на бок. Позади него, сжимая в руке грааль, стояла Филлис.

— Я подслушала ваш разговор и спряталась в этой комнате, — сказала она, с трудом переводя дыхание.

Филлис нагнулась и подняла с пола лучемет.

— Интересно, как он работает?

— Только не целься в меня! — быстро произнес Блэк. — И не нажимай на курок! Иначе я развалюсь на две половинки!

— Спасибо за информацию.

Отступив на шаг, она навела лучемет на Мюреля. Ричард прижался к стене и с изумлением взглянул на Филлис. Она действовала логично, убивая обезумевшего врага. Но почему Филлис решила сделать это сама?

Раздалось три выстрела, и тело трижды вздрогнуло от соприкосновения с лучом. Коридор наполнился запахом сгоревшей плоти.

На бледном лице Филлис появилась мрачная улыбка. Ее глаза стали такими же большими, как минутой раньше у Мюреля. Пронзительный голос звенел от напряжения.

— Дик, прежде чем мы вернемся в зал управления, я хочу получить от тебя четкий ответ. Скажи, ты будешь искать Изабель? Неужели ты на самом деле решил привести ее сюда?

Он посмотрел на дуло лучемета, которое целилось ему в грудь.

— И что произойдет, если я скажу «да»?

— Не юли, Дик. Мне нужен точный ответ.

— Я не буду отвечать на твои вопросы, пока не узнаю, что ты собираешься делать. И тебе не удастся запугать меня этим оружием, Филлис.

— Да, ты всегда был упрямым, и я знаю, что совершаю страшную глупость. Но я не отдаю тебя никому, потому что люблю тебя, милый!

— Значит, твои угрозы — это лишь проявления нежности?

— Не надо шуток, Дик! — закричала она. — Я говорю с тобой серьезно. Ты подталкиваешь меня к ужасному решению. Но пойми, я уже не та Филлис, которую ты знал прежде. И если тебе кажется, что у меня не хватит духу, то имей в виду — я сделаю это!

— Да, в твоих словах уже чувствуется сталь. Однако ты еще не сказала, что собираешься делать.

— Если ты решил оставить меня и вернуться к Изабель, я.. я убью тебя!

Блэк побледнел.

— Ради Бога, Филлис! Не сходи с ума! Твои угрозы просто нелепы, и моя смерть ничем тебе не поможет. Я снова воскресну — если только ты не уничтожишь мою матрицу. Но с той минуты между нами действительно будет все кончено.

— Ты меня не понял, — ответила она, и ее голос стал более твердым. — Я попрошу машину переслать нас в другую долину подальше от Изабель. Компьютер удалит все наши воспоминания об этих днях! Мы будем думать, что погибли в Телеме, а затем перенеслись куда-то еще.

— Но это ничего не изменит. Я все равно не буду любить тебя!

Она отшатнулась, словно Блэк дал ей пощечину. Ее бледное лицо стало мертвенно-серым.

— Тогда я попрошу машину стереть наши воспоминания за последние двенадцать лет, — хрипло сказала она. — Эта амнезия навсегда останется для нас загадкой, но ты будешь любить меня как прежде!

— Неужели ты сделаешь это?

— Да! А какая женщина не поступила бы так же?

— Например, Изабель, — ответил Блэк. — Она не стала бы насиливать любовь и принуждать меня к сожительству. Изабель выполнила бы любое мое желание, даже если бы это означало вечную разлуку.

— Что-то я в этом сомневаюсь. Может быть, у нее и не хватило бы смелости повернуть время вспять, но моя любовь ни перед чем не остановится!

— Тогда пристрели меня, и покончим с этим делом.

По ее щекам побежали слезы.

— Но я не хочу принуждать тебя, Дик. Мне хочется, чтобы ты любил меня по собственной воле.

Блэк задумчиво опустил голову. Конечно, он мог пообещать ей все что угодно, а потом, улучив момент, отобрать у нее оружие. Но после такой подлости он всю жизнь считал бы себя трусом. Ричард решил не опускаться до лжи. Возможно, он

снова шел на поводу у своей неуемной гордости, но ему не хотелось говорить Филлис одно, а делать другое.

В то же время Блэк чувствовал отчаяние и гнев при мысли о том, что у него отнимут эти двенадцать лет. Он забудет о друзьях и «Речной комете»; он потеряет сотни побед и счастливые мгновения триумфа. Обманутый и обворованный, он будет любить ту женщину, которая лишила его лучшего периода жизни. И ему уже никогда не удастся увидеть истоки всех рек.

Подумав об Изабель, Блэк понял, что не хочет ее искать. Она наверняка жила сейчас с другим мужчиной, которого, возможно, уважала и любила. Появление Ричарда разрушило бы ее счастье и не привело бы ни к чему хорошему. Их прежняя совместная жизнь осталась в далеком безвозвратном прошлом. Долина меняла людей до неузнаваемости, и он уже не был похож на того старика, который умер в 1890 году. Конечно, из любопытства Блэк мог спросить машину, где она жила. Но возвращаться к ней он не собирался.

Ему захотелось рассказать о своем решении Филлис. Однако она могла подумать, что он испугался ее угроз. Хотя кому как не ей знать о его упрямстве и о том, что он никогда не поддавался принуждению. Но тогда почему она держала его под прицелом?

— Дик, я не отдам тебя никому! — рыдая, прошептала Филлис. — Я сделаю то, что хотел сделать Мюрель! Пусть мой поступок прервет межзвездный Проект, но я разрушу телесные матрицы и башню!

Блэк почувствовал, как в его груди вновь затикала часовая бомба. Тяжелый холодный ком опустился на сердце, и он понял, что теряет сознание. Все вокруг закружилось. Раздался тихий треск, и Ричард увидел тускую полупрозрачную тень, которая отделилась от его тела и медленно заскользила по коридору. С каждым шагом она становилась все меньше и меньше, а вдали ее ожидало воинство душ, ряды которых тянулись на многие-многие мили. То были тридцать миллиардов теней, собравшихся в узком пространстве его ума, и взгляд тонул в этом безбрежном море фигур, и разум не мог охватить их числом или словом. А душа Блэка приближалась к ним и все уменьшалась в размерах, пока не стала точкой на фоне огромного мира людей.

Ричард закрыл глаза, и видение исчезло. Но оно показало ему суть явлений в их истинных пропорциях. Какими бы огромными ни казались его желания и амбиции, на фоне человечества он был лишь неразличимой точкой.

— Филлис, прости меня! — воскликнул он. — Ты моя любовь, и я...

Но она не слышала его слов. Отбросив оружие, Филлис протянула к нему руки и упала на колени. Подняв слепые от слез глаза, она шептала, словно в бреду:

— Я не могу сделать это! Я не могу убить тебя, Дик! Верни меня в долину и сотри мои воспоминания о тебе. Иначе я сойду с ума от тоски и разлуки! Делай что хочешь, милый! Я не могу заставить тебя любить!

Он поднял ее и прижал к своей груди. По его лицу бежали слезы.

— Фил, ты слышала, что я тебе сказал? Мы вернемся в долину вместе. Я понял, как ты сильно любишь меня, и мне стыдно за свою жестокость. Ты была права, когда говорила о ледяной броне на моем сердце. Но твоя любовь растопила этот лед. Ты пробудила во мне чувство, которого я прежде никогда не знал.

Они шептали друг другу слова любви. Потоки слез сменились поцелуями. Наконец Филлис немного успокоилась, и Блэк предложил ей отправиться в зал, где находился пульт управления.

— Мы прикажем машине воскресить Мюреля в одной из долин и вернуть титантропа Джо к его косолапому народу. Потом компьютер оживит Чарбрасса, и мы расскажем ему о том, что случилось.

Они вошли в огромный зал, служивший сердцем Большого Грааля. Там, у пульта управления, их уже поджидал Чарбрасс.

Он по-прежнему улыбался, но казался совершенно другим человеком. Вокруг него сияла ослепительная аура. Очевидно, Чарбрасс больше не нуждался в маскировке, и его тело источало свой истинный свет.

— Вы можете не говорить мне о своем решении, ибо я знаю о нем, — произнес он мелодичным голосом. — Все, что происходило с вами в башне, являлось проверкой или, вернее, экзаменом на зрелость. Возможно, испытание показалось вам болезненным и суровым, но оно выявило все ваши положительные и отрицательные черты.

Блэк и Филлис молчали, не в силах вымолвить ни слова. Они изумленно смотрели на сияющее существо, которое стояло перед ними.

— Объясняю вам четверым управление машиной, я намеренно ввел вас в заблуждение, — продолжал Чарбрасс. — Конечно, это не очень этично, но таковы условия проверки. На самом деле компьютер не может разрушать телесные матрицы и башню, а любой человек, погибший внутри Большого Грааля, воскрешается по тем же правилам, что и в долине. Однако мы, Строители, получаем новые тела через минуту после своей

смерти. Как только Мюрель убил меня, я ожил в одной из комнат башни и начал наблюдать за вами с помощью видеокамер.

К Блэку вернулся дар речи.

— Значит, ты знаешь, что мы хотим вернуться к своим друзьям в Телем?

— Да, но вам лучше забыть об этом желании.

— Почему?

— Потому что вы оба прошли проверку. Вам четверым давалось самое величайшее из всех возможных искушений — вы могли завладеть огромным миром и стать владыками тридцати миллиардов людей. Мюрель не выдержал этого испытания, несмотря на значительный прогресс в своем этическом развитии. Он возвращен в долину для дальнейшей подготовки. Что же касается Джо, то он будет воскрешен среди своих друзей и близких — как вы того и хотели.

Мюрель разбирается в добре и зле, но не может применять это знание во благо. В свою очередь, Джо предстоит еще многому научиться, прежде чем он достигнет необходимого уровня развития.

Однако вы прошли проверку прекрасно. В какой-то момент я начал сомневаться в успехе, но ты, Блэк, победил свою гордость, а ты, Филлис, — свою одержимость в любви. Вы оба пожертвовали собой, то есть выбрали единственно верное решение.

Так уж получается, что душевный кризис либо возвышает, либо ломает людей. Вы сделали шаг вперед, и я рад, что вам это удалось.

К сожалению или, вернее, к счастью, вы не можете вернуться в долину. Мы нуждаемся в вашей помощи на Транзите — планете, где создается общество таких людей, как вы. Прежде чем отправить вас туда, я должен удалить ваши воспоминания об этой беседе. Мне хотелось бы оставить их вам, но они могут нанести огромный вред Проекту на Транзите. Тем не менее я спрашиваю вас, согласны ли вы лишиться воспоминаний о нашей встрече?

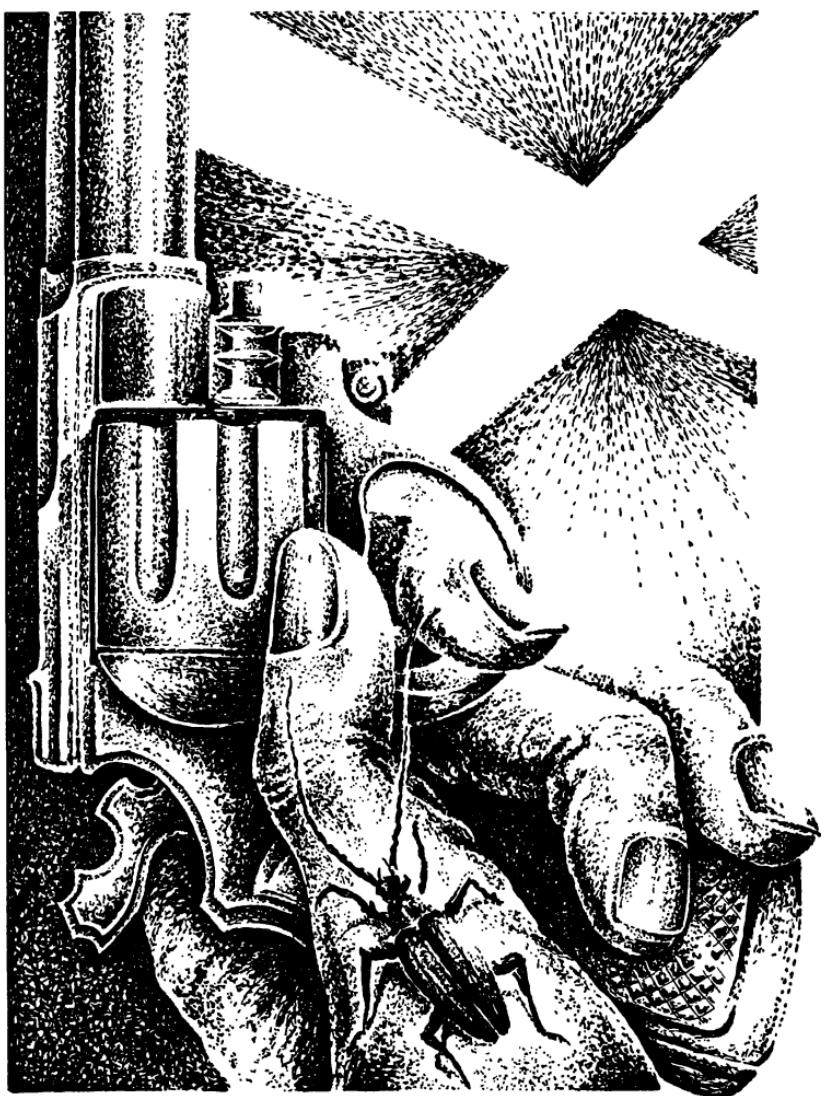
— Делай как надо, — ответил Блэк. — Я верю, ты желаешь нам добра.

Чарбрасс навел на них небольшую белую трубку.

— Процедура безболезненна, но вам лучше закрыть глаза.

Последовав этому совету, они услышали его последние слова:

— Бог благословил вас, дети мои!

МИР РЕКИ

ГЛАВА 1

На Земле Том Микс спасался бегством от разъяренных жен, взбесившихся быков и доведенных до белого каления кредиторов. Он удирал от них на своих двоих, на лошадях и в автомобилях. Но на своей родной планете, в Мире Реки, он впервые спасался бегством на корабле.

Подгоняемый попутным ветром, корабль на всех парусах несся вниз по Реке, огибая ее излучину. Он опережал своего преследователя лишь на пятьдесят ярдов. Оба судна были бамбуковыми катамаранами и отличались друг от друга разве что величиной: у преследуемого размеры были поменьше. Добротно построенные двухкорпусные парусники — хоть на их возведение не пошло ни единого металлического гвоздя — имели прекрасную оснастку, начиная с носа и кончая кормой, а их спинакеры* горделиво раздувались, наполняемые ветром. Паруса были изготовлены из бамбукового волокна.

До захода солнца оставалось всего два часа. Вокруг огромных грибообразных камней по обоим берегам Реки уже собрались кучками люди. Еще немного, и питающие камни начнут извергать гудящее голубое электричество — энергию, которая в цилиндрах на верхушках камней преобразуется в материю. Иными словами, в ужин, а также в спиртные напитки, табак, марихуану и галлюциногенную жевательную резинку. А до того люди лениво прохаживались, переговаривались и смутно надеялись, что произойдет что-нибудь интересное.

И они не обманулись в своих ожиданиях.

*Спинакер — легкий треугольный парус, который ставится на небольших судах при попутном ветре. (Здесь и далее примеч. пер.)

Обогнув излучину, Микс обнаружил, что Река, бывшая до того с милю шириной, неожиданно разливается в целое озеро шириной в три мили. На водной глади озера покачивались сотни лодок с рыбаками, которые, поставив на камни свои цилиндры, отправились порыбачить, чтобы немного разнообразить свой обычный рацион. Суденышек было так много, что неожиданно для Микса места для маневрирования здесь оказалось даже меньше, чем на узкой полосе воды позади.

Том Микс стоял за румпелем. На палубе перед ним находились еще два беглеца, Иешуа и Битнайя. Оба были евреями. Связанных между собой общей религией и кровью, которая текла в их жилах, их тем не менее разделяли двенадцать столетий и шестьдесят поколений. По этой причине они были очень разными. В чем-то Битнайя казалась более чужой Иешуа, нежели Миксу, а Иешуа был в чем-то ближе Миксу, нежели женщина. Всем троим в свое время крепко досталось от одного и того же человека — Крамера. В судне, следовавшем их кильватером, его не было, но зато были его люди. В случае поимки троих сбежавших вернут Костолому — так его называли на Земле, да и здесь тоже. Если же взять беглецов живьем не удастся, то всех троих убьют.

Микс оглянулся. Двухмачтовый катамаран шел на всех парусах. Расстояние между кораблями медленно, но неуклонно сокращалось. Из-за малочисленности команды парусник Микса имел гораздо меньшую осадку и, если бы не колья противника, которые проткнули его парус в трех местах, ни за что бы не дал догнать себя гнавшемуся за ним судну. Дырки от копий были небольшие и на ход парусника почти не влияли, но со временем незаметное отставание накапливалось, перерастая в значительное. По всем расчетам выходило, что нос преследователя уткнется в его корму минут через пятнадцать. Но люди Крамера, конечно, даже и пытаться не будут идти на абордаж с носовой части. Они приблизятся по борту, забросят костяные абордажные крючья, притянут корабли друг к другу и вот тогда хлынут на борт беглого парусника.

Десять воинов против трех, один из которых женщина, другой — из тех, кто еще мог бы согласиться на побег, но из принципа отказывается драться. Третий — участник многих дуэлей и сражений, но ему одному не выстоять против такого количества врагов.

Люди в рыбачьих лодках сердито закричали на Тома, когда тот провел парусник слишком близко от них. Микс ухмыльнулся, сорвал с головы десятигаллонную белую шляпу, сплетенную из соломки редкостной окраски, и, поприветствовав

рыбаков, снова надел ее. На нем был длинный белый плащ из полотенец, скрепленных между собой магнитными скрепками, ковбойские сапоги на высоких каблуках из белой кожи «речного дракона», а вокруг талии — белое полотенце. В данной ситуации вычурные сапоги были не совсем к месту и скорее служили помехой своему владельцу. Сейчас, когда близилась решительная минута схватки, стоять на скользкой палубе было бы удобнее босиком.

Он подозревал Иешуа, чтобы передать тому румпель. Не меняя застывшего выражения лица, Иешуа поспешил на зов Микса, даже не отреагировав на его улыбку. Росту в нем, как и в Миксе, было ровно пять футов и десять дюймов, но среди людей своего времени на Земле он считался высоким. Его черные волосы, остриженные по шею, отливали на солнце рыжим. Худощавое, но жилистое тело прикрывала лишь черная набедренная повязка, а грудь скрывали сплошные заросли черных курчавых волос. Вытянутое худое лицо было того аскетичного типа, который свойствен безбородым еврейским юношам с ученой внешностью. В больших темно-карих глазах проглядывали зеленые крапинки, унаследованные, по его словам, от языческих предков. В жилах его соотечественников из Галилеи текла кровь многих народов, так как на протяжении нескольких тысячелетий через его родину проходили торговые пути и прокатывались орды завоевателей.

Иешуа можно было бы назвать близнецом Микса, его двойняшкой, который в равной степени с ним не ел и не спал. Впрочем, при внимательном рассмотрении было видно, что они все-таки немного отличаются друг от друга. Нос Иешуа был чуточку подлиннее, а губы — слегка потоньше; кроме того, у Микса не было в глазах зеленоватых крапинок, а в волосах — ни единого намека на рыжесть. Оба настолько походили друг на друга, что люди не сразу могли разобраться, кто есть кто — до тех пор, пока те не начинали говорить.

Именно поэтому Микс прозвал Иешуа Красавчиком.

Микс снова ухмыльнулся:

— Все идет как надо, Красавчик. Поуправляй тут нашим корабликом, пока я не скину эти штуки.

Сев, он стянул с себя сапоги, затем встал и пересек палубу, чтобы бросить их в сумку, свисавшую с вантов. Вслед за сапогами туда же полетел и плащ. Вернувшись к румпелю, он ухмыльнулся в третий раз:

— Не смотри так мрачно. Мы сейчас позабавимся.

В низком баритоне Иешуа, заговорившего по-английски, слышался сильный акцент.

— Почему бы нам не пристать к берегу? — спросил он. — Территория Крамера осталась далеко позади. Здесь мы уже имеем право просить убежища.

— Просить — это одно, а получить — нечто другое. — Баритон Микса, протяжно произносившего слова, был почти таким же низким.

— Ты хочешь сказать, что здешние люди слишком боятся Крамера, чтобы приютить нас?

— Может быть. А может, и нет. И мне что-то не хочется выяснить это. Во всяком случае, если мы высадимся, то же самое сделают и крамеровцы. А уж они не замедлят проткнуть нас прежде, чем успеют вмешаться местные жители.

— Но мы могли бы убежать в горы.

— Нет. Сначала мы хорошенько зададим им, а уж потом воспользуемся твоим советом. А теперь иди, помоги Битнайе со снастями.

Микс принял маневрировать судном, а Иешуа с женщиной в это время управляли парусом. Взглянув через плечо, Микс удостоверился, что преследователь идет у него в кильватере. Он мог, конечно, продолжить преследование, держась середины Реки, и таким образом опередить Микса. Но их капитан боялся, что один из поворотов зигзага окажется той прямой линией, которая окончится на берегу.

Микс приказал приспустить парус.

— Но так они быстрее нас поймают! — запротестовала Битнайя.

— Это они так думают, — возразил Микс. — Делайте, как я сказал. Команда никогда не спорит с капитаном, а кто здесь капитан, если не я?

Улыбнувшись, Том объяснил женщине, что задумал и на что надеется. Она пожала плечами, словно говоря, что если уж их возьмут на абордаж, то какая разница, когда это произойдет. При этом она словно намекала, что ей с самого начала было известно, что Микс немного с приветом и что теперь это лишний раз подтверждается.

Однако Иешуа на слова Микса решительно произнес:

— Я не собираюсь проливать ничью кровь.

— Мне известно, что рассчитывать на тебя в бою не приходится, — ответил Микс. — Но, помогая нам управлять судном, ты, хоть и косвенно, все равно содействуешь пролитию крови. Так что заруби это себе на носу, философ.

Удивительно, но Иешуа улыбнулся. Впрочем, так ли уж неожиданна была его улыбка? Он восхищался американиз-

мами Микса, и, кроме того, ему нравилось обсуждать нюансы этики. Но сейчас он был слишком занят, чтобы спорить.

Микс снова оглянулся. Лиса — лисой был преследователь, а он, соответственно, кроликом — почти висела у него на хвосте. Между судами оставалось всего двадцать футов, и двое из людей Крамера на носу каждого из двух корпусов катамарана уже приготовились, наклонившись вперед, с силой метнуть копья. Однако прыгавшие вверх-вниз палубы под их ногами делали точность броска сомнительной.

Микс крикнул своей команде: «Держись!» — и резко повернул румпель. До этого нос корабля указывал под углом на берег Реки справа. А сейчас, накренившись, судно внезапно развернулось, и парусный гик в мгновение ока повернулся, просвистев у Микса над головой. Тот едва успел пригнуться. Битнайя и Иешуа вцепились в канаты, чтобы их не сбросило за борт. Правый корпус катамарана взмыл в воздух, на короткий миг оставив привычную водную стихию.

На секунду Микс даже подумал, что их кораблик сейчас перевернется. К счастью, он скоро выровнялся, и Битнайя с Иешуа принялись понемногу справлять канаты. Сзади раздался крик, но Микс не оборачивался. Впереди кричали еще больше, где потревоженные экипажи двух одномачтовых рыбачьих лодок громкими возгласами выражали свой гнев и страх.

Между лодками оставался проход всего в тридцать футов шириной, и судно Микса устремилось в него. Проход быстро закрывался, так как лодки сближались. Их рулевые пытались отвернуть свои утлыес суденышки, но их продолжало увлекать навстречу друг другу. В обычных условиях они сумели бы избежать столкновения, но сейчас между ними был пришлый корабль и его нос был нацелен на лодку слева по борту. Микс видел в ней искаженные ужасом лица женщин и мужчин, трепетавших при мысли о том, что сейчас в их правый борт в носовой части врежется нос судна. Медленно — на взгляд Микса, даже слишком медленно — нос лодки начал отворачиваться. Попав в мертвую зону, их гик тут же стало бросать из стороны в сторону.

Визгливый женский голос, что-то неразборчиво выкрикивавший на английском языке, заглушил остальные голоса. Мужчина в лодке метнул в Микса копье. Глупо, конечно, и бесполезно, но этим он хоть немного отвел душу. Оружие стремительно пролетело мимо головы Микса и с плеском упало в воду у правого борта.

Микс оглянулся. Преследователь попался-таки в ловушку! Ну а теперь как бы самому не угодить в такую же!

Его катамаран проскользнул мимо лодки слева по борту и концом гика едва не задел ее мачтовые ванты, привязанные к краю палубы по правому борту. Лодка осталась за кормой.

Крики и вопли позади все усиливались. Треск от удара дерева по дереву вызвал улыбку на лице Микса. Он на секунду оглянулся. Большой катамаран вдребезги разнес оба своих носа, врезавшись в борт рыбачьей лодки справа от себя. От этого удара гораздо меньшее по размерам однокорпусное бамбуковое суденышко развернулось под прямым углом, вернувшись таким образом на свой прежний курс. Экипажи столкнувшихся парусников, включая рулевых, повалились на палубы. Трое из людей Крамера выпали за борт и барахтались в воде. Этих троих можно было теперь исключить. Так что тех, с кем беглецам придется иметь дело, оставалось только семеро.

ГЛАВА 2

Кролик обратился в лису, атакуемый — в атакующего. Катамаран Микса развернулся с той стремительностью, какую тот осмелился придать развороту, и, борясь со встречным ветром, стал продвигаться к столкнувшимся судам. Маневр занял какое-то время, но судну Крамера было не до контрманевра. В корпусах большого катамарана и рыбачьей лодки зияли пробоины, и теперь оба судна медленно погружались. Сквозь пробоины в трюмы хлестала вода. Капитан катамарана яростно жестикулировал. Виден был только его открытый рот, а голос терялся среди пронзительных выкриков, доносившихся с его судна и ближайших лодок. Кричали и на многих дальних. Однако крамеровцы, очевидно, слышали капитана или же понимали гневный язык его жестов. Они поднялись и, подобрав оружие, двинулись к протараненной лодке. Микс недовольно смотрел на них. Для чего им брать ее на абордаж? Поменять один тонущий корабль на другой — все равно что попасть из огня да в полымя. Возможно, в них просто сработал рефлекс, бездумная реакция. Их разозлили, и теперь они хотят отыграться на всех, кто подвернется под руку.

А раз так, значит, они чувствуют, что потерпели крах. С борта тонущей рыбачьей лодки спрыгнули двое мужчин и две женщины и поплыли. На помочь к ним направилась другая лодка, чтобы подобрать плывущих. Приблизившись к ним, спасатели приспустили парус и, перегнувшись через борт, стали протягивать пловцам руки. Двое из людей Крамера, перебравшись на оставленное утлое суденышко, перебежали к

противоположному борту и с силой метнули копья в плывущих.

— Они, похоже, умом тронулись, — пробормотал Микс. — Да на них сейчас ополчатся все, кто тут есть.

Ему это было только на руку. Он мог спокойно оставить своих преследователей на милость здешним жителям. Но это не входило в его планы. За ним еще числился должок. Платить по нему было бы сплошным удовольствием, не то что по другим счетам.

Передав Иешуа румпель, он достал из оружейного ящика на палубе боевой бumerанг длиной в два фута. Он был изготовлен с помощью заостренного кремня из твердой древесины белого дуба. Один из его концов загибался под углом в тридцать градусов. Грозное оружие в руках искусного метателя могло запросто сломать человеку руку, даже будучи брошенным с расстояния в пятьсот футов.

В оружейном ящике находились также три топора из кремнистого сланца, еще четыре бumerанга, несколько дубовых древков копий с кремневыми наконечниками, две кожаные пращи и две сумки с камнями для метания. Стоя у ящика, Микс сосредоточился, подождал, пока его парусник не продвинется подальше вдоль вражеского судна по левому борту, и метнул бumerанг. Подпрыгивавшая на волнах палуба сильно затруднила расчет, но бumerанг полетел прямо в цель, и на его вращающейся белесой поверхности вспыхивали солнечные зайчики. Он ударили человека в шею. .

Несмотря на поднявшийся вокруг гвалт, Микс уловил еле слышный звук ломающихся позвонков. Человек рухнул боком на палубу, а бumerанг заскользил рядом с поручнями.

Товарищи убитого взвыли и в замешательстве повернулись к Миксу. Крик капитана вывел четверых на борту тонущей рыбачьей лодки из состояния растерянности. В людей на беглом паруснике полетели дубинки и копья, и Миксу с его командой пришлось лечь плашмя на палубу. Некоторые из метательных снарядов отскакивали от дерева или же застревали в нем, подрагивая. Одно из копий, с обожженным деревянным наконечником, ударилось о палубу всего лишь в нескольких дюймах от уха Иешуа и, скользнув по ней, упало в воду.

Вскочив на ноги, Микс изготовился и, когда левый борт парусника накренился, метнул копье. Он целился врагу в грудь, но копье, упав с недолетом, пригвоздило к палубе его ступню. Тот завопил от боли и выдернул из дерева вонзившийся в него конец копья. Но вытащить его из своей ноги он

не решался. Издавая истошные крики, он метался, ковыляя по палубе, пока двое крамеровцев не повалили его и не выдернули древко. Головка, отломившись от древка, осталась в ноге и наполовину торчала.

Тем временем вторая рыбачья лодка — та, которую чуть не задел катамаран Микса, — подошла вдоль борта к тонущей лодке. Троє мужчин впрыгнули на нее и принялись крепить канаты, привязывая тонущую лодку к своей. Сюда же подошли и несколько гребных шлюпок с тремя каноэ, и люди, сидевшие в них, тоже взобрались в рыбачью лодку. Не приходилось сомневаться, что местных жителей нападение привело в бешенство и они намерены проучить пришельцев. Миксу подумалось, что им бы следовало поступить похитрее: подождать, пока большой катамаран не затонет, и тогда закидать копьями плывущих членов его экипажа. С другой стороны, напав на людей Крамера, они ввязались в нечто более серьезное, чем просто стычка. Оно могло означать начало войны. В этом случае беглецов приняли бы здесь с распростертыми объятиями.

Катамаран, однако, благодаря двум корпусам, не спешил затонуть. В таком полузатопленном состоянии он мог даже убраться отсюда, и если не обратно в родной порт, то по крайней мере куда-нибудь с глаз долой. Местных, естественно, это вовсе не устраивало.

Вражеский капитан, видя с их стороны угрозу, приказал своим людям атаковать и сам пошел впереди. Перебравшись на борт тонущей лодки и перебежав палубу, он ринулся на одного из находившихся там мужчин, который оказался ближе к нему. Женщина из местных раскрутила над головой пращу и отпустила один ее конец. Камень с силой ударил капитана прямо в солнечное сплетение. Потеряв сознание — или жизнь, — капитан повалился на спину.

Следом упал еще один из воинов Крамера, раненный в руку копьем. А его товарища, который споткнулся об него, прокнули копьем со спины, навалившись на древко всем весом.

Женщина, которая метнула из пращи камень, отшатнулась назад с копьем в груди и рухнула в воду.

Затем ряды противников сомкнулись, и началась рукопашная схватка.

Иешуа подвел судно к катамарану Крамера с левого борта. Битнайя и Микс в это время спускали парус. Затем на поручни их бывшего преследователя полетели абордажные крючья. Пока Битнайя с Иешуа обливались потом, удерживая оба судна вместе, Том Микс работал пращей. Он набил себе руку,

сотнями часов упражняясь с этим оружием на суше и воде, и мог теперь мастерски метать камни, которые вылетали из его пращи с огромной скоростью и точностью. Ему пришлось подождать, пока противники расцепятся, чтобы ненароком не попасть в кого-либо из толпы местных жителей. Он трижды поразил цель. Один камень попал вражескому воину в шею. Другой ударили в основание позвоночника. А третий размозжил коленную чашечку, и корчившегося от боли человека схватили местные. Не давая ему вырваться, они полоснули его кремневым ножом по яремной вене.

Микс метнул копье, и оно глубоко вонзилось в бедро одного из преследователей. Затем, схватив тяжелый топор, он запрыгнул на катамаран, и его топор дважды опустился на затылки противника.

Двое из уцелевших врагов попытались прыгнуть за борт. Удалось это только одному. Подобрав с палубы бумеранг, Микс взмахнул им, целясь в качавшуюся на волнах голову, но, раздумав, опустил оружие. Бумеранги слишком тяжело достаются, чтобы расходовать их на тех, кто больше не опасен.

Стало вдруг тихо. В наступившей тишине слышались только стоны раненых и всхлипывание женщины. Безмолвствовали даже очевидцы разыгравшегося сражения, которые не замедлили подойти поближе. Участники сражения выглядели бледными и изможденными. Пыл уже угас в них.

Миксу нравилось принарядиться к слушаю, а этот, похоже, был из разряда побед. Он вернулся на свой парусник и, подмигнув Иешуа с Битнайей, натянул сапоги и плащ. О десятигаллонной шляпе он не беспокоился, так как все это время она оставалась у него на голове. Вернувшись на рыбачью лодку, он снял ее, грациозно взмахнув, и расплылся в улыбке.

— Том Микс, эсквайр, к вашим услугам, леди и джентльмены, — заговорил он. — Примите мою искреннюю благодарность за вашу помощь и извинения за те неудобства, которые причинило вам наше присутствие.

— Прах Господень! Что-то я не разберу, о чем вы. Хотя похоже вроде на английский, — произнес капитан спасательной лодки.

Микс нахлобучил шляпу и закатил глаза, как бы взывая к помощи свыше:

— Все еще в семнадцатом веке! Что ж, по крайней мере, мне хоть немного понятен ваш жаргон. — Он заговорил медленнее, тщательно подбирая слова. — Как титуловать вас, амиго?

— Титуловать? Амиго?

— Как вас зовут, друг? И кто над вами начальник? Мне бы хотелось предложить себя в качестве наемного солдата. Так что он мне нужен, и думаю, что я ему тоже скоро понадоблюсь.

— Лордом-мэром Нового Альбиона является Джон Уикел Страффорд, — сказала женщина. Она и все остальные поглядывали на Микса и Иешуа со странным выражением.

Ухмыльнувшись, Микс произнес:

— Нет, он мне не брат-близнец, да и вообще не брат, если не считать родства по общечеловеческим корням. А такое родство, сами знаете, — штука весьма неуловимая. Он родился за тысячу восемьсот восемьдесят лет до меня. В Палестине. Которая находится черт знает как далеко от моей родной Пенсильвании. А то, что он так похож на меня, так это просто игра случая. В этом ему, можно сказать, повезло, а иначе он никак бы не вывернулся из той петли, которую Крамер уже затянул на его шее.

Часть слушателей, по всей видимости, все же поняла кое-что из сказанного. Дело тут было не столько в самих словах — хотя в них наблюдались значительные расхождения, — сколько в интонации и произношении. Их речь напоминала Миксу речь австралийцев, которых он однажды встретил. И Бог знает, кого напоминал им он сам.

— Кто-нибудь из вас знает эсперанто? — поинтересовалася он.

— Мы слышали о таком языке, сэр, — ответил капитан. — Его учили в какой-то новой секте, в Церкви Второго Шанса, если я правильно понял. Хотя до сих пор никто из них здесь не появлялся.

— Очень плохо; значит, придется обходиться тем, что есть. Мне и моим друзьям порядком досталось за последние пару дней. Мы устали и голодны. Было бы хорошо, если бы нам разрешили остаться у вас на несколько дней, пока мы не тронемся дальше вниз по Реке. А может, даже поступим к вам на службу. Как вы считаете, ваш начальник, э-э, лорд-мэр, не будет возражать?

— Нисколько, — ответила женщина. — Он всегда с радостью принимает прекрасных воинов — и мужчин, и женщин, — в надежде, что они останутся. И щедро воздает им. Но скажи нам: те люди — Крамера, как очевидно, — почему они так яростно охотились за вами? Они преследовали вас даже здесь, хотя знают, что им под страхом смерти запрещено появляться в наших водах.

— Это длинная история, мэм, — сказал Микс и улыбнулся.

У него была привлекательная улыбка, и он знал об этом. Женщина была прехорошенькой — невысокая пухлая блондинка и к тому же, по всей вероятности, в настоящий момент свободная или предпочитающая считать себя таковой. Робкой ее положительно не назовешь.

— Вы, надо полагать, знакомы с Крамером-Костоломом, Крамером-Палачом. Этих двоих, Битнайю и Иешуа, он захватил в плен. Их вот-вот должны были сжечь на костре за то, что они, по его сведениям, еретики. В его стране этому придают большое значение. Вдобавок они еще и евреи — что еще может быть хуже для них в той стране? Я освободил их, а заодно и тех, кто был с ними. Все побежали кто куда, а мы втроем — к кораблю. Остальное вы знаете.

Капитан спасательной лодки решил, что ему тоже пора представиться.

— Меня зовут Роберт Никард. А эту женщину — Анджела Довертон. Не обманывайтесь нескромностью ее поведения, мастер Микс. Она разговаривает слишком смело для женщины, что весьма неразумно с ее стороны. Она — моя жена, хотя ни небесам, ни аду нет дела до брака.

Анджела, улыбнувшись, подмигнула Миксу. К счастью, тем глазом, который Никарду не был виден.

— Что же касается всех этих дел с еретиками, то Новому Альбиону все равно — во всяком случае, официально, — какой религии придерживается тот или иной мужчина или женщина. Даже если он атеист — хотя мне лично непонятно, как можно быть им после воскрешения из мертвых. Мы с радостью встречаем всех граждан, если они трудолюбивы и послушны долгу, опрятны и относительно трезвы. Мы принимаем даже евреев.

— Должно быть, многое поменялось с тех пор, когда вы были живы, — заметил Микс и, не дожидаясь, пока капитан выскажет по этому поводу, быстро добавил: — Где нам следует доложить о себе, сэр?

Капитан объяснил ему, и Микс велел своей команде вернуться на судно. Отвязав канаты и сложив на место абордажные крючья, они подняли паруса и тронулись вниз по Реке. Но не раньше, однако, чем Микс заметил, как Анджела Довертон еще раз незаметно подмигнула ему. Он уже решил для себя держаться от нее подальше, какой бы желанной она ни была. Он не питал особых надежд на любовную интрижку с чужой подругой. С другой стороны, если бы она собиралась уйти от Никарда — а похоже, так оно и было, — вот тогда... хотя нет. Она, пожалуй, из тех, кто вечно мутит воду. Впрочем...

Тем временем позади Микса начали вытягивать на берег оба поврежденных судна, не дожидаясь, когда они окончательно затонут. Единственную уцелевшую боевую единицу Крамера уже вытащили из воды и потащили на берег. Интересно, что с ним будет? — спросил себя Микс. Хотя ему, в сущности, было все равно.

Пока Иешуа управлялся с канатами, женщина Битнайя вела катамаран. Том Микс стоял на носу, ухватившись одной рукой за ванты, и его длинный белый плащ разевался на ветру. Местным он, наверное, представляется необычной и драматической личностью. По крайней мере Микс надеялся на это. Он бывал во многих местах, но, если там недоставало драмы, он находил ее.

ГЛАВА 3

Как почти повсюду в этой бесконечной долине, по обеим сторонам Реки простирались равнины. Обычно они были с милю-полторы шириной. Совершенно ровные, словно пол в доме, они полого поднимались к предгорьям. Равнины устилал сплошной ковер из низкой травы, которую нельзя было вытоптать, сколько бы ни топтали. То там, то здесь среди равнинного однообразия росли деревья. За равнинами поднимались холмы, начинавшиеся с возвышенностей в двадцать футов высотой и шириной в шестьдесят. По мере приближения к горам они становились все шире и выше, пока наконец полностью не сливались с ними.

Холмы густо поросли лесом. Из каждой сотни деревьев восемьдесят представляли собой, как правило, несокрушимые «железные» деревья с глубоко уходившими в почву корнями. Кора этих монстров не поддавалась ни огню, ни даже острым стальным топорам — впрочем, последних было слишком мало в этом мире, бедном металлами. Под деревьями росла высокая трава и бамбук. Некоторые стебли бамбука достигали в высоту более ста футов, но были и такие, которые не дотягивали и до двух футов. В этом лесу, столь не похожем на те, в которых Том бывал раньше, недоставало ясеня и тиса, поэтому лук и стрелы были здесь редкостью. Большинство луков делалось из ротовых выростов гигантской рыбы, но, очевидно, здешним людям не часто приходилось вылавливать такую рыбу. Даже бамбук, и тот не годился здесь для изготовления луков.

За холмами высались горы. В нижней своей части они были изрезаны небольшими каньонами и расщелинами, чередовавшимися с плато. На высоте в пять тысяч футов горы пере-

растали в непреодолимые скалы, гладкие как стекло. Вздымаясь вертикально или же наклоняясь вперед близ вершины наружу, они возносились еще на пять тысяч футов. Покорить их было совершенно невозможно. Чтобы перебраться в долину по ту сторону гор, человеку пришлось бы идти вдоль Реки и потратить на это годы. Долина Реки, напоминавшая змею, которая изгибами своего тела охватила весь мир, начинала свой извилистый путь от Северного полюса и, обернувшись вокруг Южного, возвращалась через другое полушарие к своему же истоку.

Так, во всяком случае, рассказывали. Но никто пока не доказал этого.

В этом мире, не похожем на многие из тех, где Микс бывал до сих пор, огромные виноградные лозы оплетали деревья, а кое-где даже гладкие трубчатые стебли бамбука. Лозы были усыпаны никогда не вянувшими цветами всевозможных размеров и форм, а также всех оттенков цветового спектра.

На протяжении десяти тысяч миль долина Реки безмолвно полыхала всем многоцветием красок, которое, однажды вспыхнув, словно застыло вне времени. Буйство красок обрывалось так же внезапно, как начиналось, и деревья вновь обретали скромную и строгую зеленую окраску. Но этот участок долины возвещал подлинный праздник цвета.

В миле от места сражения Микс приказал Битнайе править к левому берегу. Вскоре Иешуа убрал парус, и катамаран, плавно скользнув, наплыл носом на полого поднимавшийся берег. Трое беглецов сошли на сушу, и из толпы протянулось множество рук, которые, ухватившись за оба корпуса судна, вытащили его на берег.

Мужчины и женщины, окружив вновь прибывших, забросали их вопросами. Микс начал было отвечать одной миловидной женщине, но появление солдат прервало его. На них были шлемы и латы из рыбьей кожи, проложенные для прочности костяными пластинками и сшитые по образцу времен Чарльза I и Оливера Кромвеля. У каждого имелось по небольшому круглому щиту из дуба, обтянутому кожей, а вооружение состояло из длинных деревянных копий с наконечниками из камня или просто заостренных. Часть солдат была вооружена тяжелыми боевыми топорами или внушительными дубинками. Защитой для ног служили длинные, чуть выше колен, плотные сапоги из рыбьей кожи.

Их прапорщик, Альфред Реджиус Суинфорд, слушал Микса вполуха. Заметив это, Микс прервал себя на полуслове и проговорил:

— Мы голодны. Не могли бы мы обождать с формальностями, пока не наполним свои ведра?

Он указал на ближайший грибообразный камень в шесть футов высотой и шириной в несколько сотен футов. Из впадин на его верхушке уже торчали вставленные основаниями вниз серые цилиндры стоявших неподалеку людей.

— Ведра? — переспросил прaporщик. — Мы называем их изобильниками; незнакомец. Сокращенно от «рога изобилия». Дайте-ка мне ваши изобильники. Мы заполним их сами, а брюхо сможете себе набить, когда лорд Страффорд побеседует с вами. Ну а я прослежу, чтобы их никоим образом не спустили.

Микс пожал плечами. Он был не в состоянии спорить, хотя, как и любой другой, чувствовал себя неуютно, если его «священное ведро» куда-то исчезало.

Трое беглецов, окруженные солдатами, зашагали через равнину к холму. Они миновали множество однокомнатных бамбуковых хижин. На вершине холма находилось сооружение побольше — круглая ограда из бревен. Пройдя через ворота, они очутились в просторном дворе. Здание совета, место их назначения, представляло собой длинное бревенчатое строение треугольной формы, стоявшее посреди крепости. За ее внешними стенами находилось множество смотровых башен и широкий крытый переход. Над всем этим щетинились остриконечные бревна, но для защитников было предусмотрено большое количество окошек и щелей, чтобы те могли метать копья на атакующего противника или выливать на него кипящий рыбий жир. Не забыты были и деревянные подъемники, способные подымать сети, заполненные крупными булыжниками, и вываливать их через стены.

Микс заметил десять огромных деревянных цистерн с водой и сараи, в которых, как он предположил, хранились запасы вяленой рыбы и желудевого хлеба, а также оружие.

Из одного сарая вышли люди, которые несли корзинки с землей. По всей видимости, они рыли подземный ход наружу, чтобы иметь возможность бежать или атаковать врага с тыла. Но, как видно, они не делали из этого особой тайны, раз позволяли посторонним видеть явные свидетельства того, что делается. Микса бросило в дрожь. Вполне возможно, что всех посторонних, проникших в тайну подземного хода, просто не оставляют в живых.

Микс промолчал. С таким же успехом он мог бы прикинуться и дурачком, но сомневался, что прaporщик поверит,

будто он ничего не заметил. Нет. Все-таки надо попытаться, даже если из этого мало что получится.

— Вот молодцы, роете колодец, — проговорил он. — Случись осада, вы можете не беспокоиться о воде.

— Это уж точно, — согласился Суинфорд. — Нам бы давно следовало вырыть его. Да так уж вышло, что одно время и копать-то было некому.

Микс был далек от мысли, что смог провести прапорщика. Во всяком случае он старался. Солнце к тому времени уже коснулось горных пиков западной гряды. Еще минута — и оно зашло. В то же мгновение долина наполнилась грохотом, который издавали при извержении питающие камни вдоль берегов. Обед был готов.

Старфорд и члены его совета сидели за круглым сосновым столом на возвышении в дальнем углу зала. Между возвышением и входом в зал стоял длинный прямоугольный стол, окруженный множеством бамбуковых стульев. Чтобы осветить помещение, на потолке были открыты люки, но дневной свет быстро угасал. Сосновые факелы, пропитанные рыбьим жиром, были уже зажжены и вставлены в скобы на стенах и в специальные подставки на грязном полу. К высоким почерневшим балкам и стропилам поднимался удущливый дым от горящего жира, и от смрадного запаха рыбы воздух здесь был тяжелым.

В зале находился еще один источник зловония — немытые человеческие тела. Микс подумал, что если для Англии семнадцатого века подобная неопрятность вполне объяснима, то здесь никаких оправданий этому не было — до Реки ведь рукой подать. Он, конечно, понимал, что от старых привычек не так-то легко избавиться, даже если они постепенно меняются. В условиях постоянного притока людей из тех культурных слоев, где привыкли часто мыться, чувство опрятности и стыд за свою нечистоплотность распространялись все больше. Через десять—пятнадцать лет эти англичане будут регулярно мыться в Реке с мылом. Во всяком случае, большинство. В каждом обществе всегда найдутся люди, которые считают, что вода предназначена только для питья. А вообще-то, если оставить нахальный, всепроникающий запах немытого тела и красоту чистого тела, зачем им, спрашивается, часто мыться? В Мире Реки не болели. Физически. А вот от душевных болезней страдали многие.

Перед возвышением прапорщик остановился и изложил Старфорду суть дела. Остальные сидевшие за столом — всего их было двадцать — принялись разглядывать прибывших.

Многие курили сигареты или сигары, которыми их снабжали питающие камни и о которых они понятия не имели в их прежние времена на Земле, где пользовались лишь трубкой.

Старфорд поднялся из-за стола и вежливо поприветствовал своих гостей. Это был высокий — шести футов и двух дюймов ростом — сухопарый мужчина, широкоплечий и длиннорукий. На длинном и узком лице выделялись густые, кустистые брови, длинный и острый нос, тонкие губы и выдававшийся вперед подбородок с глубокой ямочкой посередине. Длинные светлокаштановые волосы, чуть ниже плеч, были завиты на концах.

Приятным голосом, сильная картина которого выдавала в нем уроженца севера — он был родом из Карлайла, что почти на границе с Шотландией, — он попросил пришельцев сесть за стол и предложил им на выбор вино, виски или ликер. Микс, зная, что запасы спиртного ограничены, счел его предложение за хороший знак. Старфорд не стал бы столь щедро раздавать дорогостоящие продукты тем, кого считал бы врагами. Втянув носом аромат великолепного бурбона, Микс восхищенно улыбнулся и отпил маленький глоток. Он бы с удовольствием выпил в себя всю свою порцию, но тогда его хозяевам пришлось бы тут же предложить ему еще.

Старфорд попросил Тома Микса все подробно изложить. Рассказ был долгим, и, пока он длился, в двух громадных каминах по обе стороны зала развели огонь. Среди тех, кто принес дрова, Микс заметил смуглых низкорослых мужчин и женщин монголоидного типа. Он предположил, что они родом с другого берега Реки, занятого гуннами. Насколько он слышал, гунны родились примерно в то время, когда Аттила вторгся в Европу, то есть в пятом веке нашей эры. Микс только не разобрался, кем они здесь были — рабами или же беглыми из-за Реки.

Старфорд и остальные слушали Микса и пили, лишь изредка вставляя слово-другое. Вскоре внесли изобильники, и все принялись за еду. Том был приятно удивлен тем, что преподнесло ему в этот вечер ведро. Все блюда оказались мексиканскими: такос, энчилады, бурритос, салат из бобов, а из алкогольных напитков — текила с ломтиком лимона и немного соли. Он сразу почувствовал себя почти как дома, особенно когда обнаружил в ведре не что-нибудь, а изящно скрученные темные сигары.

Старфорду, похоже, не понравился тот напиток, который ему достался. Принюхавшись к нему, он посмотрел вокруг. Микс верно истолковал выражение его лица.

— Не хотите ли поменяться? — спросил он.

— А что у вас? — поинтересовался лорд-мэр.

Микс пустился в пространные объяснения. Страффорд жил в то время, когда англичане только начинали колонизировать Северную Америку, и поэтому мало что знал о ней. В то время Мексика находилась под владычеством испанцев, и он не имел об этой стране почти никаких сведений. Но, выслушав весьма длинное описание Миксом напитка, он протянул тому свою чарку.

Том понюхал ее содержимое.

— Что ж, не знаю, что это, но меня ваша выпивка не пугает, — сказал он. — Вот вам текила, пробуйте.

Страффорд последовал его совету относительно того, как следует пить: сначала лимон с солью и тут же залпом запить их текилой.

— Тысяча чертей! Такое чувство, будто из ушей сыплется огонь! — Вздохнув, он произнес: — Напиток чрезвычайно странный. Но и чрезвычайно приятный и бодрящий. А какого мнения вы о своем?

Микс отхлебнул:

— А! Будь я проклят, если знаю эту марку! Но на вкус бесподобный, хоть и грубоват. Неважно, какого он происхождения, но это — настоящее вино, из сортовых. Может, оно из тех, что выжимали из своего винограда древние вавилоняне. А может, египетского происхождения или малайского. Или же это раннее японское сакэ — рисовая водка. Интересно, а у ацтеков водилось вино? В общем, не знаю, но с ног свалить оно может, хотя на вкус довольно отвратительно, и вместе с тем в нем что-то есть.

Ну а текила — это очищенный спирт, и получают его из сока столетника или, как его еще называют, агавы. Ну, за интернациональное братство, и чтобы никакой дискриминации иностранного алкоголя, и за ваше здоровье!

— Правильно, правильно!

Покончив с содержимым своего изобильника, Страффорд приказал принести бочонок с лишайниковым напитком. Его основой являлся спирт, получаемый путем перегонки из синеватого лишайника, который растет лишь на отвесных скалах. Этот спирт разбавляли затем водой, а для вкуса наставляли на сухих, истолченных в порошок виноградных листьях. Опрокинув в себя сразу полчарки, Страффорд проговорил:

— Хотелось бы мне знать, почему люди Крамера так жаждут убить вас, что даже осмелились зайти в мои воды?

Не торопясь и тщательно подбирая слова, Микс начал свой рассказ. Время от времени Страффорд кивал офицеру, чтобы

тот подливал Миксу. Микс прекрасно понимал, что его щедрость исходит не только из гостеприимности. Если бы стараниями Страффорда его гость достаточно захмелел, то он — если вдруг окажется шпионом — мог бы ненароком что-нибудь сболтнуть из того, что должен был бы держать за зубами. Однако Миксу было еще далеко до того состояния, когда развязываются языки. Кроме того, ему скрывать нечего. Ну разве что самую малость.

— С какого времени начать рассказывать?

Страффорд засмеялся, и в его глазах, постепенно наливавшихся кровью, заплясали веселые искорки.

— С нынешнего. Земную жизнь можете опустить. А для начала сосредоточьтесь на своей первой встрече с Крамером.

— Ну что ж. Я начал свои странствия вниз по Реке еще со Дня Всех Душ — так иногда называют день, когда обитателей Земли стали впервые воскрешать из мертвых. Хотя я родился в Америке в 1880 году нашей эры и умер в 1940-м, меня почему-то не воскресили среди народа моей эпохи и страны. Я вдруг обнаружил себя на территории, занятой поляками из пятнадцатого века. На той стороне Реки жили американские индейцы-пигмеи — ну, что-то в этом роде. До этого я даже не подозревал, что такие вообще существуют, хотя у индейского племени чероки есть легенды о них. Я знаю, потому что и сам немного чероки.

Это была ложь, которую когда-то породила киностудия, чтобы сделать его популярным. Но он так часто повторял эту байку, что и сам почти поверил в нее. А попользоваться иной раз прежней рекламной выдумкой вовсе не повредит.

Страффорд рыгнул.

— Я сразу подумал, как увидел вас, — заметил он, — что в вас есть что-то от краснокожего.

— Мой дедушка был вождем чероки, — сказал Микс. Он всей душой надеялся, что его голландские предки из Пенсильвании, а также английские и ирландские простят его. — Как бы там ни было, но долго у поляков я не задержался. Я хотел очутиться в таком месте, где смог бы понимать язык. И я, отряхнув прах с моих ног, отправился в путь, как тупоумная мартышка.

Страффорд засмеялся и сказал:

— Как вы забавно выразились!

— Мне понадобилось немного времени, чтобы понять, что в этом мире нет ни лошадей, ни каких-либо других животных, за исключением человека, земляных червей и рыб. Поэтому я смастерили себе лодку. И принялся искать людей из моего времени в надежде, что повстречаю тех, кого когда-то знал.

Или тех, кто слышал обо мне. В своей жизни я пользовался некоторой известностью: меня знали миллионы. Впрочем, об этом сейчас ни к чему. Я прикинул, что если людей разместили вдоль Реки в соответствии с тем временем, когда они родились — правда, с многочисленными исключениями, и один из них я, — то люди двадцать первого века должны жить неподалеку от устья Реки. Что, как я выяснил, вовсе необязательно. Итак, со мной были еще с десяток мужчин и женщин, и мы плыли по течению с попутным ветром... сейчас прикинем... э-э, около пяти лет. Время от времени мы делали остановки и сходили на берег, чтобы отдохнуть или поработать.

— Поработать?

— В качестве наемников. Нам давали отличные сигареты, выпивку, хорошую пищу. Взамен мы приходили людям на выручку — тем, которые, что и говорить, позарез нуждались в ней и у которых были уважительные причины. Большинству моих мужчин — да и некоторых женщин — пришлось немало повоевать на Земле. Так что кое-какой опыт имелся. Я, например, окончил военный институт в Виргинии...

Снова киношная уловка.

— О Виргинии я слышал, — произнес Страффорд. — Но...

Тому Миксу пришлось прервать свое повествование, чтобы поинтересоваться, насколько Страффорд сведущ в истории со временем своей смерти. Англичанин ответил, что получил некоторые сведения от одного странствующего албанца, который умер в 1901 году, и перса, который умер в 1897 году. Правда, он не очень-то доверял их сведениям. Оба являлись мусульманами, и поэтому соотнести их календарь с христианским было довольно сложно. К тому же ни один из них не знал как следует мировой истории. Один даже высказался, что американские колонии добились независимости только после войны. Верить ему или нет, Страффорд не знал. Ведь это же нелепо.

— Канада осталась лояльна, — заметил Микс. — Вижу, что мне еще о многом надо вам рассказать. Я принимал участие в испано-американской войне, в восстании боксеров, в филиппинском мятеже, а также в войне буров. Я расскажу о них позже.

Ни в одном из этих сражений Микс не участвовал, да и какая, черт возьми, разница? Во всяком случае, он бы непременно повоевал, если бы ему представилась такая возможность. Он дезертировал из кавалерии США, где по второму разу отбывал контракт, потому что ему хотелось попасть на передовую, а проклятые штабники не пустили его.

— Пару раз нас брали в плен рабовладельцы, когда мы высаживались на берег, хотя внешне он казался вполне мирным.

Нам везло, и мы убегали, но однажды настал час, когда из всей нашей первоначальной группы остался я один, остальные либо сами оставили нас, потому что им надоело скитаться, либо были убиты. Мою прелестную египтянку, дочь фараона... ее, увы, тоже убили!

В действительности Мириам была дочерью какого-то каирского лавочника и родилась в восемнадцатом веке. Но Микс был ковбоем, а ковбои всегда любили слегка приврать. Ну, может, чуть больше. Во всяком случае, можно сказать — если образно выражаться, — что она была дочерью фараона. А в этом мире, как и в предыдущем, значение имели не сами факты, а то, что люди подавали за факты.

— Может, я встречусь с ней когда-нибудь, — произнес Микс. — И с другими тоже. Ведь их с таким же успехом могли вновь воскресить где-нибудь в низовьях или верховьях Реки. — Помолчав, он продолжил: — Но вот что странно. Среди тех миллионов, а может, миллиардов лиц, которые я видел во время плавания, я не увидел ни одного знакомого мне по Земле.

— Я тут как-то познакомился с одним философом, который подсчитал, что вдоль Реки может разместиться по меньшей мере тридцать пять миллиардов человек, — сказал Страффорд.

Микс кивнул:

— Ничего удивительного. Но можно подумать, что за пять лет лишь один... что ж, когда-нибудь этому все равно суждено случиться. Итак, я построил свое последнее судно год назад за пять тысяч миль отсюда и набрал новую команду. Поначалу у нас все шло как по маслу, пока мы не остановились у одного скалистого островка, чтобы поесть. Какое-то время мы не пользовались своими ведрами, так как слышали, что люди здесь чрезвычайно злобные. Но нам надоело питаться одной лишь рыбой, бамбуковыми побегами и желудевым хлебом из наших запасов. К тому же у нас кончились сигареты, а что до выпивки, так мы уже счет дням потеряли, когда пили в последний раз. Мы тосковали без этих прелестей жизни. Поэтому мы рискали сойти на берег — и пропали. Нас привели прямо к местной шишке, самому Крамеру — жирному, уродливому субъекту из Германии пятнадцатого века.

Как и большинство чокнутых — прошу прощения, если среди вас есть такие, — он не примирился с фактом, что этот мир ничего общего не имеет с той загробной жизнью, которую он себе представлял. На Земле он был важной птицей — священником и инквизитором. Он сжег на костре после пыток черт знает сколько мужчин, женщин и детей к вящей славе Господней.

Сидевший подле Микса Иешуа что-то пробормотал, и Микс на минуту умолк. Он вовсе не был уверен, что в своем рассказе не зашел слишком далеко.

Хотя ничего такого, на его взгляд, не произошло, Страффорд и его люди могут оказаться такими же ненормальными, как и Крамер, — по-своему, конечно. Во время своего земного существования большинство жителей семнадцатого века были непоколебимы в своих религиозных убеждениях. Обнаружив себя в таком странном месте, как это, не похожем ни на небо, ни на ад, они пережили настоящий шок. Некоторые не оправились от него до сих пор. Нашлись и такие, кто сумел приспособиться к новой среде обитания — и настолько успешно, что отбросили свою прежнюю религию и стали искать истину. Но очень многие, такие, как Крамер, по-своему истолковали окружающую их обстановку. Крамер, например, стоял на том, что этот мир является чистилищем. Он был потрясен, обнаружив здесь не только христиан, но и язычников. Он настойчиво утверждал, что учения церкви были должно поняты на Земле. Священники, вдохновляемые сатаной, умышленно преподносили эти учения таким образом, чтобы извратить их. Но зато теперь он ясно видит, где Истина.

А вот тем, кто не видит ее, как он, надо показать. Крамеровские методы открывать людям глаза не отличались от его земных — колесо и огонь.

Когда Миксу рассказали об этом, он не стал спорить по поводу теории Крамера. Наоборот, изображая восторг, он принял с жаром предлагать свои услуги. Смерть его не страшила, потому что он знал, что будет воскрешен через двадцать четыре часа где-нибудь в другом месте рядом с Рекой. Но он вовсе не хотел, чтобы его колесовали, а потом сожгли.

И он стал дожидаться удобной минуты, чтобы убежать.

Как-то вечером Крамер захватил группу людей, когда те сошли с корабля на берег. Микс пожалел пленников, поскольку сам был свидетелем крамеровских способов менять направление мыслей человека. Однако он ничем помочь им не мог. Если они настолько глупы, что отказываются притворяться, будто согласны с Крамером, то пусть страдают.

— Но вот из-за этого человека, Иешуа, я потерял покой, — сказал Микс. — Во-первых, он был слишком похож на меня. Видеть, как он горит, было бы равносильно тому, как если бы я видел в пламени самого себя. Более того, ему даже не дали возможности сказать «да» или «нет». Крамер спросил его, не еврей ли он. Иешуа ответил, что был им на Земле, но сейчас у него нет религии.

На это Крамер ответил, что даст Иешуа возможность обратиться, то есть уверовать, как он, Крамер. Он, конечно, соврал, но этому сладкоречивому недоумку всегда надо выискивать себе оправдания каждой гадости, которую он делает. Он уверил, что дает христианам и язычникам возможность избежать огня — но только не евреям. Это они распяли Христа и должны за это поплатиться. Кроме того, еврею доверять нельзя. Он обязательно соврет, чтобы спасти свою шкуру.

Весь экипаж шлюпки и ее пассажиры были обречены, потому что все они были евреями. Крамер поинтересовался, куда они держат путь, и Иешуа ответил, что присматривают место, где никто и никогда не слышал о евреях. Крамер сказал, что такого места не существует и что Бог отыщет их повсюду, куда бы они ни отправились. Иешуа вспылил и обозвал Крамера лицемером и антихристом. Крамер так рассвирепел, что сам ад позавидовал бы, и пообещал Иешуа, что тот умрет не так быстро, как остальные.

Ну а потом меня едва не бросили в тюрьму вместе с ними. Крамер заметил, что мы с Иешуа похожи друг на друга как две капли воды. Он спросил меня, не солгал ли я ему, когда говорил, что я не еврей. Иначе как тогда получилось, что меня не отличить от еврея, если я не еврей? До этого Крамер, ясно, и не думал, что я смахиваю на еврея, которым я на самом деле не являюсь. Если бы я был посмуглее, то смог бы сойти за одного из моих предков чероки.

И хотя пот с меня лил градом — да так, что стекал мне на ноги, — я улыбнулся и сказал, что все как раз наоборот. Иешуа похож на меня, потому что смахивает на не-еврея. Чтобы отвести от себя подозрения, я решил воспользоваться одним его язвительным высказыванием. Я напомнил Крамеру его же слова о том, что еврейки известны своим распутством. Так что, возможно, Иешуа, сам не зная того, — наполовину не-еврей.

Крамер, брызгая слюной, разразился своим мерзким утробным смехом. Это у него манера такая: ржет, пока слюни изо рта не потекут. И он сказал мне, что я прав. Но я-то понимал, что дни мои сочтены. Рано или поздно он все равно вернется к мысли о моей внешности и решит, что я соврал. К черту все, подумал я, сегодня же ночью я убегу.

Но Иешуа не выходил у меня из головы. И я решил не просто сбежать, подобно дворняжке с поджатым хвостом. Я решил, что напоследок насолю Крамеру так, чтобы он на долго запомнил меня и каждый раз, как он подумает обо мне, его свиное пузо разносило бы в один большой чирей и чтоб он

помучил его как следует. В ту ночь — как раз тогда начался дождь — я убил топором обоих часовых и открыл ворота крепости. Но кто-то проснулся и поднял тревогу. Мы бросились к моему паруснику, но были вынуждены пробиваться к нему с боем. Прорваться удалось только нам троим — Иешуа, Битнайе и мне. Крамер послал за нами вдогонку своих людей. Очевидно, он приказал им не возвращаться без наших голов. Они не собирались так просто отказаться от нас.

— Бог настолько благ, что подарил нам вечную молодость в этом прекрасном мире, — произнес Страффорд. — Мы избавлены от нужды, голода, тяжелой работы и болезней. Точнее — наверное, избавлены. Однако люди, подобные Крамеру, хотят превратить этот чудесный Эдемский сад в ад. Почему? Я не знаю. В один прекрасный день — и он не за горами — он пойдет на нас войной, как уже сделал с народом, живущим на севере от его территории в ее первоначальных границах. Если вы пожелаете помочь нам сражаться с ним, то добро пожаловать!

— Я ненавижу этого кровавого дьявола! — воскликнул Микс. — Я мог бы порассказать вам такое... впрочем, вы, должно быть, и без меня знаете...

— Я был очевидцем многих жестокостей и несправедливостей на Земле, — сказал Страффорд, — и должен признаться, к моему величайшему стыду, что не только не протестовал, но даже поощрял их. Я думал, что для поддержания закона, порядка и религии нужны пытки и преследования. Однако часто мне было не по себе. Поэтому, очутившись в этом новом мире, я твердо решил начать жизнь заново. Что было правильно и необходимо на Земле, не обязательно должно быть таким же здесь.

— Вы — необыкновенный человек, — проговорил Микс. — Большинство продолжают думать точно так же, как думали на Земле. Но мне кажется, что Мир Реки постепенно меняет многих.

ГЛАВА 4

Еду из изобильников разложили по деревянным тарелкам. Микс, взглянув на Иешуа, заметил, что тот не ест свою порцию мяса. Битнайя рассмеялась, поймав взгляд Тома:

— Хоть его разум и отверг веру отцов, желудок продолжает цепляться за законы Моисея*.

* По закону Моисея евреям запрещалось есть мясо некоторых животных, в частности: верблюда, тушканчика, зайца и свиньи. Их мясо считалось нечистым. (Книга Левита, 11.)

Битнайя говорила по-английски с сильным акцентом, и Страффорд, не поняв ее, попросил Микса перевести. Тот повторил ее слова.

— Но разве она не еврейка, как Иешуа? — спросил Страффорд.

Микс ответил, что еврейка. Битнайя поняла сказанное ими и заговорила медленнее:

— Да, я еврейка. Но я оставила свою религию, хотя, по правде сказать, никогда, что называется, набожной не была. На Земле я, конечно, не высказывала своих сомнений вслух. Но когда мы скитались по пустыне, я ела все — и чистое, и нечистое, — лишь бы заполнить желудок. Естественно, когда меня никто не видел. Думаю, что другие делали то же самое. Многие, однако, скорее умерли бы с голоду, чем осквернили бы свои рты нечистой пищей. Дурачье! — Взяв с тарелки кусочек ветчины, она с улыбкой предложила его Иешуа. Тот с отвращением отвернулся.

— Бога ради, Иешуа! — произнес Микс. — Я тебе все время говорю и сейчас тоже, что мы можем поменяться: ты мне — свою ветчину, а я тебе — свой бифштекс. Думаешь, мне приятно видеть тебя голодным?

— Я не убежден, что корову убили и приготовили как положено, — отозвался Иешуа.

— Кошер* здесь ни при чем. Ведра, очевидно, каким-то образом превращают энергию в вещество. В их двойном дне имеется механизм, который преобразует энергию, выделяемую питающими камнями. Преобразователь скорее всего действует по программе, раз у нас на столе каждый день новая еда.

Ученый, который объяснил мне все это, сказал — хотя, по его признанию, он всего лишь предполагал, — что в ведрах имеются матрицы, содержащие образцы определенных видов материи. Из энергии создаются атомы и молекулы, которые по тому или иному образцу складываются в бифштексы, сигары — все, что хочешь. Как видишь, нет ни убийства, ни кошера, ни некошера.

— Но ведь, наверное, была какая-то настоящая корова, которую убили, — возразил Иешуа. — Кусок говядины, послуживший образцом для матрицы, был когда-то частью животного, которое, по всей вероятности, жило и умерло на Земле. Но было ли оно убито правильно?

— Может, и было, — ответил Микс. — Но то мясо, которое я только что съел, не от коровы. Это лишь копия, всего

* Пища, приготовленная по еврейским религиозным обычаям.

лишь материя, преобразованная в энергию. Строго говоря, оно было сотворено машиной. Непосредственного отношения к мясу животного оно не имеет. По словам того ученого выходит — если он все верно сказал, — что атомная структура куска говядины была в некотором роде записана. Я уже объяснял тебе, что такое запись в атомы. Во всяком случае, мяса в наших ведрах рука человека не касалась. Или нечеловека, если на то пошло. Как оно может быть нечистым?

— Этот вопрос занимал раввинов в течение многих столетий, — сказал Иешуа. — И я, наверное, не ошибусь, если скажу, что после стольких лет споров они не пришли к соглашению. Нет. Надежнее всего — вообще его не есть.

— Тогда стань вегетарианцем! — воскликнул Микс, всплескивая руками. — И ходи голодным!

— И все же, — проговорил Иешуа, — в мое время жил человек, который слыл очень мудрым и который, как рассказывали, разговаривал с Богом. Так вот этот человек не возражал, если его ученики садились за стол с грязными руками, не найдя воды, чтобы помыть их, или при других смягчающих обстоятельствах. Фарисеи* осуждали его за это, но он знал, что Божьи законы созданы для человека, а не человек для законов.

В этом был великий смысл тогда, и в этом есть великий смысл сегодня.

Возможно, я слишком строго подхожу к закону, по-фарисейски, и предан более букве, нежели духу закона. По правде сказать, мне лично было бы все равно, что там говорит закон о традиционно чистом и нечистом. Я больше не верю в закон.

Но даже если бы я решился поесть мяса, то не смог бы положить в рот ни единого кусочка свинины, если бы знал, что именно я кладу в рот. Меня бы стошило. У моего желудка нет разума, но он знает, что для него годится. Это — еврейский желудок, и он достался мне по наследству от сотен поколений подобных желудков. Скрижали Моисея лежат в нем камнем — таким же тяжелым, как и та скала, из которой они сделаны.

— Что, однако, не отвращает Битнайю от свинины и бекона, — заметил Микс.

— А! Та женщина! Да в ней после воскрешения воплотилась какая-то гнусная, отвратительная язычница!

— Но ведь ты даже не веришь в реинкарнацию, — сказала Битнайя и засмеялась.

* Религиозная партия или группировка, возникшая в Иудее во II веке до н.э. Фарисеи были толкователями и ревностными исполнителями Закона.

Старфорд не все понял из их беседы, но кое-что уловил.

— В таком случае вы, мастер Иешуа, — с жаром воскликнул он, — жили в одно время с Нашим Господом! Вы знали его?

— Как и любого другого, — ответил Иешуа.

Сидевшие за столом принялись забрасывать его вопросами. Старфорд приказал принести еще лишайникового напитка.

Сколько времени он знал Иисуса?

С тех пор, как тот родился.

Правда ли, что Ирод устроил избиение младенцев?

Нет. Не в его власти было устраивать такое, даже если бы он сильно захотел. Римляне бы тогда лишили его царского венца и, возможно, даже казнили бы. Более того, подобный поступок вызвал бы всеобщую ярость, которая переросла бы в революцию. Нет. Эта история, которую он впервые услышал здесь, в Мире Реки, — явная неправда. По всей видимости, она возникла в народе уже после смерти Иисуса. Хотя не исключено, что она исходит из более раннего рассказа об Исааке.

Выходит, что Иисус, Иосиф и Мария не спасались тогда бегством в Египет?

Да нет же. К чему им было бежать?

А как насчет ангела, который явился Марии и возвестил, что она родит, будучи девственницей?

Как такое возможно, если у Иисуса были старшие братья и сестры, рожденные Мариею от Иосифа? Во всяком случае, Мария, которую он прекрасно знал, никогда и ничего об ангеле не говорила.

Микс, заметив вокруг побагровевшие лица, что объяснялось не только обильными возлияниями, склонился к уху Иешуа.

— Осторожней, — шепнул он. — Эти парни, может, и решили для себя, что их религия — чушь, но им все же не нравится выслушивать то, что напрочь опровергает истины, которые им вдалбливалъ всю жизнь. Многие из них подобны Крамеру. Они верят, даже если и не говорят об этом вслух, что находятся в своего рода чистилище. Они все еще надеются попасть на небеса. А это место для них — всего лишь промежуточная станция.

Пожав плечами, Иешуа проговорил:

— Пусть хоть убивают меня. Я снова воскresну где-нибудь в другом месте, не худшем и не лучшем, чем это.

Один из советников, Николас Хайд, застучал по столу каменной кружкой.

— Я не верю тебе, еврей! — заорал он. — Если ты, конечно, еврей! Ты лжешь! Чего ты добиваешься, пытаясь вбить между нами клин своими сатанинскими измышлениями? А может, ты сам — дьявол?

Старфорд положил руку на плечо Хайда:

— Успокойтесь, уважаемый сэр. Ваши обвинения бессмысленны. Только на днях я слышал от вас, что Бога на Реке нет. Но если его здесь нет, то и сатана отсутствует. Неужели легче поверить в черта, чем в Творца? Этот человек находится здесь в качестве гостя, и, пока он гостем остается, будем обращаться с ним учтиво. — Он повернулся к Иешуа:

— Прошу вас, продолжайте.

Вопросы сыпались со всех сторон. Наконец Старфорд сказал:

— Уже поздно. Нашим гостям сегодня пришлось нелегко, а у нас завтра много работы. Я разрешаю задать еще один вопрос.

Он посмотрел на юношу с аристократической внешностью, которого представили как Уильяма Грея:

— Милорд, не желаете ли задать его?

Несколько нерешительно Грей встал.

— Благодарю вас, лорд-мэр. Итак, мастер Иешуа, вы присутствовали при распятии Христа? И, может, вы его видели после того, как он воскрес из мертвых? А если нет, то, может, вы разговаривали с кем-нибудь заслужившим доверия, кто видел его, скажем, по дороге в Эммаус?

— Это уже больше чем один вопрос, — вмешался Старфорд. — Но я разрешаю их.

Минуту Иешуа молчал. Потом заговорил снова. Только на этот раз он говорил намного медленнее.

— Да. Я был там и видел, как его распинали на кресте и как он умер. Что же касается последующих событий, то могу сказать с уверенностью только одно. А именно: на Земле он из мертвых не воскресал. Хотя в том, что он воскрес здесь, я не сомневаюсь.

Поднялся шум. Громче всех кричал Хайд, требовавший, чтобы лживого еврея вытолкали вон.

Старфорд встал и, стуча изо всех сил молотком по столу, стал призывать к порядку.

— Прошу вас, джентльмены, тихо! — закричал он. — Вопросов больше не будет.

Он распорядился, чтобы сержант Чэннинг проводил троих гостей в предоставленные им помещения. Затем он повернулся к Миксу:

— Мастер Микс, утром я обязательно поговорю с вами тремя. Пусть Бог пошлет вам приятных снов!

Микс, Иешуа и Битнайя последовали за сержантом. Тот держал в руках факел, хотя можно было прекрасно обойтись без него. С ночного неба, сверкавшего гигантскими звездными скоплениями и светящимися газовыми туманностями, лились потоки света более яркого, чем сияние земной Луны в полной ее фазе. Рядом искрилась Река. Микс спросил солдата, можно ли искупаться перед тем, как лечь спать. Чэннинг ничего не имел против, если только гости поторопятся. В одних кильтах из полотенец все трое вошли в воду. Обычно, если люди рядом с ним купались обнаженными, Микс поступал так же. С болеестыдливыми Микс купался сообразно их правилам приличия.

Намыливаясь мылом, которым снабжали их изобильники, они принялись смывать с себя дорожную пыль и пот. Микс разглядывал Битнайю. Она была невысокой смуглой женщиной с пышным бюстом, узкой талией и стройными ногами. Правда, на его взгляд, бедра были широковаты, хотя он заставлял себя не замечать этот изъян. Особенно сейчас, когда выпитое спиртное кружило ему голову. У нее были длинные и густые иссиня-черные блестящие волосы и прехорошенькое лицико — если кому-то по вкусу длинные носы. Миксу они как раз нравились. У его четвертой жены, Вики Форд, именно такой и был, а из всех своих женщин он любил ее больше всех. Глаза Битнайи были большими и темными, и даже во время бегства они не раз останавливали на Миксе свой любопытный взгляд. Он подумал про себя, что лучше бы Иешуа повнимательнее за ней присматривал. От нее исходили волнующие кровь флюиды, как у бродячей кошки в брачный сезон.

А вот Иешуа, тот был несколько иного склада. Его сходство с Миксом было только внешним. Он отличался спокойным и замкнутым характером — за исключением того единственного взрыва негодования, обращенного против Крамера, — и всегда казался погруженным в мысли о чем-то далеком. Несмотря на молчаливость, он производил впечатление человека, имеющего большой вес в обществе — даже скорее когда-то имевшего его, но сейчас сознательно скрывающего это.

— Ну хватит, помылись, — произнес Чэннинг. — Выходите из воды.

— Знаешь, — обратился Микс к Иешуа, — незадолго до того, как я попал на территорию Крамера, со мной случилось нечто загадочное. Ко мне бросился один маленький смуглый человек и что-то закричал на незнакомом языке. Он пытался обнять меня, он плакал и стонал и снова и снова повторял

какое-то имя. Я черт знает сколько времени убеждал его в том, что он обознался. А может, и не так долго. Он все пытался уговорить меня взять его с собой, но я не хотел иметь с ним ничего общего. Я даже стал нервничать от того, как он пристально смотрел на меня.

Я вспомнил о нем только сейчас. Готов об заклад биться, что он спутал меня с тобой. Поневоле задумаешься, если он несколько раз называл твое имя.

Иешуа вышел из своей обычной задумчивости.

— А он назвал тебе свое имя?

— Не знаю. Он пробовал говорить со мной на четырех или пяти разных языках, включая английский, но я все равно не сумел разобрать, о чем он толкует. Но он часто повторял одно слово. Маттифая. Оно что-нибудь означает для тебя?

Иешуа не ответил. Он только вздрогнул и накинул на плечи длинное полотенце. Микс догадывался, что Иешуа ощущает внутренний холод. Дневная жара, которая в самый полдень достигала примерно восьмидесяти градусов по Фаренгейту (здесь не было термометров), спадала медленно. Высокая влажность в долине (во всяком случае, в здешних местах) удерживала жару до полуночи, пока не начинался обычный послеполуночный дождь, который шел несколько часов. Тогда температура стремительно опускалась приблизительно до шестидесяти пяти градусов по Фаренгейту и оставалась на этом уровне до рассвета.

Наконец Чэннинг привел их к месту ночлега. Им оказались две маленькие квадратные бамбуковые хижины. В каждой было по одной комнате. Кровлей им служили огромные листья «железного» дерева. Внутри имелись деревянные вешалки для полотенец и полки для копий и другого оружия. В углу стоял ночной горшок из обожженной глины. Пол слегка возвышался над уровнем земли и представлял собой настил из бамбука. Настоящий класс. В большинстве хижин были земляные полы.

Иешуа с Битней пошли в одну хижину, Микс — в другую. Чэннинг собрался было пожелать всем спокойной ночи, но Микс, обратившись к нему, спросил, не будет ли тот возражать, если они еще немного побеседуют. Чтобы задобрить сержанта, он дал тому сигару из своего грааля. Микс курил одно время на Земле, но потом отказался от этой привычки, чтобы сохранить перед огромной аудиторией юных любителей кино свой имидж «парня что надо». Здесь же длительный период воздержания сменялся у него периодом потакания своей прихоти, тоже длительным, а потом все повторялось сначала. Весь прошедший год, к примеру, он отдыхал

от курения. Но сейчас подумал, что сержант, пожалуй, станет пообщительнее, если он, Микс, покурит вместе с ним. Он прикурил сигарету и закашлялся. Голова на мгновение закружилась. Однако табак определенно был приятным на вкус.

Рыжий Майка Шепстоун Чэннинг был мускулистым и широким в кости, но ростом не вышел. Он родился в 1621 году в деревне Хавант, что в Хэмпшире, где позднее занимался тем, что выделявал пергамент. Когда разразилась гражданская война, он вступил в войско и стал воевать с Чарльзом I. В битве при Насеби его тяжело ранили, и он вернулся домой. Он вновь занялся своим ремеслом, женился, произвел на свет восьмерых детей, из которых только четверо дожили до зрелого возраста и умерли потом от лихорадки в 1687 году.

Микс задал сержанту ряд вопросов. И хотя в его намерения входило лишь установить с ним дружеские отношения, ему был интересен и сам человек. Ему вообще нравились люди.

Затем он перешел на другие темы, стал спрашивать о важных деятелях Нового Альбиона, о структуре правительства и об отношениях с соседними государствами, особенно с Деусвленс* Крамера, которое альбионцы произносили как Дусвленз.

Во времена Английской гражданской войны Страффорд служил под началом графа Манчестерского. Но, потеряв руку из-за того, что в рану попала грязь и началось заражение крови, он уехал жить в Сассекс и стал разводить пчел. Со временем он разбогател и, живший ранее продажей меда, расширил свою торговлю. Позднее он специализировался на морском провианте. В 1675 году он погиб во время шторма близ Дувра. Он был, по словам Чэннинга, хорошим человеком, прирожденным командиром, очень мягким по характеру и с самого начала как никто содействовал созданию государства.

— Это он предложил нам отменить титулы дворян и всяких там принцев крови и самим выбирать себе начальников. Он — наш лорд-мэр уже второй срок.

— А женщинам разрешается голосовать? — поинтересовался Микс.

— Сначала не разрешалось, но в прошлом году они стали требовать, чтобы им тоже дали права. Была небольшая заварушка, ну и после нее они получили что хотели. Никакой управы на них нет, — добавил Чэннинг с кислым видом. — Они в любое время, когда захотят, могут собраться и уйти,

* Божья воля (лат.).

потому что имущества — с гулькин нос и нет детишек, о которых надо заботиться. Да и по хозяйству чертовски мало работы. А что до варки-жарки, так тут и вообще делать нечего. Больно они самостоятельными стали.

Англия, на южной границе Нового Альбиона, имела похожую систему правления, только избираемый народом глава именовался шерифом. Ормондию, на севере, населяли в основном те роялисты, которые во время волнений оставались верны Чарльзу I и Чарльзу II. Ими правил Джеймс Батлер, бывший во времена Чарльза I и Чарльза II первым герцогом Ормондским, лордом-наместником Ирландии и почетным ректором Оксфордского университета.

— В Ормондии в ходу «милорд» и «ваша светлость», — сказал Чэннинг. — Можно даже подумать, что Англию взяли да перенесли со старушки Земли на Реку. Да только все эти титулы ровным счетом ничего не значат, потому что они, можно сказать, в основном почетные. Всех, кроме герцога, выбирают, и в их совете тех, которые родились бедняками, зато честными и достойными, даже больше, чем дворян. А в придачу ко всему, когда их женщины узнали, что нашим дали голосовать, то они взвыли так, что его светлости ничего не оставалось делать, как проглотить эту горькую пиллюлю и при этом улыбаться, будто он на седьмом небе от счастья.

Хотя отношения между двумя крохотными государствами никогда не были особо близкими, они все же объединились против Крамера. Проблема состояла лишь в том, что их объединенные военные штабы не очень-то ладили между собой. Герцогу претило советоваться с лордом-мэром или уступать тому в чем бы то ни было.

— Мне и самому это куда как не нравится, — сказал Чэннинг. — Во время войны должен быть один верховный генерал. Это как раз тот случай, когда две головы никак не лучше одной.

Гунны, жившие по ту сторону Реки, в первые годы немало им досаждали, но последнее время вели себя вполне дружелюбно. Правда, по словам Чэннинга, настоящих гуннов среди них было не более четверти. Они так долго воевали между собой, что поубивали друг друга. На место убитых пришли люди с других территорий вдоль Реки. Они разговаривали на смешанном гуннском, на четверть разбавленном словами из других языков. Прямо напротив Нового Альбиона находилось государство, которым в настоящее время правил Сикх, Говинд Сикх — весьма сильный военачальник.

— Как я уже говорил, — продолжал Чэннинг, — на триста миль отсюда по этому берегу Реки из воскрешенных здесь в основном британцы семнадцатого века. Но попадаются десяти-мильные участки, которые населены не британцами. В тридцати милях отсюда вниз по Реке живут маленькие свирепые сипанги из тринацатого века — желтокожие и косоглазые ублюдки. Да еще этот Дусволенз, который из четырнадцатого века и наполовину немецкий, наполовину испанский.

Поблагодарив сержанта за информацию, Микс сказал тому, что собирается на боковую. Чэннинг пожелал ему спокойной ночи.

ГЛАВА 5

Микс уснул сразу. Ему даже приснилось, будто он занимается любовью с Викторией Форд, своей четвертой женой, — единственной женщиной, которую он до сих пор любил.

Его разбудили пронзительные звуки множества труб из рыбьей кости и грохот барабанов. Микс открыл глаза. Было все еще темно, но заметно посветлевшее небо говорило о том, что солнце вот-вот взойдет над горами. Сквозь открытое окно он мог видеть быстро угасавшие звезды и газовые туманности. Микс снова закрыл глаза и натянул на голову одеяло, сшитое из двойных полотенец. Эх, поспать бы еще немножко! Но чувство дисциплины, к которой приучила его жизнь, когда он был на Земле ковбоем, звездой экрана и артистом цирка, а в этом мире — наемником, заставило его вылезти из постели.

Дрожа от холода, он надел полотенечный кильт и плеснул на лицо ледяную воду из мелкого таза, сделанного из обожженной глины. Затем он снял с себя кильт, чтобы омыть бедра. Его Вики во сне была так же хороша в постели, как и настоящая.

Он провел рукой по щекам и подбородку. От этой привычки он так и не избавился, несмотря на то что надобность в бритье отпала и уже никогда не вернется. Всех мужчин воскресили вечно безбородыми. Том не знал почему. Может, тем, кто воскрешал их — кто бы это ни был, — не нравились волосы на лице. Если так, то отвращения к лобковым и подмыщечным волосам они явно не питали. Но при этом они постарались, чтобы волосы не росли в ушах, а в носу — только до определенной длины.

Таинственные незнакомцы, создатели Мира Реки, произвели также кое-какие изменения на лицах и телах воскрешенных. Женщины, у кого на Земле были огромные груди,

воскреснув здесь из мертвых, обнаружили, что их молочные железы уменьшились в размерах. Женщинам с очень маленькой грудью дали грудь «нормальных» размеров. И ни у одной женщины не было отвислых грудей.

Но не все остались довольны. Отнюдь не все. Находились и такие, кому нравилось то, чем они обладали. Ведь в старой жизни были, безусловно, общества, где необычайно восхищались громадными, свисающими грудями и где размер и форма женской груди совершенно ничего не значили в смысле красоты. На грудь там смотрели только как на необходимый орган, снабжающий младенцев молоком.

Мужчины, у которых на Земле были очень маленькие пенисы, здесь стали обладателями таких, которые не вызывали насмешек или чувства стыда. Миксу не доводилось слышать жалоб по этому поводу. Правда, один мужчина, который на Земле втайне страстно желал быть женщиной, однажды хлебнув лишку, излил свое недовольство Миксу на ухо. Почему загадочные существа, которые исправили так много физических изъянов, не дали ему женского тела?

— Почему же ты не подсказал им, чего тебе хочется? — спросил тогда Микс и засмеялся. Конечно же, он не мог поставить Тех-кто-бы-они-ни-были в известность. Он умер, затем воскрешен на берегах Реки, а в промежуточном состоянии он был мертв.

Мужчина тогда дал Тому в глаз и посадил ему невообразимо огромный синяк. Том вынужден был задать ему как следует, чтобы оградить себя от дальнейших увечий.

Были исправлены также и другие пороки, а точнее, отклонения от «нормы». Том однажды встретил очень красивого — возможно, даже слишком красивого — англичанина, из восемнадцатого столетия, который был дворянином. От паха и выше он был само совершенство, но его ноги раньше имели в длину всего лишь полтора фута. А теперь в них было целых шесть футов и два дюйма. Жалоб со стороны их обладателя не было. Но карикатурность его внешнего облика на Земле, по всей видимости, испортила ему характер, и пусть тело у него было прекрасно, он тем не менее оставался озлобленным, циничным до грубости, язвительным и, хотя и был отменным любовником, ненавидел женщин.

Том с ним как-то тоже подрался и даже сломал англичанину нос. После того как оба оправились от ран, они стали друзьями. Удивительно, но теперь, когда приплюснутый и свернутый набок нос изрядно попортил англичанину красоту, тот

стал уживчивее. Исчезло многое из того, что вызывало в нем отвращение.

Человеческие существа часто непостижимы.

Вытираясь, Микс не переставал думать о том, что сделали для людей Те-кто-бы-они-ни-были в материальном плане. Он завернулся в плащ из длинных полотенец, которые с изнанки скреплялись между собой магнитными скрепками, и взял рулон туалетной бумаги. Ею также снабжали изобильники, хотя находились такие общества, которые эти рулоны использовали совсем не по назначению.

Том вышел из хижины и зашагал к ближайшему отхожему месту — обычной канаве, поверх которой возвышалась надстройка в виде длинной хижины из бамбука. Хижина имела два входа. Над каждым входом на продольном брусе была грубо вырезана фигурка мужчины в фас. Женская уборная находилась в двадцати ярдах от мужской, и над ее входами были вырезаны по дереву фигурки женщин в профиль.

И если привычка ежедневно мыться пока не получила здесь широкого распространения, то к соблюдению других правил гигиены буквально принуждали. Сержант Чэннинг сообщил Миксу, что какать где попало ни мужчинам, ни женщинам не дозволяется. (Он, правда, не употреблял слова «какать», поскольку в семнадцатом веке оно было неизвестно.) Не помогали даже смягчающие обстоятельства. Если человека заставали испражнявшимся вне стен общественного туалета, его изгоняли, предварительно вымазав ему лицо его же эксприментами.

Мочиться на людях в определенных случаях не возбранялось, но при условии, что мочащийся должен позаботиться о том, чтобы его не увидел другой человек противоположного пола.

— Но людям слаще нарушать, чем соблюдать, — произнес Чэннинг, цитируя Шекспира, которого он не знал. (Он никогда и не слыхивал о барде с Эвона.) — В смутные времена беззакония сразу после воскрешения люди совсем потеряли стыд. Скромности им тогда явно не хватало, и они, извините за выражение, разве что не гадили. *М-м, м-да!*

Содержимое уборных регулярно выгребали, затаскивали в горы и кидали на дно специально отведенного для этой цели глубокого каньона.

— Но в один прекрасный день груда дерьма вырастет настолько, что стоит ветру подуть на нас с гор, как мы задохнемся от вони. Не знаю, что мы тогда будем делать. Полагаю,

бросим дермо в Реку и пусть его едят рыбы. Что и делают за Рекой те паршивцы гунны.

— Что ж, — протянул Микс, — мне кажется это разумным выходом. Нашим экскрементам недолго носиться по волнам. Да рыба их на лету подхватит, так что и в воду шлепнуться не успеют.

— Ну да, а потом нам ловить эту рыбу и есть!

— Ее вкус от этого не изменится, — сказал Микс. — Прослушай, ты как-то говорил, что пару лет работал на ферме, так? Тогда ты, конечно, знаешь, что куры и свиньи частенько едят коровьи лепешки и лошадиные яблоки, если им доводится набрести на них. На вкусе мяса это никак не отражается, когда его подают на стол. Разве нет?

Чэннинг состроил гримасу:

— По-моему, это не одно и то же. Во всяком случае, свиньи и куры едят именно коровий навоз, а он — совсем не то, что человеческий.

— Мне трудно судить об этом, — сказал Микс. — Никогда не ел ни того ни другого. — Он помолчал. — Слушай, у меня идея. Тебе ведь известно, что большие земляные черви питаются человеческими экскрементами. Почему бы вам не накопать этих червей из земли и не бросить в выгребную яму в сортире? Они бы избавили вас от дермы и были бы на седьмом небе от счастья — как ирландец с дармовой бутылкой виски.

Чэннинг был поражен.

— Замечательная мысль! Удивляюсь, почему никто из нас не додумался до этого.

Он потом все расточал комплименты Миксу по поводу его сообразительности. Микс не стал говорить, что он бывал во многих местах, где его «свежая» мысль давно вошла в практику.

Те места — так же, впрочем, как и это — испытывали нехватку серы. В противном случае можно было бы, перерабатывая экскременты, извлекать из них кристаллы нитрата и, смешав с древесным углем и серой, получать порох. Заложив затем полученное взрывчатое вещество в бамбуковые ящички, можно было бы использовать их как бомбы или ракетные боеголовки.

Микс зашел в будку сортира и устроился возле одной из двенадцати дырок. И за то короткое время, пока он там пробыл, он успел собрать кое-какие сплетни, касавшиеся в основном похождений одного из советников с женщиной майора. Еще он услышал один грязный анекдот, которого до этого никогда не слышал. А он-то думал, что не пропустил на Земле ни одного.

Вымыв руки в желобе, соединенном с протекавшим неподалеку ручьем, он поспешил обратно в хижину. Захватив свой грааль, он направился к хижине Иешуа, находившейся в сорока ярдах от его хижины. Он намеревался постучать в дверь и пригласить друзей пойти вместе с ним к ближайшему питающему камню. Но в нескольких шагах от двери он остановился.

Иешуа и Битнайя громко спорили по-английски, с сильным акцентом семнадцатого столетия. Микс удивился: почему они не говорят по-еврейски? И только позже он узнал, что английский язык — единственный, на котором они способны общаться, хотя оба могли вести незатейливую беседу с ограниченным количеством слов на андалузско-испанском языке шестнадцатого века и верхненемецком четырнадцатого. Хотя родным языком Битнайя являлся еврейский, он был старше еврейского языка Иешуа по меньшей мере на двенадцать сотен лет. Грамматика ее языка была, с точки зрения Иешуа, архаична, а словарный запас перегружен заимствованными египетскими словами и теми еврейскими словами и выражениями, которые вышли из употребления в разговорной речи задолго до его рождения.

Более того, хотя Иешуа родился в Палестине в семье глубоко религиозных евреев, его родным языком был арамейский. С еврейским он сталкивался в основном в синагоге во время богослужений, хотя Тору, первые пять книг Ветхого Завета, читал не без труда.

Как всегда, Микс с трудом улавливал половину из того, о чем они говорили. Произносимые слова искажались не только их еврейским и арамейским выговором. Они выучили английский язык в той местности, где жили йоркширцы семнадцатого века, и их своеобразный акцент еще больше коверкал их речь. Но там, где Микс не понимал, он заполнял пробелы по смыслу. Как правило.

— Я не пойду с тобой жить в горах! — кричала Битнайя. — Я не хочу оставаться там одна! Я ненавижу оставаться одна! Мне нужно, чтобы вокруг меня было много людей! Я не собираюсь сидеть на вершине скалы и разговаривать только с ходячей мумией вроде тебя! Я не желаю идти! Я не желаю идти!

— Ты, как всегда, преувеличиваешь, — громко сказал Иешуа, но гораздо более спокойным тоном, чем Битнайя. — Во-первых, три раза в день тебе придется спускаться к ближайшему питающему камню у подножия горы. А еще ты можешь спускаться на берег и разговаривать там, когда тебе захочется.

К тому же я и не собираюсь жить наверху безвылазно. Время от времени я буду спускаться, чтобы поработать — скорее всего плотником, — но я не...

Дальше Микс ничего не разобрал, хотя мужчина говорил так же громко, как прежде. Однако большую часть слов Битнайи он понимал довольно легко.

— Не знаю, почему я до сих пор еще не ушла от тебя! Но уж, конечно, не потому, что никому, кроме тебя, не нужна. Да мне, если хочешь знать, уже сколько раз предлагали! И кое-какие предложения показались мне весьма соблазнительными, очень даже соблазнительными!

Я-то знаю, для чего я тебе нужна под боком. И уж, конечно, не потому, что влюблена в мою рассудительность или там в тело! Если б это было так, ты восхищался бы моими достоинствами, ты разговаривал бы со мной больше и спал бы со мной почаше, чем это делаешь ты!

Ты держишься за меня только потому, что знаешь, что я была знакома с Ахароном и Моше и путешествовала с теми племенами, которые вышли из Египта и вторглись затем в Ханаан! Ты мною интересуешься только потому, чтобы вытянуть из меня все, что мне известно об этом вашем великом и святом герое — Моше!

Микс навострил уши. Ну и ну! Здесь присутствовал человек, знавший Христа — или, по крайней мере, претендовавший на знакомство с ним, — и этот человек жил с женщиной, знавшей Аарона и Моисея — или, по крайней мере, претендовавшей на знакомство с ними. Однако кто-то из них — а то и оба — скорее всего врет. Таких врунов по всей Реке — хоть пруд пруди. Ему ли не знать! Достаточно один раз соврать, чтобы распознать ложь. Хотя его ложь была лишь безобидным увиливанием от прямого ответа.

— Если хочешь знать, Иешуа, — взвизгнула Битнайя, — Моше был просто мразью! Он вечно читал нам нравоучения о страшном грехе прелюбодеяния и о том, что грешно делить свое ложе с язычницами, а сам... Мне довелось как-то узнать, чем он занимался! Ну да, он даже женился на одной — на Кусхи из мадианитян! А своего сына он пытался оставить без обрезания!

— Ты мне уже сотню раз обо всем этом рассказывала, — заметил Иешуа.

— Но ведь ты никак не можешь поверить, что я говорю правду, разве нет? Ты не хочешь признать, что то, во что ты так ревностно верил всю свою жизнь, — всего лишь нагромождение лжи! К чему мне врать? Какая польза мне от этого?

— Тебе нравится изводить меня, женщина.

— О, для этого мне не надо придумывать небылицы. Есть масса других способов! Во всяком случае правда одна: Моше был не только многоженцем, он еще по возможности прихватывал себе чужих жен! Кому, как не мне, знать — ведь я была одной из них. Он-то был настоящим мужчиной. Самцом! Не то что ты! Да ты способен стать настоящим мужчиной только тогда, когда засунешь в рот свою галлюциногенную жвачку и отключишься! На что, спрашивается, похож такой мужчина?

— Успокойся, женщина, — тихо сказал Иешуа.

— Тогда не называй меня лгуньей!

— Я никогда не делал этого!

— А тебе и не надо было! Я по твоим глазам вижу и в голосе твоем слышу, что ты не веришь мне!

— Нет. Хотя временами, да что там временами — часто, — я думаю, что лучше бы мне никогда не слышать твоих рассказней. Но главное — истина, и при этом неважно, как глубоко она ранит.

Дальше он стал говорить на еврейском или арамейском языке. Судя по его тону, он что-то цитировал.

— Говори на английском! — звзвизнула Битнайя. — Меня уже воротит от так называемых святых, которые денно и нощно цитировали нравоучительные притчи, тогда как от них самих вечно смердело их собственными грехами, как от большого верблюда! Ты разглагольствуешь совсем как они! А еще заявлял о себе, будто был святым! Возможно, и был! Но я думаю, что твоя религиозность погубила тебя! Хотя откуда мне знать? Ты ведь никогда по-настоящему и не рассказывал мне о своей жизни! Да из одной вашей беседы с советниками я узнала о тебе больше, чем ты когда-либо рассказывал мне!

Голос Иешуа, который становился все тише, неожиданно упал почти до шепота, так что Микс не смог разобрать ни одного слова. Он взглянул на восточные горы. Еще несколько минут, и солнце уйдет за пики. Тогда камни тотчас с грохотом выплеснут ослепляющий сгусток энергии. Если не поторопить, то можно остаться без завтрака. То есть придется ограничиться вяленой рыбой и желудевым хлебом, при одной мысли о которых Микса стало подташнивать.

Он громко постучал в дверь. Двое в хижине замолчали. Битнайя со злостью распахнула дверь, но нашла в себе силы улыбнуться Миксу как ни в чем не бывало.

— Да, знаю. Мы сейчас выйдем к тебе.

— Но не я, — проговорил Иешуа. — Я пока не голоден.

— Прекрасно, чего уж там, — громко сказала Битнайя. — Дай мне как следует прочувствовать свою вину, считай меня виновной в расстройстве твоего желудка. Ну а я проголодалась и собираюсь есть, а ты можешь сидеть здесь и киснуть — мне совершенно безразлично!

— Что бы ты ни говорила, я все равно уйду жить в горы.

— Давай-давай! Тебе, очевидно, есть что скрывать! Кто за тобой охотится? Кто ты такой, раз так боишься встреч с людьми? Что ж, мне скрывать нечего!

Битнайя схватила за ручку свой изобильник и бросилась вон из хижины. Микс, пристроившись рядом, пытался вести приятную беседу. Но она была слишком зла, чтобы отвечать ему тем же. Им не повезло. Едва они заметили издали, между двумя холмами, ближайший грибообразный камень, как с его верхушки взметнулись голубые язычки пламени и до них донесся шум, похожий на рев исполинского льва.

Остановившись, Битнайя разразилась потоком слов на своем родном языке. Надо думать, она сыпала проклятиями. Микс удовлетворился едким коротким словом.

Успокоившись, она спросила:

— Есть покурить?

— Оставил в хижине. Но тебе придется попозже дать мне что-нибудь взамен. Обычно я меняю сигареты на спиртное.

— Сигареты? Ты называешь так те трубочки?

Он кивнул, и они вернулись к его хижине. Иешуа они не увидели. Микс намеренно оставил дверь в хижину открытой. Он не полагался ни на Битнайю, ни на себя.

Битнайя взглянула на дверь.

— Ты, должно быть, думаешь, что я дура. Прямо под носом у Иешуа!

Микс усмехнулся:

— Пожила бы ты в Голливуде!

Он дал ей сигарету. Она щелкнула зажигалкой, которыми их снабжал изобильник. Зажигалка представляла собой прозрачную металлическую коробочку, из которой при нажатии высовывалась раскаленная добела проволочка.

— Ты, по-видимому, невольно подслушал нас, — сказала Битнайя. — Мы оба, как дураки, орали во все горло. С ним очень трудно. Иногда он пугает меня, а я ведь не из пугливых. В нем есть что-то такое, глубоко внутри — что-то особое, почти чужое. Можно сказать, нечеловеческое. И не то чтобы он был злым или не понимал людей. Он понимает, и даже слишком.

Но он почти всегда кажется замкнутым. Иногда он так заразительно смеется, что и я начинаю смеяться. Это потому что у него замечательное чувство юмора. Зато в иные дни он начинает обличать, причем настолько сурово, что его обличения больно задевают меня. Я-то знаю, что тоже включена в список обвиняемых. Но мирюсь с этим. Люди есть люди, хотя часто притворяются лучшими, чем они есть на самом деле. А по мне — так вернее ожидать худшего. Нет ничего лучше приятной неожиданности, когда это худшее не сбывается.

— В этом наши взгляды почти не расходятся, — заметил Микс. — Даже лошади непредсказуемы — а что тогда говорить о людях, чье поведение гораздо сложнее? Никогда нельзя предугадать, как лошадь или человек отреагируют или что движет ими. Лишь в одном можно быть уверенным. Для себя вы «номер один», но для другого «номер один» — это он сам или она сама. Если кто-то ведет себя так, будто считает вас «номером один», и жертвует собой ради вас, значит, он просто обманывает себя.

— Ты говоришь так, будто у тебя были какие-то нелады с женой.

— С женами. Вот что мне, кстати, больше всего и нравится в этом мире. Здесь не приходится при разводе бегать по судам или выплачивать алименты. Здесь просто забираешь свое ведро, полотенца, оружие и уходишь восвояси. Никаких тебе имущественных споров, ни родни со стороны бывшей жены, ни детей, о которых надо волноваться.

— Я родила двенадцать детей, — сказала Битнайя. — Шестеро умерли, не дожив даже до двух лет. Слава Богу, здесь мне не приходится через все это проходить снова.

— Тот, кто нас стерилизовал, знал, что делает, — произнес Микс. — Если б мы могли делать детей, то эта долина была бы вскоре битком набита — как у свиного корыта в час кормежки. — Он пододвинулся к ней и ухмыльнулся: — Во всяком случае, у нас, мужчин, все еще при себе наши орудия, даже если в них холостые заряды.

— Дальше можешь не продолжать, — ответила Битнайя, все еще улыбаясь. — Даже если я и уйду от Иешуа, то скорее всего не захочу тебя. Ты слишком похож на него.

— Я мог бы показать тебе разницу, — сказал Микс.

Он отодвинулся от нее и достал из своей кожаной сумки кусок вяленой рыбы. Откусывая от рыбы, он спросил Битнайю о Моше.

— А ты не рассердишься и не будешь бить меня, если я скажу тебе правду? — задала ему вопрос Битнайя.

— Нет, чего ради?

— Потому что я уже научена держать язык за зубами, когда дело касается моей земной жизни. В первый раз, когда я рассказала о ней — это было почти через год после Дня Великого Крика, — меня жестоко избили и бросили в Реку. Люди, которые сделали это, были вне себя от ярости, хотя я не понимаю, что могло их так вывести из себя. Они ведь знали, что их религия оказалась обманом. Они должны были узнать об этом в ту минуту, когда восстали из мертвых в Мире Реки. Но мне еще повезло, что меня не пытали и не сожгли заживо.

— Мне бы хотелось услышать истинную историю исхода, — сказал Микс. — Я не буду особо переживать, если то, что я услышу, не совпадет с тем, чему меня учили в воскресной школе.

— Обещай никому не рассказывать!

— Вот те крест, и чтоб мне не достался «Тони»!*

ГЛАВА 6

Битнайя озадаченно поглядела на него:

— Это такая клятва?

— Не хуже других.

Она рассказала, что родилась на земле Гошен, находившейся в Мицраиме, то есть в Египте. Ее племя принадлежало к роду Левия и вместе с другими еверскими** племенами пришло в Мицраим примерно за четыреста лет до ее рождения.

Сюда их погнал голод, разразившийся в их стране. Кроме того, их пригласил к себе Иосиф. Он был визирем у египетского фараона и имел возможность переселить племена в страну изобилия, как раз в восточную часть огромной дельты Нила.

— Ты хочешь сказать, что история об Иосифе была такой на самом деле? — спросил Микс. — И что он действительно был продан в рабство своими братьями и впоследствии стал правой рукой фараона?

Битнайя улыбнулась.

— Не забывай, что я родилась за четыреста лет до того, как все это случилось, — напомнила она. — Правда это или нет, но мне так рассказывали.

* Ежегодная премия в Америке за достижения в театральном искусстве.

** Т.е. еврейскими.

— Трудно поверить, что фараон мог сделать кочующего еврея своим главным министром. Почему бы ему не выбрать египтянина, цивилизованного человека, который знал бы все ходы и выходы в таком мудреном деле, как управление великой нацией.

— Не знаю. Но в то время когда мои предки пришли в Египет, фараоном Нижнего Египта был не египтянин. Он был чужеземцем, одним из тех, что наводняли страну из пустынь и кого англичане называют царями-пастырями. Они разговаривали на языке, очень схожем с еврейским — во всяком случае мне так рассказывали. Он, наверное, считал Иосифа кем-то вроде родственника. В общем, представителем родственного с ним народа, а раз так, то ему, значит, можно было доверять больше, чем урожденному египтянину. И все же я не могу утверждать, что данная история правдива, потому что, конечно, не видела Иосифа собственными глазами. Но пока мой народ оставался в Гошене, люди из Верхнего Египта покорили царей-пастырей и сделали своего человека фараоном всего Египта.

Это произошло, как сказала Битнайя, в то время, когда положение сыновей Евера и Иакова стало ухудшаться. Они вошли в Египет как свободные люди, работавшие по соглашению, но потом превратились в рабов — если не официально, то фактически.

— И все же нельзя сказать, что им приходилось слишком туго, но только до той поры, пока фараоном не стал великий Рамзес. Он был могучим воином и талантливым строителем крепостей и городов. Среди того множества людей, которых он использовал при строительстве, были также евреи.

— Этот Рамзес был первым или вторым? — спросил Микс.

— Не знаю. До него фараона звали Сети.

— Тогда это был, наверное, Рамзес II, — сказал Микс. — Так вот кто был фараоном Деспотизма! А кто пришел после него — не Морнептах?

— Как ты странно произносишь его имя, впрочем — да, он.

— Фараон исхода.

— Да, ухода из Египта. Мы сумели убежать от своего рабства, потому что тогда Мицраиму было не до нас. В страну вторглись люди морей, как называют их англичане и как они назывались в наше время. Насколько я слышала, их разбили, но во время беспорядков мы воспользовались возможностью и сбежали из Мицраима.

— Значит, Моисей, я имею в виду Моше, не ходил к фараону и не просил, чтобы его народ отпустили из Египта?

— Он бы не осмелился. Его бы стали пытать и потом казнили бы. И тогда многих из нас убили бы в назидание всем.

— А ты слышала о тех казнях египетских, которые насылались Богом на египтян по просьбам Моисея? О водах Нила, превратившихся в кровь, о нашествии жаб, об умерщвлении первенцев мужского пола по всему Египту и о спасении еврейских сыновей, жилища которых помечались кровью?

Битнайя рассмеялась.

— Пока не очутилась в этом мире, — сказала она. — Тогда в стране действительно свирепствовала страшная болезнь, но она не щадила ни египтян, ни евреев. Оба моих брата и сестра умерли от нее. Я тоже болела, но выжила.

Микс задал ей вопрос относительно религии племен. Она ответила, что в племенах наблюдалось смешение религий. Ее мать поклонялась, среди прочих, главному богу Элю, которого евреи привезли с собой в землю Гошен. Ее отец благоволил к богам Египта, особенно Ра. И в то же время он приносил жертвы Элю, хотя их было немного. Он не мог позволить себе заплатить за большее количество жертв.

Она знала Моше с тех пор, как была совсем маленькой девочкой. Полуеврей, полуимираимитянин, он рос диковатым парнишкой (дикий козленок, как она назвала его). В смешении крови не было ничего необычного. Женщин-рабынь часто насиловали хозяева, однако ради пищи и прочих земных благ некоторые и сами с готовностью отдавались им. А иногда просто ради удовольствия, получаемого от половых сношений. Даже насчет отцовства одной из ее сестер были какие-то сомнения — еврей ее отец или египтянин?

Насчет личности отца Моше тоже были некоторые сомнения.

— Когда Моше исполнилось десять лет, его усыновил один египетский священник, у которого эпидемия унесла двух сыновей. С чего вдруг священнику усыновлять Моше, а не другого мальчика, египетского? Ясно, что тот был отцом Моше. Его мать какое-то время работала у священника.

Когда Моше было пятнадцать лет, он вернулся к евреям и снова стал рабом. Рассказывали, будто его приемного отца казнили, потому что тот тайно поклонялся запрещенному богу Атону. Эту религию основал в свое время ненавистный фараон Эхнатон. Но Битнайя предполагала, что Моше просто выгнали, так как отец заподозрил, будто тот переспал с одной из его наложниц.

— А разве ему не пришлось потом бежать в Мадиам, когда он убил египетского надсмотрщика рабов? Ведь он, как полагают,

совершил убийство из-за того, что надсмотрщик плохо обращался с рабом-евреем.

Битнай засмеялась:

— Правда, вероятно, в том, что египтянин застал Моше со своей женой, и Моше, чтобы не быть убитым, вынужден был сам убить египтянина. Но он действительно сбежал в Мадиамскую землю. По крайней мере, так он сказал, когда через несколько лет вернулся под чужим именем.

— Моисей был, как погляжу, чертовски похотлив, — заметил Микс.

— Козленок подрос и стал козлом.

Вернувшись с женой-мадиамитянкой, Моше сообщил, что сыны Евера усыновлены богом. Этим богом был Яхве. Сообщение Моше явилось полной неожиданностью для евреев, большинство из которых никогда до сих пор о Яхве не слышали. Тем не менее Яхве разговаривал с Моше из горящего куста и поручил тому вывести его народ из рабства. Моше рассказывал об этом вдохновенно и с большой убедительностью, и, казалось, лицо его поистине сияло светом Яхве так же ярко, как горящий куст, который он описывал.

— А как насчет разделения вод Красного моря и потопления фараона с его солдатами, погнавшимися за евреями?

— Те евреи, что жили спустя много времени после нас и написали книги, о которых я тебе говорила, были обычными лгунами. Хотя, возможно, они не лгали, но просто верили всяким выдумкам, которые передавались из уст в уста на протяжении многих столетий.

— А что ты скажешь о золотом тельце?

— Ты имеешь в виду ту статую бога, которую сделал брат Моше Ахрон, пока Моше беседовал на горе с Яхве? Да, это был телец, мицраимский бог Хани в виде теленка. Но не из золота. Он был сделан из глины. Откуда бы мы достали золото в той пустыне?

— Я думал, что вы, рабы, унесли с собой из Египта награбленное добро..

— Нам повезло, что при нас осталась наша одежда и оружие. Мы покидали страну в спешке, да и обременять себя лишним грузом, когда за нами по пятам шли солдаты, не хотели. К счастью, в войсках в тот момент недоставало солдат. Многих из них послали сражаться на побережье с людьми моря.

— А Моисей действительно изготовил каменные скрижали?

— Да. Но десяти заповедей на них не было. Они были написаны египетскими иероглифами. Я не могла их прочитать, да и не я одна — читать иероглифы умела лишь четвертая

часть из нас. В любом случае, чтобы записать все десять заповедей египетскими иероглифами, понадобилось бы не две скрижали, а больше. Ну а потом, надписей надолго не хватило. Краска была плохая, а знойные ветры и песок вскоре окончательно стерли ее.

ГЛАВА 7

Микс с удовольствием расспрашивал бы Битнайю и дальше, но в дверной косяк постучался солдат. Он передал, что Страффорд желает немедленно встретиться с гостями. Микс позвал Иешуа из его хижины, и они последовали за солдатом в зал заседаний совета. Всю дорогу они молчали.

Страффорд пожелал им доброго утра и спросил, намереваются ли они остановиться в Новом Альбионе.

Все трое ответили, что им бы хотелось стать его гражданами.

— Прекрасно, — сказал Страффорд. — Но вы должны также ясно осознать, что долг гражданина перед своим государством — нести определенные обязанности в обмен на защиту. Я перечислю их позднее. Итак, к какой конкретно службе в армии или флоте вы годитесь? И годитесь ли вообще?

Микс уже говорил ему, что умеет делать, но все же повторил еще раз. Лорд-мэр заметил, что Миксу придется начать с рядового, хотя по опыту он годится в офицеры.

— Я приношу за это свои извинения, но у нас принято всем новичкам начинать с самых низких чинов. Эта мера предупреждает всякое уныние и зависть со стороны тех, кто здесь уже давно. Однако, поскольку у вас имеется свое каменное оружие, которого здесь очень и очень не хватает, я могу назначить вас в команду воинов, вооруженных боевыми топорами. Этих воинов считают элитой, какими-то особыми. Через пару месяцев вам могут присвоить звание сержанта, если вы будете хорошо справляться со своими обязанностями, а я уверен, что будете.

— Мне это как раз подходит, — сказал Микс. — Но я также умею делать бумеранги и могу научить ваших воинов кидать их.

— Хм-м! — произнес Страффорд и побарабанил пальцами по столу. — Тогда вы, получается, специалист, а значит, заслуживаете, чтобы сержанта вам дали немедленно. Но в команде боевых топоров вам все-таки придется подчиняться приказам капралов и сержантов. Давайте подумаем. Ситуация довольно щекотливая. Хотя... Вот что, назначу-ка я вас недействительным

сержантом, когда вы будете в команде, и действительным в должности инструктора по бумерангам.

— Это что-то новенькое для меня, — сказал Микс, ухмыляясь. — О'кей.

— Что? — переспросил Страффорд.

— О'кей означает «ладно». Я не возражаю.

— О! Отлично! Ну а вы, Иешуа, чем бы вам хотелось заняться?

Иешуа сказал, что на Земле был плотником и здесь тоже потрудился немало на этом поприще. Вдобавок он научился расслаивать камень. Кроме того, у него есть запас кремня и кремнистого сланца. На корабле, на котором они бежали, случайно оказалась кожаная сумка, доверху набитая необработанными камнями, которые привезли откуда-то издалека.

— Хорошо! — произнес Страффорд. — Можете приступать к работе с мистером Миксом. Будете помогать ему делать бумеранги.

— Извините, — сказал Иешуа. — Но я не могу заниматься этим.

Страффорд широко раскрыл глаза:

— Почему?

— Я дал обет не проливать крови человека — кем бы он ни был — и не участвовать в делах, которые способствуют пролитию крови.

— А как же вы тогда бежали? Разве вы не дрались с преследователями?

— Не драился.

— Вы хотите сказать, что, если бы вас схватили, вы не стали бы защищаться? Просто стояли бы и позволили себя убить?

— Да.

Страффорд снова забарабанил пальцами. Его лицо медленно краснело. Затем он проговорил:

— Я мало знаю об этой Церкви Второго Шанса, но слышал по донесениям, что ее члены отказываются воевать. Так вы один из них?

Иешуа покачал головой:

— Нет. Я принял личный обет.

— Таких не бывает, — заметил Страффорд. — Как только вы сообщаете другим о своем обете, он становится общественным достоянием. А то, о чем вы говорите, означает, что вы дали обет своему богу.

— Я не верю ни в богов, ни в Бога, — тихо, но решительно вразил Иешуа. — Когда-то я действительно верил, очень

сильно. То, как я верил, нельзя даже назвать верой. Это было знание. Я знал. Но я ошибался.

Теперь я верю только в самого себя. И не потому, что так уж хорошо знаю себя. Нет человека, который по-настоящему знал бы что-нибудь, включая самого себя. Можно даже сказать, что нет человека, который знал бы много. Но я знаю одно: я могу дать обет самому себе, и я выполню его.

Старфорд ухватился за край письменного стола, словно пытаясь удостовериться в его реальности.

— Но если вы не верите в Бога, тогда зачем вообще давать подобный обет? Какая вам разница, если, защищаясь, вы прольете кровь? Ведь это же так естественно! А там, где нет Бога, нет и греха. Человек волен поступать, как ему заблагорассудится, и неважно, что своими поступками он может нанести другим людям вред. И это правильно, потому что если нет Высшего Закона, то все, что ни делается — правильно. Или неправильно. Человеческие законы не имеют значения.

— Единственно надежным в мире является обет.

Битнайя засмеялась.

— Он просто чокнутый! — сказала она. — Не пытайтесь найти какой-то смысл в его словах. Я думаю, что он отказываеться убивать, чтобы избежать смертоубийства, потому что хочет быть убитым. Он бы и хотел умереть, но у него кишка тонка, чтобы покончить жизнь самоубийством. Да и какой ему толк от этого? Разве что воскресят в каком-нибудь другом месте!

— Что лишает ваш обет, — заметил Старфорд, — всякого смысла. Здесь никого нельзя убить по-настоящему. Можно лишить человека жизни, и он станет трупом. Но через двадцать четыре часа он будет уже новым телом, целым и невредимым, даже если бы оно было разрезано на тысячу кусков.

Иешуа пожал плечами:

— Все это не имеет значения. Во всяком случае, для меня. Я дал обет и не нарушу его.

— Чокнутый! — произнесла Битнайя.

— Но ты ведь не собираешься основывать новую религию, а? — полюбопытствовал Микс.

Иешуа посмотрел на Микса, как на дурачка.

— Я только что сказал, что не верю в Бога.

Старфорд вздохнул:

— У меня нет времени обсуждать с вами вопросы теологии или философии. И все же наш с вами вопрос можно легко уладить. Вы можете без промедления покинуть наше государство — я имею в виду, сию же минуту. Или же можете

остаться здесь, но только как неполноправный гражданин. Таких в Новом Альбионе сейчас десять. Как и вы, они не желают воевать, хотя причины такого нежелания отличны от ваших. Но и у них есть свои обязанности, своя работа — как у прочих граждан. Зато неполноправные граждане не получают добавок, которые государство каждые три месяца выдает своим обычным гражданам, — то есть сверхнормативные сигареты, спиртное, еду. От неполноправных граждан требуется жертвовать в государственную казну определенную часть содержимого их изобильников. Кроме того, они обязаны дополнительно к своей основной работе мыть уборные. Далее, в военное время из крепости их не выпускают, пока не закончится война. Это для того, чтобы они не путались под ногами у военных. А потом, мы не можем быть уверены в их лояльности.

— Я согласен, — сказал Иешуа. — Буду мастерить вам рыбачьи лодки, строить дома и вообще заниматься всем тем, что потребуется, но при условии, что моя работа не будет напрямую связана с военными действиями.

— Иногда определить это бывает не так просто, — проиннес Стаффорд. — Впрочем, не беспокойтесь. Мы найдем, как использовать вас.

Когда гостей наконец отпустили и они вышли на улицу, Битнайя остановила Иешуа.

— Прощай, Иешуа, — сказала она, глядя на него со злобой. — Я ухожу от тебя. Сил моих больше нет терпеть твоё безумие.

Иешуа, казалось, расстроился даже больше.

— Не стану спорить с тобой. Будет лучше, если мы действительно расстанемся. Ты никогда не была со мной счастлива. Нет ничего хорошего в том, чтобы навязывать другому свои беды.

— Нет, в этом ты не прав. — По щекам Битнайи катились слезы. — Я не против того, чтобы делить с тобой горе, если могу помочь облегчить его, если могу хоть что-то сделать для тебя. Но я ничем не могу помочь. Я пыталась, но у меня ничего не вышло, хотя я не виню себя за неудачу.

Иешуа ушел.

— Том, вот идет самый несчастный человек во всем мире, — проговорила Битнайя. — Хотела бы я знать, отчего он такой печальный и одинокий.

Микс посмотрел вслед своему почти двойнику, быстро удалявшемуся прочь, словно ему было куда идти, и сказал:

— Там иду я — если б не милость Господня.

И он снова удивился про себя тому необычному, поразительному совпадению генов у двух разных людей, родившихся в разные эпохи, между которыми пролегло около тысячи восьмисот лет; в разных странах, отстоявших друг от друга на пять тысяч миль; имевших разную родословную и вместе с тем схожих друг с другом как две капли воды. Сколько же подобных совпадений произошло на Земле, пока там обитал человек?

Битнайя отправилась в женский трудовой отряд. Микс зашел к капитану Хоукинсу и передал тому распоряжения Страффорда. Строевая подготовка с ротой заняла целый час, а оставшееся утреннее время Микс провел, отрабатывая в учебном бою умение владеть топором и щитом, и еще немногого поупражнялся в метании копья. Днем он показывал нескольким мастерам-ремесленникам, как делать булеранги. Через пару дней он уже будет обучать искусству их метания.

Его отпустили за несколько часов до сумерек. Искупавшись в Реке, он вернулся в свою хижину. Битнайя была уже у себя, но без Иешуа.

— Он ушел в горы, — сообщила она. — Он сказал что-то вроде того, что ему необходимо очиститься и поразмыслить.

— Он волен распоряжаться своим свободным временем, как ему хочется, — заметил Микс. — Послушай, Битнайя, как ты смотришь на то, чтобы поселиться у меня? Ты мне нравишься, и думаю, что я тебе тоже нравлюсь.

— Звучит соблазнительно, однако ты слишком похож на Иешуа, — ответила она, улыбаясь.

— Пусть даже я и вылитый его портрет, но я отнюдь не мрачный тип. Мы бы с тобой славно проводили время, к тому же я не нуждаюсь в галлюциногенной жвачке, чтобы заниматься любовью.

— И все же ты напоминал бы мне о нем, — сказала она. Неожиданно она расплакалась и убежала в свою хижину.

Пожав плечами, Микс направился к ближайшему камню, чтобы поставить на него свой изобильник.

ГЛАВА 8

Расправляясь с теми лакомствами, которыми его снабдил изобильник — или священное ведро, чудо-бадья, грааль и как там еще, — Том завязал беседу с хорошенькой, но казавшейся такой одинокой блондинкой. Ее звали Делорес Рамбаут. Она родилась в Цинциннати в штате Огайо, в 1945 году. До этого самого дня она проживала в государстве, что за Рекой. Ее

сожитель доводил ее до безумия своей чрезмерной ревностью. Долгое время она терпела, но однажды ее терпение лопнуло, и она сбежала от него. Она сказала, что могла бы, конечно, просто переехать в другую хижину, но ее приятель, похоже, настроен решительно и не успокоится, пока не убьет ее.

— Как ты только жила со всеми этими гуннами? — спросил Микс.

Ее лицо приняло удивленное выражение.

— С гуннами? Но те люди — не гунны. Мы называем их скифами. По крайней мере, я думаю, что это скифы. Большинство из них довольно высокие люди, с белой кожей. Знаешь, на Земле они великолепно ездили верхом и завоевали обширную территорию на юге Руси. В седьмом веке до нашей эры — если я правильно запомнила из того, что читала о них.

— Здесь их зовут гуннами, — сказал Микс. — Возможно, это только оскорбительное прозвище и оно не имеет отношения ни к их расе, ни к национальности. Ни к чему бы то ни было. Во всяком случае, я рад, что ты здесь. У меня нет женщины, и я так одинок.

Делорес засмеялась:

— Ты не теряешь времени даром, а? О, Том Микс? Неважели ты?..

— Единственный и неповторимый, — подтвердил он. — И такой же наездник без лошади, как и древние скифы сейчас.

— Как это я сразу не догадалась? Я ведь девчонкой столько фильмов пересмотрела с твоим участием. Мой отец был твоим горячим поклонником. У него была куча газетных вырезок о тебе, и фотография с твоим автографом, и даже киноафиша. «Том Микс в Аравии». Он говорил, что это твой самый бесподобный фильм. В самом деле, он так и сказал, что это один из лучших фильмов, которые он когда-либо смотрел.

— Мне и самому он как будто понравился, — сказал Том, улыбаясь.

— Да. Хотя он был довольно грустным. О, я не имею в виду этот фильм. Я хотела сказать обо всех твоих фильмах. Ты снялся... в скольких?

— Полагаю... в двухстах шестидесяти.

— Ух ты! Так много? Мой отец как-то сказал — о, много лет спустя, когда он совсем состарился, — что все они пропали. На киностудиях не осталось ни одного, а те немногие, которые еще шли на экранах, очутились в частных руках и вскоре совсем исчезли.

Том вздрогнул.

— *Sic transit gloria mundi**, — произнес он. — Впрочем, я заработал на них уйму деньжищ и получил уйму удовольствия, просаживая их. Чертову уйму!

Делорес родилась через пять лет после того, как он проторанил своим автомобилем ограждение на шоссе под Флоренцией, между Тусоном и Финиксом. В качестве антрепренера цирка он вез с собой металлический плоский чемоданчик, заполненный деньгами. Деньги предназначались для оплаты по счетам. Ехал он, как всегда, быстро. Ему еще запомнилась скорость, с которой он гнал тогда машину — девяносто миль в час. Он увидел на ограждении предупреждающий знак о том, что шоссе ремонтируется. Но опять-таки как всегда не обратил на знак никакого внимания. Какое-то мгновение дорога была свободной. В следующее... столкновения избежать было невозможно. Он врезался в ограждение.

— Мой отец говорил, что ты умер мгновенно. Чемоданчик был позади тебя, и он сломал тебе шею.

Том снова вздрогнул.

— Мне всегда везло.

— Он говорил, что чемоданчик распахнулся и тысячедолларовые банкноты разлетелись во все стороны. Их было столько, что, казалось, с неба проливается настоящий дождь из денег. Сначала рабочие не обращали на тебя внимания. Они бегали вокруг, словно куры в курятнике, куда забралась лиса, ловили деньги и засовывали их себе в карманы и за пазуху. Они только потом узнали, кем ты был. Тебе устроили шикарные похороны. А похоронили тебя на кладбище «Лесная Поляна».

— По высшему разряду, — проговорил Микс. — Хотя я умер почти банкротом. А Виктория Форд, моя четвертая жена, была на похоронах?

— Не знаю. Нет, вы видали такое? Я тут сижу и беседую со знаменитой звездой экрана!

Самолюбие Тома было уязвлено тем, что рабочие, вместо того чтобы кинуться выяснить, живой он или нет, с увлечением принялись сгребать деньги, которые зелеными снежинками кружились в воздухе. Однако он тут же улыбнулся про себя. На их месте он скорее всего занялся бы тем же. Тысячедолларовая банкнота, порхающая по ветру, выглядит весьма соблазнительно — для тех, кто и в десять лет не зарабатывает столько, сколько он, бывало, за одну неделю. Так что, по правде говоря, он никак не может винить тех недотеп.

* Так проходит земная слава (лат.).

— А на месте происшествия поставили памятник, — сказала Делорес. — Мой отец как-то остановился по дороге, чтобы посмотреть на него, когда взял нас попутешествовать на каникулах по юго-западу. Надеюсь, тебе приятно узнать об этом.

— Хотелось бы мне, чтобы местные знали, какой важной шишкой я был на Земле, — произнес Микс. — Может, тогда они дали бы мне звание повыше, чем сержант. Но они, к сожалению, и не слыхивали о кино, пока не очутились здесь, и, уж конечно, даже представить его себе не могут.

Спустя два часа Делорес решила, что оба они уже достаточно долго знают друг друга, даже слишком долго, раз Микс оставил свои ухаживания. Она приняла его приглашение поселиться у него в хижине. Но едва они подошли к двери, как появился Чэннинг. Его послали с поручением немедленно вызвать Микса к лорду-мэру.

Старфорд ждал его в зале заседаний.

— Мастер Микс, поскольку вы очень много знаете о Крамере и у вас великолепная военная подготовка, я решил прикомандировать вас к своему штабу. Не благодарите меня, время дорого.

Мои разведчики у Крамера доложили мне, что он готовится к крупному наступлению. Он полностью мобилизовал военно-речные силы, а для обороны оставил лишь небольшой вооруженный отряд. Но разведчики, к сожалению, не смогли выяснить места вторжения. Крамер до сих пор держит это в секрете даже от своего штаба. Ему известно, что там есть наши шпионы — точно так же, как и его шпионы у нас.

— Надеюсь, вы больше не подозреваете, что я — один из подосланных им.

Старфорд чуть заметно улыбнулся:

— Нет. Мои разведчики донесли, что вы не соврали. Вы — не шпион, если только не участвуете в дьявольски умном замысле, и пожертвовали отличным кораблем и несколькими воинами, только чтобы убедить меня, что вы тот, за кого себя выдаете. Но лично я сомневаюсь в этом, потому что Крамер не тот человек, который отпустил бы евреев, чем бы он ни руководствовался.

Из слов Старфорда Микс узнал, что на лорда-мэра произвело впечатление то, как он, Микс, дрался на Реке, а также донесения его, Микса, командиров. Кроме того, немалый материал для размышлений дал Старфорду военный опыт Микса на Земле. При этих словах у Тома появилось легкое ощущение вины, но оно быстро прошло. Микс к тому же был хорошо

знаком с топографией и оборонительными сооружениями Деусволенса. А еще он сказал вчера вечером, что единственный способ разгромить Крамера — это прихлопнуть его первым.

«Любопытный оборот речи, — сказал тогда Страффорд, — но очень понятный по значению».

— Из того, что я слышал, — произнес Микс, — крамеровским методом территориального захвата являются обходные маневры. Он обходит стороной одно государство и завоевывает другое, соседнее с ним. После этого, закрепившись на завоеванной территории, он сжимает обойденное государство двумя своими армиями. Действует безотказно. И все же его метод не сработает, если другие государства объединятся против Крамера. Им известно, что в конечном счете он сожрет их всех. Но вопреки всему они так чертовски подозрительны, что не доверяют даже друг другу. Может, их подозрения небезосновательны, я не знаю. А потом, насколько я понимаю, ни одно государство не желает подчиняться чужому генералу. Думаю, что вы знаете об этом.

Мне кажется, что если бы нам удалось нанести один сокрушительный удар и каким-то образом захватить или убить Крамера и его испанского пособника дона Эстебана де Фалья, то этим мы бы значительно ослабили Деусволенс. Тогда и другие государства примчались бы сюда вприпрыжку, как команчи, и окончательно разгромили бы Деусволенс, да и награбили бы вдоволь всего, что грабится.

Итак, я предлагаю совершить ночной массированный налет — на кораблях, конечно, — и застать Крамера врасплох, так чтобы тот не успел и штаны натянуть. Мы подожжем их флотилию, ворвемся к Крамеру и де Фалья и перережем им глотки. Стоит вам обезглавить государство, и тело капитулирует. Его люди разбегутся.

— Я уже подсыпал к нему наемных убийц, но из этого ничего не вышло, — сказал Страффорд. — Я мог бы снова попробовать. Если налет прикрыть отвлекающими маневрами, то нам на этот раз, может, и повезет. И все же я ума не приложу, как осуществить этот план. Плыть вверх по Реке довольно трудно, и это займет у нас много времени. Даже если мы двинемся в путь в сумерках, нам все равно не успеть до рассвета добраться до земли Крамера. Нас заметят его шпионы задолго до того, как мы доберемся туда. Скорее всего когда мы начнем стягивать все корабли в одно место. Так что Крамер будет уже поджидать нас. Это может нас погубить. Нам надо действовать неожиданно.

— Ну да, — произнес Микс. — Но вы забываете о гуннах за Рекой. О, кстати, я только что узнал, что они на самом деле вовсе не гунны, а древние скифы.

— Мне это известно, — проговорил Страффорд. — В прошлом их ошибочно назвали гуннами — по нашему невежеству и из-за того, что те были жестокими дикарями. Терминология не важна. Ближе к делу!

— Виноват. Так вот, до сих пор Крамер действовал только по эту сторону Реки. Гуннов он не тревожил. Но, как я только что узнал, они отнюдь не лишены дара речи.

— Ах да, от той женщины, Делорес Рамбаут, — заметил Страффорд.

Том Микс постарался не показать своего удивления.

— Значит, у вас есть шпионы, которые следят за вашими же людьми.

— Неофициально. Мне не нужно принуждать людей шпионить за их соотечественниками. Ко мне прибегает достаточно добровольцев с отчетами обо всем, что здесь происходит. Они охотники до сплетен и большие зануды. Но иногда они приносят мне важные сведения.

— Так вот, когда я упомянул, что гунны не лишены дара речи, я имел в виду, что им известно о намерениях Крамера напасть на них, когда тот проглотит целый ряд государств по эту сторону Реки. Им, очевидно, известно, что Крамер движется потом против них, дабы стать полновластным хозяином всей этой территории. Они понимают, что это произойдет не сейчас, а через несколько лет, но в том, что нашествие Крамера неминуемо, они не сомневаются. Так что они, возможно, с пониманием отнесутся к некоторым замыслам, которые я вынашиваю. Вот возможный план наших действий.

Их беседа продолжалась еще час. В конце ее Страффорд сказал, что сделает все от него зависящее, чтобы как следует продумать план Микса. В его глазах он был безнадежен — главным образом потому, что для его осуществления оставалось слишком мало времени. Это означало изнурительную работу без сна и отдыха. Каждая минута промедления давала крамеровским шпионам все больше и больше возможностей выяснить, что же происходит. Так что придется поработать. Он не собирается пассивно сидеть и ждать, когда Крамер нападет на него. Уж лучше попытать счастья, чем позволить Крамеру шарахнуть первым. Страффорд начинал уже подхватывать некоторые американизмы двадцатого века, которые слышал от Микса.

ГЛАВА 9

Разведка доложила, что Крамер не вовлекает в военные действия все свои вооруженные силы. Хотя теоретически он не испытывал недостатка ни в солдатах, ни в моряках, чтобы овладеть как Новым Альбионом, так и Ормондией, на деле он боялся отзывать слишком многих из покорившихся ему государств. Его гарнизоны в этих государствах состояли из его людей из Деусволенса, которых было меньшинство, и из лиц, сотрудничавших с поработителями своих стран. Они составляли большую часть гарнизонов. Гарнизоны держали народ в страхе на всей территории оккупированных государств. Вдоль границ они возвели земляные и деревянные стены и в приграничных фортах разместили свои войска. Изобильники большинства граждан хранились в хорошо охраняемых местах и выдавались только тогда, когда наступало время их заполнения. Всякий, кто пожелал бы убежать, вставал перед выбором: или выкрасть свой изобильник, или убить себя и воскреснуть с новым изобильником где-нибудь в другом месте у Реки. Первый вариант был практически неосуществим, а второй обычно выбирался лишь самыми отчаянными или же самыми отчаявшимися.

Тем не менее, если бы Крамер слишком ослабил свои гарнизоны, он бы получил сразу с дюжину революций.

По донесениям стаффордских разведчиков, Крамер брал по два человека из каждого десяти солдат и моряков в подчиненных ему государствах и отправлял их в Деусволенс и Фелипию — государство, примыкавшее к его северной границе. Его флотилия стояла в длинном развернутом строю вдоль берегов Реки. Но солдат и корабли можно было бы сгруппировать в любое время ночью. Какой именно ночью — никто, конечно, не знал.

— Шпионам Крамера известно, что вы, Иешуа и Битнайя находитесь здесь, — сказал Страффорд Микс. — Вы считаете, Микс, что он нападет на Новый Альбион только для того, чтобы заполучить вас троих обратно. Я этому не верю. С какой стати вы для него такие важные персоны?

— И другим удавалось сбежать от него, — ответил Микс, — но не так, в открытую. Новости распространяются быстро. Он знает об этом и чувствует себя униженным. Кроме того, он боится, что другие могут последовать нашему примеру. Но я, однако, думаю, что он так и так планировал расширить свои владения, а мы только побудили его ускорить свои действия.

Первое, что он сделает, — это обойдет стороной Свободу и Ормондию, а затем нападет на нас. В случае взятия Нового Альбиона он начнет свою игру в давильный пресс.

В Ормондию послали гонцов, и герцог со своим советником встретил Страффорда и его советника на границе. Герцога пришлось убеждать полночи, чтобы тот согласился принять участие во внезапной атаке. Остаток ночи и все утро ушли на дебаты, кто должен быть верховным генералом. В конце концов Страффорд согласился, что командование примет на себя Ормонд. Согласился он с большой неохотой, так как считал герцога не таким способным, как он сам. Да и новоальбионацам не очень-то захочется служить под его началом. Но Страффорд нуждался в ормондианцах.

Не давая себе даже краткой передышки, Страффорд пересек Реку, чтобы переговорить с правителями обоих «гуннских» государств. Из донесений своих разведчиков они уже знали о том, что Крамер готовится к новому вторжению. Но это их ничуть не беспокоило, поскольку Крамер никогда до сих пор не посягал на территории за Рекой. В конце концов Страффорд убедил их, что рано или поздно Крамер доберется и до них. И тем не менее оба правителя стали торговаться, претендуя на большую часть трофеев. Страффорд и представитель герцога, Роберт Аберкромби, вынуждены были согласиться на это.

Остаток дня ушел на составление планов относительно расстановки кораблей гуннов. С этим пришлось много повозиться. Правители Харташершес и Дхервишавьяш заспорили о том, кто будет атаковать первым. Микс попросил Страффорда предложить им, чтобы корабли с правителями на борту плыли бок о бок. Тогда оба смогли бы пристать к берегу одновременно. А дальше каждый пусть действует по своему усмотрению.

— Боюсь, весь наш план провалится, — сказал Страффорд Миксу. — Кто знает, что пронюхали крамеровские шпионы. Они ведь могут быть даже в моем штабе или среди гуннов. Если и нет, то их наблюдатели на холмах все равно заметят нас.

В поисках шпионов солдаты в Новом Альбиона и Ормондии прочесывали холмы. Некоторые из шпионов, вероятно, прятались, а значит, не могли зажечь сигнальных огней или передать эстафетой на барабане свое сообщение. Другие, возможно, ускользнули от охотников и теперь спешили — кто пешком, кто на корабле — с информацией к Крамеру. Это, однако, займет какое-то время. Между тем посланцы Нового Альбиона прибыли в три государства, находившиеся южнее их границы,

где они собирались уговорить здешних правителей помочь им укомплектовать для готовившейся атаки личный состав и суда.

Под утро Микса произвели в капитаны. Ему полагалось облачиться в латы альбионского солдата и кожаный, на костяных пластинках, шлем, но он отказался расставаться со своей ковбойской шляпой. Страффорд слишком устал, чтобы возражать ему.

Прошло два дня и две ночи. В течение этого времени Микс спал совсем мало. На третий день он решил уйти куда-нибудь подальше от всей этой суматохи и шума. Здесь так много сутились и болтали, что спать не было никакой возможности. Он пойдет в горы и поищет там тихое, спокойное местечко, где можно будет вздремнуть. Если ему, конечно, дадут. В горах все еще ходили поисковые отряды.

Но сначала он зашел к Битнайе поинтересоваться, как у нее дела. Он узнал, что она теперь живет с мужчиной, чью подругу убили во время сражения на Реке. Битнайя, как ему показалось, была совершенно счастлива со своим новым другом. Нет, она не встречает того «чокнутого монаха» Иешуа. Микс рассказал ей, что иногда видит его издали. Иешуа рубит кремневым топором сосны, хотя Микс не понимает, зачем это нужно.

По пути в горы ему встретилась Делорес. Та работала в трудовом отряде, который перетаскивал с холмов на берега Реки исполинские бамбуковые стволы. Ими укрепляли деревянные стены, тянувшиеся вдоль границы Нового Альбиона со стороны Реки. Перепачканная, она выглядела усталой и какой-то несчастной. Но что-то еще, помимо усталости, заставило ее со злостью посмотреть на Микса. Не один раз они находили и время, и энергию, чтобы заняться любовью.

Том, улыбнувшись ей, крикнул:

— Не волнуйся, дорогая! Встретимся, когда все это кончится! И я сделаю тебя счастливейшей из всех живущих на свете женщин!

Делорес сказала ему, что он может сделать со своей шляпой.

Том засмеялся:

— Все перемелется.

Она не ответила. Согнувшись над веревкой, привязанной к стволу, она вместе с другими женщинами стала изо всех сил тянуть за нее, чтобы перетащить ствол через гребень холма.

— Ну теперь остается только под гору, — произнес Микс.

— Так ведь не для тебя же, — отозвалась она.

Том снова засмеялся, но, отвернувшись, нахмурился. Не его вина, что ее послали на работу. И он почувствовал сожаление — может, даже более острое, чем она, — оттого, что их медовый месяц не получился.

Следующий холм был занят и переполнен стуком каменных топоров, рубивших гигантский бамбук, ворчанием лесорубов и громкими возгласами десятников и десятниц, выкрикивавших свои распоряжения. Том забрался еще выше и обнаружил все то же: обстановка явно не благоприятствовала сну. Он продолжал восхождение, зная, что, добравшись до самой горы, он не встретит ни одной живой души. Однако усталость начинала брать свое, и он стал проявлять нетерпение.

Он остановился на вершине последнего холма и сел, чтобы немного отдохнуть. Здесь «железные» деревья росли почти вплотную друг к другу, а между ними покачивались стебли высоких трав. Звуки топоров и голоса все еще слышались, хотя Микс не видел никого. Может, хватит искать и растянутся здесь? Трава была жесткой, однако он настолько устал, что мог пренебречь этим. Он улегся на плащ, накрыл лицо шляпой и мгновенно провалился в давно заслуженный им сон. Здесь не было насекомых, которые ползали бы по лицу или жалили бы, как не было ни надоедливых муравьев, ни мух, ни москитов. Не было и птиц, чей громкий крик мог бы его потревожить.

Микс проснулся и, сбросив с себя белый плащ, положил его на траву. Жаркие лучи солнца, пробивавшиеся между двумя «железными» деревьями, падали прямо на него; жесткая трава окружала его стеной. А!

Старфорд наверняка уже разыскивает его. Если так, то хуже некуда.

Том потянулся, потом решил разуться. Ноги в тяжелых военных сапогах потели. Он сел и, скинув с правой ноги сапог, стал снимать носок, сотканный из травы, но остановился. Послышался ему шорох в траве, не похожий на шелест ветра, или нет?

Его оружие лежало рядом: томагавк из кремнистого сланца, кремневый нож и бumerанг — все в ременных петлях на поясе. Вытащив оружие, он положил бumerанг на плащ, в правой руке он зажал томагавк, а в левой — нож.

Шорох, прекратившийся через минуту, возобновился. Микс осторожно встал. В двадцати футах отсюда, по направлению к горе трава пригибалась и затем вновь распрямлялась. Некоторое время он не видел идущего. Возможно, ростом тот был ниже травы или же шел пригнувшись.

Затем поверх зелени появилась голова. Она принадлежала мужчине, смуглому и черноволосому, с испанскими чертами

лица. Это ни о чем не говорило, поскольку такие, как он, встречались здесь на каждом шагу, и все они были хорошими гражданами. Некоторые из них когда-то сбежали из Деусволенса и Фелипии. Однако вороватая походка мужчины ясно показывала, что его поведение отличается от поведения местных жителей.

Он наверняка был шпионом, ускользнувшим от поисковых отрядов.

Мужчина смотрел в сторону горы, повернувшись боком к наблюдавшему за ним Миксу. Тот поспешил присел на корточки, прежде чем незнакомец успел повернуть голову, и прислушался. Шорох прекратился. Через некоторое время он повторился. Может, мужчина чувствовал здесь чье-то присутствие и пытался кого-то обнаружить?

Опустившись на колени, Микс приложил к земле ухо. Подобно большинству обитателей долины, парень, очевидно, шел босиком или в сандалиях. Но он ведь может наступить на ветку — хотя с кустов они падали не так уж часто. Или споткнуться.

Микс с минуту внимательно слушал, затем встал. Теперь он даже не слышал, как тот шел, да и трава колыхалась разве что под дуновением ветерка. Ага! Вот он! Парень удалялся.

Микс быстро подпоясался, накинул на плечи плащ и, завязав его у шеи, снова надел сапог.

Зажав в зубах белую шляпу, с ножом в одной руке и томагавком в другой, он последовал за незнакомцем. Он шел не спеша, то и дело приподнимая над травой голову. Неизбежно должен был наступить такой момент, когда преследуемый и преследователь посмотрят друг на друга одновременно. И он наступил.

Мужчина тут же нырнул в траву. Теперь, когда Микса обнаружили, он больше не видел причины прятаться. Он следил, как колышется трава, выдавая ползущего человека. Ее колыхание напоминало волнение воды, когда подводный пловец плывет близко к ее поверхности. Микс устремился к тому месту, где шевелилась трава, но готовый тут же спрятаться, если зеленый кильватер оборвется.

Голова смуглого мужчины неожиданно выскочила на поверхность. К удивлению Микса, мужчина приложил палец к губам. Микс остановился. Что он делает, черт побери? Затем мужчина показал на что-то позади Микса. Какое-то время Микс не решался смотреть. Все это слишком смахивало на некую каверзу со стороны незнакомца. Впрочем, что он от

этого выиграет? Он слишком далеко, чтобы воспользоваться возможностью и наброситься на Микса, когда тот обернется.

Была каверза или нет, но любопытство взяло верх. Микс оглянулся и посмотрел вокруг. Позади шевелилась трава, словно по ней ползла невидимая змея.

Микс быстро оценил обстановку. Был ли тот другой союзником смуглого мужчины, выслеживавшим самого Микса? Нет. Если бы он был заодно, то смуглый мужчина не указывал бы на него. Происходившее, очевидно, имело одно объяснение: смуглый мужчина был альбионцем, который обнаружил шпиона. Он шел по его следу, и как раз в это время Микс ошибочно принял за шпиона его самого.

Миксу было некогда размышлять над тем, что он мог бы убить одного из своих. Нырнув в траву, он стал пробираться к тому месту, где находился третий человек — точнее, только что находился, потому что к тому времени, как Том доберется туда, неизвестного, очевидно, там уже не будет. Примерно через каждые двенадцать футов он приподнимался, чтобы проследить за его продвижением. Рябь на поверхности моря травы катилась теперь по направлению к горе, прочь от него и от смуглого мужчины. Последний, судя по движению травы, полз прямо туда, где только что был Микс.

Устав от этой безмолвной и неспешной игры, Микс, уверенный, что преследуемую жертву можно заставить выдать себя каким-нибудь внезапным и резким действием, рявкнул во все горло. И ринулся сквозь траву так быстро, как только мог.

Этот день был поистине полон сюрпризов. На поверхность выскочили две головы — вместо одной вопреки ожиданиям Микса. Одна из них была светловолосой, другая — рыжей. Те, что так торопились ускользнуть, оказались мужчиной и женщиной — женщина впереди, за ней мужчина. Они ползли, припадали к земле, на короткое время приподнимались над травой — словно живые перископы, — хотя фактически Микс и не видел, как они наблюдали.

Микс остановился. Если он дал маху с первым человеком, разве не мог он повторить ту же ошибку и с этими двумя?

Он прокричал им, кто он такой и что тут делает. Отозвавшись на его крик, смуглый мужчина сказал, что его зовут Раймондо де ла Рейна и что он — гражданин Нового Альбиона. Затем назвали себя рыжеволосый и блондинка: Эрик Саймонс и Гуиндилла Ташент, также граждане того же государства.

Микс от души посмеялся бы над этой комедией ошибок, но он все еще сомневался. Вполне возможно, Саймонс и Ташент

лгали, чтобы ввести в заблуждение остальных и ослабить тем самым их бдительность.

Том не двигался с места.

— Чем вы двое тут занимались? — спросил он.

— Бога ради, — проговорил мужчина, — любовью! Но умоляю вас, не говорите об этом никому. Моя женщина чрезвычайно ревнива, а мужчина Гуиндиллы тоже не очень обращается, услышав об этом.

— Можете на меня положиться, — пообещал Микс и повернулся к приближившемуся де ла Рейна: — А как насчет тебя, приятель? У тебя ведь тоже нет причин оставить их, а? Тем более что мы все выглядим в этой истории дураками.

Здесь была другая проблема: оба любовника явно увиливали от своих обязанностей. Если власти узнают об этом, то дело может принять серьезный оборот, потому что тут пахнет военным судом. В намерения Микса не входило докладывать об этом, но испанец, возможно, полагал своим долгом довести это до сведения властей. Если бы он стал настаивать, Микс не смог бы спорить. Во всяком случае, не слишком рьяно.

Он, Саймонс и Ташент стояли неподвижно. Де ла Рейна, рассекая грудью траву, пробирался к Миксу — вероятно, для того, чтобы обсудить с ним ситуацию. А может, он считал, что этой парочке доверять нельзя. Что не лишено смысла, подумал Микс. Не исключено, что они были шпионами, выдумавшими свой рассказ, когда их обнаружили. Или — что скорее всего — заранее сочинили его на тот случай, если попадутся.

Но на самом деле Микс так не считал.

Вскоре испанец был уже в нескольких футах от него. Микс теперь ясно различал черты его лица, длинного и узкого, с орлиным профилем, — настоящего испанского гранда. Он был таким же высоким, как Микс. Сквозь траву Микс разглядел на нем зеленый полотенечный кильт и кожаный пояс, к которому прикреплялись два кремневых ножа и томагавк. Одну руку он держал за спиной, в другой ничего не было.

Микс не позволил бы приблизиться к себе никому, кто прячет за спиной руку.

— Стой там, amigo! — произнес он.

Де ла Рейна повиновался. Он улыбнулся, но вид у него был озадаченный.

— А в чем дело, друг?

В его английском языке семнадцатого века чувствовался сильный иностранный акцент, и вполне возможно, что он с трудом понимал американское произношение Микса двадцатого

века. В отношении его у Микса тоже родились сомнения, хотя и смутные.

Том медленно заговорил:

— Твоя рука. Та, что за спиной. Опусти ее. Не спеша.

Он рискнул кинуть взгляд на других. Оба медленно приближались к нему. Было видно, что они напуганы.

— Ну конечно, друг, — ответил испанец.

И де ла Рейна с криком прыгнул к Миксу. В руке, которую он прятал за спиной, было зажато кремневое лезвие. Наружу высовывалось лишь самое острие в несколько дюймов, но и этого было достаточно, чтобы полоснуть по яремной вене или горлу. Если бы испанец был посообразительней, он мог бы целиком запрятать свое оружие в кулаке и помахивать рукой вполне естественно. Но он побоялся.

Том Микс взмахнул томагавком. Всей тяжестью оружие обрушилось на череп де ла Рейна. Тот рухнул. Лезвие выпало из разжавшихся пальцев.

— Ни с места! — крикнул Том тем двоим.

Они с тревогой посмотрели друг на друга, но остановились.

— Поднимите руки вверх! — приказал он. — Выше головы!

Руки послушно взметнулись кверху. Рыжеволосый Саймонс спросил:

— Что происходит?

— Валяйте по-быстрому под то «железное» дерево!

Оба направились в указанное место. Под деревом стояла заброшенная хижина, но траву вокруг нее недавно косили. Она уже снова подросла на высоту фута и мешала Миксу заметить, вооружены те или нет.

Наклонившись, он принял внимательно разглядывать испанца. Парень еще дышал, однако дыхание было неровным. Возможно, он оправится, но может, и нет. Если да, то он скорее всего навсегда лишится рассудка. Для него было бы лучше умереть, так как его непременно подвергнут пыткам. Такова была судьба всех шпионов на этой территории, которые не сумели убить себя, пытаясь избежать неминуемого пленения. Этого растягивали бы на деревянном колесе до тех пор, пока веревки на его запястьях и щиколотках не разорвали бы суставы. Если от него не добываются более-менее стоящей информации или же посчитают, что он лжет, его разденут догола и подвесят над слабым огнем, медленно поджаривая. Вращая его на вертеле, ему выколют один или оба глаза или же отсекут ухо. Если он и тогда откажется говорить, его снимут и оштудят водой. А затем, возможно, станут выдергивать ногти на руках и ногах или резать потихоньку половые органы. В его

анальное отверстие могут засунуть раскаленный кремневый наконечник. Его пальцы могут один за другим отрубать и тут же прижигать обрубки раскаленным камнем.

Перечислять все возможные пытки было бы слишком долго и мучительно для чувствительных людей с развитым воображением.

Микс не видел, чтобы альбионцы когда-либо пытали шпионов. Но он, будучи в плена у Крамера, насмотрелся на инквизиторские допросы и поэтому слишком хорошо знал, какие ужасы ожидают испанца. А что путного может сообщить этот бедолага? Ничего! Микс был уверен в этом.

Он выпрямился, чтобы убедиться, на месте ли Саймонс и Ташент. Они уже стояли рядом с хижиной, под ветвями дерева.

Склонившись над лежавшим, Том резанул по его яремной вене. Убедившись, что тот мертв, и захватив с собой ценное оружие, он зашагал к дереву. Парень воскреснет в целом, здоровом теле где-нибудь у Реки далеко отсюда. Может, когда-нибудь Микс снова встретится с ним и сможет рассказать ему об этом акте милосердия.

На полпути к дереву он остановился. Сверху, откуда-то с горы, донесся резкий и пронзительный звук бамбуковой свирели.

Кто бы мог там понапрасну тратить время, тогда как все обязаны усердно работать? Еще одна парочка влюбленных, один из которых между совокуплениями развлекает другого музыкой? А может, этот пронзительный звук — что-то вроде сигнала, подаваемого шпионом? Маловероятно, но следует учесть все возможные варианты.

Рыжий и блондинка все еще стояли с поднятыми руками. Оба были нагими. Женщина, бесспорно, обладала прекрасным телом, и ее густые волосы на лобке имели тот самый рыжевато-золотистый отлив, который особенно волновал Тома. Она напомнила Миксу одну молоденькую киноактрису, с которой он встречался сразу после развода с Вики.

— Повернитесь кругом, — сказал он.

— Зачем? — спросил Саймонс. Но подчинился.

— О'кей, — сказал Микс. — Теперь можете опустить руки.

Он не стал рассказывать им, что однажды голый пленник нанес ему удар ножом, зажатым между ягодицами, пока стоял рядом с пленившим его Миксом.

— Так что же произошло?

Как он и думал, парочке нашлось о чем рассказать. Эти двое удрали из трудового отряда, чтобы заняться в траве любовью.

Полеживая в траве в перерыве между вспышками страсти, они уже собирались закурить по сигарете, когда услышали, как поблизости проходит шпион. Схватив оружие, они стали преследовать его. Они были уверены, что незнакомец забрался сюда не к добру.

Затем они увидели Микса, идущего по следу де ла Рейна, и уже были готовы присоединиться к нему, как испанец заметил их. Он оказался весьма сообразительным, когда пытался внушилить Миксу, что шпионы — они.

— Его затея могла оказаться успешной, если бы он не попытался убить меня сразу, вместо того чтобы выждать более удобный случай, — заметил Микс. — Ну ладно, возвращайтесь-ка вы оба к своей работе.

— А вы никому об этом не расскажете, а? — спросила Гундилла.

— Возможно. А может, и нет. А что? — ухмыльнулся Том.

— Если вы не проболтаетесь, то обещаю, вы не пожалеете.

— Гунн! Ты ведь не сделаешь этого, ты не можешь! — буркнул Эрик Саймонс.

Она пожала плечами, и грудь ее соблазнительно всколыхнулась.

— Лишний раз не повредит. Тем более что в виде исключения. Тебе ведь известно, что произойдет, если он выдаст нас. Нас на неделю посадят на хлеб и воду, публично опозорят и... ну, ты же знаешь, какой Роберт. Он изобьет меня, а тебя постарается убить.

— Но ведь мы можем убежать, — сказал Саймонс и принял угрожающий вид. — А может, ты предпочитаешь кувыркаться с этим малым, потаскушка?

Том снова засмеялся.

— Если вас поймают, когда будете удирать, то казнят, — сказал он. — Не беспокойтесь. Я не вымогатель и не бессердечный развратник Рудольф Рассендейл.

Их взгляд выразил недоумение.

— Рассендейл? — спросил Саймонс.

— Неважно. Вряд ли вы его знаете. Вам обоим лучше идти. Я никому не расскажу всю правду. Скажу, что был один, когда наткнулся на этого испанца. Вы лишь скажите мне, кто это там наверху играет на свирели?

Они уверили его, что понятия не имеют, и, повернувшись, пошли в густую траву, чтобы забрать свою одежду и оружие. Всю дорогу они громко переговаривались. Миксу подумалось, что после этого случая от их взаимной страсти навряд ли что-нибудь останется.

Когда их ожесточенные голоса затихли вдали, Том повернулся к горе. Может, ему стоит вернуться на равнину и доложить, что он убил шпиона? Или подняться в гору и проверить, что там за музыкант? А может, заняться тем, для чего он сюда и пришел — то есть спать?

Любопытство взяло верх. И вот так всегда с ним.

Сказав себе, что ему следовало бы родиться котом — тем, который уже прожил одну из своих девяти жизней, — Микс стал карабкаться на гору. Поверхность склона избороздили трещины, выступы, маленькие площадки и крутые узкие тропинки. Однако только горный козел, или весьма решительно настроенный человек, или просто сумасшедший могли бы воспользоваться этими неровностями, чтобы взобраться на скалу. Здравомыслящий человек окинул бы ее взглядом до самой вершины, возможно, повосхищался бы ею, но остался бы у подножия и в свое удовольствие побездельничал бы или поспал, а то и повалялся бы с женщиной в траве. А еще лучше, он бы сделал и то, и другое, и третье, а в придачу — хороший бурбон, или что там еще предложит выпить его изобильник.

Цепляясь руками за край одной из маленьких площадок, Микс подтянулся и взобрался на нее. На середине ее стояло строение, которое больше походило на огороженную пристройку с односкатной крышей, чем на хижину. Позади строения виднелся небольшой каскад — один из тех многих водопадов, которые, по-видимому, брали начало у недоступных взору снежных шапок на вершинах гор. Каскады были еще одной загадкой этой планеты. Времен года на ней не было, а значит, планета должна была вращаться при неизменных девяноста градусах к плоскости эклиптики. Но если период таяния снегов никогда не наступал, то откуда бралась вода?

У водопада был Иешуа. Голый, он вовсю дул в свирель Пана и танцевал так же неистово, как один из козлоногих почитателей Великого Бога. Он все кружился и кружился. Он высоко подпрыгивал, он скакал, он наклонялся то вперед, то назад, он брыкался, он приседал, он делал пирамиды, он раскачивался. Его глаза были закрыты, и с риском для жизни он приблизился к самому краю площадки.

Как Давид, который танцевал от радости, когда вернул евреям ковчег Бога, подумал Микс. Но Иешуа плясал перед незримой публикой. И ему, определенно, нечего было праздновать.

Микс стоял в замешательстве. Он чувствовал себя в роли человека, подглядывающего в окно. Он почти решил удалиться и оставить Иешуа во власти того, что владело им. Но, вспомнив,

с каким трудом он сюда добрался и сколько времени пришлось потратить на это, он передумал.

Микс крикнул. Иешуа перестал танцевать и шатнулся назад, будто пронзенный стрелой. Микс подошел к нему и увидел, что тот плачет.

Иешуа, отвернувшись, встал на колени и плеснул на себя ледяной воды из озерца, образовавшегося у водопада, затем повернулся к Миксу. Слезы высохли, но широко раскрытые глаза все еще выдавали неистовость.

— Я танцевал не потому, что был счастлив или меня наполняла слава Божья, — заговорил он. — На Земле, в пустыне у Мертвого моря я часто танцевал. Вокруг никого, только я и Отец. Я был арфой, и Его пальцы перебирали струны бурного восторга. Я был флейтой, и Он пел через мое тело песни Небес.

Но этого больше не будет. Теперь я танцую, потому что, если не танцевать, я бы выплескивал свою муку и боль воплем, пока мое горло не охватит огонь, а потом спрыгнул бы со скалы в объятия долгожданной смерти.

Но что толку в этом? Здесь, в этом мире, невозможно совершить самоубийство. Лишь на время. Через каких-то несколько часов он снова встретится с собой и миром. К счастью, ему не приходится снова встретиться со своим богом. Встречаться больше не с кем.

Микс пришел в еще большее замешательство.

— Все не так уж плохо, — сказал он. — Этот мир, может, и не оказался таким, каким представлялся тебе. И что с того? Ты не можешь винить себя за свои ошибки. Кто способен постигнуть истину о непостижимом? Как бы там ни было, в этом мире есть много хорошего, чего не было на Земле. Так что наслаждайся этим хорошим. Конечно, здешняя жизнь — не сплошное удовольствие, но где ты видел такую жизнь на Земле? По крайней мере, тебе не надо волноваться из-за того, что старишься. Здесь полно симпатичных женщин. Тебе не нужно просиживать ночами, ломая голову, где достать еды на следующий день или как уплатить налоги или алименты. Черт, даже если здесь нет ни лошадей, ни машин, ни кино, я бы все равно выбрал этот мир! Теряешь одно — находишь другое.

— Ты не понимаешь, друг мой, — проговорил Иешуа. — Только такой человек, как я, — человек, который заглянул сквозь завесу, которая и есть сущность нашей материальной вселенной, и увидел за ней реальность, почувствовал внутри прилив Света...

Он вдруг замолчал, взглянул наверх и, сжав кулаки, издал долгий воющий крик. Микс лишь однажды слышал подобный

крик — в Африке, когда бурский солдат упал со скалы. Впрочем, нет. Никакого бурского солдата он не слышал. Он просто еще раз смешивал фантазию с реальностью. Имя «Микс», что на английском языке двадцатого века означало «смесь», очень подходило к нему.

— Наверное, мне лучше уйти, — сказал Микс. — Я знаю, как бывает, когда ничего не поделать. Мне жаль, но...

— Я не хочу одиночества! — произнес Иешуа. — Я ведь тоже человек, и мне тоже хочется разговаривать и слушать, видеть улыбки и слышать смех, я тоже хочу познать любовь! Но я не могу простить себя за то, что я был... тем, кем был!

Интересно, о чём он говорит? — подумал Микс и, повернувшись, направился к краю площадки. Иешуа пошел за ним.

— Если бы только остался там, с сынами Задока, сынами Света! Так нет! Мне казалось, что я нужен миру мужчин и женщин! Каменистые пустыни развернулись передо мной, словно свиток, и я прочитал на них, что уготовано нам, и очень скоро, потому что Бог показывал мне грядущее. Я оставил своих братьев в их пещерах и гробницах и пошел в города, потому что жившие в них мои братья и сестры и маленькие дети должны были знать, чтобы получить возможность спастись.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал Микс. — Я тебе сочувствую, конечно, что бы там ни обуревало тебя. Но я не смогу тебе помочь, пока не буду знать, в чём дело. Да и тогда, мне кажется, помощник из меня выйдет никудышный.

— Ты послан, чтобы помочь мне! Это не простое совпадение, что ты так похож на меня и что наши пути пересеклись.

— Я не лечу больные мозги, — проговорил Микс. — Так что не о чём даже и говорить. Я не сумею сделать тебя нормальным.

Иешуа резко опустил руку, которую протягивал Миксу.

— Что я несу? Неужели я так никогда и не научусь? Конечно же, ты не послан. Нет Никого, кто мог бы послать тебя. Это всего лишь случайность.

— Увидимся позже.

Том стал спускаться. Во время спуска он лишь раз поглядел наверх и увидел лицо Иешуа, свое собственное лицо, глядевшее на него сверху. Микс разозлился. У него было такое чувство, будто ему следовало оставаться и хоть немного поддержать человека, подбодрить его. Он мог бы слушать до тех пор, пока Иешуа не выговорился бы и не почувствовал себя лучше.

Но к тому времени когда Микс спустился к холмам и зашагал обратно, его мысли приняли другое направление. Теперь Микс сомневался, смог ли бы он по-настоящему помочь бедному малому.

Иешуа наверняка почти свихнулся. Он был явно какой-то недоделанный. И вообще, с этим миром и воскрешением было что-то странное. Умерших людей не только воскресили из мертвых в их двадцатипятилетнем теле — за исключением, конечно, тех, кто умер на Земле в более молодом возрасте, — но и полностью исцелили всех, кто страдал на Земле душевной болезнью.

Однако со временем проблем нового мира накапливалось все больше и больше, и ко многим стала возвращаться их прежняя болезнь души. До шизофрении дело не доходило, но, насколько Микс понял из разговора с одним человеком двадцатого столетия, шизофрения по меньшей мере на три четверти связана физическому дисбалансу и имеет в основном генетическое происхождение.

Тем не менее за пять лет жизни в долине Реки появилось некоторое число больных людей. Это, если сравнить с Землей, не так много. Не очень-то успешным было и воскрешение — относительно обращения большинства так называемых здоровых к новой точке отсчета, к совершенно другой социальной установке, которая совпадала бы с реальностью.

Какой бы ни была эта реальность.

Как и на Земле, большая часть человечества действовала подчас, противореча здравому смыслу, хотя и пыталась оправдать свои поступки, и была невосприимчива к логике, которую она не терпела. Микс всегда знал, что мир — наполовину безумен, и вел себя соответственно — как правило, с пользой для себя.

Точнее, он так думал тогда. Теперь же, когда у него появилось время иногда размышлять о земном прошлом, он понял, что был полубезумным, как большинство людей. Он надеялся, что жизненные уроки чему-то научили его, но сколько раз он уже убеждался в обратном. Во всяком случае, он был бы способен простить себя за свои грехи, за исключением кое-каких проступков.

Но несчастный Иешуа не мог простить себя за то, кем он был и что сделал на Земле.

ГЛАВА 10

Рассказав Страффорду о де ла Рейна, Микс отправился в свою хижину, где выпил последние четыре унции виски.

Кто бы мог подумать, что у Тома Микса окажется точная копия его самого, да еще — о Господи! — древний еврей?

Очень плохо, что они не родились в одно время. В качестве его дублера Иешуа мог бы заработать кучу денег.

Несмотря на неумолчный разноголосый шум на улице, Микс как-то ухитрился уснуть. Однако долго отдыхать ему не пришлось. Через два часа его разбудил Чэннинг. Микс пробормотал, чтобы тот убирался. Чэннинг продолжал трясти его за плечо, затем, отчаявшись пробудить его таким способом, вылил ему на голову полное кожаное ведро воды. Отплевываясь, ругаясь и размахивая кулаками, Микс подскочил на постели. Сержант со смехом выбежал из хижины.

Совет заседал один час, после чего Микс вернулся в хижину, чтобы еще немного поспать. Но уже через несколько минут его разбудили оглушительные разрывы питающих камней. К счастью, он пообещал одному человеку несколько сигарет, если тот позаботится об изобильнике Микса. Так что без ужина он не останется.

Спустя некоторое время пришла Делорес и, поставив изобильники, свой и Тома, предприняла попытку растолкать его, чтобы впервые, а возможно, и в последний раз заняться с ним любовью. Он посоветовал ей уйти. Тогда она применила прием, против которого могут устоять очень немногие мужчины. Потом они поели, а после еды выкурили по две сигареты. Кто знает, выйдет ли он живым из предстоящей стычки с врагом, так что лишний гвоздь в гроб ему не повредит. Как бы там ни было, Делорес не любила курить одна после минут любви.

Однако от сигареты Том закашлялся, и у него закружила голова. Он снова дал себе зарок не курить, хотя табак, на его вкус, был определенно восхитительным. Минутой спустя он, позабыв о своем намерении, прикурил другую сигарету.

Потом за ним пришел капрал. Том поцеловал Делорес. Та, заплакав, сказала, что уверена в том, что больше никогда его не увидит.

— Я ценю твои чувства, — проговорил Том. — Но они, вообще-то, не очень ободряют меня.

К берегам Нового Альбиона приближались флотилии Англии и Нового Корнуолла — соседних государств, которые решили принять участие в предпринимаемой атаке буквально в последнюю минуту.

Том, одетый в свою десятигаллонную шляпу, плащ, нижнюю рубашку, кильт и высокие веллингтоновские сапоги, взошел на флагманский корабль. Самый большой военный корабль Нового Альбиона, он нес на себе три мачты и десять катапульт. Позади него шли еще четыре крупных военных корабля. За ними тянулись двадцать фрегатов, как называли

двуихмачтовые суда, хотя они имели весьма приблизительное сходство с земными фрегатами. После них двигались сорок крейсеров — одномачтовые катамараны, но зато внушительных размеров. За ними следовали шестьдесят одномачтовых военных каноэ, выдолбленных из гигантских бревен бамбука.

Ночное небо, сверкая, отражалось в Реке, которая была забита лавириующими судами. Не обошлось даже без парочки неизбежных столкновений, и хотя повреждения были незначительны, криков и проклятий было предостаточно. С выходом гуннской, или скифской, флотилии опасность возросла. Повсюду мигали огни сигнальных фонарей на рыбьем жире. Наблюдателю в холмах они бы напомнили танец земных светлячков. Впрочем, если там и остались какие-нибудь шпионы, они не зажигали сигнальных костров и не перестукивались в барабаны. Они лежали, вжимаясь в землю и все еще прячась от поисковых отрядов. Все оставшиеся солдаты-мужчины заняли свои позиции в фортах и других важных постах. Сейчас холмы обыскивали лишь вооруженные женщины.

Мили медленно проплывали назад. Позже к судам присоединилась ормондская флотилия, в авангарде которой плыл флагманский корабль герцога. Сигнальных огней прибавилось.

Точно к северу от Ормондии находилось государство Яковия, решительно настроенное на нейтралитет. Страффорд и Ормонд долго обсуждали вопрос относительно его возможного союзничества, но в конце концов решили не приглашать его в качестве союзника. Было маловероятно, что это государство присоединится к ним, и даже если оно бы сделало подобный шаг, довериться ему было бы рискованно.

И вот когда объединенная флотилия смело вошла в яковетинские воды, до нее донеслись крики часовых. Экипажи кораблей заметили, как спешно зажигались факелы, и услышали буханье барабанов из пустотелых бревен, обтянутых рыбьей кожей. Яковетинцы, страшась вторжения, высипали из своих хижин с оружием в руках и стали выстраиваться в боевом порядке.

Высоко в холмах один за другим начали вспыхивать сигнальные костры. Их разжигали крамеровские шпионы, которым Яковия позволила беспрепятственно действовать на своей территории.

А в небе тем временем собирались тучи. Через пятнадцать минут они вылили все, что в них было, туша костры. В своих расчетах Страффорд надеялся на то, что теперь Крамеру не передадут предупредительного сигнала.

Сигналщик на корабле герцога передал послание яковетинцам. В нем сообщались опознавательные сигналы флотилии, а также то, что в ее намерения не входит причинять им вред. Они отправились в поход против Крамера, и если Яковия имеет желание присоединиться, то милости просим.

— Они и не подумают, конечно, этого делать, — сказал Страффорд и засмеялся. — Зато они впадут в бешенство. Им будет трудно на что-то решиться, а в результате вообще ничего не предпримут. Если они последуют за нами и мы проиграем — Боже упаси! — то Крамер отомстит им. Если же мы Божьей милостью победим, то у нас они будут в немилости, и мы могли бы даже захватить их. Ну и поделом им тогда! Это послужило бы тем презренным тварям только на пользу. Но у нас нет желания приносить на эту землю еще больше горя и проливать здесь кровь. Однако им вовсе не обязательно знать это.

— Другими словами, — заметил Микс, — им необязательно знать, наложить им в штаны или залепить глаза.

— Что? О! Я понял, что вы имеете в виду. Фраза довольно яркая, но препротивнейшая. Как и тот экскремент, на который вы ссылаетесь.

На его лице появилась гримаса отвращения, и он отвернулся.

Как бы ни изменился Страффорд в Мире Реки, он был нетерпим к непристойностям. Он больше не верил в бога Ветхого и Нового заветов, хотя все еще вставлял в свою речь Его имя, но на «неприличные» слова реагировал здесь так же остро, как на Земле. В нем еще не умер нонконформист-бунтарь. Который, должно быть, причиняет ему ежедневную боль, подумалось Миксу, так как бывшие роялисты и бывшие крестьяне на этой территории не брезговали грубоватым стилем в разговоре.

Едва корабли миновали государство, находившееся как раз ниже Деусволенса, как с Реки точно по расписанию поднялся туман и одновременно спустился с холмов. С этого времени люди, сидевшие в вороньих гнездах под серыми тучами, управляли ходом парусников, дергая за канаты. Люди, стоявшие на палубах и державшие эти канаты в руках, говорили рулевым, куда поворачивать румпель и когда ожидать разворотов больших гиков. Вести суда таким образом было чрезвычайно опасно, и Микс уже дважды слышал треск столкнувшихся кораблей.

Казалось, время тянется бесконечно. Наконец просигналили, что в поле зрения появился Деусволенс. По крайней мере, была надежда, что это и есть место их назначения. Но полной уверенности в этом не было, да и откуда ей взяться при

плавании вслепую, когда густой туман скрывал не только равнины, но и саму Реку.

Незадолго до того как мощное сияние восходящего солнца заставило побледнеть небо, показался главный «город» Фидес. Один из вахтенных спустился вниз, чтобы доложить.

— Там повсюду ужас сколько огней! Что-то движется, мой лорд-мэр.

И тут же раздался крик с марса:

— Корабли! Много кораблей! Они идут прямо на нас! Берегитесь, милорд!

У Страффорда обнаружилась та же способность ругаться, когда прижмет, что и у всех.

— Раны Господни! Это же флотилия Крамера! Проклятая свинья! Он сам отправился в поход против нас! Мы попали в чертовски неудачное время! Чтоб ему вечно гнить у дьявола в заднице!

Впереди них уже загрохотала битва: крики людей, визгливые звуки флейт, дробь барабанов, а затем едва слышный треск огромных кораблей в авангарде, таранивших друг друга; вопли людей, падающих в воду, и тех, кого проныкали копьем, кололи ножом, били дубиной или рубили топором.

Страффорд приказал команде, по возможности не обращая внимания на флотилию Крамера, держать курс на Фидес. Он распорядился также, чтобы его вахтенный передал сигналы другим альбионаским судам.

— Пусть герцог с корнуэлльцами и гуннами займутся кораблями противника! — сказал он. — Мы же атакуем с берега, как и планировали!

Как только солнце вышло из-за гор слева, его лучи высветили высокий крепостной вал из камней и земли, по верху которого тянулась стена из поставленных стоймия бревен. Стена этой, казалось, не было ни конца ни края. Ее основание утопало в мохнатом тумане, которому суждено было вскоре рассеяться от жарких лучей. За стеной виднелись тысячи голов в шлемах, а поверх них — тысячи копий, огромные барабаны все еще громыхали, призывая к оружию, и между ними и горой позади перекатывалось эхо.

Посреди этого оглушительного шума флагманский корабль «Непобедимый» остановился у главных ворот, как раз за причалами, и принялся метать из катапульт один за другим огромные камни, проламывавшие главные ворота. Выстроившись в ряд, подошли другие корабли и тоже стали швырять свои валуны. Некоторые попадали выше цели, некоторые — ниже.

Но, несмотря на это, в деревянных стенах было пробито еще пять громадных брешей и убито несколько защитников.

Вместо того чтобы развернуться и использовать катапульты с другого борта — а маневр этот занял бы слишком много времени, — корабли плыли вдоль берега. Им приходилось постоянно лавировать, чтобы не сесть на мель и не оказаться протаранными другими кораблями, шедшими за ними. Как только флагманский корабль отплыл достаточно далеко, чтобы у тех, что двигались следом, было место где остановиться, на нем приспустили паруса, и он развернулся носом к берегу. На отмель бросили якоря — большие камни, привязанные к канатам. На воду тут же спустили шлюпки, и, поскольку места в них для всех, кто был на борту, не хватало, многие солдаты попрыгали в воду.

Осыпаемые градом копий, дубинок, топоров и камней из пращи, они выбрались на узкую полоску суши между основанием крепостного вала и краем берега и ринулись к разбитым воротам; многие тащили с собой высокие приставные лестницы.

Среди них был Микс, бежавший впереди. Он видел, как перед ним и слева, и справа падали люди, но его ни разу не задело. Вскоре ему пришлось умерить свой бег. До ворот оставалось еще около полукилометра, и если он будет бежать сломя голову, то у него просто не хватит сил, чтобы сразу же вступить в бой. Стратегия, выработанная Страффордом и Советом, теперь уже не казалась такой хорошей. Они теряли слишком много людей, пытаясь собраться у брешей для массированного штурма. И тем не менее если все шло по намеченному плану, то они, наверное, поработали очень даже неплохо. Остальные флотилии должны были плыть вдоль стен и через определенные промежутки обстрелять их каменными глыбами выше и ниже по течению. Таким образом, появлялась возможность штурмовать еще через пятьдесят других брешей, и деусволенсийцам пришлось бы рассредоточить свои силы, чтобы отражать противника.

Если бы только флотилия Крамера не выступила в поход как раз перед решающей атакой. Если бы только... Это было излюбленное изречение генералов, не говоря уже о беднягах солдатах, которым приходилось расплачиваться за эти «если бы только».

На бегу Микс время от времени поглядывал на Реку. Туман уже почти рассеялся, и перед его глазами...

От оглушительного грохота грибообразных камней, извергающихся энергию, у него едва не остановилось сердце. Он совсем

позабыл о них. Питающие камни помещались внутри земляных стен, огороженные колодезными срубами. Что ж, во всяком случае, неприятелю сейчас будет не до завтрака.

Он снова посмотрел направо. Там, на Реке, как минимум пятьдесят кораблей сцепились попарно в абордаже, и не было экипажа, который не пытался бы завладеть кораблем противника. Многие корабли все еще маневрировали, пытаясь плыть вдоль вражеского борта, чтобы забросать его снарядами: зажигательными бомбами на рыбьем жире, камнями, дубинками; булыжниками, привязанными к деревянным древкам; пиками, швыряемыми атлатлями*. Скверно, что так и не нашлось времени изготовить бумеранги и научить людей пользоваться ими. Они бы сейчас очень пригодились.

Миксу было трудно судить об успехах сражения на воде. Два корабля горели. Были то неприятельские парусники или свои, он не знал. Он увидел, как тонет большое боевое каноэ с дырой в днище, пробитой булыжником из катапульты. В корму огромного катамарана врезался фрегат. Было еще слишком рано говорить, кому улыбалась победа. Во всяком случае, вероломства в ней хоть отбавляй. Едва возникает мысль о том, что она у вас уже в кармане, как она ускользает куда-то, и в результате вы сломя голову убегаете от побежденных, неожиданно ставших победителями.

А пока атакующие сгруппировались перед воротами и другими брешами. Микс мог хоть немного перевести дух, да и другие тоже. Тем не менее те, кто высадился с кораблей, близко подошедших к воротам и брешам, уже брали приступом крепостной вал, взираясь по приставным лестницам, и прорывались сквозь дыры в стенах. Во всяком случае, пытались прорываться. На откосах, у входа в ворота и рядом с брешами валялось множество мертвых и раненых. Поверх распроспертых тел крамеровцы метали копья, швыряли камни, выливали из кожаных ведер в наклонные желоба кипящий рыбий жир.

Том метнул копье и с удовлетворением заметил, что оно воткнулось прямо в лицо одного из воинов, прятавшихся за стеной остроконечных бревен. Вытачив из-за пояса увесистый топор, он ринулся вперед.

Лишь считанное число защитников смогло попасть в крытые галереи за стенами. Многие из них были убиты копьями и огромными необработанными камнями, прикрепленными к деревянным древкам.

* Атлатль — устройство для метания копья у ацтеков.

За стенами было наверняка сосредоточено множество солдат, по численности далеко превосходивших атакующих. Сначала они теснились в воротах, но сейчас, сокрушив первую волну альбионацев, деусволенсийцы отступили. Они ждали, когда через ворота хлынет следующая волна. Тогда они намеревались расступиться и пропустить врага, затем окружить его и жестоко с ним расправиться.

Майор выкрикнул команду вновь атаковать. Микс обрадовался, что может не принимать в ней участия. Если только тем, кто впереди, повезет настолько, что им удастся войти в ворота.

Старфорд, стоявший рядом с Миксом, крикнул майору, чтобы тот повременил с атакой.

В бой вступили еще два фрегата. Они могли швырять с катапульт глыбы камней поверх стоявших на якоре кораблей и стен и обрушивать их на людей, находившихся в крепости. Грохот заглушил слова Старфорда, и майор не услышал их. Но если бы даже он и услышал, то не в его власти было бы сдержать атаку. Под напором задних рядов майора буквально втолкнули в ворота. Миксу мельком удалось увидеть, как в его грудь вонзилось копье, и, упав лицом вниз, тот исчез из виду.

Вскоре Тома и самого захватила и повлекла вперед стремительная атака стоявших позади него воинов из отряда боевых топоров. Споткнувшись, он упал на чье-то тело, несколько раз по нему сильно били ногами, потом он с трудом встал и начал карабкаться вверх по земляному откосу. Затем, шагая по телам, поскользываясь и вновь обретая равновесие, оказался уже за воротами и сразу попал в гущу рукопашной схватки.

Он дрался, насколько позволяла давка, однако не успел он вступить в бой с одним копьеносцем, как его отнесло куда-то прочь и он уже дрался с другим — смуглым человеком низкого роста с кожаным щитом и с копьем. Ударом топора отведя щит в сторону и пригнув копье книзу, Микс со всего размаху рубанул топором мужчину по подбородку. Тот отшатнулся назад, но в это мгновение что-то сильно ударило Микса по запястью, и он выронил топор.

Не теряя времени, Том вытащил левой рукой томагавк и прыгнул на своего противника, сбивая его с ног. Усевшись на него верхом, он с силой опустил томагавк, целясь между глаз, и раскроил тому череп.

Задыхаясь, Том поднялся. Альбионац впереди Микса зашатался и упал спиной прямо на него, придавив его своей тяжестью. Извиваясь, как уж, Микс выбрался из-под упавшего и встал на ноги. Он вытер с глаз кровь, даже не зная, чья она —

его или солдата, который упал на него. Впрочем, никакой раны на голове он не чувствовал.

Тяжело дыша, он оглядился вокруг. Исход сражения склонялся явно не в пользу нападавших. Их потери составляли четверть всего боевого состава, и, судя по всему, скоро к ним прибавится еще одна четверть. Сейчас самое время для стратегического отступления. Но между ними и воротами стояла по меньшей мере сотня людей. Повернувшись лицом к сражавшимся, они выставили вперед колья и ждали. Нападающая сторона оказалась в западне.

Но там, рядом с другими проломами в стене, сражение все еще кипело. Однако все пространство между Миксом и вожделенными выходами из города кишело крамеровцами, так что разглядеть как следует, что же там происходит, не было никакой возможности.

Старфорд — весь в крови, без шлема, с вытаращенными глазами — схватил Микса за руку:

— Нам нужно собрать людей, чтобы прорваться за ворота!
Мысль хороша, но как осуществить ее?

И тут внезапно благодаря той необъяснимой, но совершенно очевидной телепатической связи, которая возникает в бою между солдатами, все альбионцы пришли к тому же решению. Они развернулись и бросились на тех, кто загораживал выход. Пока они бежали, их спины пронзали кольями, от сильных ударов сзади дубинками и топорами они отлетали вперед и падали; их колотили, сбивая с ног, со всех сторон и всяким оружием. Старфорд пытался направить их стихийный наскок в русло организованной атаки. Он, очевидно, понимал, что с ней слишком запоздали, и все же, несмотря на это, мужественно пытался изменить положение. Его сразили два вражеских солдата, но он снова поднялся. И снова упал. Он лежал на спине с открытым ртом, глядя одним глазом в небо. Другой был выколот острием колья.

Под тяжестью древка его голова медленно повернулась, и единственный глаз уставился прямо на Микса.

Что-то ударило Тома по затылку, и его колени подогнулись. Смутно, словно во сне, он чувствовал, что падает, но уже не знал, кто он и где он, а времени, чтобы осознать все это, у него уже не было.

ГЛАВА 11

Том Микс пришел в себя и пожалел, что не умер.

Он лежал на спине, ощущая пульсирующую боль в затылке и резкую, скручающую боль в желудке. Лицо, глядевшее на

него сверху, было измазано грязью и двоилось, колыхаясь из стороны в сторону. Оно было длинным и худым, с выступающими скулами, смуглым и черноглазым. Угрюмая улыбка обнажала два ряда белых зубов, из которых два передних внизу отсутствовали.

Том застонал. Лицо принадлежало де Фалья, крамеровскому приспешнику, жестокому и беспощадному. А зубы выбил Том собственоручно, когда пытался удрать из этого самого Фидеса. Маловероятно, что ему снова представится возможность повторить подобный подвиг.

Испанец заговорил на прекрасном английском, с еле заметным акцентом:

— Добро пожаловать в Деусволенс!

Микс принужденно улыбнулся:

— Кажется, мне не светит обратный билет?

— Что? — не понял де Фалья.

— Неважно, — сказал Микс. — Ну, так какие же карты ты собираешься мне сдавать?

— Какие б ни были, все примешь, — ответил де Фалья.

— Ты сейчас на коне, тебе и карты в руки.

Том сел и оперся на локоть. Видел он по-прежнему плохо, а от движения его замутило. К сожалению, пища, которую он последний раз ел, давно переварилась. Сухие позывы к рвоте были для него мучительны. От них затылок разболелся еще сильнее.

Де Фалья, похоже, позабавили его слова. Явно позабавили.

— Так-то, мой друг. Как говорят англичане, туфля уже на другой ноге. Хотя у тебя вообще нет обуви.

Он был прав. С Микса сняли все, что было можно. Огляделвшись вокруг, он заметил свою шляпу на одном из крамеровцев, находившемся поблизости, а сапоги — на другом, по дальше. На самом деле он видел четверых. Он наверняка получил контузию, и довольно сильную. Что ж, у него были раны и похуже, однако ничего, выжил, да еще здоровее прежнего. Хотя шансов на долгую жизнь у него, похоже, немного.

На земле повсюду валялись тела, неподвижные и безмолвные. Он предположил, что все, кроме легкораненых, были избавлены от страданий. И не из милосердия, но в целях экономии. Нет смысла тратить на них еду.

Кто-то уже выдернул копье из глаза Страффорда.

— На Реке все еще идет сражение, — проговорил де Фалья. — Но сомневаться, кто победит, уже не приходится.

Том не спрашивал его, кто одерживает верх. Он не собирался доставлять ему такую радость.

Испанец махнул рукой двоим солдатам. Те с обеих сторон подхватили Микса и заставили его идти по равнине, обходя трупы. Когда ноги отказали ему, они поволокли его, но тут же к ним подбежал де Фалья. Он приказал солдатам достать носилки. Собственно говоря, Миксу не надо было даже спрашивать, почему к нему так хорошо относятся. Особого узника — каковым он был — полагалось беречь по особым соображениям. Он настолько скверно себя чувствовал и так ослаб, что в ту минуту его совершенно не волновали какие-то особые соображения.

Его понесли туда, где начинались хижины, потом вниз по улице до самого конца и дальше. Его доставили в лагерь для военнопленных. Лагерь занимал огромную территорию, хотя в нем содержалось совсем мало узников. Через распахнутые бревенчатые ворота его внесли за кольцеобразный бревенчатый частокол. Внутри огороженной территории стояла маленькая хижина. Микс находился в замкнутом пространстве внутри замкнутого пространства.

Два солдата, втащив Микса в хижину, проверили, есть ли вода в сосуде из обожженной глины — его питьевой рацион. Заглянули и в ночную вазу, и один из солдат грубо выкрикнул чье-то имя. В хижину вбежал низенький худой мужчина с озабоченным лицом и получил нагоняй за то, что не вылил содержимое горшка. Микс подумал, что он, наверное, действительно особый, если их волнуют даже такие мелочи.

Очевидно, к предыдущему временному обитателю этой хижины не относились с таким повышенным вниманием. Вонь стояла ужасная, хоть проклятая посудина и была прикрыта крышкой.

Прошло семь дней. Миксу стало гораздо лучше, он заметно окреп, хотя и не до конца, временами его беспокоили рецидивы двоящегося зрения. Гулял он только вокруг хижины — вокруг, вокруг, вокруг... Он ел три раза в день, но плохо. Он опознал свой изобильник, который забрали с флагманского корабля люди, взявшие Микса в плен. Но ему отдавали лишь половину того рациона, который предлагал изобильник, и при этом никаких сигарет и спиртных напитков. Все остальное забирали себе стражники. И хотя в последние два года он выкурил лишь пару сигарет, то сейчас страстно желал их. Днем было совсем неплохо, но поздними ночами он мучился от холода и сырости. Но еще больше он мучился от того, что ему не с кем поговорить. Он сидел в тюрьме двенадцать раз, но ему чуть ли не впервые попались такие стражники, которые отказывались

перемолвиться с ним хоть одним словом. Миксу даже казалось, что они приберегают все свои злые слова на будущее.

На восьмой день утром Крамер и его победоносные войска возвратились. Из подслушанного разговора стражников Том смог понять, что Новый Альбион, Ормондия и Англия пали. И что там полно всякого добра и женщин, и их хватит на всех, включая даже тех, кто не участвовал во вторжении.

Том подумал, что Крамер слишком рано празднует победу. Ему еще придется иметь дело с Новым Корнуоллом и гуннами. Но, как предположил Микс, поражение крамеровских военно-речных сил заставит их немного умерить свои амбиции.

Остальных пленников — их было около пятидесяти — пригнали с крепостного вала, где они занимались восстановительными работами, обратно в лагерь. Со стороны главных ворот донеслись ликующие крики, дробь барабанов, взвизгивание флейт, приветственные восклицания. Первым в воротах показался Крамер, сидевший в большом кресле, которое несли четыре человека. Даже на таком расстоянии Микс узнал его жирное тело и поросячье лицо. Толпы людей выкрикивали приветствия и пытались поближе пробиться к нему, но их отшвыривали прочь телохранители. Следом шел его штаб, а за ним, с улыбкой до ушей, первые из возвращавшихся домой солдат.

Кресло осторожно поставили перед «дворцом» Крамера, громадным бревенчатым строением на вершине низкого холма. К Крамеру подошел де Фалья, чтобы поприветствовать того. Затем оба произнесли речь. Микс стоял слишком далеко и потому не рассыпал ни одного слова из того, что говорили.

В лагерь привели нескольких раздетых догола пленников, подталкивая их в спины копьями и заставляя идти быстрым шагом. Среди этих грязных, избитых и окровавленных людей был Иешуа. Он сразу сел, привалившись спиной к стене. Голова его поникла, словно Иешуа был глубоко подавлен. Том стал кричать ему, пока кто-то не спросил, кого он зовет. Спросивший прошел через весь лагерь и заговорил с Иешуа. Сначала Том подумал, что Иешуа собирается и дальше не замечать его. Он коротко взглянул на Тома, и голова его снова свесилась на грудь. Но вскоре Иешуа встал, немного неуверенно, и медленно направился к кольцеобразной загородке. Он вглядывался в промежутки между бревнами. Его лицо и тело были покрыты синяками и ссадинами от побоев.

— Где Битнайя? — спросил Том.

Иешуа снова опустил глаза.

— Ее насиловали, когда я последний раз видел ее, — проговорил он глухо. — По очереди. Их там много было, желающих. Она, должно быть, умерла. Когда меня посадили на корабль, она уже не кричала.

Микс махнул рукой, показывая на группу пленниц:

— А эти?

— Крамер сказал, чтобы нескольких оставили в живых... для костра.

Том что-то буркнул про себя.

— Этого-то я и боялся, — сказал он. — Вот почему они не убили меня. Крамер собирается особо посчитаться со мной.

Он не добавил — хотя и подумал, — что Иешуа наверняка тоже попал в разряд «привилегированных». Впрочем, Иешуа, вероятно, знает об этом.

— Если нам затеять свару, то можно вынудить их убить некоторых из нас, — сказал Том. — Если нам очень повезет, мы окажемся в числе «забвенных» покойных.

Иешуа поднял голову. Широко раскрытые глаза горели исступленным огнем.

— Если б только человеку не надо было жить снова! Если б он мог стать прахом навеки, а его тоска и страдания смешались бы с землей, съеденные червями, как и его тело! Но нет! Нет ему спасения! Он вынужден снова жить! Снова и снова! Только Бог может избавить его!

— Бог? — переспросил Том.

— Это просто такая манера говорить. Старым привычкам тяжело умирать.

— Просто сейчас черная полоса, — сказал Том, — но в промежутках между трудными временами живется не так уж плохо. Черт, да я уверен, что люди когда-нибудь прекратят драться между собой. Во всяком случае, почти прекратят. А сейчас смутное время. Мы все еще перевоспитываемся. Слишком многие ведут себя по-прежнему — как на Земле. Но здесь совсем другие обстоятельства! Здесь человека невозможно подчинить. Его нельзя привязать ни к работе, ни к дому, потому что при нем всегда запас пищи, а построить новый дом недолго. На какое-то время его можно сделать рабом, но он или убежит, или убьет себя, или вынудит своих поработителей убить его. И вот он снова жив и здоров, и к тому же на свободе. И у него есть все шансы жить счастливо.

Послушай! Мы сейчас можем заставить тех каналий убить нас, и тогда нам не придется испытать всю ту боль и страдания, которыми Крамер рассчитывает угостить нас. Стражников сейчас здесь нет. Отодвинь засов на воротах и выпусти

меня. Как видишь, сам я не могу этого сделать: я не достаю через ворота. Выйдя отсюда, я столкуюсь с остальными, и тогда начнем заварушку.

Поколебавшись, Иешуа ухватился за огромную головку массивного болта и с усилием вытащил его. Микс распахнул тяжелые ворота и вышел из своей тюрьмы в тюрьме. Хотя в самом лагере стражников не было, их было полно на вышках за стенами и на башнях. Они видели, как Том выходит, но не возражали. И Том сделал вывод, что его так или иначе должны были вскоре выпустить из этой клетки. Он просто избавил их от лишних хлопот.

Еще немного, и наступит та минута, когда пленников гуртом погонят из лагеря.

Он подозвал остальных — а их было около шестидесяти.

— Послушайте, бедолаги! Крамер приговорил вас к мучительным пыткам! Он собирается устроить грандиозное представление, римский цирк! И мы все скоро очень здорово пожалеем, что родились на свет, хотя мне думается, вы и так это знаете. Поэтому я предлагаю оставить их в дураках! И самим себя избавить от страданий! И вот что я думаю, мы должны сделать.

Его план показался им чудовищным, главным образом потому, что это было неслыханно. Но зато план предлагал своего рода бегство, о котором никто бы и не подумал, что оно тоже может быть бегством. И, наверное, стоило предпочесть его, нежели просто сидеть здесь и ждать, словно стадо больных овец, когда их поведут на бойню. Усталые глаза пленников немного оживились; их измученные, избитые тела стали распрымляться, наполняясь надеждой.

Против был один только Иешуа.

— Я не могу лишить человека жизни.

Том раздраженно возразил ему:

— Но ведь ты и не будешь этого делать! Здесь значение слова «убить» иное, чем мы знали на Земле. Ты подаришь человеку жизни! И спасешь его от мучений!

— Вовсе не обязательно отнимать у кого-то жизнь, — вмешался какой-то мужчина. — Он может добровольно стать одним из тех, кто погибнет.

— А ведь и правда, — подхватил Том. — Ну так как, Иешуа, согласен?

— Нет. В этом случае я буду пособником убийства, а значит, убийцей. Даже если убитым буду я сам. Кроме того, это было бы самоубийством, а я не могу убивать себя. К тому же это было бы грехом против... — Он закусил нижнюю губу.

— Послушай, — сказал Том. — У нас нет времени спорить. Стражники уже сгорают от любопытства. Да будет тебе известно, они сейчас ворвутся сюда.

— Тебе ведь этого хочется, — произнес Иешуа.

Том, разозлившись, вскричал:

— Не знаю, что ты натворил на Земле и где тебя там носило, но что бы это ни было и кем бы ты ни был, ты ни капли не изменился! Я слышал, как ты говорил о том, что оставил свою религию, однако ты ведешь себя так, будто не освободился и от малой толики ее! Ты не веришь больше в Бога, однако еще немного, и ты бы сообщил мне о своем нежелании идти против Бога. Ты что, ненормальный?

— Мне кажется, я был ненормальным всю жизнь, — сказал Иешуа. — Но есть нечто, чего я делать никогда не буду. То, что идет вразрез с моими принципами, для меня непримлемо, даже если я больше не верю в Принцип.

К тому времени капитан стражников уже заходился в крике, настоятельно требуя ответить, что они там затевають.

— Забудь о сумасшедшем еврее, — сказала одна женщина. — Давайте поскорее покончим с этим делом, пока они не примчались сюда.

— Тогда выстраивайтесь, — распорядился Микс.

Все, кроме Иешуа, встали в два ряда, друг напротив друга. Без Иешуа их оказалось четное число, так что его не участие ничего не меняло. Напротив Микса стояла черноволосая женщина, которую он смутно помнил по Новому Альбиону. Она была бледной и вся дрожала, но настроена была достаточно решительно.

Приподняв за край ночной горшок, он произнес:

— Загадывай!

Размахнувшись коричневой посудиной, он подбросил ее кверху и стал смотреть, как она вертится в воздухе. К ней были прикованы еще шестьдесят две пары глаз.

— Вверх дном! — громко, но неуверенно выкрикнула женщина.

Горшок, вращаясь, упал. Он приземлился на дно и раскололся пополам.

— Не раздумывай! — крикнул Том. — У нас мало времени, а ты можешь струсить!

Когда Том, шагнув к ней, схватил ее за горло, женщина закрыла глаза. Сначала она стояла, раскинув руки в стороны. Она старалась не оказывать сопротивления, чтобы облегчить Миксу его задачу и чтобы для нее побыстрей все кончилось. Однако жажда жизни оказалась сильнее. Уже через несколько

секунд она схватила его за запястья и попыталась оторвать его пальцы от своей шеи. Ее глаза широко раскрылись, словно она умоляла его. Том еще сильнее сдавил ее горло. Изловчившись, она ударила ногой, целясь ему коленом в пах. Он уклонился от удара, хотя и не слишком проворно, и колено попало ему по животу.

— Вот черт, ничего не получается! — проронил он.

Том отпустил ее. Лицо женщины к тому времени посинело, и она тяжело дышала. Он нанес ей удар в подбородок — она упала на землю — и, пока она не успела очнуться, снова стал душить ее. Понадобилось всего несколько секунд — и ее дыхание пресеклось. Для надежности Том не разжимал пальцы чуть дольше.

— Тебе повезло, сестра, — произнес он и встал.

Люди из одного с ним ряда, выигравшие в орлянку или проигравшие — в зависимости от того, кто как на это смотрел, — испытывали те же трудности, через которые прошел и он. Хотя второй ряд заранее согласился не сопротивляться тем, кто будет их душить, большинство из них не могли сдержать обещания. Некоторые, вырвавшись, молотили кулаками своих убийц. Кто-то убегал, и его преследовали. Некоторые были уже мертвы, а некоторые пытались в свою очередь задушить своих душителей.

Том взглянул на большие ворота, они распахивались настежь. За ними стояло целое полчище стражников, вооруженных копьями.

— Остановитесь! — взревел он. — Теперь слишком поздно! Нападайте на стражников!

Не теряя времени на то, чтобы убедиться, все ли его услышали, Микс ринулся навстречу первому же копьеносцу и издал пронзительный вопль, чтобы подбодрить себя и побудить стражников к самозащите. Но чего им было бояться безоружного, голого и ослабевшего человека?

Тем не менее ближайшие к нему стражники наставили на него свои копья.

Прекрасно! Он бросится на острия, раскинув руки, и они впопыхи ему в живот и грудь.

Но капитан выкрикнул приказ, и стражники перевернули копья. Их древки теперь можно было использовать как дубинки.

И все же он прыгнул, и последнее, что он увидел, был тупой конец копья, который оглушил его.

Придя в себя, Микс ощутил страшную боль в голове, — гораздо сильнее, чем от прежней раны, — причем сразу в двух местах. А еще он снова мучился раздвоением зрения. Он сел и

окинул затуманенным взглядом местность. То там, то тут валялись тела пленников. Некоторые были убиты своими же, другие — забиты до смерти стражниками. В грязи лежали три стражника. Один был мертв, двое истекали кровью. Очевидно, кое-кто из пленников вырвал у стражников копья и перед смертью успел хоть немного поквитаться с ними.

В стороне от остальных пленников стоял Иешуа. Закрыв глаза, он шевелил губами. Казалось, он молится, но Микс так не думал.

Оглянувшись, Микс заметил, что в главные ворота входят походным порядком около двадцати копьеносцев. Их возглавлял Крамер. Микс смотрел на низкорослого жирного юношу с темно-каштановыми волосами и поблекшими голубыми глазами, направлявшегося к нему. Его свиноподобное лицо казалось довольноным. Еще бы, подумал Микс, да он, наверное, просто счастлив оттого, что Микс и Иешуа не убиты.

Крамер остановился в нескольких шагах от Микса. Он выглядел смехотворно, хотя полагал, очевидно, что производит впечатление величественной фигуры. На нем была дубовая корона, на каждом из семи зубцов которой красовалась круглая бляшка, вырезанная из раковинки двустворчатого моллюска. На верхних веках густым слоем лежали голубые тени — так жеманничали мужчины в его стране, что, по мнению Микса, отдавало гомосексуальным душком. Края его черной накидки из полотенца соединялись на жирной шее огромной брошью из меди, чрезвычайно редкого и дорогого металла. На одном из пухлых пальцев красовалось дубовое кольцо с вделанным в него нешлифованным изумрудом, также редкого в этих краях. Выпирающее брюхо прикрывал кильт из черного полотенца, ноги были обуты в высокие, по колено, сапоги из черной рыбьей кожи. В правой руке Крамер держал длинную пастушью палку с крюком. Псох был символом того, что его обладатель является покровителем своей паства, и свидетельствовал, что Крамер был назначен на эту роль Богом.

За Крамером брали двое окровавленных и избитых голых пленников, которых Микс видел впервые. Это были смуглые люди низкого роста, с левантийскими чертами лица.

Микс прищурился. Он ошибся. Одного из двоих он все-таки знал. Это был Маттифая — тот самый маленький человек, который, обознавшись, принял Микса за Иешуа, когда они в первый раз попали в плен к Крамеру.

Крамер указал на Иешуа и заговорил по-английски:

— Эта тот шеловек?

Маттифая разразился бешеным потоком неразборчивых, но явно английских слов. Крамер, развернувшись, левым кулаком ударил его в челюсть. Тот отшатнулся. Крамер обратился к другому пленнику. Тот ответил по-английски с таким же сильным акцентом, что и у Крамера, но его родным языком был явно другой.

А затем он вскричал:

— Иешуа! Рабби?* Мы столько лет тебя искали! А теперь ты тоже здесь!

Он расплакался. Раскинув в стороны руки, он пошел к Иешуа.

Стражник стукнул его тупым концом копья по спине, по почкам, и маленький человек, застонав, упал на колени. Его лицо исказилось от боли.

Иешуа, лишь раз взглянув на обоих мужчин, простонал. И сейчас он стоял, не поднимая глаз.

Крамер, хмурясь и что-то сердито бормоча, подступил к Иешуа и, схватив его за длинные волосы, резко дернул, по-нуждая Иешуа поднять голову.

— Сумасшетший! Антихрист! — закричал он. — Ты мне заплатишь за свои богохульства! Так же заплатишь, как и твоих шокнутых трушка!

Иешуа закрыл глаза, его губы беззвучно шевелились. Крамер наотмашь ударил Иешуа по рту, и голова Иешуа качнулась. Из правого уголка рта Иешуа показалась струйка крови.

— Ковори, мрась! — взвизгнул толстяк. — Ти прафта утвержшаш, что ти есть Христос?

Иешуа открыл глаза и тихо заговорил:

— Я всего лишь утверждаю, что я — человек по имени Иешуа, просто еще один сын человеческий. Если бы этот ваш Христос существовал и был здесь, он бы ужаснулся. Он бы сошел с ума от отчаяния, если б увидел, что случилось на земле с его учением после его смерти.

Крамер, визжа и брызгая слюной, ударил Иешуа по голове своим посохом. Тот упал на колени, а затем рухнул вперед. Голова Иешуа с глухим стуком ударилась об землю. Крамер изо всех сил саданул упавшего человека сапогом по ребрам.

— Отрекись от своих покохульств! Покайся в своих сатанинских преднях! Если ти это стелаешш, то испежишиш мноких стратаний в этом мире и сможешш спасти свою душу в пудущем!

* Учитель (древнеевр.).

Иешуа поднял голову, но заговорил после того, как смог отдохнуться.

— Делай со мной что хочешь, гнусный язычник!

— Саткин свой поганый пасть, сумасштетший урот! — Крамер снова ударил его сапогом в бок.

Иешуа охнул и застонал.

Крамер, в развеявшемся за спиной плаще, зашагал к Маттифая и его товарищу.

— Ви все еще продолжайт считать, что этот ненормальный есть Плагословенный Сын Пожий?

Смуглая кожа у обоих посерела, а их лица, словно слепленные из быстро плавящегося воска, покрылись каплями пота. Оба молчали.

— Отвечайт мне, свиньи! — заорал Крамер.

Он принялся избивать их пастушьим посохом. Они попятались, закрывая голову руками, но стражники схватили их.

Иешуа с трудом поднялся на ноги.

— Он потому так беснуется, что боится, как бы они не сказали правду! — громко проговорил он.

— Какую такую правду? — спросил Микс.

Двоение в глазах все усиливалось. У него было такое чувство, будто его вот-вот стошнит. Микс начинал терять интерес ко всему, кроме самого себя. О Боже, если б только он смог умереть прежде, чем его привяжут к столбу и разожгут костер!

— Я уже слышал подобный вопрос, — сказал Иешуа.

Сначала Микс не понял, о чем тот говорит. Потом его осенило. Иешуа подумал, что он сказал: «Что такое правда?»

Когда Маттифая и его друг потеряли сознание от побоев Крамера, их схватили за ноги и потащили к воротам из лагеря. Головы их мотались, а руки волочились по земле.

Повернувшись, Крамер зашагал к Иешуа. Он занес посох высоко над головой, словно собирался задать Иешуа ту же трепку. Микс от души надеялся, что так оно и будет. Может, в ярости он убьет Иешуа, а значит, избавит его от костра.

Тогда Крамер, естественно, останется в дураках.

Но тут в ворота вбежал запыхавшийся человек, весь в поту, и выкрикнул имя Крамера. Однако лишь через полминуты ему удалось отыскать Крамера. Принесенные новости оказались плохими.

По всей видимости, сюда приближались две флотилии, одна из верховьев Реки, другая — из низовьев; обе внушительных размеров. Государства, расположенные севернее владений Крамера и южнее только что завоеванных им территорий, ощу-

тили настоятельную потребность в совместных действиях против захватчика. К ним присоединились и гунны, жившие как раз напротив. Они наконец-то осознали, что следует объединиться и напасть на Крамера, пока тот сам не двинулся на них.

Крамер побледнел и ударил гонца посохом по голове. Тот упал, не издав ни звука.

Крамер был сильно не в духе. Он одержал победу, но половина его собственной флотилии оказалась при этом выведенной из строя, а численность солдат значительно поубавилась. Он еще долго не сможет ни нападать на кого бы то ни было, ни достойно противостоять вторжению со стороны такого мощного противника.

Крамер был обречен, и он знал это.

Несмотря на страшную боль и мысли об ожидавшем его костре, Микс сумел улыбнуться. Если Крамера поймают, его, несомненно, будут пытать и сожгут заживо. И это было бы только справедливо. Если Крамер на своей шкуре испытает, как пламя лижет живое тело, то, возможно, после воскрешения перестанет так яростно стремиться подвергнуть той же муке других.

Однако Микс сомневался в этом.

Крамер выкрикнул приказания своим генералам и адмиралам подготовиться к вторжению врага. После того как те ушли, он, тяжело дыша, повернулся к Иешуа. Микс окликнул его:

— Крамер! Если Иешуа и в самом деле тот, кем его считают те двое, а им незачем врать, то как же насчет тебя? Ты истязал и убивал ни за что! И этим подверг свою душу серьезнейшей опасности!

Реакция Крамера была именно такой, какой Микс и ожидал.

Бизжа от ярости, он бросился на Микса, замахнувшись посохом. Микс увидел, как посох стремительно опускается на него.

Но Крамер, вероятно, так и не нанес удар. Спустя какое-то время Микс пришел в себя, хотя и не совсем. Он находился в вертикальном положении и был привязан к бамбуковому столбу. Ноги его стояли на груде бамбуковых дров и сосновых иголок.

Сквозь застилавший глаза туман он видел, как Крамер поджигает факел. Микс надеялся лишь, что ветер не станет относить дым в сторону. Если дым пойдет столбом, он задохнется и тогда не почувствует пламени под ногами.

Дрова затрещали. Тому не повезло. Ветер относил дым в сторону. Неожиданно он закашлялся. Он посмотрел направо и увидел, словно в тумане, Иешуа, привязанного к другому

столбу рядом с ним. С той стороны, откуда дул ветер. Прекрасно, подумал он. Бедняга Иешуа загорится, зато дым от его костра удушит меня прежде, чем загорюсь я.

На него напал мучительный приступ кашля. Он отдавался в разбитой голове неимоверной болью, словно по ней молотили увесистыми кулаками. Зрение постепенно угасало, и скоро Том вообще перестал что-либо различать. Он впадал в забытье.

И откуда-то издалека до него донесся искаженный голос Иешуа, словно над отдаленной горой прогромыхал гром:

— Отец, но ведь они же ведают, что творят!

РАССКАЗЫ

ВВЕРХ ПО СВЕТЛОЙ РЕКЕ

1

Эндрю Пакстон Дэвис склонился навстречу ветру, дующему со скоростью пятнадцать миль в час. Он стоял на краю тисовой доски длиной в пятьдесят футов, толщиной в три дюйма и шириной в четыре с половиной. Тридцать футов доски поддерживала балка, установленная под углом сорок пять градусов и упирающаяся другим концом в башню. Оставшиеся двадцать футов образовывали нечто вроде трамплина для прыжков в воду. Дэвис ощущал, как доска прогибается под его тяжестью.

От земли его отделяло триста футов пустоты, но он ясно слышал рев и вопли толпы, а иногда различал и отдельные слова. Почти на всех задранных вверх лицах читались нетерпение или злоба, и лишь изредка он замечал страх или сочувствие.

Еще двенадцать футов отделяли конец доски, на которой он стоял, от начала другой, напротив — такой же длинной и узкой. Но конец доски прогнулся под его тяжестью и потому находился на пять дюймов ниже конца противоположной.

Если он сумеет перепрыгнуть с одной доски на другую, то обретет свободу. Император пообещал, что любой «преступник», которому это удастся, получит право беспрепятственно покинуть его страну. Впрочем, выбора — прыгать или нет — не предоставлялось. Любой, совершивший тяжкое преступление, приговаривался к этому испытанию.

Люди внизу или подбадривали его, или надеялись, что он упадет. Их отношение зависело от того, на какой исход они сделали ставку.

Другие пленники, стоя за его спиной на платформе башни, тоже выкрикивали что-то ободряющее. Двоих из них Дэвис не

знал, равно как и суть их преступлений, а остальные были его компаньонами, если их так можно назвать, проделавшими с ним дальний путь и тоже захваченными в плен жителями королевства Западного Солнца. То были викинг Ивар Бескостый, безумный француз Фостролл и проклятие Дэвиса — прекрасная, но ветреная Энн Пуллен.

Император Пачакути предоставил Дэвису право прыгать первым. С той же вероятностью тот мог оказаться и последним в очереди. Если он откажется прыгать, стражники сбросят его с башни.

Ивар кричал на древненорвежском. Хотя ветер уносил срывающиеся с его губ слова, их выкрикивали легкие великаны, и Дэвис слышал словно издалека:

— Покажи им, что ты не боишься! Беги храбро! Беги с проворностью Хуги — великана, чье имя означает «мысль»! Затем лети так, словно надел птичью кожу Локи! И помолись своему богу, чтобы ты не опозорил его нерешительностью! И нас тоже!

Голос Фостролла был пронзителен, но тоже пересиливал ветер. Он кричал на английском:

— Не имеет значения, если ты потерпишь неудачу и упадешь, друг мой! Мгновение ужаса, катарсис для тебя и для нас — и завтра ты проснешься цел и невредим. Но это, если ты простишь мою откровенность, слабое утешение!

Энн Пуллен или молчала, или ветер уносил ее слова.

То, что сказал ему Фостролл, было, если не считать оскорблений, правдой. Если Дэвис умрет сегодня, то воскреснет завтра, но при этом может оказаться далеко вниз по течению Реки, и тогда ему придется начать путешествие заново. Подобная перспектива бросала его в дрожь не меньше того, что ему предстояло сделать в ближайшие двадцать секунд. На попытку ему давалось две минуты.

— Десять футов*, Рыжий Эндрю! — воскликнул Ивар, когда император огласил приговор. — Десять футов! Ерунда! Я пробегу по доске, как олень, пролечу по воздуху, как ястреб, и приземлюсь на другую доску, как рысь, прыгнувшая на добычу!

Слова храбреца. Хотя Ивар был шести футов и шести дюймов роста, весил он более двухсот тридцати фунтов, а такую массу мышц и костей поднять в воздух нелегко. Чем тяжелее бегун, тем больше прогнется под ним доска, и ему

* Выше автор называл цифру двенадцать футов. — Здесь и далее примеч. пер.

придется прыгать не только вперед, но и вверх, чтобы достичь конца противоположной.

У Дэвиса было преимущество — его рост составлял лишь пять футов шесть дюймов, а весил он сто сорок фунтов. Но исход прыжка все же зависел от мужества прыгуна. Он уже видел людей, которые смогли бы совершить такой прыжок, если бы страх не сковал их движения и не увлек вниз.

Он приказал себе не колебаться. Вперед! Только вперед! Покажи, на что ты способен! Но из желудка не исчезала тяжесть, а тело била нервная дрожь.

Он молча молился, шагая по доске обратно к башне, а затем поворачиваясь к ней спиной. Пятьдесят футов для разбега маловато, он не успеет набрать максимальную скорость. Но выбирать не приходилось, а никакие возражения не принимались. Все еще молясь, он согнулся в стартовой стойке и изо всех сил метнулся вперед. Слабость и дрожь или исчезли, или он перестал их замечать. Он вновь ощутил себя десятилетним пацаном, который в 1845 году соревновался с другими фермерскими мальчишками в прыжках через ручей неподалеку от городка Боулинг Грин в штате Индиана — здоровое юное тело, не веряющее в смерть.

Теперь его дух и тело снова стали такими, какими он ощущал их во время победного прыжка на Земле. Он превратился в стрелу, нацеленную в кончик доски на другом краю бездны. Возгласы его компаньонов, рев толпы и голос капитана стражников, отсчитывающего оставшиеся ему секунды, слились воедино. Его босые пятки шлепали по дереву, как шлепали они по земле, когда он выиграл состязание среди своих школьных приятелей. Но тогда, не допрыгнув, он мог только промокнуть.

Конец доски приближался с непостижимой быстротой. За ним находилось пространство, которое он должен преодолеть — короткое в реальности, но бесконечно долгое в сознании. К тому же опорная балка стояла чуть-чуть косо — всего на пару дюймов, но даже слабое отклонение от горизонтали могло стать роковым.

Он сильно оттолкнулся правой ногой и взмыл вверх, вверх, вверх. Внизу разверзлась пустота. «О Господь, в которого я всегда веровал, — подумал он, — спаси меня от сего зла!» И тут его совершенно неожиданно охватил экстаз, словно длань Господня не только подняла его ввысь, но и окутала благодатью, которую, за исключением святых, познали немногие.

Ради этого стоило пережить ужас и смерть.

Вчера Эндрю Пакстон Дэвис тоже находился высоко над землей. Но тогда он еще не был приговорен и мог не страшиться мгновенной смерти. Он цеплялся за перила крошечной бамбуковой платформы, которую раскачивал сильный ветер. Его одолевала морская болезнь, хотя в этом мире не было морей.

Город внизу, ярко освещенный утренним солнцем, поскрипывал, словно идущий под всеми парусами корабль. Дэвис поднялся на много этажей по бесчисленным лестницам и лесенкам, чтобы добраться до верхушки сторожевой башни — высочайшего строения в гигантском каркасном сооружении, составлявшем город. Он пробыл там всего две минуты, но чувствовал себя так, словно отстоял час вахты на корабле, застигнутом жестоким штормом. Правда, вид сверху открывался совершенно мирный — шторм бушевал внутри Дэвиса.

На севере Река тянулась на тридцать миль и сворачивала налево, огибая подножие горной гряды. Там находилась верхняя граница королевства. В двадцати милях к югу она делала такой же изгиб — там была нижняя граница этой небольшой, но могучей монархии. В пределах своего государства Инка Пачакути правил на обоих берегах Реки, и любой послушник его воли рисковал узнать, что такое пытки, рабство или смерть.

У северной окраины города стоял храм Солнца — плоско-верхая пирамида из камня, земли и дерева высотой в сто пятьдесят футов. А у ног Дэвиса лежал Каркасный город, Город Множества Мостов, Город, Качающийся на Ветру, Воздушные Владения Пачакути Инки Юпанки, правившего на Земле с 1438 по 1471 год н. э. Перуанцы того времени знали его как великого завоевателя и императора Пачакути.

Город, который построил Пачакути, не походил ни на один земной и был, вероятно, уникален в Мире Реки. Большинство людей вид с вершины сторожевой башни привел бы в восторг. Дэвису же хотелось только одного — вывернуть желудок назнанку.

Часовой-индеец ухмылялся. Его зубы были коричневыми, потому что он жевал подаренные граалем листья коки. Он уже не впервые видел здесь Дэвиса и наслаждался видом его мучений. Однажды он спросил его, зачем он сюда приходит, если тут ему всегда становится плохо. Дэвис ответил, что здесь, по крайней мере, нет жителей города, от вида которых его тошнит еще больше.

Но затем, охваченный внезапным вдохновением, добавил:

— Чем выше я поднимаюсь над землей, тем больше приближаюсь к Абсолютной Реальности, к Истине. Возможно, здесь я увижу Свет.

Его слова озадачили и немного напугали стражника, и тот отодвинулся от него как можно дальше. Дэвис не сказал, что его тошнит не только от высоты и покачивания платформы. Ему столь же сильно хотелось увидеть ребенка, который на самом деле мог и не существовать. Но ему не хотелось признавать его небытие даже мысленно. Он был уверен, что где-то выше по течению Реки живет женщина, родившая ребенка в мире, где ни одна из женщин до сих пор не забеременела. Более того, Дэвис был уверен, что она зачала непорочно и ребенок этот есть воплощение Иисуса.

Снизу еле слышно доносились голоса людей, разговаривающих на кечуа, аймара, самнитском, китайском времен бронзового века и на десятке прочих языков, пронзительные свистки, звуки флейт и низкое буханье барабанов. Все эти звуки всплывали наверх, окутанные запахом жареной рыбы.

Если не считать храма и города, местные равнины и холмы мало чем отличались от других участков речного побережья. Грибообразные питающие камни, бамбуковые хижины с коническими крышами, лодки рыбаков, большие весельно-парусные военные или торговые корабли и люди, обитающие на прибрежных долинах, были ничем не примечательны. Но город и храм своей поразительной необычностью притягивали множество мужчин и женщин из отдаленных краев выше и ниже по течению. Подобно земным туристам, они были просто любопытны и платили небольшую плату за право это любопытство удовлетворить. Их сущеная рыба, орудия и инструменты из дерева, рыбьей кости и кремня, кольца и статуэтки, контейнеры со спиртным, сигаретами, мечтательной резинкой и охрой обогащали королевство. Даже местные рабы наслаждались перепадавшей им толикой изобилия.

Когда Дэвис стоял, глядя на север и высматривая там невидимый Свет, над краем платформы показалось лицо мужчины, который тут же подтянулся на мощных руках, отталкиваясь от лесенки, выбрался на платформу и встал, башней возвышаясь и над Дэвисом, и над стражником. Бронзовокрасные волосы великана спадали до плеч, глаза были большие и светло-голубые, лицо грубо-ватое, но симпатичное. Он был облачен в кильт из голубой ткани, ожерелье из раскрашенных рыбьих зубов и шляпу, увенчанную резными кусочками дерева в форме перьев. За поясом из дубленой человеческой кожи торчал большой каменный топор.

Несмотря на устрашающую внешность, он тоже был путешественником. Во время бегства из своего королевства его охватило озарение — так, по крайней мере, он сказал Дэвису. Что именно ему открылось, он умолчал. Дэвис не мог судить, изменился ли после этого характер Ивара в лучшую сторону, но он утвердился в намерении добраться до истока Реки. Там, по предположению Дэвиса, Ивар думал отыскать тех, кто создал эту планету и воскресил умерших на Земле людей, и там же познать Абсолютную Реальность, Истину.

Ивар обратился к Дэвису на древненорвежском языке викингов девятого века:

— Ты здесь, массажист Эндрю Рыжий, наслаждаешься видом и своей тошнотой. Ты видел Свет?

— Видел, но не глазами, а сердцем.

— То, что видит сердце, видят и глаза, — сказал Ивар.

Он уже стоял рядом с Дэвисом, сжимая мощными руками перила и упираясь массивными ногами в медленно покачивающуюся платформу. Хотя викинг тоже смотрел на север, он не пытался разглядеть Свет, каким его представлял Дэвис или же каким он представлял его сам. Как и всегда, со дня их появления здесь, он планировал побег, разглядывая распостертую перед ним страну. Пост генерала одного из полков Инки вряд ли мог удовлетворить человека, бывшего королем на Земле и в долине Реки.

— Мы торчим здесь слишком долго, — прорычал он. — Исток Реки манит нас, а нам идти до него еще много миль.

Дэвис с тревогой взглянул на стражника. Хотя индеец не понимал языка Ивара, он вполне мог донести Инке, что эти двое обсуждали нечто подозрительное. Тогда Пачакути потребует, чтобы Ивар и Дэвис пересказали ему свой разговор, и, если ответы его не удовлетворят, он станет пытать их, чтобы вырвать правду. Подозрительность окутывала все королевство, словно миазмы, разносящие лихорадку. Как следствие, здесь было полно шпионов.

Как однажды сказал Ивар, человек тут и пернуть не успеет, как Инке уже станет об этом известно.

— Сегодня ночью я отправлюсь вверх по Реке, — сказал Ивар. — Можешь пойти со мной, хотя воин из тебя неважный. И все же в тебе есть хитрость, ты хорошо проявил себя в драках, и у тебя есть веская причина покинуть эту страну. Я говорю тебе это, потому что знаю — ты не выдашь меня, если решишь остаться. А это похвала, потому что доверять можно очень немногим.

— Спасибо, — отозвался Дэвис с легким сарказмом, хотя знал, что викинг сделал ему комплимент — Я пойду с тобой,

и ты это знал. Какие у тебя планы? И почему сегодня? Чем этот день отличается от остальных?

— Ничем не отличается. Но мое терпение кончилось. Мне надоело ждать подходящего случая. Я сам его устрою.

— Кроме того, — добавил Дэвис, — Инка слишком заинтересовалась Энн. Если ты и дальше станешь выжидать, он сделает ее одной из своих наложниц. Полагаю, она тоже пойдет с нами.

— Правильно.

— А Фостролл?

— Этот сумасшедший может или оставаться, или бежать с нами. Спроси его, хочет ли он к нам присоединиться. И предупреди, чтобы сегодня он остался трезв. Если он напьется, мы бросим его здесь — скорее всего покойником.

Ивар негромко изложил Дэвису план бегства и спустился вниз. Дэвис на некоторое время задержался, чтобы стражнику не пришло в голову, будто они что-то замыслили против Инки и им не терпится поскорее волепотить заговор в реальность.

В полдень Дэвис пришел к питающему камню на берег Реки. Когда верхушка камня извергла гром и молнии, он получил из рук надсмотрщика свой грааль, перекусил тем, что нашел внутри, и медленно пошел прочь, выискивая в толпе Фостролла. Времени на поиски у него было совсем немного — через час он должен явиться к Инке, а этот кровожадный язычник не принимал никаких оправданий от своих опоздавших подданных.

Через несколько минут Дэвис заметил француза, сидящего на земле со скрещенными ногами. Он ел, беседуя со своими приятелями. Фостролл уже не выглядел гротескно, вымыв из волос клей и грязь, которые прежде скрепляли их в форме гнезда с лежащим внутри деревянным яйцом кукушки, и теперь они спадали ниже плеч. Отказался он и от раскрашенных усов, и от нарисованной на лбу математической формулы. Своим собеседникам он отвечал редко, отчетливо выговаривая каждое слово, что было характерно для его манеры речи. Все эти изменения заставляли Дэвиса верить в то, что Фостролл начал обретать ясность ума.

Но в руке у него по-прежнему торчала удочка, а себя он, как и раньше, называл «мы». Француз настаивал на том, что употребление слова «я» порождает искусственную разницу между субъектом и объектом, что каждый из людей есть частичка группы под названием «человечество» и что эта группа — не более чем частичка беспредельной вселенной.

Его «мы» включало в себя и «Великого Уби», то есть Бога, а заодно все то, что не существует, но может быть названо,

плюс прошлое, настоящее и будущее. Последнюю триаду он считал неделимой.

Фостролл раздражал, гневил и вызывал отвращение Дэвиса. Но по какой-то непонятной причине Дэвис одновременно испытывал к нему нечто вроде нежности и невольного восхищения. Возможно, причиной тому было то, что француз тоже искал Абсолютную Реальность, Истину. Правда, их представления в этом вопросе весьма различались.

Дэвис дождался, пока француз посмотрел на него, поднял руку к лицу и пошевелил пальцами. Фостролл слегка кивнул, поняв сигнал, но продолжил оживленный разговор на эсперанто. Через несколько минут он встал, потянулся и заявил, что идет на рыбалку. К счастью, никто не предложил составить ему компанию. Дэвис встретился с ним на берегу Реки.

— Так что мы задумали? — спросил он по-английски.

— Сегодня ночью Ивар хочет бежать. Я иду с ним, и Энн тоже. И ты приглашен. Но ты должен быть совершенно трезв.

— Что? Да ты шутишь!

— Не смешно.

— Мы иногда бываем навеселе, но никогда не напиваемся.

— Кончай паясничать. И никаких фокусов сегодня. Ивар сказал, что, если ты напьешься, он тебя убьет, и это не пустая угроза. И ты знаешь, что нам грозит, если нас поймают. Так ты с нами или нет?

— Да, мы отправимся с вами, хотя ответ на Великий Вопрос, на недописанную часть формулы, может находиться и здесь, в этом жалком сосредоточении неуверенности и нестабильности, а не вверх по Реке, как мы надеемся.

— Тогда слушай, что предлагает Ивар...

Фостролл выслушал его, не прерывая, что бывало с ним редко, затем кивнул:

— Мы считаем, что этот план не хуже любого, а может быть, даже и лучше. Но это не означает, что у него есть хоть какие-то достоинства.

— Прекрасно. Тогда встречаемся в полночь у Скалы Многих Лиц. — Помолчав, Дэвис добавил: — Не знаю, почему Ивару так хочется тащить с собой Энн Пуллен. От нее одни неприятности, к тому же она шлюха.

— Ага! Раз мы ее так ненавидим, то, должно быть, любим!

— Чушь! — фыркнул Дэвис. — Она презренная, злобная, вздорная женщина, низшая из низких. По сравнению с ней великая вавилонская блудница покажется просто святой.

Фостролл рассмеялся.

— А мы считаем, — сказал он, — что она душа, у которой хватало и хватает силы интеллекта и характера, чтобы освободиться от обязательств и ограничений, наложенных мужчинами на женщин еще с начала времен — или, возможно, чуть позднее. Она щелкает пальцами под прищемленным носом бога, которому ты поклоняешься, и перед сморщенными пенисами мужчин, которые в него верят. Она...

— Ты будешь гореть в аду, как сгорает спичка, и в этом у меня сомнений нет, — процедил Дэвис, прищурив голубые глаза и сжав кулаки.

— Много спичек не сгорит, потому что их всегда не хватает. Но мы согласны с последними словами бессмертного Рабле: «Занавес! Фарс окончен! Я отправляюсь на поиски огромного “может быть”». Если мы умрем окончательно и навсегда, пусть будет так. В аду не хватит огня, чтобы сжечь нас всех.

Дэвис безнадежно развел руками:

— Я буду молить Господа о том, чтобы он заставил тебя увидеть ошибки в твоих убеждениях, пока для тебя еще не все потеряно.

— Благодарим тебя за добре пожелание, если оно доброе.

— Ты непробиваем.

— Нет. Непроницаем.

И Фостролл зашагал прочь, оставив Дэвиса размышлять над смыслом сказанного.

Вместо этого Дэвис торопливо зашагал ко дворцу, чтобы не опоздать к исполнению своей ежедневной обязанности. Когда Ивар был королем в стране, находящейся далеко на юге, Дэвис был королевским массажистом, и точно так же он стал теперь главным массажистом Пачакути. Эта работа наполняла его гневом и отчаянием, потому что на Земле он был весьма неплохим дипломированным врачом, а затем остеопатом. Он путешествовал по многим городам США, читая лекции и основывая остеопатические колледжи. Состарившись, он основал и возглавил в Лос-Анджелесе колледж по обучению своей эклектической дисциплине — нейропатии, где учили лучшим теориям и приемам безлекарственной терапии: остеопатии, хиропрактике, ганнеманизму и прочему. Когда он умер в 1919 году в возрасте восьмидесяти четырех лет, его колледж все еще процветал. Он был уверен, что колледж будет разрастаться и открывать филиалы по всему миру, но жители конца двадцатого столетия, которых ему доводилось встречать, сказали, что ничего не слышали ни о колледже, ни о его основателе.

Семь лет назад Ивар был вынужден бежать из своего королевства из-за предательства своего союзника Торфинна Разбивателя Черепов. Вместе с Иваром в путь отправились Дэвис, Фостролл и Энн Пуллен. Они не знали, чего им ждать от Торфина, но имели основания предполагать, что вряд ли их ждет завидная судьба.

Поднимаясь вверх по Реке, они много раз сражались, попадали в рабство и бежали, пока их не захватили инки. Смирившись с неизбежным, они вновь стали мечтать о свободе.

Ивар оказался терпелив, как лис, следящий за жирной курицей, но и его терпение начало истощаться. Дэвис не мог понять, почему викинг не стал бежать один. Они стали бы ему только обузой — по крайней мере, с точки зрения Ивара. Тем не менее не поддающийся анализу магнетизм не давал четверке распасться. Их тянуло друг к другу и одновременно отталкивало, в результате они обращались по столь сложным орбитам, что любой астроном сошел бы с ума, пытаясь их рассчитать.

Судя по песочным часам, Дэвис пришел в здание, где располагался двор Инки, примерно на десять минут раньше назначенного времени. Это было строение с четырьмя стенами и крышей, возведенное на опоре из множества перекрещенных балок примерно в ста футах над землей. Вокруг, ниже и выше его потрескивал, постанывал и покачивался Каркасный город. Снаружи было шумно, а внутри лишь ненамного тише: хотя Инка, сидя на бамбуковом троне, выслушивал просителей, люди рядом с ним громко разговаривали. Дэвис протолкался сквозь толпу и остановился рядом с возвышением, на котором стоял трон. Вскоре Инка встанет с него, обтянутый рыбьей кожей барабан трижды прогремит, и повелитель удалится в небольшую комнату вместе с женщиной, выбранной сегодня для ублаготворения его королевской похоти. Потом Дэвис промассирует его тело.

Пачакути был невысок, имел темную кожу, орлиный нос, высокие скулы и толстые губы. Его бедра обтягивал кильт из длинного зеленого полотенца, а красное с синей окантовкой прикрывало его плечи. На голове торчал тюрбан, прихваченный дубовым обручем с длинными разноцветными фальшивыми перьями из резного дерева.

Дэвису часто приходило в голову, что, будь Пачакути обнажен, его никто не принял бы за монарха. И не только его, но и многих других правителей. Даже сейчас внешне он ничем

не выделялся среди своих приближенных, но его поведение и манеры были, несомненно, царственными.

Кто из женщин разделит сегодня его ложе? Дэвис полагал, что это не его забота — пока четверо копейщиков не ввели в зал Энн Пуллен. Толпа расступилась перед ними. Достигнув возвышения перед троном, Энн остановилась, повернулась и улыбнулась, блеснув зубами между ярко-красных губ.

Хотя Дэвис и ненавидел ее, он не мог не признать, что она прекрасна. Длинные желтые выющиеся волосы, поразительно тонкие и четкие очертания лица, безупречные груди, которыми она так гордилась, узкая талия и длинные стройные ноги делали ее похожей на богиню. Если бы Пракситель увидел ее во сне, то наверняка изваял бы Венеру по ее образу. «И все же она сука», — подумал Дэвис. Впрочем, Елена Троянская тоже, вероятно, была сукой.

Охранники подвели ее к двери, за которой ее ждал Инка. Следом туда же впустили большеглазого коротышку-жреца, которому полагалось оценивать мужскую силу Инки во время сношений. Когда повелитель удовлетворится — а как скоро это случится, известно лишь Всевышнему, — жрец выйдет в тронный зал и провозгласит, сколько раз Инка взял женщину.

Придворные возврадуются и станут поздравлять друг друга — королевство будет процветать, а жители благоденствовать.

Но если Инка хотя бы раз потерпит неудачу...

Дэвис никогда не сквернословил. По крайней мере, на Земле. Но сейчас он не сдержался:

— Будь она проклята!

Она отдалась Инке и теперь станет одной из его жен — не исключено, что и главной женой. Но почему? Неужели она успела сегодня поссориться с Иваром? Может, Инка соблазнил ее такими предложениями, что она не смогла устоять? Или же она, шлюха проклятая, оскорблению ноздрей Господних, решила, что неплохо бы потрахаться с Инкой, потому что сегодня ночью она покинет его владения? Говорили, что его мужские способности просто поразительны.

Какой бы ни оказалась причина, Ивар не станет игнорировать ее неверность. Правда, такое иногда случалось прежде, но лишь потому, что Энн вела себя осмотрительно, а сам Ивар одновременно изменял ей с другой женщиной. То, что Энн трахалась с Инкой по сути на глазах у всех, было для Ивара оскорблением, и, хотя он обычно хорошо владел собой, на сей раз он наверняка вспыхнет, как порох.

— Что вошло в эту женщину? — пробормотал Дэвис. — Не считая толпы мужиков.

Энн Пуллен жила — причем на всю катушку — в конце семнадцатого века в Америке, сперва в Мэриленде, затем в округе Уэстморленд, штат Виргиния. Рожденная в семье квакеров, она была крещена в епископальной церкви, как и большинство местных фермеров-табаководов. Она четырежды выходила замуж, и мужчина по фамилии Пуллен стал ее последним мужем. Энн сама не помнила, когда завела первого любовника и кто стал последним, но все сорок лет ее бурной жизни они сменялись один за другим.

В свое время она заявила — и тому есть документальное подтверждение, — что не видит причин, из-за которых женщина не может наслаждаться такой же свободой и привилегиями, как мужчина. Хотя по тем временам это было весьма опасное высказывание, она сумела избежать ареста за распутство и супружескую измену. Впрочем, ее дважды едва не наказали плетьми, обвинив в избиении женщины, которая ее оскорбила.

Не исключено, что именно провинциальная изолированность Виргинии и Мэриленда помогла ей избежать сурового наказания, которое грозило бы ей в более цивилизованных штатах восточного побережья. Возможно, ей сыграли на руку необузданные нравы и дух свободы, присущие уэстморлендцам ее времени. В любом случае, думал Дэвис, она была ужасной грешницей на Земле и стала еще худшей грешницей здесь. Религиозные убеждения заставляли его презирать ее. В то же время он сожалел, что ей, несомненно, предстоит гореть в аду. Иногда — хотя ему потом становилось стыдно — он утешался, ярко представляя себе, как она корчится и вопит, испытывая адские муки.

Итак, она неожиданно решила отдаться Пачакути. Это был едва ли не самый верный способ навлечь на всех четверых неприятности. Еще вернее было бы сказать Инке, что Ивар, Дэвис и Фостролл собираются бежать, но даже она не посмеет опуститься до такой низости.

Или посмеет?

Ему захотелось незаметно выскользнуть из дворца, но он не осмелился разгневать Инку и был вынужден слушать крики экстаза и стоны императора и Энн. Придворные и солдаты прекратили болтовню и стали прислушиваться, что лишь усилило страдания Дэвиса. Несколько мужчин и женщин принялись ласкаться, а одна пара бесстыдно занялась любовью прямо на полу. Дикари! Животные! Почему молния не испепеляет их адским пламенем? Где же гнев Господень?

Через несколько часов из комнатки вышел улыбающийся жрец и прокричал, что Инка еще не утратил мужскую силу, которую требуют от него боги и подданные. Страна будет процветать, а хорошие времена продолжатся. Все, кроме Дэвиса и парочки на полу, радостно завопили.

Вскоре рабыни принесли для Инки и Энн тазы, кувшины с водой и полотенца. Когда они вышли, их сменил жрец, совершивший ритуал очищения, и лишь после этого слуга сообщил Дэвису, что император его ждет. Скрипя зубами, но пытаясь улыбаться, Дэвис вошел в палату порока. Несмотря на омовение, тела любовников до сих пор резко пахли потом и спермой.

Обнаженная Энн лежала на низком ложе. Увидев Дэвиса, она потянулась и продемонстрировала ему свои груди. Энн всегда получала удовольствие, дразня его своими бесстыжими прелестями, потому что знала, какое отвращение его при этом переполняет.

Император, тоже обнаженный, лежал на массажном столе. Дэвис принял за работу. Когда он закончил, ему велели промассировать и Энн. Слуги тем временем облачили императора в роскошный церемониальный костюм — роскошный по стандартам Мира Реки, во всяком случае, — и повелитель вышел в тронный зал, где толпа приветствовала его громкими криками.

Энн улеглась на стол и перевернулась на живот, потом заговорила с Дэвисом, на сей раз воспользовавшись виргинским диалектом своего времени:

— Разомни меня хорошенько, Энди. Император меня чуть ли не узлом завязывал. Я показала ему немало позиций, которых он не знал на Земле, и он перепробовал их все. Если бы ты не был таким святым, я научила бы и тебя.

В комнатке остались и две служанки, но они не понимали английского. Дэвис, стараясь избавиться от гневной дрожи в голосе, спросил:

— А как, по-твоему, к этому отнесется Ивар?

— Да что он может сделать? — небрежно отозвалась она. Тем не менее ее мышцы слегка напряглись. — И вообще это не твоя забота.

— Грех должен волновать каждого.

— Нечто подобное я и ожидала услышать от вонючего блохастого проповедника.

— Вонючего? Блохастого?

— Идиот паршивый.

Мускулы на плечах Дэвиса вздулись буграми. Ах, как просто было бы поднять руки, сомкнуть пальцы вокруг ее шеи

и сломать ее. Несмотря на невысокий рост, он обладал очень сильными руками. Было мгновение, когда Дэвис едва не реализовал вспыхнувшую в его голове фантазию. Но истинный христианин не убивает, как бы сильно его ни провоцировали. С другой стороны, он как бы и не убьет ее по-настоящему — ведь завтра она воскреснет и примется совращать других мужчин. Впрочем, уже далеко отсюда.

— Паршивый, — повторила она. — Ты ненавидишь меня именно потому, что подавляешь желание трахнуть меня. Сидящий в тебе старина Адам просто рвется меня изнасиловать. Но ты запихиваешь это желание подальше — туда, где в укромном местечке припрятаны все твои грехи, где дожидается своего часа Старый Похотник. Я говорю это потому, что знаю мужчин. В этом они все братья. Все, я говорю, все!

— Шлюха! Мразь! Ты лжешь! Тебе хотелось бы познать каждого мужчину в мире, и...

Энн резко перевернулась. Она улыбалась, но глаза ее были прищурены.

— Познать? Ах ты, лицемер! Неужели ты забыл простой английский язык? Да ты не осмелишься сказать «титька», даже если она окажется у тебя во рту!

Дэвис вышел из комнаты, не завершив массаж. В его ушах звучало хихиканье слуг. Они не поняли и слова из их разговора, но голос и жесты Энн читались без труда.

Немного прия в себя, он вернулся. Энн сидела на столе, покачивая длинными эффектными ногами. Вид у нее был довольный. Не переступая порога, Дэвис спросил:

— Ты знаешь, что сегодня задумал Ивар?

Энн кивнула:

— Он мне тоже сказал.

— Поэтому ты решила развлечься на дорожку?

— Я изображала животное с двумя спинами с королями, но с императором — никогда. Теперь мне осталось только найти завалящего бога, чтобы он взял меня, как Зевс Леду. Хотя бы великого бога Одхинира, который, как утверждает Ивар, был его предком. Бога, у которого хватит сил трахать меня бесконечно, который будет ко мне добр и не станет устраивать сцен, взвывая к моей совести. Тогда моя жизнь станет совершенной.

— Меня сейчас стошнит, — процедил он и зашагал прочь.

— Это тоже один из видов эякуляции! — крикнула она вдогонку.

Дэвис спустился на сотню ступенек, гадая, почему эти сумасшедшие язычники построили такой неудобный город.

Добравшись до земли, он принялся искать Фостролла, пока не обнаружил его с удочкой на пирсе. В бамбуковой корзине француза трепыхались семь полосатых рыб длиной около фута, которых здесь называли зебрами. Фостролл объяснял сидящим рядом рыбакам тонкости изобретенной им науки, которую называл патафизикой. Дэвис мало что понял. Очевидно, рыбаки понимали не больше. Они кивали, слушая француза, но озадаченное выражение их лиц показывало, что их постигла судьба большинства прежних слушателей Фостролла. То, что говорящий не очень хорошо владел языком кечуа, явно не способствовало взаимопониманию.

3

— Трудно дать определение патафизике, — заявил Фостролл, — потому что для этого необходимо использовать не-патафизические термины.

Ему приходилось мешать французские слова со словами кечуа, потому что в языке индейцев отсутствовал термин «патафизика», как, впрочем, и многие другие. Это еще больше конфузило слушателей. Дэвис решил, что Фостроллу все равно, поймут его или нет — он говорил, дабы убедить самого себя.

— Патафизика есть наука, действующая за пределами метафизики, — продолжил Фостролл. — Это наука о воображаемых решениях, в частности о кажущихся исключениях. Патафизика полагает, что все на свете равно. Все в мире патафизическое. Но лишь немногие пользуются патафизикой сознательно.

Патафизика — не шутка, не надувательство. Мы серьезны, не смешливы и искренни, как ураган. — Потом, по непонятной для Дэвиса причине, добавил по-английски: — Патафизика синаптична, а не синоптична.

Очевидно, говорить на языке индейцев ему надоело, и он переключился на французский:

— В заключение, хотя ничто нельзя заключать в полном смысле этого слова, можно сказать, что мы ничего не знаем о патафизике, но в то же время знаем о ней все. Мы рождаемся, зная ее и одновременно даже не подозревая о ней. Наша цель — двигаться вперед и просвещать невежественных людей, то есть нас, пока мы все не просветимся окончательно. Затем человечество, как нам это стало, к сожалению, ясно, претерпит трансформацию. Мы станем такими, каким полагается быть Богу — во всяком случае, во многих отношениях, — хотя Бог и не существует таким, каким мы его знаем, и его обратная

сторона есть хаос; и, зная Истину, мы, то есть наше телесное воплощение, превратимся в некое подобие Истины. В некое, но достаточно близкое.

Вот передо мной сидит человек, подумалось Дэвису, во-истину подходящий под данное Энн определение идиота. И все же... все же... В словах Фостролла имелся определенный смысл. Если удалить словесную шелуху, то станет понятно, что он призывает людей взглянуть на вещи под другим углом. Как сказал тот араб из конца двадцатого столетия, которого он встретил много лет назад? Абу ибн Омар процитировал... кого?.. как же его звали?.. а, человека по фамилии Успенский. «Мысли другими категориями». Именно так. «Мысли другими категориями».

Абу говорил ему: «Переверни предмет, посмотри на него снизу или сбоку. Говорят, что часы круглые. Но если повернуть циферблат под прямым углом к наблюдателю, они станут эллиптическими.

Если все станут мыслить другими категориями, особенно в области эмоций, семейных отношений, социальной, экономической, религиозной и политической жизни, то люди ликвидируют большую часть проблем, которые делают их существование столь жалким», — завершил Абу.

«На Земле такого не произошло», — заметил Дэвис.

«Но здесь может».

«Ни за что! Если только все не обратятся за спасением к Господу, к Иисусу Христу».

«И станут истинными христианами, а не узкобыми, лицемерными, эгоистичными и жадными до власти ублюдками, какими является большинство из них. Я оскорблю тебя еще больше, сказав, что ты один из них, хоть ты и станешь это отрицать. Ну и путь».

Дэвис едва не ударил араба, но все же сдержался, отвернулся и ушел, дрожа от ярости.

Он до сих пор возмущался, когда вспоминал обвинения араба.

— Фостролл! — заявил Дэвис по-английски. — Мне надо с тобой поговорить.

— Говори, — ответил француз, поворачиваясь к нему.

Дэвис рассказал ему про Энн и императора.

— Если у тебя хватит храбрости, — посоветовал француз, — можешь сообщить новость Бескостому. Мы не хотели бы находиться поблизости, когда он об этом услышит.

— О, обязательно услышит, хотя и не от меня. Слухи и сплетни бурлят в этой стране, словно лава в жерле вулкана.

Ты еще хочешь бежать с нами сегодня ночью, как договаривались?

— С тобой или без тебя, Ивара или Энн. — Ткнув пальцем куда-то мимо Дэвиса, он добавил: — Кто-то ему уже рассказал.

Дэвис обернулся. Каркасный город начинался примерно в полумиле от Реки. Викинг решительно шагал по берегу, направляясь ко входу возле лестницы. В одной руке он сжимал рукоятку большого каменного топора, в другой нес очень большой рюкзак. Дэвис предположил, что в нем лежит грааль Ивара, но рюкзак был набит так, что там наверняка лежало что-то еще. Даже с большого расстояния Дэвис разглядел, что лицо и тело Ивара выкрашены в яркий красный цвет.

— Он идет убить Инку! — воскликнул Дэвис.

— Или Энн, или обоих, — сказал Фостролл.

Перехватывать Ивара на полпути было уже поздно, но даже если бы им это удалось, остановить его они все равно бы не сумели. Несколько раз им уже доводилось видеть его в состоянии безумной ярости, и он попросту раскроил бы им головы топором.

— Он не пробьется через телохранителей Инки, — сказал француз. — Полагаю, нам остается только следовать намеченному плану и бежать сегодня ночью. Энн и Ивара с нами не будет. Ты и я должны бежать без них.

Дэвис знал, что Фостролл сильно огорчен, потому что сказал «я» вместо «мы».

К тому времени викинг уже поднялся на третий уровень и пересекал его. Его фигура на мгновение скрылась за полу-прозрачной стеной, сделанной из легчайших полос внутренностей «речного дракона».

— У меня такое чувство, словно я его предал, — признался Дэвис. — Но что мы можем сделать?

— Мы изменили свое решение, что есть прерогатива и даже обязанность философа, — ответил Фостролл. — Самое малое, что мы можем сделать, — это отправиться следом за ним и узнать его судьбу. Возможно, нам даже удастся ему как-нибудь помочь.

Дэвис так не считал, но не мог позволить этой кукушке проявить большую храбрость.

— Хорошо. Пошли.

Они положили свои граали в рюкзачки и заторопились к городу. Поднимаясь по лестницам и взбираясь по лесенкам, они добрались до уровня, где жил Инка. Там было очень шумно, суетились и бегали люди. Издалека доносились громкое

бормотание, которое может создать только большая толпа. Одновременно они ощутили запах дыма, но совсем не такой, как во время стряпни. Ориентируясь по шуму и уступая дорогу людям, бегущим к лестницам, они вышли на маленькую площадь.

Окружающие ее здания, по большей части двухэтажные бамбуковые сооружения без передней стены, были правительственные конторами. Самым крупным из них был «дворец» Инки, трехэтажный, но узкий. У него была крыша, но почти не было передних стен, а задняя стена крепилась к главному каркасу города.

Запах дыма стал сильнее, суетящихся мужчин и женщин тоже прибавилось. Двое вновь прибывших не могли понять смысла возгласов и криков, пока Дэвис не уловил произнесенное на языке кечуа слово «пожар». Только тут до него дошло, что причиной суматохи был не Ивар. Впрочем, возможно, и он. Дэвис вспомнил огромный рюкзак за его плечами. Не было ли там охапки сосновых факелов и кувшина спирта?

Сильный ветер гнал облака дыма на юг, и это объясняло, почему на нижних уровнях запах дыма не ощущался. Приближаться к дворцу было опасно — бамбуковый настил площади уже ярко горел, и им пришлось обогнуть ее по периметру. Рядом со входом во дворец группа людей, отчаянно вращая рукоятки шести лебедок, поднимала наверх большие ведра с водой. Дэвис разглядел внизу длинные цепочки горожан, передающих друг другу наполненные в Реке ведра.

Все произошло очень быстро.

Теперь Дэвис ощущал и характерный запах горящей плоти, потом разглядел среди языков пламени несколько тел. Несколько секунд спустя чей-то труп провалился сквозь прогоревший настил на нижний уровень.

Даже не верилось, что всего один человек мог нанести такой ущерб.

— Теперь ты пойдешь со мной вниз? — спросил Дэвис. — Даже если Ивар еще жив, он все равно обречен. А нам лучше поскорее спуститься, пока нас не отрезал от земли огонь.

— Доводы не всегда преобладают, — ответил француз. — Но с огнем спорить бесполезно.

Кашляя, они удалялись от дворца, пока плотный дым не стал реже и позволил им разглядеть в нескольких ярдах внутренность другого здания. Неподалеку располагалась лестница, а из нескольких отверстий в настиле торчали лесенки, но их окружала настолько плотная толпа, что подобраться к выходам оказалось невозможно. И лестницу, и лесенки облепили и блокировали рычащие, воящие и дерущиеся люди.

Несколько человек свалились прямо на головы спасателей уровнем ниже.

— Можно спуститься и по балкам наружного каркаса! — крикнул Фостролл. — Попробуем спастись таким путем!

К этому времени многим пришла в голову такая же идея, но места на стенах, к счастью, хватило всем. Когда Дэвис и француз добрались до земли, мускулы у них дрожали от перенапряжения, а руки, животы и внутренние поверхности бедер стерлись до крови. Протолкавшись сквозь толпу, они подошли к Реке.

— А теперь пора раздобыть маленькую парусную лодку и отправиться вверх по Реке, — сказал Фостролл. — Никто из местных, кажется, не возражает.

Дэвис взглянул на Каркасный город, на бурлящую вокруг него толпу и людей, все еще выбирающихся наружу. Бригады, подававшие ведра с водой, к этому времени уже завершили работу, хотя еще считанные минуты назад Дэвис готов был поклясться, что весь город обречен. Но дым уже исчез, лишь кое-где виднелись последние жалкие струйки.

Он и Фостролл имели при себе граали, а в рыбацкой лодке, стоящей на якоре в нескольких ярдах от берега, лежали шесты, сети и копья. Этого им вполне хватит, чтобы выжить.

Добрались до лодки вброд, они увидели лежащего на дне лицом вверх мужчину — темнокожего, черноволосого и с закрытыми глазами. Его челюсть медленно шевелилась.

— Мечтательная резинка, — сказал Фостролл. — Он сейчас где-то в древнем Перу, и в его мозгу вспыхивают видения страны, которую он когда-то знал, но которая никогда не существовала в реальности. А может быть, он мчится быстрее света среди звезд к пределу беспредельности.

— Ничего подобного, никаких красавиц, — с отвращением произнес Дэвис, указывая на напрягшийся пенис мужчины. — Ему снится, что он лежит с красивейшей в мире женщиной. Если ему хватает для этого воображения, в чем я сомневаюсь. Эти люди — грубые и жестокие крестьяне. Предел их мечтаний — жизнь без тягот и обязательств, никаких хозяев, вволю еды и пива, и чтобы каждая женщина была рабыней на ложе.

— Ты только что описал рай, друг мой, — заметил Фостролл, карабкаясь через борт, — то есть Мир Реки. Правда, за тем исключением, что тут есть хозяева, а женщины — не рабыни на ложе. Мысль об избавлении от хозяев и обладании множеством женщин может оттолкнуть тебя, но найдется множество людей, которым она придется по душе, а твой идеал

загробного мира характерен для человека, лишенного воображения. Впрочем, он не так уж и плох. По сравнению с нашей родной планетой это несомненный шаг вперед.

Что же касается этого парня, то он родился среди бедняков и будет жить среди них. Но именно бедняки — соль земли. Под солью же мы подразумеваем не вещества, образовавшиеся в результате определенных геологических явлений. Мы имеем в виду соль, остающуюся на коже после упорного и тяжкого труда, ту соль, что копится на теле, когда люди редко моются. Этот вонючий минерал вкупе с отшелушившимися чешуйками кожи и есть соль земли.

Дэвис забрался в лодку, выпрямился и указал на торчащий пенис мужчины:

— Фу! Хуже животного! Давай выбросим эту обезьяну за борт и отправимся в путь.

Фостролл рассмеялся:

— Ему, несомненно, грезится Энн, наша местная Елена Троянская. Нам она тоже грезилась, но мы не стыдимся в этом признаться. Но откуда тебе известно, что он мечтает не о мужчине? Или не о своей любимой ламе?

— Ты тоже отвратителен, — в сердцах бросил Дэвис. Он наклонился и ухватил мужчину за лодыжки. — Помоги.

Фостролл приподнял мужчину за руки:

— Уф! Почему гравитация становится сильнее, когда мы поднимаем труп, пьяницу или оглушенного наркотиками? Ответь нам, наш друг-обыватель. Мы сами ответим тебе. Потому что гравитация не является силой постоянной и не всегда подчиняется так называемым физическим законам. Сила гравитации варьирует в зависимости от обстоятельств. Следовательно, в противоположность утверждению Гераклита, то, что поднимается вверх, не всегда падает вниз.

— Ты болтаешь, как обезьяна, — буркнул Дэвис. — Давай! Раз, два, три, бросай!

Мужчина плюхнулся в Реку, погрузился с головой, потом, фыркая, вынырнул и по пояс в воде побрел к берегу.

— Поблагодари нас за купание, которое тебе давно требовалось! — крикнул ему вслед Фостролл и, рассмеявшись, начал вытягивать каменный якорь.

Но Дэвис вытянул руку к берегу и сказал:

— Смотри!

К ним бежали десять солдат с копьями и в деревянных шлемах.

— Кто-то нас выдал! — простонал Дэвис.

Через две минуты их уже вели в тюрьму.

Ивар и Энн не погибли. Викинг прорубился сквозь заслон солдат, убив и ранив многих, и сумел подобраться к императору, хотя истекал кровью из многочисленных ран. Его окровавленный топор с треском опустился на голову Инки, и Пачакути перестал быть императором. Ивар не сделал попытки убить Энн. Впрочем, ее наверняка спасло лишь то, что викинга оглушили сразу после того, как разлетелся на куски череп Инки.

По законам королевства Западного Солнца Ивара полагалось пытать и мучить до тех пор, пока его тело способно выдерживать боль. Но захвативший власть человек решил поступить иначе. Тамкар был генералом и командиром полка, но уж никак не прямым наследником трона. Он немедленно бросил своих солдат на солдат Пачакути, перебил их всех и объявил себя Инкой. Подосланные им убийцы прикончили остальных генералов, а уцелевшие после боя солдаты других полков сдались новому Инке. Вопрос о законном наследовании престола никто поднимать не рискнул.

Хотя Тамкар публично осуждал Ивара, втайне новый император наверняка был ему благодарен. Он приговорил викинга к Прыжку Смерти, но тем самым предоставил ему пусть ничтожный, но все же шанс обрести свободу и покинуть королевство. Энн Пуллен, Фостролл и Дэвис не принимали участия в убийстве Пачакути, но их тоже признали виновными за сотрудничество с викингом. По сути новый Инка попросту избавлялся от всех, кого считал опасными для себя. Арестовав группу важных чиновников, он тоже послал их прыгать с доски. Перепрыгнуть удалось лишь двоим. Это понравилось зрителям, хотя кое-кто был разочарован тем, что кто-то уцелел. Тамкар отыскал и других — тех, кто по его подозрениям, мог отнять у него трон. Их тоже заставили сделать прыжок в компании с другими преступниками. Толпе пришлось по вкусу это зрелище. Наконец настал день главного события — Ивару и его компаньонам предоставили возможность развлечь публику. Не говоря уже о возможности развлечься самим.

В полдень, через две недели после смерти Пачакути, Дэвиса и других заключенных привели на верхушку башни. Все это время их держали за частоколом, а не в тюрьме, поэтому у них имелось достаточно места для упорных тренировок. Кроме того, приговоренные к Прыжку Смерти получали возможность тренироваться в прыжках в длину на специальной дорожке, в конце которой была вырыта яма, наполовину заполненная песком. Императору хотелось, чтобы прыгуны перед падением

оказались как можно ближе к концу второй, противоположной доски. Его подданным нравилось хорошее шоу, а императору нравилось то, что нравилось им. Он сидел в кресле на платформе, из-под которой торчала доска «свободы».

Прогремели барабаны, прогудел рог рыбы-единорога. Когда объявили первый прыжок, толпа внизу восторженно завопила.

Фостролл, стоявший позади Дэвиса, сказал:

— Помни, наш друг: сила притяжения зависит от настроения того, что ее преодолевает. И если существует такая вещь, как удача, мы будем просить, чтобы она тебе улыбнулась.

— Удачи и тебе, — отозвался Дэвис, отметив, что голос прозвучал весьма нервно.

Капитан стражников крикнул, что начинает отсчет. Две полагающиеся на прыжок минуты еще не миновали, когда Дэвис разбежался по тридцатифутовой доске*, сильно оттолкнулся от ее конца правой ногой и взмыл вверх. В этот момент его и охватил экстаз. Позднее он и сам поверил в то, что спасло его именно это. Разумеется, ему помог Господь. Его спасло то же высшее существо, которое спасло Даниила в загоне со львами.

Тем не менее, когда его пятки коснулись конца противоположной доски, он тяжело упал ничком, сильно ударившись грудью и лицом о твердое дерево. Его руки вцепились в края доски, хотя падение ему уже не угрожало. Полежав некоторое время, он встал. Толпа разразилась криками и свистом, но он, не обращая внимания, прошел, прихрамывая, по доске к платформе, где стражник отвел его в сторону. Сердце его колотилось, а нервная дрожь прекратилась еще не скоро. К тому времени по доске уже разбегался Фостролл, на лице которого застыла решимость.

Он тоже взлетел высоко, хотя Дэвис сомневался, что француз охватил тот же экстаз, который он недавно испытал. Прыгун опустился на самый край доски, но все же смог упасть на нее вперед. Отклонись он назад, падение стало бы неминуемым.

Подойдя к Дэвису, француз улыбнулся.

— Мы такие замечательные атлеты! — воскликнул он.

Барабаны и рог прозвучали в третий раз. По доске побежала Энн — обнаженная, как и ее предшественники. Ее кожа от страха стала белой. Решительно разбежавшись, она без колебаний взлетела над пропастью.

* Ранее автор указывал, что длина доски — пятьдесят футов.

— Какая храбрость! Какая решительность! — вскричал француз. — Что за женщина!

Дэвис, несмотря на испытываемую к Энн неприязнь, был вынужден согласиться с Фостроллом. Но женщине не хватило ни храбрости, ни сил, чтобы удачно приземлиться. Конец доски ударили ее по животу, а локти врезались в дерево. Из ее легких шумно вырвался воздух. На мгновение она зависла, лягая ногами пустоту и мучительно пытаясь вдохнуть, потом вытянула руки и вцепилась в края доски, прижимаясь лицом к дереву. Когда ее пальцы ослабели, она начала соскальзывать.

Рев Ивара перекрыл рокот толпы и крики стоящих на платформе людей:

— Ты валькирия, Энн! Ты женщина для таких, как я! Держись! Ты сможешь! Подтягивайся вверх и вперед! Я встретчусь с тобой на платформе! А если упаду, то мы увидимся где-нибудь в другом месте у Реки!

Это удивило Дэвиса. За две недели заключения Ивар не сказал Энн ни слова. И она ему тоже.

Энн улыбнулась — то ли от отчаяния и боли, то ли от радости после слов Ивара. Мокрая от пота, с еще более побледневшим лицом, она отчаянно боролась за жизнь и смогла-таки подтянуться. Когда ее ноги оказались на доске, она обессиленно перевернулась на спину. Ее груди часто поднимались и опускались, на животе виднелась широкая красная полоса — след удара о доску. Через две минуты она встала на четвереньки и проползла так несколько футов, затем встала и на ослабевших ногах, но с гордым видом перешла на платформу.

Фостролл обнял ее — возможно, с чуть большей страстью, чем допускало приличие. Энн всхлипнула, Фостролл тоже, но, когда барабаны и рог прозвучали вновь, они разжали объятия и обернулись к Ивару.

Бронзововолосый великан ступил на доску. Как и предыдущие прыгуны, он уже успел размяться и попрыгать, разогревая мышцы. Теперь он пригнулся; губы его шевелились, отсчитывая секунды вместе с капитаном стражников. Резко выпрямившись, он побежал, мощно отталкиваясь массивными ногами. Доска гнулась под его тяжестью и дрожала от яростных толчков. Левая нога опустилась всего в паре дюймов от края доски, и викинг взлетел, перебирая в воздухе ногами.

Ему не хватило всего фута до победы, но все же он успел ухватиться за край доски. Та согнулась, немного поднялась и вновь опустилась. Послышался отчетливый треск.

— Залезай на доску! Она сейчас сломается! — крикнул Дэвис.

Ивар уже раскачивался, чтобы было легче забросить ноги вверх и обхватить ими доску. Когда его ноги качнулись вперед, доска с резким треском сломалась. Энн завизжала. Дэвис ахнул.

— Mon dieu! — выдохнул Фостролл.

Ивар с ревом полетел вниз. Дэвис бросился вперед и прижался животом к перилам. Доска, кувыркаясь, еще летела вниз. Но викинга он не увидел.

Дэвис высыпался подальше и в тридцати футах под собой увидел Ивара, который висел на руках, ухватившись за наклонную балку. Когда сломалась доска, он качнулся вперед, и приобретенной в этот момент инерции ему хватило, чтобы подлететь ближе к башне и ухватиться за торчащую из нее горизонтальную балку. Перебирая руками, он ухитрился подобраться к башне еще ближе. Должно быть, он снова сорвался и спасся, лишь зацепившись за перекрестную балку, расположенную под углом сорок пять градусов к наружной стене. Скорее всего он при этом сильно ударился всем телом, и теперь его руки медленно скользили по наклонному бревну, оставляя на нем размазанный кровавый след.

Когда балка, по которой он сползнул, уперлась в другую, тоже наклонную, викинг сумел подтянуться и залезть на нее. После этого ему осталось лишь вскарабкаться на платформу, где стоял Дэвис. Если бы он этого не сделал, его бы не освободили.

Тамкар, покинув кресло, пересек платформу и заглянул вниз. Когда он увидел, что Ивар медленно, но верно поднимается по наружной стене, его лицо скривилось. Но даже Тамкар не посмел нарушить правила этого состязания со смертью. Никто не имел права помогать или мешать Ивару. Он мог или подняться на платформу, или упасть. Прошло около десяти минут, и над краем платформы показались сперва бронзово-рыжие волосы викинга, а затем и его ухмыляющаяся физиономия. Перебравшись через перила, он немного полежал, восстанавливая силы.

Встав, викинг обратился к Тамкару:

— Нет сомнений, боги оказались к нам благосклонны. Они определили нам более достойную судьбу, чем быть твоими рабами.

— Я так не считаю, — ответил император. — Вы будете освобождены, как того велят боги. Но далеко вам не уйти.

Дикари, живущие к северу от нас, сразу схватят вас, и ваша свобода кончится. Я об этом позабочусь.

На мгновение всем показалось, что Ивар бросится на императора, но насторожившиеся охранники выставили вперед наконечники копий. Ивар расслабился и улыбнулся.

— Мы еще посмотрим, кто кого, — пообещал он.

Дэвис ощутил внутри себя пустоту. Мало того, что они пережили жуткое испытание, теперь им вновь предстояло угодить в руки зла. Здесь, по крайней мере, еды хватало на всех. Но сразу за верхней границей королевства Западного Солнца на обоих берегах Реки жили люди, которых следовало избегать любой ценой. Они давали своим рабам ровно столько еды, чтобы у тех хватало сил работать; они получали удовольствие, распиная рабов или надолго связывая их в мучительно неудобной позе; они даже с наслаждением съедали их. Если вы, будучи их пленником, вдруг начинали получать много еды, то могли не сомневаться — вас откармливают, чтобы подать к столу в качестве главного блюда.

Дэвису пришло в голову, что при таком раскладе ему лучше было бы упасть и разбиться насмерть. Тогда половина шансов за то, что после воскрешения он окажется к северу отсюда.

Он был все еще угрюм, когда перевозящая их лодка стала приближаться к берегу, который инки называли Страной Животных. Двое моряков уже спускали парус. Дэвис сидел вместе с остальными пленниками в центре лодки. Их руки были связаны спереди бечевками из рыбьих кишок. Все были голые и имели при себе только граали. По обе стороны от пленников стояли стражники с копьями.

— Через несколько минут вы станете свободны, — сказал им капитан стражников и расхохотался.

Император, очевидно, сообщил Животным, что посыает им в подарок рабов. На причале у правого берега уже ждала группа темнокожих людей с лицами европейского типа. Дико приплясывая, они размахивали большими дубинами и копьями с кремневыми наконечниками; солнце поблескивало на пластинках слюды, вделанных в светло-серые шлемы из рыбьей кожи. Дэвис слышал, что эти люди предположительно жили в Северной Африке в самом начале каменного века. От одного их вида он покрылся холодным потом и ощутил тошноту. Пока что они еще не выслали лодки навстречу.

Сидящий рядом с ним Ивар тихо произнес:

— Нас четверо. Стражников десять. Трех матросов можно не считать. Когда я подам знак, мы с Фостроллом нападем на

тех, кто справа, а вы с Энн — на тех, кто слева. Возьмите граали за ручки и бейте ими, как молотками.

— Шансы в нашу пользу! — тихо рассмеялся Фостролл. — Это патафизический взгляд на вещи!

Ивар согнулся и напрягся, разрывая связывающую его руки бечевку. Лицо его покраснело, под кожей зазмеились мышцы. Стражники захихикали, наблюдая за его усилиями. Но их челюсти отвисли, когда бечевка лопнула, а Ивар с ревом бросился на них, размахивая граалем. Твердое дно цилиндра врезалось стражнику в подбородок. Свободной рукой Ивар подхватил выпавшее копье и вонзил его в живот второго стражника.

Инки не ожидали сопротивления. В любом случае они не сомневались, что легко усмирят взбунтовавшихся рабов со связанными руками. Но викингу всего за несколько секунд удалось вывести из игры двоих стражников.

Дэвис и Энн тоже удачно пустили в ход свои граали. Дэвис ударил в пах ближайшего стражника, и после этого у него не осталось времени присматриваться, как идут дела у его товарищей. Наконечник копья полоснул его спереди по бедру, но Дэвис свалил ранившего его стражника ударом граля по голове.

Все кончилось через пять секунд. Матросы попрыгали в воду. Ивар побежал к кормчему, тот проворно сиганул за борт. Викинг проревел команды, его спутники подняли парус. С берега донеслись громкие вопли дикарей, которые немедленно забрались в лодки. Загремели барабаны, явно подавая сигнал тем, кто находился выше по течению, — перехватить лодку с рабами.

Им это почти удалось. Но Ивар, опытный моряк, сумел ускользнуть от преследователей и оставить их за кормой. Они поплыли на север, вновь свободные... на некоторое время.

5

Прошло восемнадцать лет после бегства из Страны Животных. Друзья много сражались, несколько раз становились пленниками, пережили сотни несчастий и получили десятки ран. Теперь они вот уже семь лет жили в стране Жарден — в относительном спокойствии и благополучии.

Эндрю Дэвис делил свою хижину с Рейчел Эбингдон, дочерью американских супругов-миссионеров. Ему удалось обратить ее в свою веру, и она тоже полагала, что Спаситель вновь родился в Мире Реки и когда-нибудь они сумеют его отыскать. Пока что они проповедовали среди местных жителей — не

очень удачно, но десятком последователей все же обзавелись. Материально Дэвис процветал. Каждый день к нему приходили мужчины и женщины, чтобы получить массаж или остеопатическую помощь. За услугу они платили всевозможными вещами, которые он мог при необходимости обменять на то, что ему требовалось, и деликатесами из своих граалей. Жизнь была легкой. Местные граждане не страдали жаждой власти, по крайней мере политической. День за днем проходили для Дэвиса так, словно он поселился в стране лотофагов. Последние полуденные рыбалки и счастливые вечера возле костра за едой и беседами сменяли друг друга.

Ивар Бескостый стал генералом местной армии, организованной исключительно для обороны. Впрочем, соседние государства на тысячи миль вверх и вниз по Реке не были воинственными, и делать ему было почти нечего. Ивар муштровал солдат, инспектировал пограничные стены и время от времени проводил маневры.

Энн уже давно не жила с Иваром. К изумлению Дэвиса, она стала религиозной — если только Церковь Второго Шанса можно было всерьез назвать религией. Миссионеры, с которыми он разговаривал и чьи проповеди слушал, утверждали, что верят в Творца. Но они заявляли, что все земные религии ошибались, называя себя продуктами божественного вдохновения. Творец — они избегали слова «Бог» — вскоре после великого воскрешения всех мертвых Земли создал существа, превосходящие человека, нечто вроде ангелов во плоти. Миссией этих существ, названных Создателями, стало спасение человечества от самого себя и возвышение его до духовного уровня Создателей. Тот, кто не захочет или не сумеет взыскаться, окажется через неопределенное время обречен, и ему предстоит вечно скитаться в пустоте в виде нематериального существа — с сознанием, но лишенного воли.

— Этика шансеров уж очень высока, — фыркнул как-то Дэвис, разговаривая с Энн. — Они не обращают внимания на сексуальную мораль, если отношения мужчины и женщины не основаны на насилии или принуждении.

— Сексуальная мораль была необходима на Земле для защиты детей, — ответила она. — Кроме того, много страданий приносили венерические заболевания и нежелательные беременности. Но здесь таких болезней нет и женщины не беременеют. В действительности же самым большим и самым мощным элементом сексуальной морали на Земле было понятие собственности. Женщины и дети были собственностью. Но здесь понятие собственности исчезло — по крайней мере личной

собственности, если не считать имеющихся у человека грааля, пары полотенец и инструментов. Большинство из вас, мужчин, еще не восприняли эту идею. Если говорить честно, то и большинство женщин тоже. Но все вы когда-нибудь это поймете.

— Ты и сейчас шлюха! — гневно воскликнул Дэвис.

— Шлюха, которая совершенно не желает тебя, хотя ты желаешь меня. В день, когда ты это поймешь, ты станешь на шаг ближе к истинной любви и спасению.

Как и всегда после разговоров с Энн, Дэвис ушел, сжав зубы и кулаки и нервно вздрагивая. Но он не мог сторониться Энн. Если он перестанет с ней говорить, то никогда не сможет привести ее к истинному спасению.

Два года назад Фостролл объявил себя Богом.

— Друзья, вам больше нечего искать, — сказал он Дэвису. — Вот перед тобой стоит Спаситель. То, что мы приняли облик человеческий, не должно тебя смущать. Это необходимо, чтобы тебя и всех остальных не ослепило наше сияние. Прими нас как своего Бога, и мы разделим с тобой нашу божественность.

В сущности ты уже существо божественное. Мы собираемся открыть тебе путь для понимания этого и объяснить, как поступать после этого сияющего осознания.

Фостролл был безнадежен, а его философия — вздор. И все же, по какой-то непонятной причине, Дэвис не мог не слушать его. Он поступал так не ради развлечения, как ему когда-то казалось, и не потому, что мог помочь Фостроллу увидеть Свет. Наверное, француз просто нравился ему, несмотря на все его приводящие Дэвиса в бешенство высказывания. В этом французе что-то было.

Дэвис не видел Ивара несколько месяцев, но однажды тот вплыл в поле его зрения. Именно «вплыл» — викинг был похож на огромный боевой корабль. За его спиной, словно кораблик, маячил какой-то коротышка — худой, черноволосый и кареглазый. На узком лице незнакомца торчал огромный горбатый нос.

— Эндрю Рыжий! — проревел Ивар на эсперанто. — Ты еще мечтаешь найти женщину, родившую второго Христа? Или ты уже отказался от ее поисков?

— Никоим образом!

— Тогда почему ты просиживаешь здесь задницу? День за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем, год за годом?

— Не просиживаю! — оскорбленно ответил Дэвис. — Я обратил на путь истинный многих людей, отвергавших Хри-

ста. Или тех, кто никогда о нем не слышал и не удостоился его благодати.

Ивар небрежно махнул рукой:

— Всех твоих обращенных можно затолкать в маленькую хижину. Неужели ты удовлетворишься тем, что станешь торчать здесь бесконечно? Ведь тебе известно, что Иисус ждет тебя, чтобы послать тебя проповедовать.

Дэвис почуял в его словах какой-то подвох. Ивар ухмылялся, словно был готов броситься на него.

— Разумнее ждать его здесь, — ответил Дэвис. — Когда-нибудь он придет, и я буду готов приветствовать его.

— Лентяй, лентяй и еще раз лентяй! На самом деле тебе нравится жить здесь, где никто не пытается тебя убить или сделать рабом. Проповедуешь ты кое-как, а почти все время проводишь на рыбалке или трахаешь свою жену.

— Эй, ты смотри, с кем говоришь!

— Я и так вижу, с кем говорю, — с мужчиной, который некогда пытал, потом остыл и теперь боится трудностей и страданий.

— Неправда!

— Я укоряю тебя, но укоряю и себя. У меня тоже была мечта — подняться по Реке до самого ее истока. Там я ожидал найти тех, кто сделал этот мир и воскресил всех нас. И если они не захотят ответить на мои вопросы добровольно, я силой заставлю их ответить. И повторяю это сейчас, хотя они скорее всего неизмеримо сильнее меня.

Но я забыл о своей мечте. Говоря твоими же словами, я расслабился в Сионе. Но здесь не Сион.

— А это кто? — кивнул Дэвис на коротышку.

Ручища Ивара слегка подтолкнула незнакомца вперед.

— Его зовут Бахаб. Он здесь недавно. Он араб и жил на Сицилии, когда его народ владел тем островом. Не знаю, в каком это было веке, но это неважно. Он рассказал кое-что интересное, напомнившее мне о том, что я позабыл. Говори, Бахаб!

Коротышка поклонился и заговорил высоким голосом на эсперанто, но с сильным акцентом. Хотя некоторые из его слов здесь не употреблялись, Дэвис догадался об их смысле по контексту.

— Надеюсь, вы извините меня за столь внезапное появление и возможные неудобства. Я предпочел бы посидеть с вами за чашечкой кофе и получше познакомиться, прежде чем начать рассказ. Но некоторые люди ведут себя как варвары, или же... как это иначе выразить?.. имеют другие обычай.

— Мне на это начхать! — громко заявил Ивар. — Давай рассказывай!

— Ах да. Несколько лет назад я находился далеко отсюда вверх по Реке. Там я разговорился с человеком, от которого узнал потрясающие новости. Не знаю, правду ли он сказал, но, солгав мне, он не получил бы никакой выгоды. С другой стороны, некоторые, будучи сыновьями шайтана, лгут просто ради удовольствия. Но иногда, если ложь есть просто средство развлечься...

— Ты хочешь заставить меня пожалеть о том, что я привел тебя сюда? — рявкнул Ивар.

— Прошу прощения, ваше превосходительство. Человек, с которым я разговаривал, сказал мне, что знает кое-что любопытное. Он много путешествовал по долине, но никогда не встречал ничего столь поразительного. Судя по его словам, он однажды оказался в месте, где некая женщина, утверждавшая, что она девственница, зачала.

— Боже мой! — ахнул Дэвис. — Неужели это правда?

— Не знаю, — ответил Бахаб. — Я не видел этого своими глазами и потому сомневался. Но другие, кто был в то время там, клялись, что рассказанное тем человеком и в самом деле правда.

— Ребенок! Ребенок! — сказал Дэвис. — То был мальчик?

— Увы, нет! Девочка.

— Быть такого не может!

Бахаб помолчал, словно раздумывая, не назвал ли его Дэвис лжецом, потом улыбнулся:

— Я лишь пересказал тебе то, что поведал мне тот человек и его приятели, а их было пятеро. Маловероятно, что все они говорились, лишь бы солгать мне. Но если слова мои оскорбили тебя, то я не буду продолжать.

— Нет-нет! — торопливо возразил Дэвис. — Я не обиделся. Как раз наоборот. Продолжай, прошу тебя.

Поклонившись, Бахаб заговорил:

— Это произошло за много лет до того, как я оказался в тех местах. К тому времени ребенок уже должен был повзрости, если он, разумеется, существовал. Женщина же могла и не быть девственницей, как она утверждала, и некий мужчина был отцом девочки. Но даже в этом случае ее рождение стало бы чудом в мире, где все мужчины и женщины стерильны.

— Но почему девочка? Такого не может быть!

— Я разговаривал с мудрыми людьми, жившими в конце двадцатого столетия по христианскому календарю. Они называли себя учеными. И они сказали мне, что если женщине помочь

зачать с помощью химических методов, то ребенок будет девочкой. Я не понял, что там они говорили о «хромосомах», но они заверили меня, что девственница может зачать только девочку. Они также сказали мне, что в их времена такого ни разу не случалось. Или когда-либо прежде.

— В их науке не нашлось места Богу, — пробормотал Дэвис. — Такое однажды случилось... когда родился Иисус.

Бахаб недоверчиво взглянул на него, но промолчал.

— То, что ты предполагаешь, и то, что случается на самом деле, часто не совпадает, — заметил Ивар. — Ты до сих пор не знаешь истины. А узнать ее ты можешь, лишь вновь отправившись на поиски. Вряд ли у тебя пропал к этому всякий интерес, раз ребенок оказался девочкой. Сам знаешь, ведь были и женщины-богини.

— Бог делает то, что пожелает, — добавил Бахаб.

— Ты прав, Ивар, — сказал Дэвис. — Я должен отыскать эту женщину и ее дочь и поговорить с ними. Признаюсь, ты был также прав, говоря, что меня убаюкали лень и спокойствие.

— В путь! Я тоже здесь заснул! Но я устал от этой бесцельной жизни. Мы построим лодку и поплыем вверх по Реке!

— Рейчел это понравится, — сказал Дэвис. — Наверное.

Рейчел охотно согласилась, хотя ее тоже разочаровало, что Спаситель оказался женщиной.

— Но ведь мы не знаем, насколько правдив рассказ араба, — рассудила она. — Быть может, лишь наполовину. Не исключено, что родился мальчик, но злые люди исказили правду и сделали его девочкой. Это ложь, от которой попахивает дьяволом. У него есть много способов, чтобы заманить верующих в свои сети.

— Подобные рассуждения мне не по душе, — сказал Дэвис. — Но ты можешь оказаться права. Чем бы ни обернулась истина, мы должны попытаться ее отыскать.

Фостролл сказал, что отправится с ними.

— Это непорочное зачатие может оказаться патафизическим исключением, — заявил он. — А патафизика, как мы неоднократно говорили, есть наука об исключениях. Мы сомневаемся, что нечто произошло, поскольку не помним, что делали это. И нам будет приятно разоблачить шарлатанов, которые утверждают, будто такое случилось.

Энн Пуллен сказала, что остается в Жардене. Впрочем, ее никто и не приглашал. Дэвису казалось, что он возрадуется, узнав об этом, но почему-то он ощутил боль. Он не понимал причин ни своего разочарования, ни своей боли — ведь он презирал эту женщину.

Месяц спустя они закончили постройку лодки — отличного одномачтового судна с местами для двадцати гребцов. Ивар подобрал экипаж — храбрых мужчин и их проверенных в схватках женщин. Всем им не терпелось поскорее оставить в прошлом спокойную жизнь. Лишь двоим из учеников Дэвиса было позволено плыть на лодке Ивара, и то лишь потому, что они были готовы сражаться, защищая себя. Всем остальным, убежденным пацифистам, предстояло плыть следом в лодке поменьше.

На рассвете в день отплытия они собрались у питающего камня. Когда из камня с грохотом вырвалась белая вспышка, они извлекли свои граали, наполненные теперь различной едой, пивом, сигаретами и мечтательной резинкой. Дэвису предстояло раздавать табак, пиво и резинку матросам, хотя он предпочел бы выбросить их в Реку.

Поскольку позавтракать они могли и позднее уже на борту, суденышко сразу отчалило от пирса. Воздух был прохладен, но Дэвис дрожал от возбуждения. Он уже давно сознавал, что ему чего-то не хватает в жизни, и теперь понял, что это было желание исследовать и искать приключений. На Земле он много путешествовал по Соединенным Штатам, читал лекции и основывал остеопатические коллежи. Он сталкивался с враждебностью местных врачей и невежественных толп, подстрекаемых дипломированными медиками. Если возникала необходимость, он с поднятой головой шагал навстречу крикам, воплям, угрозам и граду тухлых яиц, но упорно продолжал кампанию, которую он и его коллеги в конце концов выиграли.

В Мире Реки он редко оставался на одном месте подолгу, если только не попадал в рабство. Ему нравилось бродить из страны в страну, совершать при случае дальние плавания. Он не мог испытывать полного счастья, пока не отправлялся время от времени в какое-нибудь дальнее путешествие.

Ивар стоял на кормовой палубе рядом с кормчим и громко отдавал приказы. Он тоже был счастлив, хотя и жаловался на неуклюжесть и медлительность матросов.

Два высоких норвежца начали выбирать причальные канаты, но остановились, когда Ивар велел им немного подождать. Дэвис услышал чей-то крик и посмотрел на берег.

Над вершинами гор только что показался краешек солнца, его лучи разогнали утреннюю серость и осветили незнакомца. Тот бежал по берегу, размахивая руками и крича на эсперанто:

— Не уплывайте! Подождите меня! Я хочу плыть с вами!

— Надеюсь, у него есть веская причина нас задерживать, — громко произнес Ивар. — Иначе быть ему за бортом!

Дэвису был интересен таинственный незнакомец, но одновременно он испытал и какое-то непонятное чувство. Предчувствие страха? Или у бегущего человека плохие новости? У Дэвиса не имелось никаких причин такое подозревать, и все же он чувствовал, что было бы лучше, если бы незнакомец не показался на берегу.

Добежав до пирса, человек остановился, тяжело дыша. В руке он держал грааль. Он был среднего роста и мускулистый, с сильным и симпатичным лицом, длинным и узким, правда, частично скрытым черной широкополой и высокой шляпой. В тени этой шляпы поблескивали темные глаза, а из-под ее полей спадали на плечи длинные глянцевито-черные волосы. Плечи прикрывал черный плащ, на талии было намотано черное полотенце. Сапоги незнакомца были сделаны из черной рыбьей кожи. С черного пояса свисали деревянные ножны, из которых торчала рукоятка рапиры, тоже обтянутая рыбьей кожей. Если оружие было железным, то в этих краях оно могло считаться уникальным.

— Что ты здесь раскаркался, словно ворон, накликающий на нас беду?! — заорал Ивар.

— Я услышал, что вы отплываете вверх по Реке, — ответил незнакомец низким голосом. Его эсперанто был густо привален хрипловатыми звуками его родного языка. — Я бежал от самых гор, чтобы не опоздать. Хочу присоединиться к вам. Думаю, я вам пригодусь. Могу грести наравне с лучшими гребцами, к тому же я великолепный лучник, хотя недавние события лишили меня лука. И я умею сражаться. — Помолчав, он добавил: — Хотя я прежде был мирным человеком, теперь меня кормит меч.

Он извлек из ножен рапибу. Она и в самом деле оказалась стальной.

— Это оружие пронзило немало противников.

— Как тебя зовут? — прокричал Ивар.

— Откликаюсь на имя Ньюмен.

— Я требую от своих людей беспрекословного повиновения и получаю его, — добавил Ивар.

— Согласен.

— Куда ты хочешь приплыть?

— К истоку Реки, хотя я не тороплюсь там оказаться.

Ивар расхохотался:

— У нас с тобой много общего, хотя, как мне кажется, туда многие хотят попасть. У нас найдется для тебя место до тех

пор, пока ты согласен тянуть лямку вместе с остальными. Топай сюда. Потом сменишь кого-нибудь на веслах.

— Спасибо.

Оттолкнув лодку от пирса, норвежцы прыгнули на палубу. Гребцы направили ее вверх по течению. Когда подул утренний бриз, весла убрали и подняли паруса. Путешественники сели завтракать.

Ивар спустился с кормы и остановился возле новичка:

— Ты прихватил с собой интересный рассказ?

— У меня их много, — ответил Ньюмен, подняв глаза на капитана.

— Каждый из нас знает много интересного, — сказал Ивар. — Но какой из твоих рассказов самый поразительный?

Ньюмен прикрыл глаза, словно свет мешал ему вспоминать. Казалось, он ищет внутри себя сокровище. Наконец он сказал:

— Пожалуй, самым поразительным был человек, утверждавший, что он Иисус Христос. Вы слышали о нем? Или жили на Земле в те времена и в тех местах, где он был неизвестен?

— Моими богами были Тор, Один и другие, — пробасил Ивар. — На Земле я принес немало христиан им в жертву. Но под конец жизни я и сам стал христианином — можно сказать, больше из желания уравнять шансы, чем истинно уверовав. Когда я попал в этот мир и понял, что это ни Валгалла, ни рай, хотя на Валгаллу он все-таки похож больше, я отверг обе веры. Но по привычке я иногда еще взываю к моим родным богам, когда приспичит.

— Те, кто не знал об Иисусе на Земле, наверняка услышали про него здесь, — сказал Ньюмен. — Пожалуй, все вы знаете о нем достаточно, и мне нет нужды объяснять, кто он такой.

— Мне даже пришлось узнать о нем куда больше, чем я согласился бы слушать, — заявил Ивар и указал на Дэвиса. — Этот человек, Эндрю Рыжий, трещал о нем без конца.

Дэвис подсел поближе к Ньюмену.

— Мне не терпится услышать твой рассказ, незнакомец, — сказал он. — Но тот, кто назвал себя Иисусом, не мог им быть. Настоящий Иисус на небесах, хотя вполне возможно, что в этом мире он перевоплотился в женщину. По крайней мере, так говорят некоторые. Мы с женой как раз и плывем вверх по Реке, чтобы ее отыскать.

— Тогда могу лишь пожелать вам удачи. Не забывайте, сколько миллиардов людей здесь обитает, к тому же не исключено, что сейчас она может жить и где-то ниже по Реке, — ответил Ньюмен. — Надеюсь, ты не оскорбишься, если я

скажу, что вы будете разочарованы, даже если найдете ту женщину.

— Довольно! — не выдержал Ивар. — Рассказывай!

— Я оказался в одной стране вскоре после того, как человек, назвавшийся Иисусом, был распят фанатичным средневековым немецким монахом по имени Крамер Молот. Распятый был еще жив, так что сами можете понять, насколько быстро после этого события я там появился. Короче, я поговорил с ним перед самой его смертью. А позднее мне удалось побеседовать с человеком, жившим на Земле в одно время и в одной стране с умершим и хорошо его знавшим. И тот человек подтвердил, что распятый в самом деле был Иешуа — так он его назвал.

Я был совсем рядом с ним, когда он произнес последние слова, воскликнув: «Отец! Они ведают, что творят! Не прощай их!» Мне показалось, что пережитое в этом мире лишило его веры, которую он имел на Земле. Словно он знал, что человечество недостойно спасения или что его миссия завершилась неудачей.

— Невозможно! — выдохнул Дэвис.

Ньюмен холодно взглянул на него:

— Я лгу?

— Нет-нет! Я не сомневаюсь в правдивости твоих слов. Я лишь не могу поверить, что человек на кресте и в самом деле был Иисусом. Он далеко не первый и не последний из подобных самозванцев. Не исключено, что некоторые из нихискренне в это верили.

— А как ты оценишь слова опознавшего его человека?

— Он солгал.

— Мне это безразлично. — Ньюмен пожал плечами.

Рейчел коснулась плеча Дэвиса:

— У тебя встревоженный вид.

— Нет. Я сердит.

Но Дэвис ощущал еще и подавленность, хотя и знал, что ее быть не должно.

Вечером того же дня лодка пристала к берегу возле питающего камня. Когда камень прогремел, все поужинали едой из граалей и только что пойманной и поджаренной рыбой, которой их угостили местные жители. Дэвис сидел в кружке людей у костра, где горел бамбук. Фостролл рядом с ним.

— Твоя жена была права, говоря, что рассказ Ньюмена тебя встревожил, — сказал француз. — У тебя до сих пор встревоженный вид.

— Моя вера не сломлена. Она даже не пошатнулась.

— Это лишь слова. А твое тело и голос просто кричат о том, что тебя одолевают черные мысли.

— Свет рассеет тьму.

— Возможно, друг, — согласился Фостролл. — Поешь еще рыбы. Она очень вкусная. В это действительно можно верить.

Дэвис не ответил. Его замутило от вида жирных губ Фостролла и поверхности его мыслей. Или же тошноту вызвало не это? Его душевный покой оказался нарушен гораздо сильнее, чем он признался Рейчел или французу.

— Этот незнакомец говорит так, словно обладает властью, — заметил Фостролл. — Разумеется, это присуще всем сумасшедшим.

— Сумасшедшим?

— Хотя у него высокий самоконтроль, в нем есть нечто странное. Разве ты не заметил? Он одет во все черное, словно скорбят о ком-то.

— Мне он показался обычным наемником, ищущим приключений, — возразил Дэвис.

Фостролл опустил руку на плечо Дэвиса.

— Мы должны тебе кое-что сказать, — произнес он. — Возможно, мы выбрали для этого неподходящий момент, ведь ты в такой меланхолии. Но рано или поздно ты, ищущий Свет, должен встретиться с этим лицом к лицу, хотя Свет может оказаться не того цвета, каким ты его ожидаешь увидеть.

— Да? — отозвался Дэвис, не очень заинтересовавшись.

— Мы говорим о том моменте, когда ты прыгнул через бездну с одной доски на другую. Ты сказал, что, едва твоя нога оттолкнулась от доски, тебя охватил духовный экстаз. И этот экстаз поднял тебя в воздух, словно надутый газом воздушный шар. Ты воспарил выше, чем мог бы, — выше, чем у тебя хватило бы сил. Такое, по твоим словам, совершил Бог. Но...

Дэвис выпрямился. В его глазах мелькнул интерес.

— Да?

— Ты пересек бездну и опустился на доску. Но твои ноги ударились о ее конец. В результате тебе стало больно. И ты вообще мог упасть с доски, если бы не ухватился за ее края. — Фостролл помолчал.

— И что же? — спросил Дэвис.

— Экстаз — это прекрасно. Он перенес тебя через бездну в целости и сохранности. Но потом ты ударился о доску. Ворвалась реальность; экстаз исчез.

— Так куда ты клонишь?

— Мы высказываем аналогию, возможно — притчу. Помни о том прыжке, друг, пока путешествуешь в поисках того, что

может обернуться лишь плодом воображения. Экстаз неосозаем, и он проходит. Реальность ощутима и длительна, а зачастую калечит и причиняет боль. Что ты станешь делать, узнав, что женщина не зачала, а ребенок не рождался?

Реальность может оказаться дубиной, которая сокрушит твою способность когда-либо снова пережить экстаз. И мы надеемся — для твоего же блага, — что ты никогда не отыщешь того ребенка.

Подумай об этом.

КОДА

Сперва я нашел Рабийю. Потом нашел артефакт, который мысленно называю Артефактом. Что более ценно, Рабийя или Артефакт? Рабийя говорит, что я не должен выбирать между Путем и Артефактом. Разве может быть выбор между Путем и машиной?

Я в этом не уверен.

Мой разум, единственная настоящая машина времени, отправляется назад. Потом обратно. А затем вперед, опережая момент настоящего.

Вот я сижу на скале, окаймляющей вершину монолита. Солнце печет правую половину лица и тела. Мой мозг тоже раскален, но весь, и пропечен до центра.

Я на вершине гранитного монолита высотой в две тысячи футов. Он возвышается на равнине всего в сотне футов от Реки. Верхние сто футов монолита расширяются и напоминают бутон с обрезанной верхушкой. То, что монолит имеет форму фаллоса, на мой взгляд, случайность. Но я не уверен, что в этом мире что-либо случайно. Даже контуры гор, окружающих долину Реки, равно как изгибы самой Реки, могут иметь как практический, так и символический смысл.

Мне хотелось бы расшифровать его. Иногда мне кажется, что я его почти уловил, но он ускользает между пальцев, как вода в Реке.

Вершина монолита, мое жизненное пространство, мой физический мир, образует неровный круг примерно шестисот футов в диаметре. Немного. Но вполне достаточно.

Снизу этого не видно, но круг на самом деле есть чаша. Она наполнена толстым слоем плодородной земли, там есть быстро

растущий бамбук, кусты и земляные черви, которые питаются перегнившими растительными остатками и человеческими экскрементами.

В центре чаши растет гигантский дуб. У его подножия бьет ключ. Вода поднимается из какого-то источника внизу сквозь толщу монолита — не сама, разумеется, а с помощью некоего устройства, заключенного внутри каменной толщи создателями этого мира. Ручеек течет на север и впадает в мелкий пруд, тот расширяется в озерцо, а из него вода через узкую трещину на краю монолита водопадом стекает вниз. В пруду и озере обитают радужные рыбки. Длиной они примерно в восемь дюймов и очень вкусны, если их поджарить или запечь.

Неподалеку от дерева стоит питающий камень.

На Земле у меня были скромные потребности. Здесь я нуждаюсь еще в меньшем, хотя в духовном смысле мне стало требоваться больше.

Я похож на средневекового христианского отшельника, что годами сидел на столпе в африканской пустыне. Почти все время отшельники медитировали — так они, по крайней мере, утверждали — и весьма редко вставали. Если это правда, то у них на задницах имелись внушительные мозоли. Я же часто прогуливаюсь, а иногда и бегаю по ограниченной окружности моего мирка. Бывает, я забираюсь на вершину трехсот-футового дерева, прыгаю с ветки на ветку, а по самым толстым из них даже бегаю.

Говорят, люди произошли от обезьян. Если это так, то я, в каком-то смысле, регрессировал. Ну и что с того? Игры на дереве доставляют мне большое удовольствие, к тому же прекрасно символизируют замыкание круга: обезьяна — человек — обезьяна. Они также символически совпадают с тем, как Река течет от Северного полюса к Южному, а потом вновь возвращается на Северный. То, что выходит наружу, должно вернуться обратно. Возможно, в другой форме. Но важна не форма, а суть. Дух образуется из материи. Без материи духу негде обитать. Разумеется, я не имею в виду Дух. Затем для материи наступает время умирать. Но умирает ли дух вместе с ней? Не больше, чем умирает куколка, когда из нее вылезает бабочка. Дух должен отправиться туда, где, в отличие от этой вселенной, но подобно Духу материя не является необходимой.

А не родилось ли подобное мышление из страха перед смертью? Если да, то оно ошибочно.

Даже десять мыслей о пироге не превратятся и в один его кусочек.

Время от времени мне кажется странным называть себя «я», в первом лице единственного числа. Множество лет, прожитых в этом мире, я называл себя «доктор Фостролл», и все думали, будто это мое настоящее имя. Сколько раз я и сам забывал, что родители назвали меня Альфредом — Альфредом Жарри. Литературный персонаж, созданный мною на Земле, превратился в меня. И у меня нет индивидуальности. Фостролл был лишь частью всеобъемлющего «мы». Но здесь, в этом месте Реки, где-то в северной умеренной зоне планеты, «мы», бывшие некогда «я» и трансформировавшиеся в «мы», претерпели обратное превращение в «я». Словно бабочка вновь регрессировала в куколку, а затем снова в бабочку.

Но превосходит ли второе «я» первое?

Не знаю.

Разве одно место возле Реки лучше другого?

Не знаю.

Зато я знаю, что мы: я и мои спутники — много лет путешествовали и сражались, поднявшись на много миллионов миль вверх по течению Реки, хотя часто мы двигались с севера на юг, запад или восток, следуя изгибам Реки. Но мы всегда двигались против течения.

Затем мы остановились ненадолго отдохнуть, как поступали во время всего путешествия, когда уставали от сражений, плавания и друг от друга. Там я встретил Рабийю. Там я и остался.

Наш лидер Ивар Бескостый, огромный бронзововолосый викинг, вроде бы и не удивился, когда я сказал ему, что утром не поплычу с ним дальше.

— Я заметил, что не так давно ты размышлял гораздо больше, чем идет на пользу мужчине, — сказал он. — Ты всегда был странным. Наверное, тебя отметили боги, вот ты умом и тронулся. — Он подмигнул мне, ухмыльнулся и добавил: — Или же твоя решительность ослабела, потому что тебя охмурила встречаенная здесь темнокожая женщина с ястребиным носом и глазами косули? Неужели она воспламенила в тебе страсть? Как я заметил, желание овладеть женщиной никогда не было в тебе сильным. Так я прав? Ты решил отказаться от путешествия ради пары великолепных грудей и горячих бедер?

— Физическая страсть не имеет к моему решению никакого отношения, — ответил я. — Всю свою жизнь на Земле Рабийя придерживалась целибата и осталась святой девственницей. Воскрешение в этом мире не изменило ее убеждений. И могу ответить тебе совершенно точно, что не страсть к ее телу

удерживает меня здесь, а страсть к ее уму. Нет, я неверно выразился. Это страсть к Богу!

— Гм! — бросил викинг и больше не говорил на эту тему. Пожелав мне удачи, он ушел.

Я смотрел на его широкую спину и ощущал сожаление и чувство потери. Но мне показалось, что его потеря оказалась гораздо большей, чем моя. Много лет назад он пережил то, что я могу назвать мистическим моментом. Мы спасались на лодке от врагов, намеревавшихся нас убить, и тут Ивара озарило нечто светлое и яркое. Для меня его озарение было очевидным, хотя он никогда о нем не говорил. Но с этого момента викинг утратил желание завоевать кусочек Мира Реки, править им и расширять свои владения, насколько позволят ум и сила оружия. Он перестал нападать первым и сражался, лишь защищая себя, хотя и весьма агрессивно.

Душа влекла его вверх по Реке, тело подчинялось. Когда-нибудь, как он похвалялся, он доберется до моря на Северном полюсе и возьмет штурмом огромную башню, о существовании которой говорили многие. И силой заставит обитателей башни поведать ему, кто они такие, для чего создали эту планету и Реку, как воскресили всех мертвцев Земли и перенесли их сюда и зачем они это сделали.

Поклявшись исполнить эту похвальбу, он выказал себя глуповатым. Во многих смыслах он и был глуповат, но его нельзя было назвать просто жестоким, кровожадным и жаждущим наживы дикарем. Ивар был очень проницательным, пытливым и наблюдательным, особенно по отношению к тем, кто объявлял себя профессиональным служителем богов. Будучи в свое время жрецом и колдуном, он скептически относился ко всем верованиям. Под конец жизни, будучи королем в Дублине, он принял христианство, решив подстраховаться на случай, если эта религия окажется истинной. В любом случае крещение ему ничего не стоило.

Он умер в 873 году новой эры. Воскреснув в молодом теле на берегу Реки, он отверг крест и стал агностиком, хотя в трудной ситуации и взывал к Одину и Тору — привычки, которым следуешь всю жизнь, умирают долго. Иногда приходится умирать неоднократно, чтобы старая привычка скончалась. И это тоже могло стать мыслью, которую хотел всем внушить Мир Реки.

Характер Ивара в чем-то изменился. Теперь, вместо власти физической и временной, он стремился к власти над истиной. Шаг вперед, да. Но недостаточный. Как собирался он воспользоваться своим знанием? Подозреваю, что его одолело бы

могучее искушение обратить знание, вырванное из хозяев этого мира — если бы ему это удалось, — только на собственную выгоду. Он хотел истины, но не Истины.

Был с нами и Эндрю Дэвис, американский врач, остеопат и нейропат, умерший в 1919 году. Пробуждение на берегу Реки хотя и смущило его, но не заставило отказаться от фундаменталистской религии церкви Христа. Как и многие верующие, он пришел к выводу, что Мир Реки есть лишь Богом данное место испытания тех, кто называют себя христианами. А то, что подобное место не упоминается в Библии, стало лишь очередным доказательством неисповедимости путей Господних.

Услышав о том, что некая женщина якобы зачала и родила мальчика, он поверил во второе пришествие сына Божьего и отправился вверх по Реке на поиски женщины и ее ребенка. Через несколько лет он встретил человека, знавшего Иисуса на Земле. Этот человек рассказал Дэвису, что вновь увидел Иисуса на берегу Реки и стал свидетелем тому, как его распяли фанатичные христиане*.

Признал ли тогда Дэвис, что Иисус был лишь очередным безумцем, уверовавшим в то, что он Мессия? Нет! Дэвис заявил, что рассказчик солгал, потому что он орудие дьявола.

Я полагаю возможным, что где-то в этом мире у женщины развилась ложная беременность. И что рассказ об этом, пропутешествовав миллионы миль и немало лет, исказился. Результат: слух о том, что женщина родила в мире, где все мужчины и женщины стерильны. А ребенок, разумеется, не кто иной, как Спаситель.

Итак, Дэвис поплыл дальше с Иваром, оставив меня. Дэвису было все равно, доберутся они до предполагаемой башни посреди предполагаемого моря на Северном полюсе или нет. Он надеялся — жаждал — отыскать где-то севернее сына той девственницы и пастьницуницу к его ногам. А ребенку, если тот существовал в реальности, должно сейчас быть около тридцати лет. Но он, разумеется, и не рождался.

Прошло семь лет с того дня, как уплыли Ивар и его товарищи. За эти годы я встретил десятки групп людей, направлявшихся на север штурмовать башню. Они задавали вопросы и искали правду, которую я им охотно открывал. Один

* В рассказе «Вверх по светлой реке» автор неоднократно упоминает, что эта таинственная женщина родила девочку. Человек, рассказалавший Дэвису о казни Иисуса, не знал Иисуса на Земле и сослался на слова другого человека, якобы опознавшего его. И распяли его не христиане, а средневековый монах-фанатик. (Примеч. пер.)

из таких путников утверждал, что он араб, но некоторые из его товарищей проговорились, и я узнал, что на самом деле он англичанин, живший в девятнадцатом столетии. Мой современник, более или менее. Его звали Бёртон. Замечательный человек, хорошо известный в свое время, автор многочисленных книг, говоривший на многих языках, прекрасный фехтовальщик и знаменитый исследователь Африки и других мест. Его спутники рассказали, что он случайно очнулся в предвосхрительной камере, созданной таинственными существами, сделавшими эту планету. Им пришлось вновь его усыпить, но с тех пор он встречался с ними, и теперь они разыскивают его — не знаю, с какой целью. Подозреваю, что этот рассказ — одна из множества небылиц, циркулирующих в Мире Реки.

Если кому-то и по силам пробраться в башню, преодолев множество почти непреодолимых препятствий, и схватить за глотку ее хозяев, то Бёртон как раз подходящий человек. По крайней мере, такое у меня создалось впечатление. Но он тоже отправился вверх по Реке, и больше я о нем ничего не слышал. Его экспедиция была далеко не последней.

Все эти семь лет я был учеником Рабийи, арабки, жившей с 717 по 801 год новой эры. Она родилась в Басре, в городе у реки Шатт-эль-Араб, начинающейся ниже места слияния Тигра и Евфрата. В этом районе древней Месопотамии зародилась цивилизация шумеров, которых сменили аккадцы, вавилонцы, ассирийцы и многие другие, уже покрытые пылью веков. Басра находится неподалеку от Багдада — как мне сказали люди из двадцатого столетия, Багдад был столицей мусульманской страны под названием Ирак.

В свое время и позднее Рабийя была известным во всем мусульманском миру суфием. Суфиями называли мусульманских мистиков, чей нетрадиционный подход к религии часто служил причиной преследования ортодоксов. Это меня не удивило. Везде на Земле ортодоксы ненавидели неортодоксов, и здесь в этом смысле тоже ничего не изменилось. Не было ничего странного и в том, что после смерти суфии часто становились святыми в глазах ортодоксов — ведь они больше не представляли опасности.

Рабийя говорила мне, что долгое время были и иудейские и христианские суфии — правда, немногочисленные, — и мусульманские суфии принимали их как равных. Суфием мог стать любой верующий в Бога, атеисты могли не беспокоиться. Но чтобы стать суфием, нужно было соответствовать и другим требованиям, причем весьма жестким. К тому же, в отличие от ортодоксов, суфии-мусульмане верили в изначальное равенство

мужчин и женщин, что для ортодоксов было совершенно неприемлемо.

Многие мои друзья, жившие в Париже конца девятнадцатого и начала двадцатого столетия (Аполлинер, Руссо, Сати и многие другие, почти все живые легенды — великие поэты, писатели и художники, отрывавшиеся от ортодоксальности в будущее, — где они сейчас?), скривились бы или презрительно рассмеялись, узнав, что я стремлюсь стать суфием. Иногда я и сам подсмеиваюсь над собой. Кто имеет на это большее право?

Рабийя сказала, что шагала по Пути все выше и выше, пока не испытала нечто близкое к экстазу, узрев славу Господню. Такого могу достичь и я. Она готова быть моим учителем, но ничего не гарантирует, потому что лишь я сам, собственными усилиями смогу добиться того, чего добилась она. Такое удавалось и другим, хотя очень немногим. А потом она добавила, что все мои усилия могут оказаться тщетными. Бог сам выбирает тех, кто сможет познать Путь, Истину. И если я не окажусь среди избранных — увы... Ничего не поделаешь. Почему я, Альфред Жарри, когда-то называвший себя доктором Фостроллом, поливавший насмешками лицемеров, обывателей, ортодоксов и самодовольных слепцов, эксплуататор и преследователь других, мертвых душой и упрямых последователей любой веры... почему я сейчас ищу Бога и желаю трудиться, как никогда не трудился в жизни, лишь бы стать его рабом, не говоря уже о том, чтобы стать рабом Рабийи? Почему я так поступаю?

Тому есть множество объяснений, в основном психологических. Но психология ничего не объясняет удовлетворительно.

Некоторое время я слышал о Рабийе, поэтому и решил послушать ее сам. Я был исследователем и портретистом абсурда, и мне не хотелось упускать возможность познакомиться с той особой абсурдностью, которую она олицетворяла... так мне думалось. Я держался с краю толпы ее учеников, любопытствующих и страстно желающих научиться от нее чему-нибудь. На первый взгляд ее слова не отличались от проповедей учителей других религий. Разговоры о Пути и Истине сами по себе ничего не стоят, и кроме имен основателей сект и их учеников ничего нового я не услышал.

Но эта женщина словно излучала нечто такое, чего я никогда не замечал у других. И ее слова почему-то имели смысл, даже будучи логически абсурдными. А потом она искося взглянула на меня, и между нами словно блеснула молния, как бы соединяя положительный и отрицательный заряды. В ее

черных глазах косули я разглядел нечто неопределяемое, но явно магнитическое.

Короче говоря, я слушал, потом заговорил с ней и вскоре убедился в том, что все ее слова — квинтэссенция абсурда. Но я вспомнил и слова Тертуллиана, писавшего о своей христианской вере: «Верую, ибо абсурдно». Такая фраза не выдерживает логического анализа, но она и не предназначена для него. Она взвывает к духу, а не к разуму. В ней заложен многослойный смысл, столь же трудноуловимый, как и аромат вина. Нос ощущает его, но пальцами его не удержать.

Наставники суфизма требуют от своих учеников соблюдения особой дисциплины, направленной на физическое, умственное и духовное возвышение посвященных. Частью этой дисциплины является требование ничего не принимать как должное только потому, что это традиционно и привычно. Суфий никогда не согласится с фразой типа «всем известно...» или «говорят, что...». Я и сам так поступал, но суфистский метод оценки отличается от моего. Я стремился выставить напоказ скрытую нелепость, высмеять. Суфии вдалбливают в ученика автоматический метод рассмотрения чего угодно со всех сторон и одновременно, если такое возможно, еще и обучения не-суфия. Я и сам никогда не верил, что моя сатирическая поэзия, романы, пьесы и картины просветят хотя бы одного обывателя, — я взвывал к разуму тех, кто уже был со мной согласен.

Итак, мое обучение под руководством Рабийи продвигалось вперед, хотя и не очень быстро. Я физически стал ее слугой: бегал по поручениям, носил за ней вещи, заботился о ней с утра до вечера. К счастью, она любила ловить рыбу, поэтому мы проводили много часов за моим любимым занятием. Я был также и ее духовным слугой: выслушивал ее лекции и впечатления, размышлял над ними, отвечал на множество вопросов, задуманных как проверка моего понимания суфизма и оценка моих достижений. Служить мне предстояло до того дня, когда я или уйду, или тоже достигну высшего мастерства и вспыхну экстатическим пламенем Всеышнего.

С другой стороны, разве имелись у меня другие, более важные дела?

Когда Рабийя услышала эту фразу из моих уст, она упрекнула меня.

— В легкомыслии нет ничего плохого, — сказала она, — но оно часто указывает на ветреность. То есть на серьезные недостатки характера. Или на боязнь быть высмеянным. Помедитируй об этом. — Помолчав, она добавила: — Полагаю, ты

веришь, что сможешь взглянуть на Всевышнего моими глазами. Но я всего лишь твой учитель. Лишь ты сам способен отыскать Путь.

Вскоре после этого она решила забраться на монолит и, если его вершина окажется необитаемой, остаться там на долго. Она сказала, что возьмет с собой трех учеников, если найдутся желающие.

— И как долго, о сосуд внутреннего света, мы там пробудем? — спросил я.

— Пока наши волосы не отрастут до пояса, — ответила она. — Потом мы отрежем их. И когда, сделав это много раз, мы получим достаточно волос, чтобы свить веревку и спуститься по ней к подножию монолита, мы его и покинем.

Срок выглядел долгим, но четверо учеников сказали, что присоединятся к ней. Я стал одним из них. Правда, Хаворник, богемец из шестнадцатого столетия, заколебался. Он признался, как и те, кто отказался следовать за ней, что боится высоты, но все же пообещал, что попробует преодолеть свою слабость. По пути наверх он пожалел о своем решении, потому что кроме пальцев рук и ног нам ничто не помогало цепляться за выступы и ямки в скале, а многие из них были очень малы. Но Хаворник достиг вершины, где лег и пролежал час, весь дрожа, пока не набрался сил, чтобы встать.

Хаворник оказался единственным, кто испугался, но победил свой страх. Выходит, он стал храбрейшим из нас.

Мне захотелось проявить такую же храбрость, выбираясь из своего «я», какую выказал Хаворник, карабкаясь на скалу.

Но хотелось ли мне этого?

Через три дня после того, как мы забрались на вершину, я нашел Артефакт. Я шел к озеру на рыбалку и заметил какой-то предмет, торчащий из земли под большим кустом. Сам не пойму, как он привлек мое внимание: он был весь измазан грязью, а снаружи торчал только кончик. Но мне стало любопытно, и я подошел ближе. Наклонившись, я увидел нечто в форме груши. Я прикоснулся; предмет оказался тверд, как металл. Раскопав мягкую землю вокруг, я увидел непонятное творение человеческих рук — цилиндр около фута длиной и трех дюймов в диаметре. На каждом конце имелась грушевидная выпуклость размером с луковицу.

Взволнованный, я отмыл предмет в ручье. Он был сделан из черного металла и лишен всяческих кнопок, ручек и прочих органов управления. Я, разумеется, не имел ни малейшего представления, кто его сделал, каковы его функции и как он

оказался на вершине почти неприступной скалы. В тот день я напрочь позабыл о рыбальке.

Целый час я ощупывал его, поворачивал так и сяк, сжимал, надеясь включить или обнаружить скрытую панель управления, а потом отнес к Рабийе и остальным. Выслушав мой рассказ, она сказала:

— Должно быть, его случайно оставили здесь создатели этого мира. Если это так, то они не боги, как полагают многие. Они люди, как и мы, хотя их тела могут отличаться от наших. Не исключено, что этот предмет был оставлен здесь специально ради каких-то целей. Не имеет значения, кто его сделал и каковы его функции. Он не имеет отношения ни к тебе, ни ко мне. И он может стать препятствием, о которое спотыкаются, следя по Пути.

Меня потрясло это ошеломляющее отсутствие научного любопытства — и вообще всякого любопытства. Но, поразмыслив, я признал, что со своей точки зрения она была права. К сожалению, меня всегда очень интересовали математика, физика и техника. Не хочу хвалиться (хотя почему бы и нет?), но я многое знаю в этих областях науки. Более того, я когда-то изобрел машину для путешествий во времени, которая почти убедила многих людей в том, что она действует. Почти, повторяю я. Никто, включая меня, так и не построил ее, чтобы проверить это на практике, потому что наука моей эпохи считала путешествия во времени невозможными. Иногда я задумываюсь: не стоило ли мне все же построить машину времени? Быть может, путешествия во времени возможны далеко не всегда, но могут возникать моменты, когда они весьма вероятны. Ведь я патафизик, а патафизика, кроме всего прочего, есть наука об исключениях.

Рабийя не стала приказывать мне избавиться от Артефакта и позабыть о нем. Будучи ее учеником, я был обязан ей подчиниться, пусть даже мне этого совсем не хотелось. Но она знала меня достаточно хорошо и понимала, что я начну экспериментировать с непонятным предметом, пока сам не откажусь от поставленной задачи — определить его функцию. Наверное, она хотела преподать мне наглядный урок из-за моего стремления на время отклониться от Пути.

На третий день после находки я сидел на ветви большого дуба и разглядывал таинственное устройство. И тут услышал женский голос, говорящий на незнакомом языке, который я никогда прежде не слышал. Раздавался этот голос из утолщения на конце цилиндра. Голос так меня испугал, что я на несколько секунд замер, но потом поднес утолщение к уху.

Непонятная речь смолкла через полминуты, а из утолщения на противоположном конце послышался мужской голос.

Когда он тоже замолчал, из утолщения вырвался зеленый луч — такой яркий, что был ясно виден даже днем, и на его конце, в четырех футах от цилиндра, появилось изображение. Не простое, а движущееся. Я видел объемные фигурки людей, четко слышал их голоса. Люди были поразительно красивы — мужчина-азиат и две женщины, европейского и негритянского типов. Все они были в хитонах из тонкой ткани, похожих на древнегреческие, и сидели за столом, изогнутые резные ножки которого изображали зверей, неизвестных земной зоологии. Они оживленно беседовали между собой, а время от времени произносили несколько слов в точно такие же устройства, какое я держал в руке.

Потом изображение растаяло. Я попытался вернуть его, еще раз нажав на цилиндр в тех же местах, где нажимал перед тем, как оно появилось. Но безуспешно. Снова активировать устройство мне удалось лишь вечером три дня спустя. Изображение на сей раз не стало ярче — очевидно, устройство автоматически подстраивалось под уровень внешней освещенности. Я увидел какое-то место в долине Реки, днем. Мужчины и женщины разговаривали на эсперанто, ловили рыбу, занимались другими делами. На противоположной стороне Реки виднелись круглые бамбуковые хижины с тростниковые крышами, вокруг них много людей. Словом, ничего особенного. Кроме одной детали — я увидел крупным планом лицо мужчины, очень похожего на сидевшего в первой сцене за столом.

Из увиденного я заключил, что создатели этого мира — а у меня не было сомнений, что создали его именно они, — живут, замаскировавшись, среди людей. Машина, записавшая эту сцену, находилась в валуне или в стволе практически неразрушимого «железного» дерева, растущего в этом мире повсюду.

Когда устройство заработало во второй раз, рядом находились Рабийя и Хаворник. Она заинтересовалась, но сказала:

— К нам это не имеет никакого отношения.

Однако Хаворника увиденное возбудило, и он был сильно разочарован, когда изображение погасло. Я дал ему устройство и предложил попробовать активировать его. Ему это тоже не удалось.

— Каким-то образом этим прибором можно управлять, — заявил я. — И я выясню, как это делается, пусть даже мне придется протереть в нем дырку, нажимая в разных местах.

Рабийя нахмурилась, но потом улыбнулась и сказала:

— Не возражаю — пока эта игрушка не начнет отвлекать тебя от Пути. Развлечения никому не вредят, если человек в целом остается серьезен.

— Любое развлечение по сути своей серьезно, — возразил я.

Она на секунду задумалась, потом снова улыбнулась и кивнула.

Я стал одержим идеей управления Артефактом. Вместо обдумывания слов Рабий мой разум бился над загадкой этого устройства. Как только у меня появлялось свободное время, я уходил к большому дубу или садился на краю обрыва. Там я переживал моменты, когда мне казалось, будто вот-вот воплотится то, что я написал на Земле о Боге. То была формула, которую я вывел. Ноль равняется бесконечности. Я назвал это формулой Бога, и иногда мне казалось, будто моя душа — если она у меня есть — лишена плоти и костей. Я был близок к прямому пониманию правды, таящейся за этим уравнением. Я почти сорвал маску с Реальности.

Когда я сказал это Рабийе, она ответила:

— Бог есть математическое уравнение. Но он же есть и все остальное, хотя Дух существует отдельно от него.

— Я не вижу большего смысла в твоих словах, чем в том, что сказал я, — возразил я.

— Возможно, ты приближаешься к нему, — проговорила она. — Но не с помощью этого прибора. Не путай его с Путем.

В ту ночь, когда мои товарищи спали, я сидел на краю и смотрел на виднеющиеся далеко внизу огоньки костров. Люди сидели или отплясывали вокруг огня, кое-кто падал, опьянев. И тогда я подумал о годах, прожитых здесь и на Земле, и ощутил жалость, смешанную с отчаянием. Жалость к себе и своему «я».

Я написал множество пьес, рассказов и поэм о тупости, лицемерии, дикости, бесчувственности и эксплуататорах искалеченных и обреченных людских масс. Я издевался над всеми — и над хозяевами, и над массами — за их слабости и глупость. Но разве то была их вина? Разве не были они рождены, чтобы стать такими, какими стали? Разве каждый из них не действовал в соответствии со своими возможностями? А если кому-либо хватало восприимчивости, вдохновения и мужества, чтобы возвыситься над толпой, то разве не были эти люди такими с рождения?

Тогда какое имел я право кого-либо восхвалять или осуждать? Те, кто сумел собственными усилиями поднять себя на более высокий уровень, смогли такого добиться лишь потому,

что их характеры сформировались еще при рождении. Они не заслуживают ни обвинений, ни хвалы.

И мне кажется, что истинной свободы воли попросту не существует.

Таким образом, если мне тоже удастся испытать тот экстаз, что испытала Рабийя, то лишь потому, что мне позволит сделать это наследие моей плоти. И потому, что я прожил столь долго. С какой стати Рабийя или я будем вознаграждены лишь потому, что Бог, образно говоря, этого пожелал?

Где здесь честность или справедливость?

Пьяные крики, доносящиеся снизу, раздаются потому, что они есть. Равным образом ни я, ни Рабийя не можем заявлять, что в чем-то превосходим других.

А где здесь честность и справедливость?

Рабийя должна была сказать мне, что все это — Божья воля. Когда-нибудь, если я достигну определенного уровня духовного развития, я смогу понять его волю. А если не смогу, то мне суждено остаться одним из тех обреченных и несчастных людей, что заполняли Землю, а ныне заполняют этот мир.

С другой стороны, скажет она, каждый из нас способен добиться единения с Богом. Если Бог того пожелает.

И тут моя неустанная возня с прибором активировала его. Из утолщений на обоих его концах вырвались зеленые лучи, изогнувшись — выходит, это не настоящий свет, — и соединились в двенадцати футах за моей спиной. В месте их соприкосновения возникло лицо мужчины. Оно было огромным и хмурым, а слова казались угрожающими. Через несколько минут, которые я просидел неподвижно, словно загипнотизированный доктором Месмером, тираду мужчины прервал женский голос — очень приятный и успокаивающий, но немного напряженный. Еще через пару минут разгневанное лицо мужчины расслабилось. Вскоре он улыбнулся, и тут изображение погасло.

Я вздохнул. И задумался над тем, что все это значило. Быть может, эта сцена предназначалась для меня и имела некий особый смысл? Но как такое может быть?

Услышав голос Рабийи, я вздрогнул. И, обернувшись, поднялся. Ее лицо казалось суровым в ярком свете звезд. За ее спиной стоял Хаворник.

— Я видела, я слышала, — сказала она. — Теперь я понимаю, куда влечет тебя этот прибор. И ты размышляешь, не последовать ли тебе за тайной, предложенной этой машиной, вместо Тайны, предложенной Богом. Ничего у тебя не выйдет. Настало время выбирать между Артефактом и Господом. Немедленно!

Я долго колебался, а Рабийя стояла неподвижно, не дрогнув ни лицом, ни телом. Потом я протянул ей прибор. Она взяла его и передала Хаворнику.

— Возьми это и закопай там, где он не найдет, — велела она. — Для нас это ценности не представляет.

— Я сделаю так прямо сейчас, госпожа, — ответил богемец.

И он скрылся в кустах. Но на рассвете, когда я бродил в одиночестве по краю обрыва, измотанный недосыпанием и гадая о том, правильный ли я сделал выбор, я увидел Хаворника. Он спускался вниз через расщелину, через которую мы все когда-то попали в этот мирок над большим миром. К спине у него был приторочен грааль, а Артефакт болтался на груди, привязанный волосяной веревкой.

— Хаворник! — закричал я, подбежал к краю обрыва и заглянул вниз.

Он не успел еще спуститься далеко. Когда он задрал голову, я увидел его широко распахнутые шальные глаза и широкую улыбку.

— Возвращайся, или я сброшу на тебя камень! — крикнул я.

— Нет, не сбросишь! — крикнул он в ответ. — Ты же выбрал Бога! А я выбрал машину! Она реальна! Ее можно пощупать, у нее есть предназначение, и она сможет ответить на мои вопросы. Она, а не то вымышленное существо, в существование которого я на какое-то время поверил, доверившись словам Рабийи! Для тебя же этот предмет ценности не имеет! Или ты передумал?

Я не знал, как поступить. Я мог спуститься следом за ним и отобрать у него Артефакт. Мне страстно хотелось вновь завладеть им; ощущение потери терзало меня неимоверно. Я поторопился с решением, потому что не сумел рассуждать здраво, ошеломленный присутствием Рабийи.

Долгое время я стоял, глядя вниз на Хаворника и Артефакт. Не исключено, что мне придется его убить, чтобы отобрать у него прибор. И тогда я окажусь среди множества других людей, которые тоже возжелают Артефакт и убьют меня, если смогут.

«Убийство ради материальных предметов или идеи есть зло, — не раз говорила мне Рабийя. — Оно несовместимо с Путем».

Я боролся с собой, как боролся Иаков с ангелом у подножия лестницы. Борьба шла неравная, трудная и отчаянная.

А потом я крикнул Хаворнику:

— Ты еще пожалеешь о таком выборе. Но я желаю тебе удачи в поиске ответов на твои вопросы! Потому что это и мои вопросы!

Я обернулся и вздрогнул. В десяти футах от меня стояла Рабийя. Она не произнесла ни слова, потому что не хотела повлиять на мое решение. Я, и только я должен был сделать выбор.

Я ожидал от нее похвалы. Но ошибся.

— У нас много работы, — сказала она и пошла к нашему лагерю.

Я последовал за ней.

Содержание

От издательства	5
МИР РЕКИ	
Река вечности, роман, перевод С. Трофимова, И. Васильевой	7
Мир Реки, повесть, перевод И. Зивьевой	191
Вверх по светлой реке, рассказ, перевод А. Нефедова	283
Кода, рассказ, перевод А. Нефедова	320

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

Собрание фантастических произведений

Том десятый

Составитель *Д. Смушкович*

Редактор *М. Проворова*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина,*

И. Лаздина

Оператор компьютерной верстки *Н. Амосова*

Оформление обложки: *М. Герасимов*

Оформление шмунтитулов: *М. Ермаков*

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 16.10.96. Формат 84×108¹/32.

Гарнитура Антиква. Печать высокая.

Усл. печ. л. 17,64. Тираж 12 000 экз.

Заказ № 2659. С 159.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, а/я 22.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени

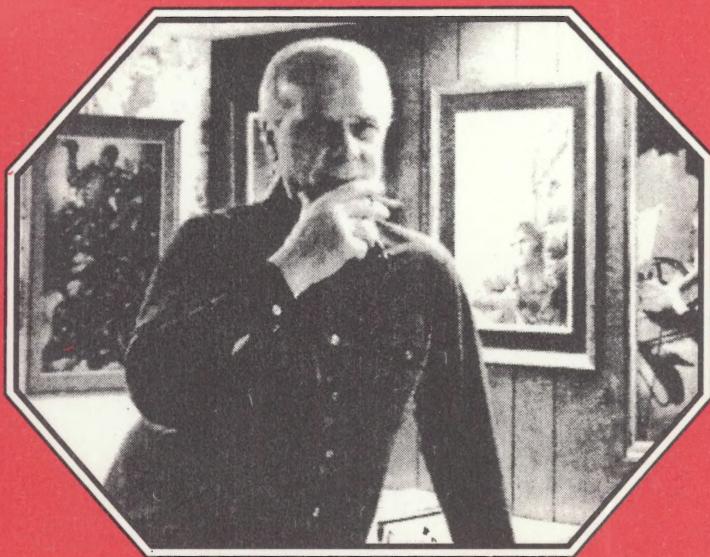
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР

Комитета Российской Федерации по печати.

170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

The image consists of a repeating pattern of the text 'ФИЛИППА ФАРМЕР' in a stylized font, rotated 45 degrees. The text is composed of two colors: red for 'ФИЛИППА' and blue for 'ФАРМЕР'. The pattern is arranged in a grid-like fashion across the entire image area.

Река вечности

Снова становится полем битвы долина бесконечной Реки. А самые выдающиеся деятели истории, скрывшись под псевдонимами, пытаются тем временем раскрыть тайну дарованной людям второй жизни.

Мир Реки

И вновь воскресший Иешуа из Назарета ходит среди людей. И вновь его ожидает предательство со стороны тех, кто на словах поклоняется ему.

Рассказы

Патафизика — это наука мнимых решений, наука исключений из правил. Но какие еще решения годятся в расплывчатом и зыбком Мире Реки?

